

РОССИЯ

ИСТОРИЯ
В РОМАНАХ

РОССИЯ

ИСТОРИЯ В РОМАНАХ
ВРЕМЯ ПРАВЛЕНИЯ ЕКАТЕРИНЫ II

Руфим Гордин

ШЕСТВИЕ ИМПЕРАТРИЦЫ,
ИЛИ ВОРОТА В ВИЗАНТИЮ

Руфим Гордин

ШЕСТВИЕ ИМПЕРАТРИЦЫ,
ИЛИ ВОРОТА В
ВИЗАНТИЮ

РУССКАЯ
ИСТОРИЯ
ВРОЖАХ

РУССКАЯ

ИСТОРИЯ В РОМАНАХ

ВРЕМЯ ПРАВЛЕНИЯ ЕКАТЕРИНЫ II

ВРЕМЯ ПРАВЛЕНИЯ ЕКАТЕРИНЫ II

Руфим Иордкин

ШЕСТВИЕ
ИМПЕРАТРИЦЫ,
ИЛИ ВОРОТА
В ВИЗАНТИЮ

Издательский проект
·РОССИЯ·

ВРЕМЯ

ИСТОРИЯ В РОМАНАХ

ВРЕМЯ ПРАВЛЕНИЯ ЕКАТЕРИНЫ II

Москва
АРМАДА
1998

Руфим Гордин

**ШЕСТВИЕ
ИМПЕРАТРИЦЫ,
ИЛИ
ВОРОТА
В ВИЗАНТИЮ**

*Роман о предначертанном,
но несбывшемся*

Москва
АРМАДА
1998

УДК 82-311.6(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-44я5
Г 68

Оформление серии
В. И. Харламова

Художник
Ю. В. Иванов

ISBN 5-7632-0674-6

© Гордин Р. Р., 1998
© Сост., художественное оформление,
АРМАДА, 1998

ЧИТАТЕЛЮ

ШЕСТВИЕ ИМПЕРАТРИЦЫ — это год 1787-й, вместивший в себя многое, год — зеркало царствования Екатерины II, уже Великой, и год торжества России, прочно утвердившейся наконец на берегах Черного моря по завету Великого Петра. Это год Тавриды, год открытия Севастополя, Херсона, Николаева, Екатеринослава, год создания Черноморского флота. И год, открывший единоверным народам Болгарии, Греции, Валахии, Молдавии, Сербии, вассалам Османской Турции дорогу к государственности.

Но было и **ПРЕДШЕСТВИЕ**. О нем — в «Голосах». О нем, ушедшем в глубь веков, — в отрывках под общим заголовком «Сквозь магический кристалл...».

Эта книга — о шагах к дерзновенной мечте. Ее действующие лица, ее герои так или иначе остались в истории, равно и события, разворачивающиеся на ее страницах.

Достоверность — вот мой неизменный девиз.

Автор

СКВОЗЬ МАГИЧЕСКИЙ КРИСТАЛЛ...

В е т в ь п е р в а я: сентябрь 1451 года

...И, прослышав о воцарении молодого султана Мехмеда II, сына Мурада, некогда могущественного среди владык подлунного мира, да пребудет он вечно в благоуханных садах Аллаха, в Эдирне-Адрианополь, новую столицу султанов, потекли посольства государей стран Запада.

Первым прибыло посольство императора Византии Константина XI, благо от его столицы Константинополя до столицы османов было всего-то два дня пути.

Новый султанский дворец неторопливо строился, и Мехмед принимал послов в старом, где не было ни просторных покоев, ни пышности и во всем царил аскетический дух прежнего владыки Мурада.

Послы Константина были полны смутных надежд. О девятнадцатилетнем султানে шла недобрая молва. Говорили, он жесток, своеволен и надменен. Не таким был его отец — просвещенный и милосердный государь, благосклонно относившийся к иноверцам, к Византии. Будет ли молодой султан столь же благосклонен? Говорят, отец не слишком жаловал его, и он рос дичком. И только на закате своих дней спохватился и повелел приставить к дичку достойных пестователей, дабы голова его была полна знаний о мире и правлении.

Наставники его выучили наукам и исламской мудрости, он усвоил языки некоторых подвластных народов — греческий и арабский, персидский и латинский, древнееврейский и армянский.

Но науки не всегда умягчают сердце — такое сердце. И он оставался своенравен и жесток. Говорили, его опасается великий везир Халил, сподвижник отца, его друг и единомышленник, главный пестователь наследника. Мехмед говорил ему: «Учитель...»

Учитель, повторяю, опасался ученика. А ученик пока что упивался доставшейся ему безграничной властью, полной и никем не стесняемой.

Он был щедр на посулы, ведь посулы ничего не стоили. Особенно те, которыми он одарял неверных. Аллах заповедал: обман неверных, тех, которые не уверовали, — святое дело. Если бы неверные прониклись истинами, заключенными в священной книге мусульман Коране, то стали бы осмотрительней и наверняка обратились бы в истинную веру.

И когда послы императора Константина распростерлись пред ним ниц, он поднял их. И проговорил голосом звучным и ясным:

— Город ваш почитаем нами, и мы воздаем должное владыке Константину...

Послы осмелились наконец поднять глаза, дабы взглянуть на выражение лица повелителя правоверных. Оно было бесстрастным, тонкие губы, крупный нос и глаза, глядевшие поверх них, — все было жестким и холодным.

Мехмед продолжал:

— Я удостоверяю, что столица Константина может пребывать в безопасности. Я подтверждаю это, возложив руку на Коран.

С этими словами он левой рукою прикрыл позлащенную книгу, покоившуюся пред ним на подушке. И пробормотал невнятно нечто, похожее на обещание:

— Еще мы согласны выплачивать ежегодно три тысячи аспр на содержание нашего брата принца Орхана. Пусть он будет надежен относительно наших намерений...

Это стало полной неожиданностью и заставило послов распрявиться. Ведь принц Орхан, укрывшийся в Константинополе, был главным претендентом на престол османов. Если Мехмед столь умягчился, то... то это могло значить, что либо он уверен в незыблемости своей власти, либо такой мерой выказывает свое презрение к отступнику, а может, то и другое вместе. В любом случае это казалось им добрым знаком. Но более всего — клятва на Коране.

Восседавший ниже султана великий везир Халил одобрительно качал головой при каждом слове своего повелителя. Да, так поступил бы и покойный султан Мурад — да пребудет он вечно в памяти и молитвах правоверных, — великий и непобедимый пра-

витель, светоч мудрости и знаний, грозный воин Аллаха, его повелитель и друг, высокий друг. Он оказывал покровительство императору Константину, сильный и могучий — слабому и немощному.

Величие Византии было все в прошлом. Воины Аллаха потеснили ее. Пощаженной осталась лишь одна столица. Да, Константинополь — все, что оставалось от некогда грозной империи, диктовавшей свою волю народам Европы и Азии. Да и сама столица усохла. Когда-то самый многолюдный город на всем Востоке, он ныне пребывал в упадке и запустении.

Послы Константина, пятась, покинули залу, давая место другим. Они были удовлетворены: султан поклялся обеспечить безопасность Константинополя, это было главное.

Император Константин выслушал их с приветливым лицом. Ему казалось: главное достигнуто. Но чем долее он размышлял, тем более червь сомнения точил его душу.

— Можно ли верить клятве Мехмеда? — спросил он на совете.

— Нет! — тотчас воскликнул патриарх Григорий.

— Нет, нет и нет, — в один голос отозвались остальные министры его правительства.

— Как же нам поступить?

— Готовиться к войне и просить помощи у единоверцев на Западе, — отвечал за всех секретарь и наперсник императора Франдзис.

Глава первая

НЕТЕРПЕНИЕ

Я желаю и хочу лишь блага той стране, в которую привел меня Господь. Он мне в том свидетель. Слава страны создает мою славу. Вот мое правило; я буду счастлива, если мои мысли могут сему способствовать.

Екатерина II

Г о л о с а

Всемилоостивейшая Государыня! Готовясь теперь к открытию области Таврической, повергаю к освященным Вашего Императорского Величества стопам мои усерднейшие мнения о установлении сей области.

...Из разных мест выписал я колонистов, знающих экономию во всех частях, дабы они служили примером тамошним жителям. Но сия пространная и изобильнейшая земля в России не имеет еще и десятой доли жителей по ея пропорции, и для того я осмеливаюсь всеподданнейше просить о подаянии следующих к населению способов:

1. Дьячков заштатных, которых Синод отдаст на поселение, позволить перевезти на места тою суммою, что была назначена для переселения татар; из сих денег употребится и на обселение ставропольских калмык. Помянутые дьячки имеют быть военными поселенцами. Из сего выйдет двойная польза, ибо получатся и хлебопашцы и милиция, которая вся обратится в регулярные казацкие сотни и будет неисчерпаемым источником воинов...

2. Дозволить всем старообрядцам, которые переселятся на места, лежащие между Днепром и Перекопом... отправлять служение по старопечатным книгам.

3. Пошлинный сбор в самом полуострове столь мал с привозных товаров, что едва достанет на содержание страны. Если бы было благоугодно... оный с Таврического полуострова совсем снять, то сим сократится стража и привлеклись бы многие жители из-за границы.

Потемкин — Екатерине II

Замешательства крымские еще поныне не успокоились... Сии, хотя не люди, умеют, однако же, из всякого случая делать нам пакость...

Румянцев-Задунайский — Потемкину

...греков призывать, желающих поселиться в Керчи и Еникале с семействами их, на иждивении нашем и наших кораблях, здания храмов и дома строить за счет казны...

Потемкин — Ал. Орлову

Сиятельнейший Калга султан Шахин-Гирей, мой почтеннейший приятель! Я имел сугубое удовольствие получить два всеприятнейших ваши письма, которыми вы меня почтить восхотели, и в оных найти выражение сантиментов вашего сиятельства... Ваше сиятельство, учреждая все поступки и деяния ваши к достижению прямого благоденствия народов татарских, без сомнения, тем удовлетворяете обязательствам двух Империй по последнему мирному меж ними договору...

Румянцев-Задунайский — Шахин-Гирею, последнему хану Крыма

...По прилежному обозрению нашлось, что нужнейшие места к укреплению в Тавриде есть следующие:

Главная и одна только крепость должна быть Севастополь при гавани того же имени, которой описание и сметы у сего прилагаются... Прочие места, Кёзлов, что ныне Евпатория, где обновить только старый замок с небольшими наружными укреплениями... В Феодосии возобновить строение городское и приморскую сторону ограничить батареями...

...Рассматривая пользу сего места (Севастополя), находим мы, что по близкому его к турецким берегам положению оно весьма способно содержать в страхе все прилегающие селения, прикрывать наши торги и подвозы... тревожить купеческие неприятеля суда по всему Черному морю и самые его военные флоты встречать можно почти при самом их выступлении из Константинопольского пролива. Сие пристанище вместить может самые многочисленные флоты. Воздух в сем месте благорастворенный, и жаркие летние дни прохлаждаются морскими ветрами; земля в окрестностях тучная, как и во всем пространстве Таврической области; камень для строения находится в самой близости, также и в лесе, для сожжения извести, кирпича и черепицы недостатка быть не может...

На построение по сему чертежу потребно денег 4628474 р. 37 1/4 коп. Времени 10 лет, из которых первый год употребится на приготовление к работе и доставление нужных припасов. Рабочих солдат и матросов, чтобы все строение совершить в положенное время, требуется ежедневно до 3000 человек. Мастеровых, как-то каменщиков, плотников и прочих, до 500 человек...

Из всеподданнейшего доклада Потемкина

О школе для малолетних, где бы не токмо первоначальные, но и вышняя науки, на Греческом, Российском, Татарском и Итальянском языках все нужное преподавалось с таким разли-

чием, чтоб сироты и бедных отцов дети обучались на казенном коште; о больнице с аптекою, где также сирых и дряблых заслуженных людей пользоваться безденежно...

Ордер Потемкина Азовскому губернатору Черткову

Колоколец, дергаемый сильной рукой, тренькал с непривычной настойчивостью: дон-дон-дон-дин-дин-дин!

Камер-фрау Марья Саввишна Перекусихина, дремавшая в своем углу, встрепенулась.

«Гневается, — подумала, — истинно так...»

— Иду, иду, иду, — отозвалась она, и это под высокими сводами родило слабый отзвук: ду-ду-ду-у...

— Ну?! — Государыня шла ей навстречу.

Перекусихина опешила.

— Неповинна я, — пробормотала она привычно.

Екатерина усмехнулась.

— Знаю, что неповинна. Доколе ждать? Ну? Который раз посылаю за ответом, а ответа нет.

— Не серчай, матушка-государыня, — она уже догадывалась, о чем речь, — ответ беспрременно будет. Не могут их высочества не убоготворить свою повелительницу и благодетельницу.

— Могут! — Екатерина рубанула пухлой рукой. — Они все могут. Нет в них ни трепета, ни благоговенья — одно перекорство. Павел, тот главный перекорщик, а Марья ему вторит.

— Послать нешто к ним его превосходительство дежурного генерал-лейтенанта графа Чернышова, — не то спросила, не то утвердила Марья Саввишна. — Уж больно он говорлив да настойчив.

Екатерина на мгновение задумалась.

— Пожалуй, ты права. Напишу-ка я записку. — Она торопливо присела к столу и начертала несколько строк.

— Да, ты на письме востра, государыня-матушка, — напиши так, чтоб их слеза прошибла.

— Вот, снеси к его сиятельству, и пусть тотчас едет. Я им тут написала, что каждый день промедления обходится казне в двенадцать тысяч рублей. Штат собран, люди который день ждут отъезда... Ну да граф знает, как все выразить.

— Двенадцать тыщ! — всплеснула руками Перекусихина. — Кто считал-то?

— Генерал-прокурор князь Вяземский. Это его люди сочли.

— Всамделе? Эдакая прорва людей да лошадей! И все, прости Господи, жрать просят, — со своей обычной непосредственностью, за которую так любила ее Екатерина, отозвалась Марья Саввишна.

В самом деле, тысячи, десятки тысяч людей, лошадей, карет и возков ждали сигнала к ш е с т в и ю. К шествию государыни

императрицы Екатерины Великой во главе многочисленной свиты в новоприобретенные области Российской империи, в прекрасную Тавриду. А сигнала все не было.

Причина замедления была введена считанным людям из ближайшего окружения. Ее императорское величество возжелало, дабы ее сопровождали внуки — десятилетний Александр и восьмилетний Константин.

Нет, это была вовсе не прихоть. Им, а особенно Константину, предназначалось великое будущее. Дитя вкушало молоко кормилицы-гречанки, учителя и наставники-греки окружали его с младенческой поры, дабы вошло и проросло в нем семя высокое. Ибо с малолетства сияла над ним корона императора Византии. Той Византии, которая была некогда светочем христианского мира, оплотом православия, могущественной империей Востока.

Византию, откуда православие пришло на Русь, вероломно поработили турки-османы. В своем захватническом порыве они завоевали весь юго-восток Европы, сея смерть и кровь, неся рабское ярмо миллионам христиан поработенных стран.

Александр и Константину следовало проделать первую половину пути в Византию. Придет время, и этот путь станет для них триумфальным. Они проделают его под ликующие возгласы не только россиян, но и греков, сербов, молдаван, валахов, болгар, черногорцев в освобожденной столице новой Византии — Константинополе, сбросившем путы османского ига.

Внуки обязаны проделать с нею первую часть этого пути! Они должны впитать в себя обаяние бескрайних пространств империи, жаркий и ароматный дух южных степей, вдохнуть соленый ветер Черного моря. Там, за ним — Византия...

Удивительна метаморфоза принцессы захудалого рода Софии-Фредерики-Августы, в святом Крещении Екатерины Алексеевны. Она стала более русской, нежели представители старинных российских титулованных родов — Долгоруковых, Голицыных, Салтыковых и других. Пуще их блюла она русские обычаи, усердней их молилась пред святыми иконами, ревностней радела за интерес России, горячей — за ее могущество.

Что это было? Природный артистизм? Переменчивость? Или желание во что бы то ни стало срастись с народом той страны, которую она волею прихотливого случая незаконно возглавила? Боязнь потерять престол? Или все это вместе взятое...

Она была несомненно талантлива. На диво трудолюбива: оставила потомкам эпистолярное и литературное наследие, не говоря уж о бумагах деловых, управленческих. В них виден, кроме всего прочего, природный ум и здравый смысл.

Ее отличала игра воображения, свойственная всем аристократическим натурам. Она, например, воображала, будто каждая крестьянская семья в состоянии иметь на обед курицу, и всерьез

уверяла в этом своих зарубежных корреспондентов — Вольтера, Гримма, Дидро, госпожу Бьелке. Она полагала, что народ в империи благоденствует под ее скипетром, и ничто не могло разубедить ее в этом.

Нынешний год — год двадцатипятилетия ее правления. Она собиралась обозреть его плоды в полном смысле слова — о б о з р е т ь, то бишь увидеть своими очами благоденствие в новоприобретенных землях империи. И в новой ее жемчужине — Тавриде, бескровно вправленной в корону России трудом и талантом Потемкина — первого среди ее верных слуг.

Все было приуготовлено к торжественному шествию императрицы в южные пределы: не одни лишь путевые дворцы, но целые города с храмами, присутственными местами и домами обывателей. О прочем — триумфальных арках, собраниях принаряженных поселян, музыке — и говорить нечего. Шествие должно было обратиться во всенародное празднество.

Но — без великокняжеской четы. Единственный законный (а были и незаконные) сын и наследник Павел и его супруга — устранены. Отчуждение, начавшееся с воцарением Екатерины, росло год от года. Царевичу внушали: мать похитила у него корону, царствовать должно ему. Мать видела в нем соперника и сторонилась его.

Но маленькие царевичи... Екатерина обожала своих внуков. Они были отняты от родителей, и царственная бабушка с увлечением занималась их воспитанием. Ее кумиром был старший — Александр.

Теперь она досадовала: отпустила внуков в Павловск, там они схватили простудную лихорадку — еще бы, недосмотрели, т а м не до мальчиков, — и уж который день дожидается их возвращения.

Переговоры доселе ни к чему не привели. Мать их, великая княгиня Мария Федоровна, до замужества принцесса Вюртембергская, отписывалась: дети-де слабы, не оправились от хвори, опасно везти их в столь долгое путешествие. Не менее полугода в дороге!

Вот и хорошо, вот и славно, отвечала Екатерина, смиряя себя, мальчики увидят мир взамен постылого дворцового круговращения. А она сумеет их уберечь, еще бы!

Засим последовало долгое молчание. Павловск словно бы застался, государыня тож выжидала. Ехать к ним на поклон? Еще чего!

Это был тот случай, когда она не могла топнуть ногой, повелеть, послать чиновничью либо гвардейскую свору с приказом: употребить силу.

Ее власть, власть российской императрицы, не распространялась на Павловск. То была империя в империи, государство в государстве. И она более всего опасалась бунта. Упаси Бог!

Народ оказывал Павлу почести ровно государю императору. Он заранее воздвигал наследнику трон. Как бы она ни была милостива, сколько бы послаблений ни делалось — все едино. Она была немка. С немцами же связывались всяческие беды и утеснения.

А Павел-то? Будто он не был немцем! Разве что единые капли русской крови примешались в нем. А так Романовы давно перестали быть таковыми — со времен Петра Великого. Петр изрядно потрудился, дабы Россию онемечить: сам оженился на лютерке и дочь свою выдал за немецкого принца. Он-то и положил всему начало.

Редко, очень редко, но случалось, Екатерину охватывало чувство обиды и бессилия. Так было и на этот раз. Ей казалось, что ни в ком нету благодарности, кругом одна враждебность и интриги, все только и ждут... Она не домысливала: «смерти», но слово это являлось помимо воли. Хотят Павла, не ведая бед, кои сулит его правление. Но она откажет престол не ему, а своему любимцу Сашеньке, Александру.

В свои пятьдесят восемь лет она чувствовала себя еще в силе. И ее последний любовник — воспитанник, как она говаривала о своих фаворитах, — Александр Дмитриев-Мамонов, был на тридцать лет ее моложе. В его объятиях она чувствовала себя ему ровнею. И он верноподданно уверял ее в том. За что был жалован графским титулом и в общей сложности получил 880 тысяч рублей наградных...

Она ждала — ничего другого не оставалось. Хотя прежде никто не осмеливался заставлять ее ждать.

Наконец из Павловска возвратился дежурный генерал-адъютант граф Чернышов. Он привез письмо от Павла. Оно дышало холодом.

«Государыня-матушка. Мы получили всемилостивейшее послание Вашего Императорского Величества, на что всеподданнейше отвечаем, что сами к Вам будем и об интересующем Вас предмете потрактуем...»

Все было: конверт с вензелем Павла, где в витиеватое «П» словно бы нарочито вплелась римская единичка, сургучная печать, подпись... Екатерина не сдержалась — топнула ногой, скомкала послание и швырнула комок в огонь. Он тотчас вспыхнул и, затрепетав крылышками серой золы, порхнул в дымоход.

Опять ждать — теперь уже сына. Она избегала называть его наследником, ибо, как мы знаем, так не мыслила. Свидание с Павлом всякий раз было ей неприятно. Да и чего ожидать от него? О чем им трактовать? Она уже поняла, что ее ждет отказ.

Как ни старалась Екатерина оберечь себя от неприятных эмоций, ибо знала, что они-то и старят женщину, те время от времени настигали ее. И все чаще — из Павловска. С Павловском же ей

было никак не сладить, и это бесило ее. Она старалась отвлечься, забыться, придумывала себе развлечения, но эта кость стояла в горле. И извлечь ее было невозможно. Терпеть, терпеть, только терпеть, усовещивала она себя.

В ожидании визита сына она отправилась в Царское Село. Ни в Зимнем, ни в Царском она не изменяла своему распорядку. Пробуждалась в шесть утра, и тотчас вместе с нею, словно их сердца бились в унисон, пробуждалось почивавшее в нарядной корзине рядом с ложем государыни «семейство Андерсон» и наперебой торопилось выразить своей госпоже, повизгивая и подпрыгивая, верноподданнические чувства. То были английские левретки — стойкая привязанность Екатерины.

В 1770 году императрица, желая показать пример своим подданным, решила первой привить себе оспу, эпидемии которой то и дело вспыхивали в России, кося и уродуя людей. Из Лондона прибыл с этой целью доктор Димсдейл — один из пионеров оспопрививания в Европе. Он-то и привез Екатерине пару очаровательных левреток.

С той поры потомство «сэра Андерсона» появилось в большинстве великосветских гостиных — государыня этому способствовала. Собачки сопровождали ее на прогулках, вертелись у нее в ногах, когда она сидела за письменным столом, и вообще стали непременным спутником ее дней.

После короткой церемонии умывания и одевания с помощью неизменной Марьи Саввишны Перекусихиной Екатерина переходит в свой кабинет. Там уже дымится чашка крепчайшего кофе.

После завтрака — два часа занятий. Обычно это переписка. Среди ее адресатов — барон Гримм (этот чаще всего), Вольтер, до своей кончины в 1778 году, и Дидро, почивший шестью годами позже. Оба были предметом неустанного попечения Екатерины и заботы об их благосостоянии: Екатерина щедро заплатила обоим за их библиотеки.

Затем наступает время докладов. Первым — петербургский полицмейстер, за ним личный секретарь императрицы, министры, вельможи. Она внимательно выслушивает каждого, приветлива со всеми, даже если визитер принес худые новости.

День заполнен до отказа: приемами сановников, послов, разбор иностранной почты. Секретарь зачитывал государыне перлюстрированные письма дипломатов и некоторых лиц, которые возбуждали подозрение. Перлюстрация была в обычае, и Екатерина относилась с нескрываемым интересом к содержанию писем. «Прежде всего я женщина, — говорила она, — и не чужда любопытства. Иной раз не мешает заглянуть в замочную скважину — это в моих интересах: политических и личных». Однако об этом интересе государыни знали только ее личный секретарь и глава Тайной канцелярии Шешковский.

...В полдень ей доложили, что приехал великий князь Павел Петрович.

— Ступайте все. Я хочу говорить с ним наедине,— распорядилась Екатерина.

Павел вошел быстрыми шагами, тонкие губы раздвинула нарочитая улыбка.

— Желаю здравствовать, государыня-матушка,— произнес он своим скрипучим голосом.— Пожалуйте ручку.

Он приложился к руке: губы были холодны и сухи.

— Как здоровье супруги? — торопливо произнесла Екатерина.— А дети, здоровы ли?

— Супруга здорова, слава Богу, она вся в заботах о детях, а потому не могла прибыть вместе со мною. Что касается мальчиков, то они еще не оправились после болезни. Было бы неосмотрительно и даже опасно везти их в столь долгий вояж. О чем, впрочем, я отписал вашему величеству.

— Полагаю, их состояние не столь тяжко, любезный сын.— Екатерина старалась сдержать раздражение, и тон ее можно было счесть участливым и даже сердечным. Она была превосходной лицедейкой и на театре имела бы несомненный успех. Меж тем внутри у нее все кипело.

Помолчали. Сделав над собою усилие, Екатерина как можно мягче произнесла:

— Вы знаете, любезный сын, какова важность моего путешествия в южные пределы империи. Не обозрения ради предпринимаю я его, не любопытство мною движет. Сие есть акт политический, да. Прежде всего, его цель — показать государям сопредельных стран силу и мощь России, ее естественное движение на юг...

При последних словах дверь растворилась и вошел фаворит Александр Дмитриев-Мамонов.

— Ах, пардон! — воскликнул он.— Я думал, ваше величество одне. Простите, тысячу раз простите.

Фавориту разрешалось все. В том числе явление без доклада. Но на этот раз Екатерина проговорила рассерженно:

— Ваше вторжение неуместно, Саша. Прошу покинуть нас немедленно. У нас семейный разговор.

Мамонов, кланяясь, удалился, плотно притворив за собой дверь.

— Продолжу. Известно вам, любезный сын, сколь великий план выношен нами. Оттоманская империя — колосс на глиняных ногах. Об этом писал еще князь Дмитрий Кантемир в своем сочинении «История возвышения и упадка Оттоманской империи». Князь был великим знатоком положения: он был почти что турок, вырос в Царьграде и был у нехристей в чести, так как изучил мусульманский закон лучше, чем их собственные законники, все эти улемы и муллы.

Кантемир вспомнился Екатерине еще и потому, что его потомок, гвардейский офицер, чрезвычайно пригожий, надо прямо сказать, стал упрямо домогаться милостей государыни. Екатерина не разрешила наказывать его, но повелела «привести в чувство». Начальники привели в чувство — сослали в Тамбов. Впрочем, предок шалуна был ею почитаем. А его книгу, изданную в Париже по-французски, изучила от корки до корки. В ней князь Кантемир, человек высокой учености, советник Великого Петра, весьма обстоятельно обрисовал пороки турецкой государственности и предрекал скорое падение сей империи, основанной на насилии, гнившей в его времена, гниющей и ныне.

— Турки несправедливо утвердились в Европе, они предали мучительной смерти сотни тысяч христиан, они жируют за счет наших единоверцев на их земле, которую захватили.

Екатерина все более воодушевлялась. То, что она вынашивала вместе с Потемкиным, его идею возрождения колыбели православия Византии, требовало выхода. Она избегала говорить с придворными, даже с близкими ей, на эту тему. Но она, эта идея, жила в ней не утихая; иной раз ей казалось, что возрождение Византии — главная цель ее царствования. Да и светлейший, Гриша, Григорий Александрович, не раз признавался ей, что это и его заветная цель, что он призван Всевышним и своим покровителем Николаем Угодником повести русское войско в поход на Константинополь.

В свои наезды в Петербург Потемкин выговаривался перед нею. Меж них установилась та душевность и единомыслие, которые дороже близости. При всех обстоятельствах и увлечениях ее жизни, он оставался самым близким, если угодно — главным. Ему не было равного среди ее окружения. И когда он впервые стал развивать зреющую в нем мечту, почитая ее осуществление главным своим делом, она тоже зажглась. Ибо была натурой увлекающейся.

Оба видели препятствия на пути к этой цели, но ни тот, ни другая не считали их непреодолимыми. Слабость турок обнаружилась в последней кампании. Фельдмаршал Петр Александрович Румянцев явил ее блистательной победой под Ларгой и Кагулом, где 35-тысячное войско русских на голову разгромило 230-тысячную армию великого везира Халил-паши. То был урок, то было и знамение. Знамение грядущих побед.

Потемкин торопливо шел к ним, обустроявая и укрепляя новоприобретенные земли на юге России. И особенно Тавриду. В коей виделся ему плацдарм для прыжка на Босфор. Севастополь стал его любимым детищем: самою природою он был предназначен стать базой будущего грозного Черноморского флота. Армада российских кораблей, мыслилось ему, через полтора суток окажется у стен Константинополя. И он падет...

Воспоминания прихлынули. Екатерина вскинула голову и, жестко выговаривая слова, произнесла:

— Надеюсь, любезный сын, что вам доведется увидеть сей победный марш. И что тогда вы возразите мне?

Павел тряхнул головой. Он был упрям и себе на уме. Матери хотелось бы укротить его строптивость, но они слишком отдалились друг от друга. Разобщение это началось еще тогда, когда императрица Елизавета отняла у нее младенца и воспитывала его вдали от матери.

Так оно и длилось годы и годы. Павел тяготел к отцу и, когда его не стало, замкнулся в себе. А Екатерине в ту пору было не до него: она утверждалась на престоле, искусно балансируя меж сторонниками и противниками. Это требовало усилий, о которых знала только она сама. Мать и сын разошлись, чтобы уже вовсе не сближаться.

— Я скажу, любезная матушка, что все это прожекты господина Потемкина, который спит и видит себя если не на троне Византии, то уж по крайности на троне Дакии, о коей он усердно распространяется.— Павел говорил, не поднимая глаз, как бы внутренне беря разгон. Затем он поднял глаза, вперил их в Екатерину и проговорил с усмешкою: — Противу сего дерзкого плана восстанут государи Европы, об этом вы не подумали? Короли Франции, Пруссии, да и, может статься, император Иосиф, ваш конфидент.

— С чего это им восставать? — не очень уверенно спросила Екатерина.

— С того, что Порты Оттоманская есть балансир. Противовес то бишь. Дабы ни одна держава не усилилась и блюлось равновесие. Они не так Порты опасаются, как ваших орлов, государыня-матушка,— с усмешкой закончил он.

«Неужто он про Орловых? — подумала она с тревогой.— Это уж совсем из рук вон».

Павел заметил, каково замешалась мать при упоминании об орлах, и несколько позлорадствовал про себя. А вслух сказал:

— Двуглавых орлов поймел я в виду, ваше величество, двуглавых. А вдруг расклюют, как расклевали Польшу?

— Я эти намеки не понимаю,— рассердилась Екатерина.— Равновесие европейское пребудет и без Царьграда. А я вам скажу доверительно: император Иосиф при нашем свидании в Могилеве, выслушав меня, весьма одобрительно отнесся. Ведь и ему при этом кус немалый перепадет.

— Король французский Людовик восстанет,— не унимался Павел.— А с ним и король прусский. Нет, ваше величество,— он снова принял почтительный тон,— все это мечтания без основания. Эх, гладко получилось! Великие деньги потребуются для сего дела и великое войско. А ваш Потемкин разорительно дей-

ствуется. Сказывают, хором понастроил в Новороссии неведомо зачем.

— Ведомо! — Екатерина решила свернуть разговор, становившийся ей все более неприятным. — Ведомо, любезный сын. Новые грады в пустынях тех возрастут. Нет, вы мне лучше отвечайте про мальчиков. Я обязана показать им Россию — старую и новую, кою обустривают. Это их Россия, а не один Павловск.

— У нас будут более благоприятные поводы показать им Россию, — угрюмо отвечал Павел. — И более благоприятные обстоятельства.

— Вижу, вы не желаете мне потрафить, любезный сын. Впрочем, любезный ли, — спохватилась Екатерина. — Любезностью с вашей стороны было бы пойти навстречу моему желанию. Которое, я уверена, совпадает с желанием моих внуков. Ведь они так привязаны ко мне!

— Они привязаны и к родителям своим, — не меняя тона, отвечал Павел. — И наш родительский долг оберечь их здравие. Как мне ни неприятно, любезная матушка, ваше величество, но я принужден отклонить вашу просьбу. И позвольте мне откланяться.

— Что ж... — Екатерина поднялась и протянула сыну пухлую руку. — Не скрою: я огорчена. Весьма огорчена вашим упрямством, ибо усматриваю в сем одно лишь упрямство. И более того — желание досадить мне.

— Ваша воля усматривать, наша воля соблюсти родительский долг, — отвечал Павел, едва коснувшись материнской руки губами. — Прощайте же, любезная матушка. Желаю вам доброго пути.

Дверь за ним затворилась. Екатерина осталась стоять. Она была вне себя. Рушился с таким тщанием составленный ею план просвещения внуков. Она заранее предвкушала, как станет показывать им бескрайность будущих владений, отвечать на их многочисленные «почему» и «что это?», радоваться вместе с ними и веселиться так же чисто по-детски, как она умела.

Пропасть между нею и сыном росла. Теперь она стала зияющей, непроходимой, края ее разошлись до предела. Она боялась признаться себе, что возненавидела сына.

Нет, не быть ему наследником, решила она. Наследником будет Сашенька, Александр, любимый внук. Александр первый. Первый в роду Романовых. В династии, поправила она себя. Да, решено. Но как это обосновать?

Она и прежде призадумывалась, но как-то мимолетно, кому оставить престол. Павел был законный наследник, и все тотчас присягнут ему, не дожидаясь завещания. Стало быть, надобно заранее приготовить м н е н и е. Исподволь распустить его — сначала среди ближних. А уж те без ее подталкивания распространят...

Да, надобно серьезное обоснование. Екатерина наморщила лоб. Надлежит посоветоваться с Гришей. Есть еще один надежный

человек — Безбородко. Он и умен, и хитер, и, бесспорно, предан. С ним тоже.

Екатерина тяжело опустилась в кресло. Мысли скакали, перебивая друг друга, и она долго не могла сосредоточиться. Они враги — мать и сын. Было время, когда она всерьез опасалась его. В Павловске были ее шпионы. Они докладывали о каждом шаге великокняжеской четы, о разговорах, кои велись в их обществе.

С течением времени Екатерина убедилась: трон ее незыблем. Она добилась прежде всего любви гвардейских полков, а это означало и любовь подданных. У нее всюду были свои люди, хорошо оплаченные и облагодетельствованные ею. Много давала и перлюстрация: иные персоны наивно полагали, что в письмах-то они могут откровенно высказаться насчет порядков в империи. Напрасные надежды!

Опасность исходила лишь из Павловска, опасен был только Павел, сын и законный наследник. В том-то и беда, что законный. Увы, избежать сей законности представлялось делом трудным, а порою и невозможным.

И все же... Не в таких переплетах побывала она. Выпутается и из этого. Хоть и морщин прибавится, и в мошне убавится... Кабы был сейчас рядом Гриша, князинька, легче было бы распутывать все узлы. Одной-то какво, без родного человека?!

Теплый бок рядом есть. Юный, пригожий, гладкокожий. Тож Саша. Ему всего-то двадцать пять. А образован, а умен... Да любить умеет! Всею статью хорош, а не Гриша. Может и совет подать, да не тот это совет. Молодой, незрелый совет. Нету основательности.

Когда он под боком, она чувствует себя молодой. Моложе на три десятка лет. Ровнею Саше Мамонову. Когда Гриша под боком, она чувствует себя сильной и мудрой. Более уверенности...

Правда, Гриша, случается, капризничает. Находит на него некий туман. Сей туман туманит светлую его голову. Тогда трясина трясина, взывай не взывай — не дозовешься. Запретса в своих хоромах, нечесан, небрит, грызет ногти да глядит в потолок. Лучше его не трогать.

Может, это болезнь такая? Находит на него со всех сторон: снаружи да изнутри. Может, нечто в атмосфере такое, что его отуманивает, а другим нечувствительно? Оттого, что он тоньше да деликатнее других прочих?

Загадку сию разгадать она не в силах. Советовалась с докторами тайно ото всех, взяла с них клятвенное обещание никому ни полслова о предмете сих совещаний. Да что они знают! Пустились в ученые разглагольствования, что-де все дело в физической и духовной материи, что у светлейшего князя был во младенчестве родимчик либо был сильно головкой ушиблен.

Пустое все. А состояние это — великая помеха. Становится он вял, пятится назад, когда надобно с решительностью идти вперед, ломая все препоны.

Приходится тогда взывать к нему, стучать, дабы достучаться, трясти. Ежели с энергичностью добиваться своего — приходит в себя. Тогда снова деятелен, великолепен, мудр. Не-за-ме-ним... Вот уж точно — незаменим. Другого слова не сыщешь.

Она снова вернулась мыслию к Павлу. Досада грызла ее: сын упрям и едва ли не глуп, вылитый отец. Так же самонадеян, вздорен, такой же сумасброд. И эти узкие губы... Глаза неопределенного цвета с выпуклинкой, постоянно расширенные, словно в ожидании чего-то.

Но вот нос... Нос-то не от законного батюшки. Похоже, нос от Сергея Салтыкова. Давний то был грех, но сладкий, как всякий грех. Верно, семя их смешалось, что-то от одного, что-то от другого...

Был еще третий, четвертый, пятый... Мужской деспотизм не разрешает женщине многообразия в любви. Особенно ежели она на вершине власти. Турецкий султан может иметь гарем с сотнями наложниц, французские короли меняют любовниц, притом прилюдно, другие монархи тоже, как слышно, не отличаются постоянством.

А ее, Екатерину, осуждают. Можно ли смирить естество, ежели в нем господствует Женщина? Прежде всего женщина! И женская страсть неодолима. В ней есть нечто такое, что непобедимо. Вряд ли Всевышний осуждает любвеобильное сердце, равно и то, что естественно, что есть высшее наслаждение, которое он же и даровал сынам и дочерям человеческим.

Невзгоды, выпавшие на ее долю в первые годы замужества, приучили ценить радости жизни, из коих едва ли не самая доступная — близость. И те же невзгоды закалили Екатерину. В ней проклюнулись мужские черты: стойкость, мужество, выносливость, умение мгновенно реагировать на опасность и достойно встречать ее. Принц де Линь первый оценил эти черты ее характера. Он был изрядным острословом и окрестил ее Екатерин Великий.

Теперь Екатерин Великий не могла сломить упрямство собственного сына. В нем, как она ни всматривалась, не было ее черт. Упрямство и жесткость — не от нее: она была податлива и мягка в обращении. Не потому ли столь легко завоевывала сердца — мужчин и женщин, вельмож и слуг, венценосцев и простолюдинов.

А вот сердце собственного сына, равно и сердце невестки, было неподатливо. Так и не достучалась — и в этом случае, и почти во всех других.

Что делать, придется ехать без внуков, как это ни огорчительно. Екатерина даже не думала, что отказ родителей отпустить с нею мальчиков причинит такое огорчение, даже боль. С годами она все больше привязывалась к ним, равно и к детям вообще. Она выработала для них собственную систему воспитания, сама отбирала гувернеров, устраивая им придирчивый экзамен, сочиняла сказки и нечто вроде учебников, сама кроила им костюмчики, наконец, увлеченно играла с ними в разные игры...

«Что ж, пройду этот путь одна. С людьми приятными», — думала она.

Чело постепенно разгладилось, глаза посветлели: матушка-государыня долго не кручинилась. В приемную залу вышла со своей неизменной улыбкой, легкой походкою. Такою ее привыкли видеть подданные во все времена. Благосклонно обвела глазами собравшихся, приветствуя их плавным наклоном головы. Подозвала обер-шталмейстера Льва Нарышкина.

— Прикажете быть в полной готовности всем, кому ведать надлежит. Завтра — в путь.

Лев Нарышкин был изрядным острословом, потешал государыню и придворных своими шутками. Не удержался и на этот раз:

— Семейство Андерсон меня не поймет, ваше величество.

Екатерина невольно рассмеялась:

— С ним я уж сама договарюсь.

СКВОЗЬ МАГИЧЕСКИЙ КРИСТАЛЛ...

В е т в ь в т о р а я: апрель 1452 года

...Итак, в субботу 15 апреля тысячи рабочих приступили к возведению крепости на европейском берегу Босфора. Берег этот принадлежал Византии. И император Константин, прослышав о дерзостной вылазке султана, спешно направил ему послов, которым было повелено осудить самовольство.

Мехмед приказал отослать послов без ответа и ускорить возведение крепости. Ее называли Богаз-Кесен, что означает «перерезающая горло». Сомнений не оставалось: султан делал первый шаг к осаде Константинополя.

А что же клятва на Коране? Император Константин решил напомнить султану о ней и заодно задобрить его богатыми дарами. Но Мехмед не принял ни посольство, ни дары. Послов бросили в темницу, а затем отрубили им головы.

Великий везир Халил, старый и осмотрительный человек, понял, что отныне Мехмед закусил удила и пренебрежет его предостережениями. Он становился неуправляем, этот двадцатилетний владыка. Он становился опасен не только для греков, но и для своих верных слуг, которые осмеливались думать иначе, чем он.

Говорят, султан бродил по ночам по улицам Эдирне в одежде простого солдата, обдумывая план захвата Константинополя, и каждого, кто приветствовал его, приказывал предавать смерти. Он был жесток и немилостив, молодой султан. И казни его были бессмысленны, служа лишь устрашению.

В одну из таких ночей он повелел привести к нему великого везира. Халил решил, что дни его сочтены. Он вознес молитву Аллаху, наполнил серебряное блюдо золотыми монетами и на неверных ногах явился пред очи своего повелителя.

— Зачем ты принес мне это золото, учитель? — сердито спросил его Мехмед.

— Если падишах призывает своего раба ночью, значит, раб впал в немилость и должен задобрить его богатыми дарами, — пробормотал Халил.

Мехмед ребром ладони ударил по подносу, и монеты со звоном разлетелись.

— Если бы на этом блюде ты поднес мне главный город греков, вот тогда я бы принял твой дар, учитель. Научи, как мне овладеть им.

— Это опасное дело, великий султан, твой отец, у которого было сердце льва и глаза сокола, отказался от него. Советую и тебе. Ты подвергнешь себя опасности, а государство — разорению.

— Но я решил! — Мехмед сжал кулаки.— И добьюсь своего! Мне нужно твое согласие.

— Я всего лишь твой слуга, о падишах,— слабым голосом отвечал Халил.— Как ты повелишь, так и будет.

— Решено! Я подступлю под стены Константинополя. Я прославлю свое имя и страну мечом ислама, сокрушившим неверных. Созови большой диван, и я объявлю везирам, пашам и кади о своем решении.

И большой диван был созван. И Мехмед произнес на нем пылкую речь. Он сказал, что Константинополь — кость в горле мусульман. И доколе он будет ею, воины ислама будут пребывать в унижении.

— Готовьтесь! Мы сокрушим этот город, и Византия, этот оплот неверных, перестанет существовать. У меня есть глаза и уши в этом городе. Они доносят, что среди неверных нет единства, что они слабы и не могут рассчитывать на помощь единоверцев.

Крепость Богаз-Кесен была закончена в четверг 31 августа 1452 года. Под ее стенами султан Мехмед собрал свое войско. И во главе его двинулся к Константинополю...

Глава вторая

ДОЛГИЕ СНЕЖНЫЕ ВЕРСТЫ

Свобода, душа всего, без тебя все мертво. Я хочу, чтобы повиновались законам, но не рабов. Сделать людей счастливыми — вот моя цель, но вовсе не своенравие, не сумасбродство, не тирания, которые несовместны со свободой.

Екатерина II

Г о л о с а

Прилагая... маршрут Высочайшего Ее Императорского Величества шествия в Тавриду с назначением от некоторых полков быть караулам на станциях, рекомендую вашему сиятельству приказать до Херсона поставить немедленно на каждой ночлежной станции по 60, а на обеденных же по 24 человека рядовых при офицерах с надлежащим числом прочих чинов...

Ордер Потемкина генерал-аншефу князю В. М. Долгорукову

Предписав вам о вооружении всех судов, состоящих в Севастопольской гавани, рекомендую наиточнейшим образом произвести сие в действо. Большая половина назначенных к вам рекрут уже отправилась, и последние скоро идут. Поместите всех оных на суда. Я приказал Севастопольскому полку следовать к Севастополю, по прибытии коего всех в оном состоящих рядовых и прочих нижних чинов переодеть в матросы, дабы в людях на кораблях недостатка быть не могло.

Ордер Потемкина капитану 1-го ранга графу Войновичу

Как о вооруженном на Севастопольском рейде флоте, так и обо всех военных и транспортных судах Черного моря имею счастье Вашему Императорскому Величеству поднести ведомость и о служителях табель...

66-пушечные: «Слава Екатерины», «Святой Павел», «Мария Магдалина». Фрегаты: «Святой Андрей», «Георгий Победоносец», «Скорый», «Стрела», «Перун», «Вестник», «Легкий», «Крым», «Поспешный», «Осторожный», «Почталион»; корабль бомбардирской «Страшной», «Иосиф» (80-пушечный), «Владимир» (66-пушечный), «Александр»...

Всего 47 судов.

Из всеподданнейшего рапорта Потемкина

В подтверждение прежних моих повелений о судах для переправы, рекомендую, чтобы, конечно, оных не меньше было

отделано десяти. Сия отделка состоит в том, чтобы снять колеса, которые на носу, выкрасить их снаружи, тоже и весла, мачты снять, и одно из них отделать богато. На корме большую галерею с крышею сквозною на тонких столбиках сколько можно в азиатском вкусе с диваном из красного сукна для переправы на ту сторону. Прочие же девять все поднять к Бориславу, чтобы они тамо были, конечно, к двадцатому апреля; людей же на оныя испросить у генерал-поручика и кавалера Самойлова.

Ордер Потемкина капитану 1-го ранга Мордвинову

Никогда еще ни при дворе, ни на поприще гражданском или военном не бывало царедворца более великолепного и дикого, министра более предприимчивого и менее трудолюбивого, полководца более храброго и вместе с тем нерешительного. Он представляет собой самую своеобразную личность, потому что в нем непостижимо смешаны были величие и мелочность, лень и деятельность, храбрость и робость, честолюбие и беззаботность... У него было доброе сердце и едкий ум... Этого человека можно было сделать богатым и сильным, но нельзя — счастливым...

Граф Сегюр, французский посол, — о Потемкине

— Ну что? — Екатерина обвела взглядом столпившихся вокруг нее придворных. Одни провожали, другие сопутствовали. Она по обыкновению улыбалась. Улыбка была несколько снисходительной, но доброй. — Едем!

И все направились к кавалькаде. Клубы пара стояли над заиндевевшими мордами лошадей. Возле карет, поставленных на полозья, топталась челядь, держа в руках факелы. Пламя их моталось из стороны в сторону.

— Морозно! — воскликнула государыня.

И все тотчас подхватили:

— Морозно, морозно!

Лев Нарышкин бросился было подсаживать Екатерину. Но она отстранила его, легко поднялась по ступенькам кареты и скользнула внутрь. За нею — Марья Саввишна, как приклеенная. Своей очереди дожидались иностранные министры — французский граф Луи Филипп Сегюр, австрийский тоже граф Людвиг Кобенцль и принц Шарль Жозеф де Линь, отпрыск старинной бельгийской фамилии, коротавший время то во Франции, то в Австрии, а теперь вот в России, впрочем, как полномочный и чрезвычайный посол императора Иосифа.

Спутники торопливо рассаживались по каретам и возкам. Строй их терялся в морозной мгле, которую не мог рассеять колеблющийся свет факелов. В кавалькаде, сопровождавшей им-

ператрицу в ее шествии в южные пределы, было около двух сотен карет и повозок, не считая верховых.

— Экая сила коней! — вздохнул кто-то из провожавших.

— А людей-то, людей, ровно на войну едут!

— Сколь им снеди надобно...

— Да-а-а...

— Государственный поезд...

— Государынин!

Последние повозки растворились во тьме. Где-то там, впереди, пылали, чадая, смоляные бочки, освещая путь. Окна карет покрылись причудливым кружевом инея, и сквозь них ничего нельзя было разглядеть.

Трио послов-любезников было светским развлечением государыни. Они были прекрасными собеседниками, постоянно развлекавшими Екатерину. Беседа велась по-французски, реже — по-немецки. Переходили с языка на язык со светской непринужденностью. А на русский — лишь с русскими, с челядью и куда реже. Ибо в нем не было той занимательной легкости, тех «мо» словец, коими отличались оба европейских языка, из которых безусловно первенствовал французский. Он был любимым языком государыни, большинство своих писем и иных писаний излагала она по-французски.

Язык был звучен, легок и крылат. То был язык боготворимого ею Вольтера, фернейского затворника, язык Дидро, обласканного ею, и язык Монтескье, чей «Дух законов» вдохновил ее «Наказ». Он позволял ей, этот язык, выражать самое сокровенное и возвышенное, что куда хуже удавалось на других языках.

Она постоянно совершенствовала свой русский, почитая это своим священным долгом. У нее были хорошие учителя, и благодаря своей переимчивости она достигла многого. Но он все-таки не стал ей родным, как она того хотела со всею страстностью своей натуры.

Она старалась одушевить себя русским духом. Истово молилась, хотя, по правде говоря, в ее истовости было много напускного, шедшего от артистичности. Простаивала литургии, осеняя себя крестным знаменiem при каждом возгласе священника, но, признаться, все было напоказ.

Что можно было поделаться, коли естество ее, естество художодной немецкой принцессы, было непобедимо. Все европейское оставалось ей куда ближе. И тут ничего нельзя было поделаться, как ни старайся.

— Нам предстоит долгий путь, господа, — нарушила государыня томительную тишину первых минут, прерываемую лишь скрипом полозьев да конским топотом гвардейского эскорта. — Я предоставляю вам выбор развлечений. Надеюсь, вы будете изобретательны и не предложите первым делом карты.

— Буриме,— сказал Сегюр.

— Истории, случившиеся с каждым из нас. Не исключая вас, ваше величество.

— Принимается,— одобрила Екатерина.

— И все-таки карты,— пропел Кобенцль под общий смех.

— Увы, без карт нам не обойтись,— согласилась Екатерина.— Будем играть по маленькой, как у нас повелось. Однако соли, соли не слышу. Нечто оригинальное и забавное...

— Разбор политики европейских монархий,— промолвил Сегюр и вопросительно поглядел на Екатерину.

— Согласна. Но непременно критический,— согласилась она.— И не исключая присутствующих.

— Bravo, ваше величество,— восхитился де Линь и захлопал в ладоши.— Но вам может достаться.

— Вы должны были уже усвоить за все время нашего знакомства, что императрица России не боится критики. И даже,— тут она сделала многозначительную паузу,— даже приветствует ее. Ибо критика — путь к исправлению. А кто из нас без греха? — закончила она со смехом.— Из нас и из вас. Так с чего начнем? Я бы предпочла с вашего предложения, граф Луи. Надобно брать быка за рога.

Граф Сегюр поклонился.

— Я польщен, ваше величество. Однако стоит ли начинать с перца...

— Ха-ха-ха! Bravo, граф,— развеселилась Екатерина.— Я и подсыплю перцу вашему кабинету. Начну с короля. Помяните мое слово, он плохо кончит. Ибо весь ушел в развлечения со своим двором. Я не осуждаю его любовь к прекрасным дамам — это, на мой взгляд, естественная прихоть монарха...

Тут Екатерина замолкла и обвела своих собеседников взглядом. Был ли он лукав или испытующ — трудно было сказать. Казалось все-таки, что ее занимала реакция мужчин. Но они оставались невозмутимы, как полагалось дипломатам высокой выучки.

— Да-с, так вот, по сей причине он ослабил бразды, и оппозиция, по сведениям моих конфиденентов, слишком уж разошлась. И все большую силу берут туркофилы. Ваши офицеры, мсье Сегюр, помогают туркам вооружаться, строить укрепления и вообще открыто готовят их к войне с нами. Но она худо для них кончится, это говорю вам я со всюю ответственностью. И вся эта работа поощряется и Людовиком, и кабинетом, и графом Шуазелем в Константинополе. Хотя, как мне донесли, он больше занят своими учеными занятиями по части археологии. Это правда, граф? — обратилась она к Сегюру.

— Совершеннейшая правда, ваше величество. Тут ваши конфидененты не ошиблись: граф Шуазель-Гуфье помимо своих непосредственных обязанностей посла при Порте Оттоманской

прославился исследованиями Троицы и мест, воспетых Гомером в «Илиаде» и «Одиссее». Время от времени мы с ним переписываемся...

— Мне это известно,— вставила Екатерина.

— Я не сомневался,— сказал Сегюр.— Вашему величеству известно все, что делается в империи.

— И даже за ее пределами, граф,— лукаво заметила Екатерина.— Прошу иметь это в виду и не устраивать заговоров против меня.

— Да кто же осмелится на такое против Северной Минервы,— заговорил принц де Линь.— Для этого нужно обладать необычайной смелостью и столь же высоким положением.

— Представьте себе, принц, что таковые имеются. Притом в моем собственном гнезде. Но мы вступаем на слишком опасную и болезненную стезю,— торопливо закончила Екатерина.— Впрочем, я уверена, что это не составляет для вас тайны, господа. А потому я бы просила вас переменить тему.

— Вы же сами ступили на нее, ваше величество,— сказал до толе молчавший Кобенцль.— Мы всего лишь подголоски. И в данное время даже как бы ваши подданные.

— Согласна.

— Скажите, ваше величество, сколь серьезны ваши планы относительно Турции? Надеюсь, они не составляют секрета, ибо ваш Греческий проект, детище князя Потемкина, стал повсюду в Европе, да и в самой Турции, притчей во языцех,— спросил Сегюр.

— Нет, господа, я не делаю секрета из нашего плана. Но один Господь знает, когда он будет осуществлен. Замечу, что в его осуществлении должны быть заинтересованы все цивилизованные народы Европы, дабы остановить движение варваров на Запад. Слава Богу, мы стали плотиной на пути османов. И даже, как вы знаете, потеснили их с исконно славянских земель. Знаете вы, что единоверные народы — болгары, греки, сербы, молдаване, валахи и другие — лишены своей государственности, порабощены. А теперь я хотела бы узнать от вас ответ, господин Сегюр-паша...

— Сегюр-бей,— хохотнул де Линь.

— Сегюр-бей, точнее, Сегюр-эфенди,— продолжала Екатерина,— справедливо ли это с точки зрения исторической перспективы?

— Я не знаток исторической перспективы, ваше величество,— смиренно отвечал Сегюр.— Пусть о ней порассуждает граф Кобенцль — она ближе к его интересам и империи, которую он представляет.

Кобенцль глубокомысленно нахмурил брови. Ему было что сказать по поводу исторической перспективы. Турки пядь за пядью,

верста за верстой отхватывали имперские земли. Так было во времена минувшие. Османская хватка ослабла, как ослабла и сама империя османов, и австрийцы стали подумывать о реванше.

— Наш император, и это ни для кого не является секретом, полностью разделяет взгляды вашего величества, — заговорил Кобенцль. — Мы отнюдь не против вашего Греческого проекта, да...

Тут он сделал паузу, очевидно решая, стоит ли продолжать, не будет ли преждевременным то, что он скажет. Но, рассудив, что в этом интимном кружке всем все известно, продолжил:

— Более того, сколько мне известно, император Иосиф согласен принять в нем участие. И отнюдь не платоническое.

— О, наш император вполне плотояден, — съязвил де Линь. — Он не вегетарианец.

— Трапезу предположено вести за общим столом, не правда ли, ваше величество? — подхватил Сегюр.

— Как хотите, господа, но это не предмет для иронии и шуток. — Екатерина сделала вид, что сердится. — Я, признаться, полагаю сей проект делом всей моей жизни. А тем более князь Потемкин, его автор и вдохновенный исполнитель. Ведь все, что ныне сотворяется его энергией на вновь приобретенных землях России, так сказать, прелюдия к упомянутому проекту. Надо прочно стать на ноги на этих землях, а более всего в Тавриде, чтобы шагнуть дальше. Уверена, то, что вы увидите на юге империи, заставит вас говорить иначе.

— А что вы, ваше величество, полагаете под выражением «прочно стать на ноги»? — полюбопытствовал де Линь.

— О, это долгий разговор. Эти пустынные земли ждут своих возделывателей и преобразователей. Мы призывали единоверцев со всех концов света. На наш призыв первыми откликнулись сербы и греки. И уже целая область носит название Новой Сербии. Будет у нас и Новая Греция, и Новая Болгария, и Новая Молдавия, и Новая Валахия...

— А Новая Турция, ваше величество? — не удержался де Линь.

Екатерина погрозила ему пальцем:

— Вы, принц, известный шутник.

— В каждой шутке есть доля правды, гласит старая истина, — не унимался принц. — С такой монархиней и с ее деятельными помощниками может сбыться любой, даже самый фантастический проект.

— Вот вы опять иронизируете, а я настроена совершенно серьезно. И вам известно, что я не бросаю слов на ветер. Если Господь смилостивится над нами, то все мы станем свидетелями свершения наших дерзостных проектов.

— Как вы полагаете, сколько времени потребуется на это? — поинтересовался Кобенцль.

Екатерина вздохнула.

— Боюсь, что мы не доживем. Однако думаю, что двадцати лет будет достаточно. Вполне достаточно,— уточнила она.

— Но ведь для этого нужна по меньшей мере трехсоттысячная армия,— сказал Сегюр.— И мощный флот.

— То и другое будет,— убежденно произнесла Екатерина.— Но главное все-таки — достойные предводители. Таковые, вы знаете, у нас есть. Один Суворов чего стоит. Это современный Александр Македонский.

Двадцать лет. Каждый стал мысленно подсчитывать, сколько кому будет через два десятка лет. Императрице — семьдесят восемь. Она старше остальных. Стало быть, вполне реально увидеть плоды нынешних усилий. И российских солдат под стенами Константинополя. И российский флот в бухте Золотой Рог. И российский флаг над Эски-сараям — старым дворцом султана. Будет ли тогда царствовать дряхлый Абдул-Хамид? Вряд ли. И наконец, торжественную литургию во храме Святой Софии, оскверненном турками, устроившими в нем мечеть.

Каждый из собеседников Екатерины, несмотря на ее убежденность, в глубине души считал все это фантастичным. Да, Оттоманская империя ныне — колосс на глиняных ногах, как ни приелось это сравнение. Да, при наличии достаточно сильной армии, подкрепленной с моря столь же сильным флотом, ее не трудно сокрушить. Но позволят ли это европейские державы? Не вмешаются ли они? Если случится такое, то Россия предстанет над всею Европой непобедимым гигантом. Она будет диктовать всем свою волю.

Можно предвидеть сильнейшее противодействие планам российской государыни. Против нее объединятся все, быть может, за исключением Священной Римской империи германской нации, как официально именовалась Австрия, которая зарится на солидный кусок турецкого пирога.

С другой стороны, Потемкин, этот выдающийся сумасброд, с его железной волей и кипучей энергией в те дни, когда на него не нападает приступ хандры, способен сокрушить любое препятствие. Он неостановим в исполнении своих затей. Потемкин моложе своей государыни на целых десять лет. Стало быть, через два десятка лет ему будет шестьдесят восемь. Что ж, это возраст еще деятельный для высокопоставленного государственного человека.

Однако оба — Екатерина и Потемкин — склонны к излишествам разного рода. А излишества, как известно, не способствуют долголетию. Екатерина полагает, что молодые любовники возбуждают молодые силы и обновляют кровь. Может, это и так. Сейчас у нее Александр Дмитриев-Мамонов, или просто Мамонов, Саша. Он пригож, умен, расторопен и неназойлив — ничего не просит. Ему все перепадает от щедрот пятидесятивосьмилетней

любовницы. И графский титул тоже. Когда он поймет, что получать более нечего, что наделен он сверх меры, то заведет роман с молодой фрейлиной.

Четыре года в ее спальне — слишком много, пожалуй. Ее величество знает: свято место пусто не бывает. За преемником дело не станет: выбор велик и разнообразен. Правда, в свои поздние лета государыня стала разборчива, и ей уже не так просто потрафить. Блюдо должно быть по вкусу.

А пока Саша Мамонов царствует в спальне ее величества. Все спальни в путевых дворцах устроены Потемкиным по одному образцу: ложе государыни прикрыто большим сдвигающимся зеркалом, вроде перегородки. А за ним — ложе Саши, Сашеньки. В секрет посвящена лишь Марья Саввишна, камер-фрау, самая ближняя. Зеркало легко отъезжает в сторону.

Потемкин покровительствует Саше Мамонову, это его выдвиженец. И поэтому в каждом письме светлейшему Екатерина неизменно прибавляет: «Саша тебе кланяется».

Князь присвоил себе выбор нового фаворита для государыни, и Екатерина на первых порах подчинилась его желанию, ибо знала: худого не будет. А князю был надобен свой человек в алькове, тот, который не покусится на его значение, а будет предан ему по гроб жизни.

Верный человек был тщательно подготовлен светлейшим к особенностям своего служения на ниве любви. Ему строго-настрого запрещалось быть назойливым, упаси Бог подчеркивать свое значение, как можно реже общаться с придворными, ни в коем случае не отлучаться без дозволения ее величества и по большей части проводить время в отведенных ему покоях.

Порядок был строг: нечто вроде заточения, домашнего ареста. Но все это и вознаграждалось по-царски, вернее, по-императорски. Посему таковая служба не только льстила, но и возносила к знатности и богатству. Ее добивались, норовили попасть на глаза государыне, подольститься, услужить. Но для сего надобно было входить в дворянский круг, быть офицером в одном из гвардейских полков — Преображенском, Семеновском и Измайловском, — несших службу при дворце.

Да, Екатерина была Женщиной с большой буквы. Ее несколько подводил темперамент, особенно в первые годы правления, когда никто не мог стать на пути ее Желания. Годы мало-помалу умеряли его. Но оно не угасало, нет. Только процедура отбора стала еще строже.

Прежде чем попасть в спальню императрицы, кандидата тщательно испытывали на мужественность: как долго он может продержаться на любовном ложе. Первою испытательницей была графиня Прасковия Брюс. К ней он переходил от лейб-медика Роджерсона, свидетельствовавшего, что у него нет никаких фи-

зических изъянов, короче, что он годен к строевой службе по всем статьям.

Прасковия Александровна, урожденная графиня Румянцева, была за генерал-аншефом Яковом Александровичем Брюсом. Она была женщина огненная, а супруг — напротив, холоден и желчен. Императрица сблизилась с ней, когда была великой княгиней. О том, какова была эта близость, говорит посвящение на титульной странице ее «Записок»: «Посвящается другу моему, графине Брюс, рожденной графине Румянцевой, которой могу сказать все, не опасаясь последствий».

Еще бы! В ту пору графиня была посвящена в ее альковные тайны. Обе делились впечатлениями от своих амантов, и вкусы и ощущения их были схожи. Да и были они, можно сказать, ровнею: графиня на два года моложе императрицы. Так что Параша, как кликала ее Екатерина, знала, как потрафить своей подруге, а затем и госпоже.

Три года назад, однако, меж них пробежала черная кошка. В чем было дело, никто не ведал. Графиня была отлучена от своих обязанностей. Это столь сильно потрясло ее, что год назад она померла.

Ее место заступила камер-фрейлина Анна Степановна Протасова, тож огненного темперамента, беспрестанно рожавшая детей. «Она и помрет от родов», — предрекала Екатерина. Но на верность и молчаливость ее можно было положиться.

Ну и прежде, чем допустить избранника «наверх» — туда, где находились его апартаменты, сообщавшиеся с покоями Екатерины, — последнему испытанию подвергала его вернейшая Марья Саввишна.

Так что все было непросто. Но, как правило, выбор Потемкина изначально оказывался удачен, он знал вкусы своей повелительницы и не позволял себе ошибиться.

...Монотонный скрип полозьев, мелькавшие огни, мягкое шлепанье копыт — все это действовало усыпляюще. Марья Саввишна уже давно посапывала в своем углу.

— Что ж, господа, беседа наша была, как всегда, интересна. Но пора и на покой. Мы еще с вами наговоримся вдоволь, — многозначительно произнесла Екатерина. — Да и время, надо полагать, позднее.

— Десятый час, ваше величество, — торопливо сказал Сегюр, вытащив свой брегет.

— Ну вот видите. В десять, как вы знаете, я предаюсь объятиям Морфея. Не меняю распорядка вот уже двадцать лет.

— Благодарим вас, ваше величество. Мы тотчас пересядем в нашу карету, — отвечал галантный принц де Линь.

Церемония пересадки заняла четверть часа. Екатерина разбудила Перекусихину: предстоял обряд вечернего туалета и приготовления ко сну.

Перед сном государыня читала. На столике громоздились свежие книжки журналов. Со времен издания указа о вольных типографиях прошло каких-нибудь четыре года, а уж на россиян обрушилась лавина книг и журналов. Ей хотелось быть главным цензором, дабы знать направление авторов. Она ценила благонамеренность и доброжелательность и не любила яда и желчи в писаниях.

— Мягким юмором должно наставлять читателя, а отнюдь не злобствовать,— поучала она тех издателей, коим благоволила.

Сверху лежала книжка журнала «Лекарство от скуки и забот», издания Федора Туманского.

Ты здоровым хвалишься умом везде бесстыдно,
Но здорового ума в делах твоих не видно...—

прочла она вслух.

«Экий пассаж,— подумала она.— Намек основателен. Подписано «И. Кр.».

Она вспомнила о том, что недавно ее личный секретарь Храповицкий, на вкус и суждения которого Екатерина полагалась всецело, похваливал некоего стихотворца Ивана Крылова как восходящую звезду Парнаса российского.

«Верно, это он сочинил,— подумала она.— Мысль знатная, однако каждый может узреть в этом намек на себя».

Она не решила, хорошо это или нет. Екатерина не любила намеков, да еще таких объемлющих. Она неторопливо листала книжку, но более ничего достойного внимания в ней так и не нашла.

«Российский феатр, или Полное собрание всех российских феатральных сочинений. Часть XVI» — издание, затеянное ею. Только что вышедшая шестнадцатая книжка была посвящена драматургии покойного Александра Сумарокова, слывшего законодателем в этом жанре.

Екатерина покровительствовала ему, как покровительствовала тем сочинителям, которые не представлялись ей опасными на драматическом поприще. Ее сочинения тоже должны были войти в «Российский феатр», притом занять по меньшей мере три тома. Накопилось же их немало: комедии «О время!», «Госпожа Вестникова с семьей», «Имянины госпожи Ворчалкиной», «Обманщик», «Обольщенный» и в истекшем годе законченная «Шаман сибирский», драмы «Начальное правление Олега», «Историческое представление из жизни Рюрика», оперы «Февей», «Храбрый и смелый рыцарь Ахридеич», «Горе-богатырь», сказки «Царевич

Хлор», «Царевич Февей», писания полемические: «Тайны противонелепого общества», «Записки касательно русской истории», «Опровержение аббата Дидеро», знаменитый «Наказ...».

Была она и законодательницею журнальной моды, и ее журналы «Всякая всячина» и «Собеседник любителей русского слова» расходились тотчас же по выходе. Самодовольно полагала, что в истории русской словесности след ее пребудет заметен.

Сумарокова она не почитала, а потому и не читала. Но тут как раз тот случай, когда надобно снотворное чтение. А потому она раскрыла книжку. Первая же комедия «Чудовищи» неприятно поразила ее именами действующих лиц: Бармас, Гидима, Инфимена, Дюлиж, Критициондус, Хабзей...

«Точно не в России, а в неведомом царстве, — подумала она. — Вот у меня — Ворчалкина, Фирлифлюшкин — сразу понятно, где дается. Вдобавок этот Дюлиж бранится: «Я не только не хочу знать русския права, я бы русскова и языка знать не хотел. Скаредной язык!.. Для чево я родился русским! о натура! не стыдно ль тебе, что ты, произведя меня прямым человеком, произвела меня от русскова отца?» Переперчил покойник, — думала она, широко зевнув. Верно, что галломания берет верх, но я дам ей укорот».

Екатерина поймала себя на том, что стала думать по-русски. И это доставило ей чувство несказанного удовлетворения. Прежде французский главенствовал и в мыслях, и в эпистолярном жанре, изредка перемежаясь немецким. Теперь же русский взял верх, и она ревниво спрашивала Храповицкого, ее наставника в языке, каковы ее успехи и каковы огрехи. Секретарь был деликатен, но от истины старался далеко не отходить.

— С радостью должен заметить, ваше величество, что вы не уступаете многим нашим доморощенным литераторам в языке, — свидетельствовал он. И был недалек от истины. Ошибки, правда, встречались, но их становилось все меньше, и он, Храповицкий, был корректором своей августейшей повелительницы.

В «Собеседнике любителей русского слова» Екатерина вела раздел «Были и небылицы». Заклучая его, она изложила свои мысли об искусстве сочинительства следующим образом:

«Собственное мое имение «Были и небылицы» отдаю я... (имя рек) с тем, что: 1) Ему самому... не писать шероховато либо с трудом, аки подымая тягости на блоке. 2) Писав, думать недолго и немного, наипаче не потеть над словами. 3) Краткия и ясныя выражения предпочитать длинным и кругловатым. 4) Кто писать будет, тому д у м а т ь п о - р у с с к и. 5) Всякая вещь имеет свое название. Иностранная слова заменить русскими, а из иностранных языков не занимать слов, ибо наш язык и без того довольно богат. 6) Красноречия не употреблять нигде, разве само собою в конце пера явится. 7) Слова класть ясныя и буде можно самотеки.

8) Скуки не вплетать нигде, наипаче же умничанием безвременным. 9) Веселое же всего лучше: улыбателное же предпочесть плачевным действиям... 11) Ходулей не употреблять, где ноги могут служить, то есть надутых и высокопарных слов не употреблять, где пристойнее, пригожее, приятнее и звучнее обыкновенныя будут... 16) Пустомыслие и слабомыслие откинуть вовсе... 17) На всякия мысли смотреть не с одного конца, но с разных сторон, дабы избирать удобно вид тот, который рассудку приятней представится... 19) Желательно, чтобы сочинитель скрал свое бытие, и везде было его сочинение, а его самого не видно было, и нигде не чувствовалось, что он тут действует; и для того советуется ему говорить так, чтобы не он говорил, а без того ум его или глупость равно не способны будут читателям».

Екатерина мыслила трезво. Порою чересчур трезво. Она была трезвомысленна даже в своих комедиях и драмах. В них почти не было художества, а все более учительность.

Да и как иначе? Ведь она была императрица. Стало быть, ее назначением было не только властвовать, но и воспитывать, учительствовать.

«Художества должны прежде всего учить человека человечности,— думала она.— Учить отделять зерна от плевел. А уж потом радовать слух и зрение».

С этой мыслью она уснула: Сумароков был действенным сновидным.

СКВОЗЬ МАГИЧЕСКИЙ КРИСТАЛЛ...

В е т в ь т р е т ь я: октябрь 1452 года

...Итак, не оставалось никаких сомнений: вопреки клятве на Коране султан Мехмед намерен захватить Константинополь и положить конец владычеству Византии.

Лазутчики приносили худые вести: войско султана под стенами Константинополя усиливается, подвозятся стенобитные орудия и пушки. Турецкий флот курсировал по Мраморному морю, похоже, для того чтобы не пропускать корабли христианских государств.

Император Константин и его приближенные не теряли мужества. Они деятельно готовились к отражению нападения с суши и с моря: вход в Золотой Рог преградила массивная цепь. Оружейники трудились не покладая рук, мастера мечи, копья и мушкеты. Склады наполнялись продовольствием и амуницией.

Посол императора Андроник Леонтарий первым делом отправился в Рим, к Папе Николаю V. Владыка западного христианства был оповещен об угрозе, нависшей над столицей христианства восточного. Император сообщал Папе, что отныне он обязуется чтить постановления Флорентийского собора и напомнил, что инициатором его созыва был его отец, император Иоанн VIII, да пребудет имя сего властителя в веках. Он, его наследник, стоит за единство христиан Запада и Востока, за провозглашенную собором унию.

В ответ Константин получил послание Папы. В нем говорилось:

«Если вы с вашими знатными людьми и народом Константинополя примете акт об унии, вы найдете в Нашем лице и в лице наших досточтимых братьев, кардиналов Святой Римской Церкви, тех, кто всегда будет готов поддержать вашу честь и вашу империю. Но если вы и ваш народ откажетесь принять этот акт, вы принудите нас прибегнуть к таким мерам, какие мы сочтем нужными для вашего спасения и сохранения нашей чести».

Это было похоже на ультиматум из вражеского стана. Но пришлось сцепить зубы и повелеть гордости молчать.

Противники унии злорадствовали, а их было большинство среди знати и духовенства. Они требовали созыва нового собора, притом непременно в Константинополе, дабы на нем присутствовали все иерархи Восточной церкви. Вот тогда-то, верили они, уния будет осуждена и истинная вера — православие — восторжествует.

Так или иначе, но осажденный Константинополь — животворный источник и оплот истинной веры — подвергался смертельной опасности. И христианский мир обязан был прийти ему на помощь.

Леонтарий направился в Венецию. Дож и сенат ограничились туманными обещаниями. То же произошло и в Генуе. Казалось, единоверцы отвернулись от некогда славного и сильного государства христиан на Востоке.

Король Неаполя и обеих Сардиний Альфонс V Арагонский вызвался было возглавить поход против неверных. Но при этом он недвусмысленно притязал на константинопольскую корону.

Греки воззвали к французскому королю Карлу VII. Франция, напоминали они, стояла всегда во главе крестовых походов во имя освобождения Гроба Господня, во имя торжества Христова учения.

Но Карл безмолвствовал. Он чувствовал, что трон под ним шатается, у него был опасный соперник — кузен Филипп Добрый.

Христианские государи были заняты своими заботами, им было не до Византии. Они наивно полагали, что новый султан молод и неопытен и не отважится напасть на столь сильное государство.

А между тем Византия была уже не та. И Константинополь потерял былую силу. Воинов, годных носить оружие, было мало, арсеналы полупусты. Горожане полагались на Господа, на Богоматерь-заступницу. И возносили молитвы во многих храмах города.

Глава третья

ПОСЛЕДНИЙ ХАН ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

Когда имеешь на своей стороне истину и разум, должно выставить это перед очами народа, говоря: такая-то причина привела меня к тому-то; разум должен говорить за необходимость; будьте уверены, что он возьмет верх в глазах большинства. Уступают истине, но редко речам, пропитанным тщеславием.

Екатерина II

Г о л о с а

Нигде, я думаю, нет столько чиновников, столько коллегий, столько советов, как в России... число должностных лиц составляет около десятой части населения — явление удивительное в стране, где, несмотря на усилия Петра Великого... несмотря, наконец, на то, что Екатерина II, ныне царствующая, всеми мерами старается возвести своих подданных на уровень прочих обитателей Европы, цивилизация все еще много отстала... все зависит от трех или не более четырех особ, пользующихся неограниченным доверием государыни. Эти особы: князь Потемкин, граф Безбородко, князь Вяземский и Бакунин... Потемкин, близкий сердцу Екатерины... обладал дарованиями, способными вести политическую нить труднейших интриг, князь славился даром познавать людей с исключительной легкостью; его память служит ему вместо изучения — из немногого, что он прочел, и многого, что слышал, ничто не ускользнуло в его памяти... Князь утвердил свое влияние на ум царицы до такой степени, что существует мало примеров министров такого веса... Его передняя наполнена генералами, особами в лентах и знатнейшими лицами страны... Аудиенция дается нелегко. Иностранные министры остаются в каретах, пока не дадут знать — примет ли Потемкин... Посетителей проводят прямо в его кабинет... где почти всегда находят его в халате... и, как некоторые уверяют, без штанов, под вечным предлогом нездоровья. Хотя он с места не встает, но нельзя сказать, чтобы он принимал слишком горделиво... Одарен способностью передразнивать всех, кого он знает, до изумительного сходства...

Маркиз де Парело, сардинский министр, — своему двору

В настоящем положении крымских дел весьма нужно знать вернее: кто из жителей сего полуострова прямо к России благонамеренны и кто недоброхоты, распространяя сие примечание не только на общества, но и на частных людей, особливо же имеющих силу и важность в народе, дабы таким образом можно

было располагать с ними нам впредь поступки, соображаясь с усердием их или недоброжелательством. Я рекомендую вашему сиятельству употребить наипаче старание ваше к приобретению такового познания...

...По полученному мною из Константинополя от статского советника Булгакова уведомлению, что находящийся при капитан-паше один, называемый Трапезонли-Узун-Хуссейн, отправляется, по-видимому, в Крым, вашему сиятельству рекомендую принять меры к открытию сего шпиона, которого, схватя, прислать ко мне...

...Хану хочется пробовать играть со мною, но я ему докажу, что для меня высочайшие интересы святы. Странно мне, что г. Лашкарев принимает его каверзы на донесение; если бы ему отказали, то он меньше находил способов выигрывать время... Дожидаюсь пришествия полков, а потом начните, что предписано... а между тем смотрите за ханом недреманным оком.

*Ордера Потемкина графу де Бальмену, военному губернатору
Крыма*

Приходящий в запустение ханский дворец, именуемый Аш-лама ...привести в то состояние, в котором он был прежде, и испорченное все исправить с таковым наблюдением, чтобы сохранен был вкус, с которым все то настроено... Определить в надзиратели тамо человека надежного, подтвердя ему особливо о том, чтобы все в саду тамошнем находящиеся деревья были сохранены...

*Ордер Потемкина правителю Таврической области
Василию Каховскому*

Сокол в позлащенной клетке...

Это он, Шахин-Гирей, последний хан Улуса Джучи — Золотой Орды, некогда могущественного государства, съжившегося до размеров Крымского ханства.

Последний хан... Нет уже ханства, ясно, что его не воскресишь, что исчезло оно навсегда, поглощенное Россией. Русские перекрестили Крым в Тавриду, взявши имя от греков, и стал он Таврической областью, всего-то областью, управляемой российским правителем.

А он, Шахин-Гирей, изгнан из родных пределов русскими. Теми русскими, которым он пытался довериться в борьбе за ханский престол. Теми русскими, которые были некогда данниками Золотой Орды. Ее владения простирались тогда от нижнего Дуная до Оби. Ныне последний обломок ее, жалкий обломок, взят Россией. Взят без битв и кровопролития, как бывало прежде меж

русских и турок, а, можно сказать, тихою сапой. И он, Шахин-Гирей, тому способствовал.

Теперь он расплачивается за свою податливость, за уступчивость и сговорчивость. Теперь он пленник. Он лишен права голоса, да и вообще какого-либо права. Его заточили в Калуте, которую почитал он краем земли, в некоем подобии дворца, жалком подобии, с малым числом дворни, со смехотворным гаремом... Его обиталище обнесено стеною.

Аллах окончательно отвернулся от него, потомка великого Батыя. Он в плену у неверных. Он добровольно перекинулся в плен, отдался русским в руки. Они улестили его мягкими речами, щедрыми обещаниями. О, если бы он знал, чем все это кончится!

Его первейший враг — Потемкин. Он вверг его в это жалкое состояние. Он опутал его лъстивыми словами, как паук паутиной, спеленал, лишил силы, воли к сопротивляемости. Обещал сохранить престол, поселить во дворце, в Бахчисарае. И что же?

Вместо этого — Воронеж, и вот теперь того хуже — Калуга...

Потрескивают дрова в печи, субаши заталкивают в ее открытый зев полено за поленом. Шахин-Гирей зябко поеживается и кутается в бараний полукафтанчик. Ему холодно в этом холодном краю.

Он приникает к окну. А за окном все то же: неказистые избы, утопающие в снегу, — обиталища его челяди. Русские именовали их сначала придворными, а когда от двора остались жалкие крохи — служащими. Им тоже худо, как и ему. Они тоже оторваны от родных очагов. Их преданность надобно ценить. И он ценит.

«Дворец» и его службы огорожены забором. Под нею ходят солдаты: стерегут. По уверению Потемкина, это почетная стража, охраняющая хана и его людей от злоумышлений. На самом же деле — тюремщики.

Он глядит на этот унылый пейзаж, оживляемый лишь черными силуэтами ворон на белом снегу, и думает, думает, думает. Хан строит планы бегства из своего заточения. Он понимает: планы эти неосуществимы, а потому и бессмысленны. Надо бить челом императрице Екатерине. Она может согласиться: и тогда перед ним растворится дверца его позлащенной клетки и он вырвется на волю. Может согласиться, а может отказать. Русские говорят: до Бога высоко, а до царя далеко. До императрицы Екатерины да-ле-ко-о-о! Далеконько!

Зябко. Шахин-Гирей передергивает плечами. Более чем когда-либо он чувствует себя узником. Хотя внешне ему оказываются все знаки почета, как истинному государю. Российский премьер-майор, возглавляющий войсковой караул, докладывает ему по утрам:

— Ваша ханская светлость, вчерашний день обошелся без происшествиев!

Ему слышалось: «хамская». Хамская светлость! Он успел поднатореть в русском языке — жывал в Петербурге, много общался с вельможами, был обласкан императрицей. Еще бы, был фигурой в важной политической игре, в коей значился выигрыш Крыма. Его двинули в нужный момент, и он сделал свое дело — отдал Крым.

Теперь его грызла совесть. Но переменить ничего нельзя. Надо бежать отсюда. Но куда? Ясное дело, бежать за море, в Турцию. Русские говорят: повинную голову меч не сечет. Он повинится. У него остались родственники в Истамбуле. Он уже просил их в письмах ходатайствовать за него перед великим везиром, перед чиновниками дивана...

Он еще может быть полезен. Ему только что минуло тридцать два. Возраст пророка и возраст Христа. А сколько пережито! Дядя Керим-Гирей — да пребудет он в садах Аллаха! — послал его учиться в Фассалоники, а затем и в Венецию: для того чтобы умело противостоять гяурам, надо знать, каково они дышат и чем живут. Он выучился греческому и итальянскому и познал то, что надобно знать будущему хану Крыма.

На этом его науки не окончились. Тот же дядя назначил его сераскером в Ногайскую орду. Ногаи его презрели, и он бежал в Бахчисарай.

И вот тут-то все и началось: русские проникли в Крым и стали мутить воду. Они искали своего человека среди Гиреев. И нашли его. Он был сделан пашой и послан в Санкт-Петербург для заключения договора с Россией.

Дважды он воцарялся в Бахчисарае, и дважды его изгоняли оттуда как ставленника русских. Но войско князя Долгорукова и другого князя Прозоровского восстанавливало порядок. Последний раз все, казалось, наладилось: он перенес столицу в Кафу, дабы владеть морем, завел свое войско, начал проводить некоторые реформы на европейский лад, призвал на службу иностранцев.

Однако подданные не желали мириться со всем этим. Они восставали. И тут явился третий князь — светлейший. Григорий Потемкин... Потемкин — и светлейший, тьма и свет.

Он обвинился вокруг юного хана, остававшегося формальным властителем Крыма, как змий вокруг древа познания. Он уговорил его отречься от престола в пользу России, признать ее верховенство над Крымом. Он обещал Шахин-Гирею золотые горы и молочные реки. Персидское ханство в случае присоединения персидских провинций к России, некогда бывших у нее во владении, 200 тысяч ежегодной ренты, обширный двор в Херсоне, гарем...

Но тут Шахин-Гирей опомнился. Он бежал в Тамань, намереваясь пробраться в Турцию и там просить вспомоществования против русских, захвативших его ханство. Но был схвачен и с почестями — да, с почестями! — водворен в Воронеж. Свита его

состояла из двух тысяч татар. Да, это были иудины почести, и он не обольщался.

Он снова стал замышлять побег. И с помощью гонцов связался со слугами султана, сетуя на вероломство русских, завладевших Крымом с помощью обмана и ложных посулов. Он просил помощи у султана.

Переписка была обнаружена, содержание писем стало известно Потемкину, всевластному князю России, и хан с незначительной свитой был препровожден в Калугу и заперт там.

Год он томился в этой самой Калуге. Было трудно, но Шахин-Гирею удалось восстановить прерванные связи с родными по ту сторону Черного моря. И теперь время проходило в ожидании. В ожидании писем о т т у д а.

Он подолгу простаивал у окна, поджидая возвращения верного человека, татары-гонца, с письмом. Дни шли за днями, в сердце закралась тревога, она росла и билась болью в висках и неотвязными мыслями.

Если схвачен, то когда. На пути т у д а или оттуда? И в том и в другом случае ему, Шахин-Гирею, не избежать утеснений еще более суровых, нежели нынешние. Все-таки сейчас он пользуется известной свободой. В сопровождении горстки слуг он не реже двух раз в неделю выезжает на охоту. У него своя конюшня, свои ловчие соколы, свои доезжие и егеря. И не раз у него возникал соблазн воспользоваться охотой и бежать, но мысль о том, что его непременно настигнут, останавливала его.

Нет, чем долее Шахин-Гирей размышлял над способами освобождения, тем яснее понимал, что надо обратиться с челобитной к государыне. Зачем он и м нужен? Отречение он подписал. Крым в руках русских, сделанного не воротишь. Для князя Потемкина его двор — лишний расход и лишняя забота...

Но что думают о нем там, за морем? Он готов покаяться, но примут ли т а м его покаяние? Законы шариата суровы: отступника ждет смерть. Но он не отступник. Он не отступил от правой веры. Он по-прежнему свершает намаз пять раз в день, оборотясь к востоку. Он молит Аллаха даровать ему прощение и милость светоча Вселенной и владыки над владыками — султана. Он готов загладить свой грех как угодно, готов даже повести войско султана на Крым, если ему будет доверена столь высочайшая милость.

В глубине души он понимает: Крым потерян навсегда. Русские сильны, сильней, чем когда бы то ни было. Рядом с ними станет другая империя со столицей в Вене. И войско султана будет побеждено.

Нет, он не станет домогаться ни должностей, ни званий. Он просто уйдет в тень. Его родственники, Гиреи, все еще в милости при султанском дворе. Они выхлопочут ему прощение, а вместе

с ним вспомоществование, которое даст ему возможность сносно жить.

Он готов лишиться дворца и слуг, конюшни, соколов, даже гарема... Ох, готов ли? Шахин-Гирей представил себе на мгновение жизнь без радостей, жизнь бедняка, и тяжело вздохнул. У него будет не четыре жены и двадцать восемь наложниц, а всего одна. Как жить?! Ведь это все равно что лишение свободы!

Нет, такого не может быть! Родственники богаты, они не допустят, чтобы один из них прозябал подобно дервишу.

Он прильнул к окну. За окном все то же — снег, тоска. Аллах милостивый, как же ты допустил такое! Да, ему недоставало опыта, а советники его были плохи. Русские же нашептывали свое — Потемкин, Прозоровский, Долгоруков: тебе не удержать власть, положишься на нас, мы дадим тебе все, что ты пожелаешь, только отрекись. Все равно, как ты ни бейся, Крым — наш. И султан тебе не поможет!

Да, так оно и будет. Султан Абдул-Хамид стар и, как говорят, выжил из ума. Помня о поражении в предшествующей войне с русскими, он будет опасаться ввязываться в новую из-за Крыма. Крыма он не возвратит, а новые земли может потерять. Тем паче что пронесся слух, что русские хотят идти войной на Константинополь, где расположены великие христианские святыни, поруганные сынами Аллаха...

На мгновенье он почувствовал полную безнадежность своего положения. Неужто вот так пребывать в бездействии? Прозябать в этой Калуге, в этом захолустье, где все ему чуждо? Неужели в свои тридцать два года он принужден обстоятельствами сидеть сложа руки?!

Шахин-Гирей в бессильной ярости скрипнул зубами. Нет, он не смирится! Надо только дождаться лета, и тогда...

Так и не решив, что тогда, он хлопнул в ладоши и сказал камердинеру, явившемуся на зов:

— Пусть истопят баню. И позови Хасана.

Хасан был старый евнух, сопровождавший его во всех странствиях. Он был смотрителем гарема. Гарема? Жена и четыре наложницы — вот что осталось от обильно населенного бахчисарайского гарема. Он постепенно уменьшался во время его многих переселений, если можно назвать бегство переселениями.

— Что желает мой молодой повелитель? — спросил Хасан с порога. Он догадывался, чего желает Шахин-Гирей, но ждал, когда хан назовет имена. Его коричневое лицо, изрезанное мелкой сеткой морщин, выражало подобострастие.

— Я повелел растопить баню...

Хасану не нужно было ждать продолжения. Он сказал:

— Ты уже испытал Фатьму и Айшу: они превосходней других свершают обряд твоего омовения.

— Согласен. Так отведи их после того, как баня будет натоплена. И соверши очищение.

— Ты мог бы не говорить этого, мой молодой повелитель. Разве Хасан не умеет угождать тебе?

Согнувшись вдвое, евнух вышел. Прошло больше часа, прежде чем ему доложили, что баня готова.

Это была обычная русская баня, топившаяся, правда, по-белому. Конечно, в ней не было той пышности и комфорта, как в турецких банях. Но зато ее отличал некий уют. Деревянные полы были тщательно выскоблены, полок тоже. На нем лежали распаренные березовые веники. И стоял тот неповторимый дух свежести, возвращавший память о весне, о молодой листве.

Наложницы вскочили, как только он вошел. Их розовые тела благоухали березой.

— Мы ждем тебя, наш желанный владыка, — заговорила Фатма. — Мы будем услаждать тебя, как ты повелишь.

— Мы будем следовать твоим желаньям, — подхватила Айша, — но они и наши желанья. Мы смешаем все желанья.

— Ложись же, и мы прежде омоем твое сильное и нежное тело.

Они стали намыливать его. Жаркое и влажное тепло исходило от каменки, она с шипением вздыхала, когда Фатма плескала на накалившиеся булыжники из медного ковша. Затем обе поочередно стали хлестать его вениками. Сначала легонько, потом сильней.

— Повернись же, владыка, и дай нам взглянуть на сокровище мужа. — Фатма провела горячей рукой по его животу. — О, он готов к любовной битве! — воскликнула она. — Айша, ты видишь? Давай же ублаготворим его. Как прикажешь, прекрасный хан?

— Ты знаешь не хуже меня, — пробормотал он, уже чувствуя нежное касание ее языка.

Они не давали ему подняться, пресекая довольно решительно его слабые попытки. Они давали ему короткую передышку для того, чтобы окатить его теплой водой, настоянной на березовых вениках. Но затем обе принимались ласкать его, лежавшего на спине, то бесцеремонно садясь верхом, то пуская в ход рот и руки.

— Твое мужество не угасает! Слава Аллаху, ты неистощим, наш повелитель! — ободряли его они.

А он совершенно изнемог. И лишь слабые стоны вырывались из его груди. Все это было и сладостно, но и чрезмерно. Наконец он простонал:

— Дайте же мне встать, мучительницы! Я хочу переменить позв

— Воля твоя, о прекрасный и удивительный, — согласились они и помогли ему подняться. Он было встал, но затем, покачавшись на нетвердых ногах, снова сел на полок.

— Я должен передохнуть. Вы лишили меня всех соков.

— Ты же знаешь: мы вольем в тебя новую силу, — сказала Фатьма. — Так было в прошлый раз: твой зебб поникал, но мы умели его поднять.

— Здесь очень жарко, — пробормотал он. — Я хотел бы выйти.

Они подхватили его под руки и вывели в предбанник. Он был довольно просторен и приспособлен для отдохновения. В кувшине стояло охлажденное питье, на небольшом столике — корзина яблок.

Прежде, в Бахчисарае, он услаждался виноградом, сладчайшим и ароматнейшим, из-за моря привозили апельсины. Гранатовый сок утолял жажду и возбуждал мужество. Здесь всего этого не было, только яблоки.

После жара мыльной здесь казалось прохладней. Он надкусил яблоко, затем выпил то, что русские называли яблочным квасом, и почувствовал прилив сил.

— Накиньте на меня халат, — попросил он. — Пожалуй, мы продолжим у меня в опочивальне. Хасан приведет вас после намаза.

— Захочешь ли ты, повелитель? — усомнилась Айша. — Мы-то всегда рады...

— И хотели бы, чтобы твое желание было бесконечным, и мы ему угождали, — подхватила Фатьма.

— Ты доволен нами, повелитель? — деловито осведомилась Айша.

— Вы умеете все, — только и сказал он. В самом деле, они были искусны в любви, и ему не приходилось приказывать. В отличие от двух других, оставшихся в его гареме благодаря прихотливому случаю. Некогда в нем было двадцать восемь наложниц — тринадцати лет и постарше, до двадцати двух. Слишком юные были пугливы и мало что умели. Конечно, в этом тоже было особое наслаждение. Не раз ему приходилось срывать цветок невинности. То было сладостное насилие, сопровождавшееся криками боли и слезами. Но с возрастом он стал ценить тех, кто все умел и знал; такими были Фатьма и Айша. Они могли быть бесконечны в своих ласках и в своем угождении и, главное, умели возбуждать его мужественность даже тогда, когда он был, казалось, совершенно опустошен.

— Да, идите и будьте готовы, — кивнул он, отпуская их.

В его здешнем заточении, среди жестокой зимы, меж этих бесконечных снегов, что оставалось ему еще, как не близость с его женщинами?! Зимние охоты были ему не по нутру: кони увязали в снегах, соколы отказывались взлетать, да и дичь приходилось слишком долго отыскивать.

Ему предложили устроить медвежью охоту, но он отказался: надо было стынуть на морозе. Раз он свалил лося, но лосятина ни ему, ни его слугам не пришлась по вкусу — показалась слишком жесткой.

Оставались женщины и книги. Библиотека его, доставшаяся от предков, в которой были редчайшие манускрипты, сильно поредела. Виною тому были те же пересзды, большей частью походившие на бегство. Оставалась едва ли десятая часть, не самых редких и самых занимательных, размещавшаяся в бывшем чулане.

Шахин-Гирей приказал открыть чулан-библиотеку и стал ленивой рукой перебирать фолианты, которыми были уставлены полки. Все было осмотрено, многое было читано. Но ему хотелось найти нечто такое, что посыпало бы соль на его душевные раны, дабы мог он возвратиться к истокам своих несчастий.

Похоже, нашел. То был список с «Хаб-наме» — «Книги сновидения» знаменитого Вейси, обличителя пороков сатирическим каламом-пером, жившего полтора века назад. Открыв, он тотчас натолкнулся на строчку: «Дела в мире расстроены, и злодеяния насильников достигли предела».

«Как верно,— подумал он. И ощутил легкий укол в сердце.— Но ведь и я был среди этих насильников. И если бы я правил по совести и справедливости, быть может, ханство уцелело бы».

«Для падишахов справедливость и правосудие — источник правильных действий,— прочитал он.— Милосердие и сострадание — основа жизни подданных, а притеснение и жестокость — причина беспорядков среди подданных».

«Простая истина,— думал он,— но я не следовал ей, когда был у власти. Моими ошибками воспользовались русские и обратили их в свою пользу. Но не только русские — соплеменники, родственники из Гиреев. Все норовили воспользоваться моей неопытностью в делах государственных. И вот итог всего — я в Калуге».

Он сжал голову руками и задумался. Может ли человек избежать ошибок? Нет. Он вспомнил изречение одного римского мудреца, вычитанное им в годы пребывания в Венеции: «Эрраре хуманум эст» — «Человечеству свойственно ошибаться». Но если бы у него были мудрые советники, предостерегли бы они его от ошибок?

Советники казались ему, неопытному, мудрыми. У них были седые бороды, которые он принимал за несомненный признак мудрости. Только потом он понял: борода — всего лишь признак принадлежности к мужскому полу. Но было уже поздно.

Он прошелся мыслью по прошлому, ища свои главные ошибки. И понял, что дело было вовсе не в советниках, а более в нем самом. Молодость самоуверенна. Он был самоуверен до предела. Ему казалось, что все, что он говорит и делает, истинно, что он

на правильном пути. Каждый собственный шаг казался ему верным. Он почитал верным то, что обратился за покровительством к русским, отвортив лицо от султана. И все дальнейшее...

Оказалось, то была цепь ошибок, становившихся все жестче. Чем далее он уходил в своих ошибках, тем непоправимей становились они. Наконец он и вовсе увяз в них. Калуга — их завершение.

Он снова обратился глазами к рукописи. И вот что прочел:

«Из-за ежегодных чрезвычайных налогов и поборов, вызванных беспрестанным передвижением войск, между райей и войском возникает глубокая, возбуждающая смуту неприязнь, и чем дальше, тем больше языком разбирательства этой враждебной тяжбы становится меч. Из их среды выделяются злодеи, которые уже по природе своей являются разбойниками. Из толп разбойничьих мятежников образуются отряды, и множество злодеев, именующих себя отрядами, собираются под преступными знаменами, поднятыми кем-нибудь из них, помогают и поддерживают друг друга. Сотрясая небо оглушительным шумом барабанов, они развернули знамя восстания. Слуги, которые из поколения в поколение были благожелателями нашего рода, перевелись, пожертвовав ради султана головой и жизнью... И вот уже в течение стольких лет наследственные владения попираются разбойниками...»

«Так было, так будет,— думал он с горечью, ибо то, о чем писал Вейси, стало его уделом.— Так было многие века назад, так случилось и в мое время».

Эта мысль несколько утешила его. Медленными шагами брел он в свой кабинет, не отрывая глаз от вязи строк.

«Изменилась страна и ее властелины,
И лик земли стал безобразен.
Изменилось все, что имеет вкус и цвет,
И редкой стала улыбка прекрасного лица...»

Все было схоже и во времена пророков, напитавших поколения своею мудростью, и в более поздние времена. Но потомки так ничему и не научились. Они не внемлют предостережениям мудрых и опыту предков и нагромождают грех на грех, ошибку на ошибку. Неужто так будет всегда?

Корень честолюбия засох. Остались лишь слабые ветки, обреченные на гибель. Он более не помышлял о власти. Зачем она ему? Он испытал ее, обольщался и возвышался, падал с ее вершин и больно ушибался, но продолжал карабкаться до изнеможения. И вот он здесь — в Калуге.

Хорошо бы найти тихое пристанище где-нибудь на одном из островов в Мраморном море, принадлежащих султану, сохранив то, что осталось ему от прежнего величия, и ждать... А вдруг...

Вдруг о нем вспомнят на одной из вершин и захотят поднять его к себе? Крохотный росточек надежды все еще не увядал внутри, хотя он мысленно не раз затапывал его...

Размышления эти прервал камердинер:

— Господин, только что возвратился Салман.

Шахин-Гирей встрепнулся, надежда тотчас ожила.

— Где он? Зови его! Отчего сразу не привел?!

— Он очень плох,— развел руками камердинер.— Слаб, голоден, грязен. Свалился с коня, потерял дар речи...

— Так что же? Вы помогли ему?

— Да, господин. Слуги обмывают его, потом накормят и напоят. Я распорядился. Тебе придется подождать, как это ни при-
скорбно. Его надо привести в чувство, он не в состоянии вы-
молвить ни слова.

— Поторопитесь. Мне не терпится узнать, какие вести он при-
вез. Нет ли при нем какой-нибудь бумаги?

— Нет. Мы сняли с него одежду. Ни в этих лохмотьях, ни на нем самом ничего не было. Кроме грязи и ссадин,— добавил камердинер с гримасой, означавшей сострадание.

Минута проходила за минутой, ожидание становилось нес-
терпимо. Он захлопал в ладоши.

— Ну что там?

— О, мой господин! Он заснул сном праведника, обратился в бесчувственный камень. Я тряс его — бесполезно. Как видно, он бодрствовал не одну ночь. Наверно, надо дать ему выспаться,— осторожно предположил он.

— Наверно, наверно,— передразнил его Шахин-Гирей.— Ладно. Так и быть, пусть спит,— закончил он после паузы. У него и в самом деле был трудный путь. Видно, ему пришлось нелегко.

— Да, господин. Это была дорога испытаний. Он заслуживает снисхождения.

— Я сам знаю, чего он заслуживает,— раздраженно перебил его Шахин-Гирей.— Он будет вознагражден за верность и страдания.

«Более чем странно, что при Салмане не оказалось никаких документов,— принялся размышлять Шахин-Гирей.— Он мог уничтожить их при виде опасности. Либо спрятать в надежном месте, полагая вернуться позже. Либо...— и при мысли об этом он не-
вольно поежился,— либо его схватили, обыскали и нашли...»

Это было худшее из всего, что могло случиться. Он снова оказывался в осаде, горше которой не может быть. Немота той стороны, на которую он так уповал, была страшнее всего, ужаснее его нынешнего почетного заточения.

Он стал ждать пробуждения Салмана. Прошло восемь часов, день подходил к концу, он трижды посылал узнать, каков Салман.

Но ему неизменно докладывали: спит мертвым сном, кажется, даже не дышит.

Ночью Шахин-Гирею плохо спалось, он то и дело просыпался с одною и той же неотвязной думой. И, чуть свет проснувшись, снова велел доложить о Салмане.

— Проснулся, выпил ковш воды и снова повалился.

Шахин-Гирей начинал терять терпение. Сколько ж можно спать, более ждать он не может!

— Растолкайте его,— приказал он камердинеру.— Выспится потом. Я разрешу ему спать хоть целую неделю. А пока пусть доложит то, что обязан доложить, за чем был послан.

Двое слуг ввели заспанного Салмана. Он был полусогнут, с ввалившимися щеками. Борода отросла и курчавилась. В ней отчетливо серебрились нити седины.

— Ну? Говори же! — Шахин-Гирей почти кричал.

Красные глаза Салмана отупело уставились на него. Некоторое время он молчал, потом повалился своему господину в ноги. Плечи его тряслись.

— Поднимите его,— приказал хан.— Пусть говорит.

Слуги подняли Салмана и поставили перед господином.

— Ну?!

Салман долго не мог начать. Губы его шевелились, но из груди не вырывалось ни звука. Потом он заговорил, но это были какие-то обрывки членораздельной речи.

— Гяуры... схватили... Нас схватили, разделили, бросили в зиндан... Потом дали бумагу...

— Где же она, где?! — выкрикнул Шахин-Гирей.

— Я спрятал ее под лукой седла...

— Немедленно отыскать!

Слуги бросились исполнять приказание. Наконец принесли замусоленный, сложенный в несколько слоев бумажный лист.

— Можете идти,— буркнул Шахин-Гирей.— Теперь мне никто не нужен. Оставьте меня одного.

Он медлил разворачивать бумагу. Что-то говорило ему, что его ждет великое расстройство. В самом деле, если Салмана и его спутника схватили и бросили в узилище, стало быть, нашли те бумаги, которые были адресованы ему. В таком случае у Салмана не должно бы оставаться ни одной бумаги. Но ему что-то дали взамен...

Холодея, он наконец развернул помятый лист. И прочитал вот что:

«Достопочтенный Шахин-Гирей!

Все твои попытки навредить нам я буду пресекать самым беспощадным образом. Замысел твой мне известен, и я его уничтожу. П о т е м к и н».

СКВОЗЬ МАГИЧЕСКИЙ КРИСТАЛЛ...

В е т в ь ч е т в е р т а я: январь 1453 года

Итак, османский властитель стал готовиться к осаде великого города. В конце января он созвал своих вельмож, всех пашей и беев и стал держать перед ними речь.

Мехмед говорил, что сам Аллах призвал его на подвиг, который пытались совершить, но так и не смогли его великие предки из династии Османов.

— Это великий город, но не велики его силы. За стенами, которые кажутся вам неприступными, мало тех, кто может носить оружие. Пока Константинополь принадлежит неверным, сыны Аллаха не могут спать спокойно. Это вечная угроза в сердце нашей империи, и мы должны ее уничтожить. Я намерен осадить и захватить этот оплот неверных. Что думаете вы?

Паши, бейлербеи и беи молчали. Они предвидели, какой ценой придется расплачиваться за эту войну. Достанет ли у них сил и средств, не потерпят ли они поражение?

Многие, в том числе старый Халил, хотели бы предостеречь молодого султана от этого рискованного шага, но страх сковал им уста. Они уже знали: султан крут и тех, кто посмеет ему противоречить, ждет жестокая кара.

И они согласились.

Началась подготовка. Мехмед подгонял всех. Однажды к нему привели венгра по имени Урбан. Он похвалялся, что может вылить огромную пушку, которая сокрушит стены. Был-де он у императора Константина, предлагал ему свои услуги. Но у того не нашлось ни денег, ни металла.

— Я заплачу тебе вчетверо против того, что ты просишь, — загорелся султан. — Но если ты не исполнишь своего обещания — посажу на кол.

Урбан отлил чудовищную пушку. И на глазах султана она была опробована в крепости Румели-хисар, куда ее доставили на сотнях волов с помощью сотен людей.

В это время в Босфор вошел генуэзский корабль. Его капитан отказался подчиниться требованию турок о сдаче. И тогда пушку навели на него. Урбан зажег фитиль, и она выпалила. Ядро пробило корабль, и он затонул. Султан был в восторге. Он щедро наградил литейщика и велел отлить еще более гигантскую пушку.

А сераскеры Караджа-бею было приказано вести войско на штурм византийских городов, располагавшихся на фракийском побережье. Месемврия, Визос и Анхиалос сдались без боя и не были разграблены. Зато Перинфос и Селимврия на побережье

Мраморного моря пробовали было защищаться. Но силы были слишком неравны, османы захватили их и предали огню и мечу.

Братья императора, владевшие городами в Пелопоннесе, могли бы прийти на помощь осажденному городу. Чтобы этого не случилось, султан приказал другому своему военачальнику, Турахан-бею, с сыновьями и войском преградить им путь к морю.

Готовился и османский флот. Ветхие суда были починены и просмолены, полным ходом шло сооружение новых. Вскоре в строю было около ста тридцати судов — гребных и парусных, не считая мелких. Султан отводил флоту важную роль: он должен был прежде всего воспрепятствовать подходу христианских кораблей к осажденному городу с провиантом, амуницией, а также с добровольцами. Во главе его был поставлен ренегат Сулейман Балтоглу, болгарин по рождению.

В это время под стенами Эдирне формировалась огромная армия. В ней было никак не меньше 200 тысяч воинов. Во главе ее встал сам султан Мехмед.

Глава четвертая

ГОНЦЫ ВО ВСЕ КОНЦЫ...

Власть без доверия народа ничего не значит, тому, кто желает быть любимым и прославиться, достичь этого легко. Примите за правило ваших действий и ваших постановлений благо народа и справедливость, которая с ним неразлучна. Вы не имеете и не должны иметь иных интересов. Если душа ваша благородна — вот ее цель.

Екатерина II

Г о л о с а

Я вам говорю дерзновенно и как должно обязанному вам всем, что теперь следует действовать смело в политике, иначе не усядутся враги наши и мы не вылезем из грязи.

Потемкин — Екатерине

Новые подданные, ни языка, ни обычаев наших не ведающие, требуют всякой защиты и покровительства. Спокойствие и безопасность каждого должны быть предохранены, в таковом положении не вздумали бы они оставить земли отцов своих. Предпринимаемое некоторыми удаление из Тавриды доказывает их неудовольствие. Войдите в причины оного и с твердостью выполняйте долг ваш, доставя удовлетворение обиженным. Лаской и благоприятством привлекают сердца, но правосудие одно утверждает прямую доверенность.

Потемкин — Каховскому и генерал-майору Репнинскому

Подтверждаю я прежнее мое предписание, чтобы в ваших сношениях с пограничными турецкими начальниками глас умеренности предпочитали вы шуму и угрозам, коих в действо произвести вы не в силах. Ежели турки более говорят, нежели сделать могут, то таковой пример не достоин подражания. Пусть они останутся при хвастовстве своем: с нашей стороны да сохранится вся пристойность.

Потемкин — Каховскому

Предлагаемые у сего письма Ея Императорское Величество указала перлюстрировать. Я прошу вас, милостивый государь мой, послать копию Государыне и оригиналы ко мне. С королевского списана копия, но Ея Величество, разрезав оное, желает, чтобы склеен был край подрезанный. Мы его так запечатанное пошлем в Москву...

Безбородко — Санкт-Петербургскому почтдиректору

Не столько войска меня беспокоят, сколько крайняя скудость в деньгах. В мирное время промотались до крайности: неурожай хлеба и худая экономия в войсках истощили все ресурсы, которые от банков и нынешних займов получены... Генерал-прокурор, параличом сраженный, наклал податей самых странных и народу тягостных...

Безбородко — послу в Англии князю С. Р. Воронцову

Монарх наш поступил так снисходительно и, может быть, даже слишком опрометчиво, что дал свое согласие на завоевание Крыма. Но эта уступка доставила нам только холодное выражение признательности Екатерины, главной цели которой — разрушению Оттоманской империи — противятся все европейские государства.

...Не доверяйте графу Кобенцлю...

Граф Верженн, министр иностранных дел Франции, — Сегюру

Ваши грозные приготовления в Крыму, вооружение эскадры, которая в 36 часов может явиться под Константинополем, так же, как ваши действия в Азии, заставляют нас, как союзников турок, советовать им предпринять нужные меры...

Сегюр — Потемкину

Я очень хорошо знаю, что разрушение Оттоманской империи есть дело безумное, оно потрясет всю Европу... недавно еще вы послали в Константинополь инженеров и офицеров, которые только и толкуют что о войне...

Потемкин — Сегюру

Вы хотите поддержать государство, готовое к падению, громаду, близкую к расстройству и разрушению...

Потемкин — Сегюру

— Базиль! Базиль Степаныч!

— Иду, ваша светлость.

Василий Степанович Попов, личный секретарь Потемкина, его алтер эго¹, правитель канцелярии и прочая, перешагнул порог кабинета и замер в изумлении.

Его патрон, светлейший князь Григорий Александрович Потемкин, правая рука императрицы, предстал перед ним в натуральном виде. То есть совершенно голый.

¹ Второе я (лат.).

Заметив искреннее изумление Попова, привыкшего вроде бы к чудачествам своего патрона, Потемкин гаркнул:

— Ну? Чего уставился? Голого мужика не видал? У меня все в обыкновенном виде, как у тебя.

Но так как оштолбенение Попова не проходило, Потемкин подошел к нему, ткнул его в плечо и пробурчал:

— Чего стоишь? Ступай и принеси мне халат с позументом. Тот, что государыня пожаловала. Много ль народу дожидается?

— Два генерала, один полковник, трех курьеров с доношениями принял и вашей светлости доложу.

— Ступай, ступай. Генералов приму, полковнику скажи, чтобы явился завтра, коли срочности нету.

Халат был необъятный и роскошный. Попов накинул его на полные белые плечи Потемкина и спросил:

— Впускать, ваша светлость?

— Теперь можно,— благодушно согласился Потемкин.— Чать, не рассердятся, что я не в мундире и без регалий. А шлафрок заberi, его место в спальне.

Первым был впущен вице-адмирал флота и кавалер Клокачев, принятый Поповым за генерала, что, впрочем, было не столь уж далеко от истины.

— Явился, ваша светлость, дабы доложить...

— Садись, садись.— Потемкин подвинул ему кресло. Он всем говорил «ты», не исключая и императрицы, когда они оставались тет-а-тет.— Вот теперь докладывай.

— Корабли, известные вашей светлости, что стоят на херсонском рейде, готовы отправиться в Севастополь, на свою главную базу. Однако интендантство доселе не поставило провиант...

— Я с них там штаны спущу, тогда провиант тотчас явится.

— Пушек недокомплект...

— Голыми их пуцу, Василь Степаныч!

Попов тотчас вошел и стал перед Потемкиным.

— Вот господин вице-адмирал жалуется на интендантов. Пиши: ежели в три дня его претензии не будут удовлетворены, всех уволить без пенсiона. Что-то там у нас было еще об Херсоне?

Попов стал жевать губами, но Потемкин махнул рукою:

— Вспомнил! Там у вас обретается французский купец, некий Антуан. Сдается мне, что он шпионит в пользу турок.

— Благонамеренная личность, ваша светлость,— сказал Клокачев.

— Мои конфиденты благонамеренней,— отрубил Потемкин.— Ты, господин вице-адмирал, имей за ним примечание. И всю производимую им переписку с его корреспондентами в Крыму и Константинополе перлюстрируй и копии посылай мне. Все сие делать в полной тайности, со всякою осторожностью, дабы сей Антуан не пронюхал. Понял?

— Будет исполнено, ваша светлость.

— Государыня в наши пределы изволит шествовать. Херсон, а особливо порт, должен быть вычищен со всем старанием и блистать. О сем я предписал гражданскому губернатору, морская же часть должна первенствовать.

— Приложим все силы, ваша светлость.

— Ну ступай, коли более нету дела. Базиль!

— Слушаю, ваша светлость.

— Генералы скучны. Нет ли на прием какой мелкоты?

Попов знал, что Потемкин более всего любит беседовать с «мелкотой» — младшими офицерами. Он объяснял это так: обер-офицер, коли не вор, пребывает в нужде и не опасается открыть истину во всей ее неприглядности.

— Есть пехотный капитан, ваша светлость. Вторую неделю ходит.

Потемкин удивленно воззрился на Попова зрячим глазом. Другой, стеклянный, оставался невозмутим.

— Что ж это ты, Базиль, простого человека тиранишь. А нупусти его немедля. Остальным объяви, что я занят и собираюсь в отъезд.

Теперь пришел черед удивляться Попову.

— Как? Вы не изволили распорядиться насчет выезда. Стало быть, готовить?

— Готовь, готовь. Поедем посмотреть, каково идет стройка. Там небось доселе зады чешут. Всех надобно погонять, иначе не двинутся. Скажи вдогон господину вице-адмиралу, что вскорости я сам к ним буду и всех распушу. А теперьпусти капитана.

Вошел капитан, переломился пополам и стал у двери как вкопанный. Лицо его было красно — то ли от робости, то ли от солнца, — глаза потуплены.

— Чего дверь загородил? Ступай сюда, садись, — сказал Потемкин тоном умягченным. Он понимал, что делается сейчас в душе служаки, не решавшегося заговорить.

Сел на стул боком. Мундиришко был заношен, зеленые рукава обтерханы до седин, руки приметно тряслись.

— Робеешь?

— Робею, ваша светлость. Пред столь высоким лицом...

— Пьешь?

— Как не пить, ваша светлость?

— По рукам вижу. Говори, чего пришел.

— Проигрался, ваша светлость, — с неожиданной откровенностью произнес капитан. — В пух и прах. Нищ, однако...

— Чего ж играл, коли нищ?

— В чаянии выиграть, ваша светлость. Из нужды, стало быть, вылезть. Теперь одно осталось — в петлю али стрелиться.

— Грех да беда на кого не живут,— назидательно произнес Потемкин.— Много ль проиграл?

— Четыреста рублей,— со вздохом отвечал капитан.

— А пьешь-то много ль? — продолжал допытываться Потемкин.

— Как все, ваша светлость?! На многопитие карман не тянет. Пять душ ребятенков не дозволяют особо.

— Это хорошо, что покался,— проговорил Потемкин.— Покаяния отверзи ми двери, гласит молитва. Помнишь ли?

— Как не помнить, ваша светлость?! Беспременно помню, каялся уж пред образом Богородицы Казанской.

— Господь грех отпустил, и я отпущу. Коли б солдат обирал — не отпустил бы, то грех великий, суду воинскому подлежащий. Солдат-то не обижаешь?

— Невозможно это, ваша светлость,— с твердостью отвечал капитан.

— Вижу, что невозможно.— Потемкин пробуравил его зрячим глазом.— По мундиру вижу. Ступай к Попову, скажи: я-де велел выдать тебе четыреста рублей на проигрыш да двести на мундир.

Капитан вскочил со стула как напружиненный, лицо его сияло.

— Ах, ваша светлость, благодетель вы наш, век за ваше здравие стану Бога молить...

— Моли Николая Угодника, он мой покровитель,— прервал его Потемкин.

— Дозвольте ручку облобызать,— бормотал растроганный капитан.— Истинно вы наш благодетель.

— Я не дама, руки не дам,— хохотнул Потемкин.— Ступай, ступай да более в игры не играй. Понял? И пей поменее, голова будет здрава.

Капитан пятился и кланялся, отступая задом к двери. Наконец она за ним захлопнулась.

Через минуту в нее просунулась голова Попова.

— Сколь выдать-то?

— А сколько капитан тебе сказал?

— Всего шестьсот.

— Верно сказал,— кивнул Потемкин.— Вот и выдай. Да прикажи готовить мундир да выезд.

Главною заботой Потемкина отныне было шествие ее величества. На всем пространстве от Петербурга до Тавриды кипели надзираемые его единственным зрячим глазом работы. Иначе быть не могло: следовало показать государыне, что он, Потемкин, рачительный управитель некогда пустынных земель, вверенных его управлению, что они оживлены и населены, что там, где паслись

сайгаки, теперь пасутся тучные стада, поднялись новые селения и города.

Да, еще много неустройств, ибо нужны были силы Геракловы для того, чтобы оживить пустыни. Он, Потемкин, нашел в себе эти силы. Но он был один. Как ни старался подобрать себе энергичных помощников, это не всегда удавалось. Чиновники были косны, сребролюбивы, деньги, отпущенные на дело, утекали в их карманы, яко вода в песок, подрядчики думали лишь о наживе...

Ныне главной его заботой была новая днепровская столица — Екатеринослав. Он и обосновался в нем в ожидании явления государыни. И теперь надзирал и погонял, не давая никому спуска. Слухи о том, что он, Потемкин, набивает свой карман, были ложны. Он брал на свои нужды ровно столько, сколько было нужно на поддержание привычного образа жизни. Он был вельможа и привык к вельможеству, к роскошеству.

Григорий Александрович не терпел никаких ограничений. И государыня понимала его, ибо тоже не ограничивала себя ни в чем. А Потемкин был и оставался ее любимцем, несмотря ни на что. Ибо при всем при том она видела в нем прежде всего государственного мужа.

Он и был государственный муж при всех своих вельможествованиях, при всех причудах и мыслил широко и по-государственному. Причуды же стали притчею во языцех. По ним его и мерили большею частью, а вовсе не по делам.

Так или иначе, но пустынные пространства оживали под его рукою. Как ожила эта степь, где была заложена новая столица Новороссии — Екатеринослав. Он разлегся на трехстах квадратных верстах, протянувшись вдоль Днепра на двадцать пять верст. Жизнь уже пробивалась на всем этом пространстве покамест еще несильными ростками. Вдоль берега белели домики поселян, куры копались в пыли, на городских выгонах топтался скот.

Дворец Потемкина был все еще недостроен. Но уже поднялись молодые деревца в саду, окружавшем его, отражали солнечные лучи крыши двух оранжерей.

Облачившись в походный мундир зеленого сукна, Потемкин первым делом прошел в оранжерею. Садовник Бауэр торопливо семенил за ним.

Восемь ступенек вниз, вторая дверь, и его охватила прямая негa тропиков. Цвели гранаты и лавры, померанцы и лимоны. Деревца были в силе, и уж кое-где желтыми фонариками светились плоды.

— Созреют ли ананасы, Бауэр? Государыня едет, потчевать ее и министров будем.

— Дюжина непременно созреет, ваша светлость.

— Старайся. Должны мы удивить ее величество.

— Апельсины и лимоны тоже будут к столу государыни, — докладывал садовник. — Худо идут гранаты, но то фрукт каприз-

ный и неплодный. Он неба и воздуха требует. А вот финиковые пальмы, как изволите видеть, поднялись под крышу. И уж плоды завязались у некоторых. Однако их долго придется ждать. Прикажете, ваша светлость, завезти сюда еще два улья. Здешних пчел маловато уже.

— Экий сад эдемский,— радовался Потемкин.— Отдохновение среди худой зимы.

— В самом деле благодать, ваша светлость,— поддакнул шедший позади Попов.

— Про ульи слышал? Чтоб непременно вскорости доставили! — распорядился Потемкин.— В чем еще у тебя нужда, Бауэр?

— Лучший помет голубиный,— промямлил садовник,— да где его взять... Для плодородности почвы здешней.

— Прикажу — достанут,— убежденно пророкотал Потемкин.— Ты не стесняйся, говори, что надобно. Здешнюю красоту питать надо щедро, ничего для нее не жалея.

— Мы и так ублаготворены вашей милостью,— пробормотал садовник, кланяясь.

— Искусник,— сказал Потемкин, когда они с Поповым вышли из оранжереи.— Люблю таких.

На широченных улицах-проспектах полукружьем высились лавки, поднялся гостинный двор. За ним — биржа, судилище.

— Проект университета исполнен ли?

— Старов сделал.

— Строить пора, чего медлят?! Пошли адъютанта за городным архитектором.

— Известно, чего медлят — рук нету,— отвечал Попов.— Тож с консерваторией. Сартти обижается: обещали вы ему поднять консерваторию по-быстрому, а она еще не зачата.

— Повинюсь перед ним,— согласился Потемкин.— Где взять людей потребных?

— Помещики за дворовых держатся — вцепились. А пришлого народу мало.

— Греков, сербов, молдаван, болгар зазывать надобно.

— Как зазовешь? Они под турком. И так беглого народу оттоль немало.

— Освободим мы их,— убежденно проговорил Потемкин.— Я на то живот свой положу, цель то моей жизни. И Царьград будет наш.

— Близок локоть, да не укусишь,— засмеялся было Попов, но тотчас же осекся, увидев насупленные брови своего патрона.

— Ежели жив буду, в губернаторское кресло Царьграда тебя посажу и крест на Святой Софии воздыму! — С этими словами Потемкин широко перекрестился.

— Да будет так,— поспешно проговорил Попов, стремясь загладить неловкость.

— Будет, будет! — убежденно проговорил Потемкин. — Есть у нас ныне сила, есть и власть. Есть Таврида, отколь до турка близко. Есть Румянцев, Суворов, Кутузов, Спиридонов, Ушаков, Мордвинов, Дерибас. У турок таковых нет. — Потемкин воодушевился, сев на своего любимого конька, зрячий глаз его сверкал, составляя разительный контраст с другим, стеклянным, хранившим вечное и мудрое спокойствие. — Государыня, тебе сие ведомо, равно со мною мыслит. Я ее зажег, — с некоторой гордостью закончил он.

Открытый экипаж поджидал их. На запятках висли дежурные денщики. Поехали.

В разных концах протяженного города копошились строители. Видно было, что задумано широко, с размахом, а осилить трудненько. Площадка кафедрального собора распростерлась чуть ли не на квадратную версту. Потемкин приказал архитектору спроектировать громаду. «На аршинчик выше собора Петра в Риме», — говаривал он. Копали фундамент. Едва ли не сотня землекопов долбила мерзлую землю, забрасывала ее в будуары, и медлительные волны тащились наверх.

— Сколь народу нынче в Новороссии по ревизским сказкам? — поинтересовался Потемкин. — Ты, Базиль, должен ведать.

— Ведаю, ваша светлость, — резво отвечал Попов. — Сосчитано на нынешний год сверх семисот тысяч душ.

— С прибылью, стало быть, — оживился Потемкин. — Однако требуется больше, куда больше. Худо дело подвигается, — сердито бросил он. — Эдак мы и в сто лет город не подыдем. Указ надобен губернаторам, дабы присылали бродяг и прочих провинных людей нам сюда. Мы их тут образуем, пригреем, жилье дадим и к делу пристроим. Екатеринослав восславит Екатерину в целом свете. Сей город должен стать в ряд с европейскими столицами, не уступив ни Берлину, ни Парижу...

— Не чрезмерны ли таковые мечтания? — осторожно заметил Попов. — Ведь названные вами столицы стоят многие века. И для сего города надобен по меньшей мере век, дабы он образовался.

Попов нередко противоречил своему патрону, как бы поддразнивая его: он заметил, что Потемкин хоть и вспыхивает, но ему это нравится. Светлейший нуждался в оппоненте, дабы заострить свои мысли и прожекты.

— Ежели государыня соблаговолит указом своим дать сюда работных людей по потребности, то город быстро возрастет.

— А откуда набрать обывателей? — не унимался Попов.

— Сии работные люди и станут обывателями, — отвечал Потемкин, начиная сердиться. — Призовем колонистов. Я вон даже корсиканцев зазвал, что тебе ведомо.

— А Кременчуг, ваша светлость? А Херсон, а Николаев, вам весьма любезный?

— Кременчуг уже образовался под стать губернскому городу, его подкрепим колонистами, Херсон тоже. Николаев же благодаря своему расположению и покровительству небесного его патрона Николая Угодника процветет со временем. Я в это верю,— довольно спокойно проговорил Потемкин.— Ты мне зубы-то не заговаривай, давай сюда архитектора.

— Послано за ним, ваша светлость. Однако ж чрезвычайная протяженность препятствует скорому его отысканию.

Но архитектор все же явился. Потемкин встретил его вопросом:

— Давеча велено было скорым порядком возвести хоромину для компониста Сартия. Давай отчет!

— Под крышу поднят, ваша светлость,— торопливо отвечал архитектор.— Рядом, как вам ведомо, с местом, отведенным под консерваторию. Еще неделя надобна, чтобы закончить и внутри отделать.

— Гляди мне, чтоб исполнено было.

Григорий Александрович Потемкин был большой меломан. Он зазвал в Россию уроженца итальянского города Фаэнцы Джузеппе Сарти, к тому времени уже прославившегося на композиторском поприще не только в родной Италии, но и в Копенгагене. Потемкин, взявший его на службу и щедро вознаграждавший, начал с того, что заказал ему ораторию на подобранный им церковный текст «Господи, воззвав к тебе». Исполнение ее было помпезным: Сарти дирижировал двумя хорами, симфоническим оркестром и оркестром роговой музыки.

Теперь Сарти спешно разучивал с домашней капеллой Потемкина, в которой насчитывалось сто восемьдесят пять певцов и музыкантов, торжественную кантату в честь грядущего приезда императрицы, взяв слова Тамбовского гражданского губернатора Гавриила Романовича Державина, к тому времени прославившегося на ниве пиитической. Кантата называлась «Гений России». В ней были такие слова:

Теперь мы возгласим то славное светило,
Что вящие лучи на край сей испустило.

(Хор громогласно, с музыкой):

Сияй, любезная планета,
Пресветлой красотой твоей!
Сияй, утеха, радость света,
Для вечной славы наших дней!
Сияй, несметных благ причина,
Бессмертная Е к а т е р и н а!

Потемкин покровительствовал Державину. Они были товарищами по университетской гимназии — Фонвизин, Богданович,

Булгаков и Потемкин. Державин прославлял Потемкина в своих громокипящих стихах:

Не ты ль наперсником близ трона
У Северной Минервы был,
Во храме Муз — друг Аполлона,
На поле Марса — вождем слыл;
Решитель дум в войне и мире,
Могущ — хотя и не в порфире.

По представлению светлейшего Державину был дан чин действительного статского советника и место губернатора. Оба были довольны друг другом.

...К вечеру отъезд был закончен. Потемкин по обыкновению был недоволен. Как он ни подгонял людей, дело, по его мнению, шло медленно. Ни кнут, ни пряник не помогали.

Некоторое отдохновение получил он, побывав на репетиции кантаты. Музыка действовала на него умиротворяюще. Она стеною вставала меж действительностью, и все житейское отходило в сторону. Он воспарял чувствами к небесам: музыка была языком Бога.

Когда репетиция закончилась, он подозвал к себе Сарти.

— Славно выходит, маэстро. Но вот роговая музыка — не грубовато ль звучит?

— Нет, ваша светлость,— отвечал Сарти на плохом русском языке — он все еще предпочитал итальянский и только по требованию Потемкина перелагал на музыку русские тексты.— Она, как бы это сказать, оттеняет, да, оттеняет нежные звуки скрипок и виолончелей. А все вместе составляют ансамбль...

Потемкин глянул на него недоверчиво, но промолчал. Потом, вспомнив, стал перебирать бумаги на письменном столе. Ему хотелось хоть немного уязвить самолюбивого итальянца, не желавшего мириться с возможными конкурентами. Сказал небрежно:

— Тут я получил письмо от посла нашего в Вене Андрея Григорьяча Разумовского. Пишет он вот что.— Потемкин вздел очки и стал читать одним глазом: — «Хотел было я отправить к вам первого пианиста и одного из лучших композиторов в Германии, именем Моцарт. Он недоволен своим положением здесь и охотно бы предпринял это путешествие. Теперь он в Богемии, но его ожидают сюда обратно. Если ваша светлость пожелает, я могу нанять его ненадолго, так, чтобы его послушать и содержать при себе некоторое время».

— Ну, что скажешь? Знаком он тебе, этот Моцарт?

— Знаком, ваша светлость. Я общался с ним в Вене, где останавливался на пути в Петербург. Ему понравились некоторые мои сочинения...

— Какие же?

— Опера «Двое ссорятся — третий радуется». Он даже использовал одну из тем в своем сочинении. Это способный молодой человек. Но я бы, честно говоря, не воскурял ему фимиам, как некоторые в Вене. Там его объявили гением. Гений, ха! — И Сартти саркастически поджал губы. — Верно, он чрезвычайно плодovit, и в свои тридцать с небольшим сумел сочинить много инструментальной и прочей музыки...

— Так что же ты посоветуешь, маэстро? — И Потемкин хитро прищурился.

— Воля ваша. Вы можете оказать протекцию этому многообещающему молодому человеку. Но выписывать его сюда для того лишь, чтоб послушать... Не знаю. Не уверен, что вам, ваша светлость, придутся по вкусу его сочинения. Особенно, зная ваши пристрастия...

— Ну ладно, коли так. Положусь на твой отзыв.

Мог ли Сартти ответить иначе? Он десятилетиями взбирался на вершину славы. Взобрался ли? Нет, все еще карабкается. Ему пришлось быть органистом, капельмейстером, регентом. Болонья, Фаэнца, Венеция, Копенгаген... Все ради куска хлеба. А Моцарт?.. Хоть он и моложе на целых двадцать семь лет, но уже вознесся на вершину славы. В Вене он свел с ним знакомство и ревниво слушал его сочинения. В них была та надмирность и певучесть, изящество и глубина, которые заставляли трепетать все струны человеческой души. Сартти понимал: то дар Бога. А его Господь наградил трудолюбием и соответственно лишь мастерством. Но признать это?.. Никогда!

— Ступай себе, готовься. Мы государыню музыкой должны разнежить и сердце ее возвысить.

Отпустив Сартти, Потемкин понурился. Ах, эта российская нерасторопность. Строилось много: училища, присутственные места, лавки, много лавок, консерватория... Но все начато и иной раз далеко от завершения. Подрядчики, десятники не умеют организовать дело. И так на пространствах всей Новороссии. Да, он многое успел; не заметить и не оценить сего было невозможно. Даже недоброхоты, коих у него более чем достаточно, прикусят языки. Но хотелось больше, быстрее, лучше.

Он утопал в мечтаниях, ибо ум его парил высоко. Но как соотнести мечтания с действительностью? Может ли ему дать совет преосвященный Амвросий, архиепископ Екатеринославский и Таврический?

Архиепископ охотно являлся на зов светлейшего. Он не чинился, яко духовный пастырь. И Потемкин послал адъютанта своего Бауэра звать его преосвященство. Мол, его светлость нуждается в совете и совместном молении.

Архиепископ не помедлил. Он не переоделся — явился в домашней рясе. Потемкин подошел под благословение.

— Благословляю и отпускаю, чадо мое духовное, — пропел Амвросий. — Что тревожит душу?

— Ах, владыко, все не так, как желалось бы.

И Потемкин стал изливаться. Он говорил долго, все более распаляясь.

— Недостает ни денег, ни людей, владыко, а на носу война с турком.

— Нешто война близко? Верно ли глаголешь? — разволновался Амвросий.

— Беспрременно. И государыня о том ведает. Она вот секретнейший рескрипт изволила прислать в ответ на мои рассуждения. Тебе, преосвященный, зачту — от тебя секретов нету, яко от исповедника моего.

Он взял со стола бумагу и стал читать:

— «С особенным удовольствием приемлем мы план, вами начертанный... вверив вам главное начальство над армиею, даем вам полную власть и разрешение распространять все поиски, кои к пользе дела и к славе оружия нашего служить могут. Посланник наш Булгаков имеет уже от нас повеление посылать дубликаты своих донесений к вам и предписания ваши по службе нашей исполнять. Мы дали ему знать, что, как скоро получит от нас уведомление о выезде из Царьграда, должен предъявить Порте причины тому и требовать безопасности отъезда...»

— Ах ты Господи, докука какая! — всплеснул руками архиепископ.

— Яша Булгаков, однокашник мой, доносит: турки-де готовятся напасть. Собирается войско, стягивают его к Адрианополю. Хотят во что бы то ни стало Крым отбить. Не могут смириться с тем, что он ноне под Россией. И вообще, известие о моем намерении идти походом на Константинополь дошло до них чрез иноземных послов, подозреваю — французского, и хотят они нас упредить.

— Что же будет, что же будет?! — продолжал кудахтать преосвященный.

— Известно что — война. Решительная. Должен я отобрать у турка Очаков, Измаил, Аккерман, Бендеры и иные крепости, дабы иметь широкий выход к морю и тыл наш обезопасить. Живот положу, а добыюсь своего. Он вон сколь много славянских земель отхватил, оплот и славу православия Византию поработил, храмы наши осквернил. Неужто оставить сие без возмездия?!

— Так-то оно так, — пробормотал Амвросий. — Однако же великое пролитие крови сулит сия война.

— Слышал, владыко, государыня одобряет мой план и дает мне полную свободу действий. Но я не начну, покамест турок

не начнет. А он беспрерывно первым бросится,— убежденно проговорил Потемкин.— Уж учен, кажется, а все норовит укусить. Мне же передых нужен: флот достроить и довооружить, Севастополь укрепить, ибо оттоль все и начнется. Первоклассная крепость будет. И гавань тамошняя способна весь флот укрыть. Опять же армию собрать, дабы у нас не менее двухсот тыщ под ружьем было. Как ни тороплю, а все медлительно выходит.

— Господь с нами,— убежденно сказал Амвросий.— Под Христовым знаменем побьем басурмана.

— Аминь! — И Потемкин широко, размашисто перекрестился.— И да будет так!

СКВОЗЬ МАГИЧЕСКИЙ КРИСТАЛЛ...

В е т в ь п я т а я: февраль 1453 года

— Идут!

— Идут!

— Идут!

Дозорные на стенах, окружавших Константинополь, протяжными возгласами оповестили: показались передовые части турецкой армии.

Но еще прежде на глади Мраморного моря забелели паруса турецких кораблей. Флот врагов Христова имени был подобен бесчисленной стае чаек. Он поверг жителей города в трепет. Но решимость отстоять столицу оказалась сильнее страха. Всю зиму они трудились на починке стен и расчистке рвов. На стены собирались камни, дабы обрушить их на головы нападающих.

Был создан общественный арсенал. Все имевшееся оружие учтено и собрано в одном месте: оно было известно всем — и мужам и женам. Все, кто был в силах носить оружие и принять участие в обороне, знали свои участки, где им надлежало быть, когда начнется осада.

Все было так. Но когда сочли все резервы, вышло: недостает всего — оружия, амуниции, припасов, даже камней. Да, камней. Посланцы императора Константина были срочно направлены во все концы христианского мира. Но они мало чего добились, хотя обещания были.

Генуя обещала прислать корабли пшеницы. Король Альфонс Арагонский разрешил закупить пшеницу в Сицилии. Венеция была потрясена судьбою галеры капитана Риццо, потопленной турками выстрелом из гигантской пушки. Сенат, собравшийся 19 февраля, решил: немедленно снарядить и отправить в осажденный город два корабля с четырьмястами солдатами и вдогон еще пятнадцать галер. Спустя пять дней сенат постановил ввести особый налог на купцов, торговавших с Левантом, дабы выручить деньги для помощи Константинополю. Тогда же были разосланы послания монархам христианских стран, где говорилось: Византия обречена на гибель, если ей не будет оказана немедленная помощь.

Однако, несмотря на таковой трезвон, венецианские суда все еще не вышли в море: власти и корабельные начальники не торопились.

Папа и кардиналы зашевелились. Николай V повел переговоры с Генуей о закупке оружия, провианта и снаряжения генуэзских кораблей.

Переговоры и туманные обещания — вот итог челобития христианским государям посланцев императора Константина. Европа, свободная от власти турок, затаилась и выжидала. Россия была слишком далеко и не отзывалась. Молчал и великий христианский воитель Янош Хуньяди, регент Венгрии. Казалось, он мог бы воспользоваться тем, что турки ослабили границу на Дунае, и ударить на них с севера. Но он был связан по рукам и ногам своим регентством: юный король Владислав V достиг зрелости и намеревался взять власть в свои руки.

Была надежда на генуэзскую колонию в Пере, находившуюся по другую сторону Золотого Рога. Когда в Перу переправился император Константин со своими приближенными, генуэзцы радушно встретили его и заверили, что придут на помощь. В начале февраля в город прибыл знаменитый генуэзский кондотьер Джованни Лонго с семьюстами воинами.

Но все это были капли в море. Когда передовые части турок явились под стенами, император приказал своему секретарю Франдзису переписать всех мужчин, способных носить оружие, не исключая и монахов. Было сочтено 4983 грека и около двух тысяч иностранцев.

Император повелел утаить итог переписи.

Глава пятая

ЯЗЫК ДО КИЕВА ДОВЕДЕТ

Мир необходим этой обширной империи; мы нуждаемся в населении, а не в опустошениях; заставьте кишеть народом наши обширные пустыни, если это возможно; для достижения этого не думаю, чтобы полезно было заставлять наши нехристианские народности принимать нашу веру; многоженство более полезно для умножения населения; вот что касается внутренних дел. Что касается внешних дел, то мир гораздо скорее даст нам равновесие, нежели случайности войны, всегда разорительной.

Екатерина II

Г о л о с а

Для Высочайшего Ея Императорского Величества по Днепру похода потребно на состоящие в Михайловском заливе суда в греблю солдат 1000 человек. Я покорнейше прошу ваше сиятельство приказать командировать оных из полков начальства вашего с пристойным числом обер- и унтер-офицеров, барабанщиков и флейтчиков без ружей и сум...

*Потемкин — графу Румянцеву-Задунайскому, командующему
1-й армией*

Вы имеете учинить строгим присмотром за гошпиталями и лазаретами. В рассуждении больных строго держаться моих предписаний, где наипаче всего чистота рекомендована...

Часто в гошпиталях не болезнь истребляет, но нужда... Гнусный прибыток — нажива на больных...

...Рабочие деньги раздать солдатам все по рукам и не терпеть, чтоб оныя лежали у полковых командиров, ибо сие есть собственность солдатская...

Потемкин — генералу графу де Бальмену

Нет, Вы не северное сияние — Вы самая блестящая звезда Севера, и никогда не бывало светила столь благодетельного. Все эти звезды заставили бы Дидро умереть с голоду. Он был гоним в своем отечестве, а Вы осыпали его своими милостями.

Вольтер — Екатерине II

Несмотря на стремление к миру, в чем меня здесь постоянно уверяют, опасность, грозящая Оттоманской империи, постоянно возрастает... Нам ни в коем случае не следует ослаблять

бдительность турок в то время, когда Россия столь явно вооружает войска...

Сегюр — графу Шуазелю, новому министру иностранных дел

Если вы непременно хотите сохранить гнездо чумы и полагаете, что христианское государство или греческая республика будут менее благоприятствовать вашей торговле, чем своевольные и дикие мусульмане, то по крайней мере должны согласиться, что их нужно оттеснить к отдаленным и естественным границам во избежание беспрестанных набегов и войн.

Потемкин — Сегюру

Понимаю: вам нужен Очаков и Аккерман. Это все равно что требовать Константинополь. Объявите войну якобы во имя мира.

Сегюр — Потемкину

Вовсе нет. Но в случае войны мы возьмем то, что захотим. Да и без войны мы могли бы провозгласить независимость Молдавии и Валахии, освободив христиан от меча злодеев и грабителей.

Потемкин — Сегюру

Секретно... Молдавия — в великом страхе: слух — всех бояр и молдаван хотят турки истребить яко бунтовщиков в минувшей войне. Бояре день и ночь молятся о прибытии русских войск, волонтеры хотят перебежать... За десять верст живущий от Могилева на молдавской стороне боев Андроник Рудь говорит, что господарь молдавский секретно присягал с боярами: если увидят злонамерение турок, биться с ними до последней капли крови...

Тайный агент Георгий Дранчев — киевскому губернатору Ширкову

— Воистину язык до Киева доведет.— Екатерина улыбалась, она была в том ровном расположении духа, которое никак не могли омрачить мелкие дорожные неурядицы. То сломался полоз у кареты, в которой ехали ее статс-дамы, то ночью пришлось ехать в кромешной тьме: незначительные исполнители губернских приказаний не распалили поленницы по сторонам дороги. По этой же причине эскорт сбился с пути и утонул в сугробах...— А мы по-прежнему станем препровождать досуги в болтовне,— продолжала она.— И чем изящней будет наша болтовня, тем быстрее пройдет время. Что вы предлагаете, господа? — обратилась она к иностранным министрам, к коим присоединился англичанин Фицгерберт, степенный и малоречивый, как все англичане.

— Не разыграть ли нам буриме? — предложил Сегюр.

— Ох, граф, вы наступили мне на любимую мозоль,— притворно сокрушилась Екатерина.

— Позвольте, ваше величество, мы все знаем остроту вашего ума, вашу находчивость. Неужто вам это не под силу?

— Даже с готовыми рифмами я справиться не могу, граф. А уж стихоплетство мне вовсе не доступно.

— Вы прибедняетесь, ваше величество,— почтительно заметил Кобенцль.— Ваш слог изящен, это признал такой ревнитель, как покойный Вольтер, ваша речь льется свободно, мы все ею восхищены.

— Полно, вы мне льстите,— улыбнулась Екатерина.— Как государыне и как женщине. Благодарствую. Но мой французский далек от совершенства, равно как и русский — меня поправляет Храповицкий, главный наш стилист. Разве что немецкий как язык детства, как родной не тяготит меня.

— Нет, ваше величество, я должен решительно возразить, я просто обязан это сделать,— выпалил Сегюр с неожиданной для него горячностью.— Ваш французский очень хорош — говорю это как француз и готов засвидетельствовать перед целым светом. Я мог бы принять вас за француженку, если бы не знал, что вы...

Он замялся.

— Что ж вы прикусили язык, граф? — догадалась Екатерина.— Договаривайте же, я позволяю.

— Что ваш родной немецкий, как вы только что изволили заметить,— нашелся Сегюр.

— Вы изящно вышли из положения.— Екатерина хлопнула в ладоши в знак одобрения.— Как истый француз. Да, я немка, это известно всему свету, но я обрусевшая немка. Корни мои давным-давно выдернуты из той почвы, на которой я произросла. Они заглубились в русскую землю и там ветвятся.

— Браво, ваше величество,— захлопали в ладоши гости государыни.— Ваш ответ в который раз подтверждает остроту вашего ума.

— Хорошо, я согласна, буриме так буриме. Предлагайте рифмы.

Разговор шел на французском, равно общем для всех, и рифмы тоже были французские. Каждый сочинил свой вариант четырехстишия, не давая соседу заглянуть в него.

— Готово?

Все согласно кивнули.

— Читайте, ваше величество.

Все нашли четверостишие Екатерины очень удачным.

— Наверное, вам достанутся лавры победительницы, ваше величество,— заметил Фицгерберт, дотоле молчавший.

— Не наверное, а наверняка,— возразил Кобенцль и прочел свой вариант.

Пришел черед Сегюра.

— На правах женщины, вдобавок старшей среди нас, я беру на себя роль судьи, — провозгласила Екатерина. — Так вот: победил граф Сегюр.

— Теперь вы мне льстите, ваше величество.

— Ничуть. Я никому не льщу, запомните это, граф. Справедливость — мой девиз. Иначе какой бы я была правительницей. Да, у меня, как у всякого человека, бывают пристрастия, симпатии и антипатии. Но и в них я стараюсь быть справедливой по мере сил своих.

— Это делает вам честь, ваше величество, — заметил Фицгерберт. — Мой государь, увы, не всегда придерживается этого принципа.

— Что ж, господин посол, вы вправе говорить о недостатках вашего монарха. Я не возбраняю своим подданным критиковать меня. И готова всегда признать свои ошибки. Это всем на пользу, и прежде всего мне самой.

— Прекрасные слова, ваше величество, — сказал с поклоном Кобенцль. — Я бы размножил их и положил на стол решительно всем государям Европы.

— Почему только Европы? — вмешался Сегюр. — Они достойны всесветного распространения. Если бы все умели признавать свои ошибки и исправлять их, мир обошелся бы без войн и кровопролития.

— Согласна, граф. В этом, как мне кажется, и есть истинная добродетель. Ибо ничего нет выше покаяния. У нас в России говорят: не покаешься — не спасешься, — закончила Екатерина.

Так в умственных играх, в беседах коротали время пути. Были, разумеется, и карты — «макао», «фараон». Государыня, надо сказать, ни в чем не уступала своим спутникам. Известный остро слов принц де Линь окрестил ее поэтому Екатерину Великий, ибо ум у нее был мужской остроты.

Краткая остановка была сделана в местечке Солецкий Посад. Четыре месяца назад оно выгорело дотла, и крестьяне жили в землянках. Государыня пожаловала на каждый двор погорельцев по двадцать рублей, а всего на 95 дворов тысячу девятьсот рублей из ее Кабинета.

На каждой станции являлись и били челом депутации обывателей, преимущественно дворян. А на губернских границах государыню встречали власть предержащие.

Так было близ Смоленска. Засвидетельствовать верноподданные чувства поспешили вице-губернатор, коллежский советник Иван Храповицкий с дворянами. Другой Храповицкий — Степан, губернский предводитель дворянства, — держал речь:

— Всемиловитейшая государыня! Тобою мы счастливы и благодарствуем. Ты царствуешь над нашими сердцами, неизреченными благодеяниями твоими преисполненными; то ни с чем не

сравнимое счастье тебя видеть, радость и восхищение лобызать десницу, нам благотворящую...

Екатерина встретила этот образчик провинциального красноречия благосклонной улыбкой и повелела наградить всех Храповицких — был еще и действительный статский советник Платон, с сопутствующими им кавалериями Святого Владимира разных степеней.

— Доволен ли ты? — спросила она своего статс-секретаря Александра Храповицкого.

— Премного благодарен, матушка-государыня, ибо поистине вы мать своих подданных, — отвечал он. — Все Храповицкие готовы отдать за вас свою жизнь до последней капли крови.

Потом была раздача денежных пожертвований духовным — епископу, семинарии, монастырям — всем по тысяче. А посему повсеместно ликовали и славили высокую благодетельницу.

От речей и благотворений все порядком приустило. Густой мрак окутал Смоленск, стены и башни кремля, путевой дворец. Близилась ночь.

— Не задать ли нам храповицкого? — предложил Александр Дмитриев-Мамонов. Он был хорош собой, умен, прекрасно воспитан и всего на двадцать девять лет моложе своей повелительницы. Его предложение было встречено всеобщим смехом и одобрением. До поры до времени государыня не выставляла его на показ: он мимолетно являлся и столь же мимолетно исчезал. Нет, Екатерина ничуть не стеснялась. Ничуть!

— Я приношу государству пользу, образовывая молодых людей, — говаривала она. — Все они — мои воспитанники.

Обо всех все знали. Всё — тоже. Можно ли было что-нибудь утаить в тесных пределах дворца, где столь много служащих и дворских?

Их, ее воспитанников, был долгий черед. Екатерина была страстной натурой. Она могла себе это позволить, как позволяли все монархи мира. Тем паче что недостатка в соискателях ее милостей она не испытывала. Выбор был широк, и она им пользовалась.

Мамонов воцарился в ее спальне после неожиданной кончины Ланского три года назад, о котором она писала своему confidentу барону Гримму: «Я надеялась, что он будет опорой моей старости: он тоже стремился к этому...» Правда, между Мамоновым и Ланским ненадолго затесался Ермолов. А в царствие Мамонова его временно потеснили Миклашевский и Милорадович — все гвардейские офицеры. Но Екатерина вернула его: он более устраивал ее тонкостью манер и мужественностью.

Все они были выдвигенцами Потемкина. Он управлял гаремом Екатерины на протяжении почти пятнадцати лет.

«Сашенька тебя любит,— писала она Потемкину о Мамонове,— и почитает, как отца родного».

Сашенька был узником Екатерины. Ему не дозволялись самовольные выходы в свет. На каждый шаг надобно было испрашивать высочайшее разрешение. Он был прикован к спальне императрицы.

Послам это было известно. А потому они не удивились его явлению в карете императрицы. И вполне оценили его остроумие, полагая, что он столь же остроумен и в царственном алькове.

— Да, господа.— Екатерина расхохоталась.— Зададим храповицкого, ибо нашествие Храповицких, полагаю, вас тоже утомило. Да и пора, Александр совершенно прав.

Она умела смеяться, ибо от природы была наделена веселым нравом, который не смогли истребить безрадостные годы детства и юности, ее раннего замужества за будущим императором Петром III — самодуром и дуралеем. И Сашенька нравился ей, кроме всего прочего, еще и потому, что умел развеселить ее. Так же как и Потемкин, который обладал необычайным даром имитировать голос и манеры придворных, в том числе и самой Екатерины. Он делал это столь искусно, что государыня заливалась смехом.

При последних словах ее величества послы откланялись. Мамонов тоже таинственным образом исчез, словно бы испарился. Государыня в сопровождении ближних женщин и камердинера Зотова, тож доверенного, отправилась свершать вечерний туалет перед отходом ко сну.

Мамонов знал свое место и занял его в ожидании повеления государыни. Он был девятым в списке екатерининских фаворитов — девятым официальным, кои попали в учет. Но были еще и неучтенные, так сказать временщики, в полном смысле этого слова. О них мало что знали и их мало кто знал. То были избранники мимолетной прихоти императрицы в первые годы ее правления. Время мало-помалу умеряло ее темперамент. И привязанности ее стали постоянны. Их могла разорвать только измена фаворита, что, кстати говоря, и случилось с Мамоновым близ пятого года его фавора.

А пока что он был искусным инструментом удовлетворения ее все еще не угасшего сластолюбия. Пока еще его власть над государыней была сильной. Но и она становилась все слабей и короче: возраст брал свое.

Он понимал, что наступит момент, когда его ласки останутся не востребованными. И как умный и дальновидный человек стал торопиться. И торопить — пока в силе. Дорогие подарки: перстни, осыпанные бриллиантами, табакерки, имения, денежные дачи — государыня была щедра. И наконец, графское достоинство, чего он более всего добивался.

Все. Можно было помаленьку ослабить узду. А вскоре и слезть. А чего чиниться: так было со всеми — с Орловым, Васильчиковым, Потемкиным, Завадовским, Зоричем, Корсаковым, Ермоловым, Ланским... Все они получили свое. Да и мимолетные тоже успели кое-что урвать — как бы отступное. Государыня была щедра по-царски и вдобавок не помнила зла.

Она умела быть благодарной. За ласки, если почитала их искренними, за молодость и даровитость. Она была доброй по натуре, как бывает добр человек, которому уже ничего не стоит его доброта и щедрость. Она ценила одаренность натуры, если таковая имела, и нередко награждала даже не по заслугам.

Свои заслуги Мамонов знал и ценил. Приникая горячими губами к телу своей любовницы, он, пробуждая в ней страсть, заставлял ее дрожать любовной дрожью.

Это была она — императрица всероссийская, всецело подвластная ему, новоиспеченному графу. Она, гордая и недоступная большинству простых смертных, подавляющему большинству. Но не ему, нет! Он повелевал ею, он смел, как никто другой, повелевать государыней.

Что ж, он искупил свое заточение, свою подслащенную неволю. Не может же она быть вечной, когда-нибудь ей придет конец.

А Екатерина? Она еще могла гарцевать на коне. И все благодаря этому эликсиру, вливавшему в нее силу и бодрость. Она все еще не чувствовала своих лет и говорила:

— У меня душа ничуть не устарела. И душою я так же молода, как полвека назад.

Вот почему она бестрепетно согласилась отправиться в долгое путешествие, расставшись с привычным укладом Зимнего или Царского Села.

Кое-кто пробовал ее отговорить, указывая на великие тяготы столь протяженного пути, намекая, что они-де ей не по годам.

— Нет, возраст мне не помеха. К тому ж князь Александр Григорьевич позаботится о том, чтобы я пользовалась привычным комфортом, — отрезала она.

Воля управляла ее моложавостью, великолепно сложенная воля.

И Сашеньку, яко одного из важных инструментов этой воли, она берегла от света. Старалась не засветить. Он был явлен близ Смоленска, а потом снова упрятан. До самого Киева.

Незадолго до Киева кортеж ее императорского величества въехал в Печерск. Ночную тьму отодвинуло сияние множества огней, словно мириады звезд пали с неба на землю. То генерал-губернатор Малороссии граф Петр Александрович Румянцев-Задунайский, герой минувшей войны с турком, зажег во славу своей августейшей повелительницы тысячи факелов и плошек. Естественно, дос-

тойный прием был оказан государыне и ее сопровождаителям в Вишенках, родовом поместье генерал-фельдмаршала.

При обеденном столе, накрытом на сто персон, играли оркестры и пели певцы голосами необыкновенной приятности. Сладостные мелодии настроили всех на особо торжественный лад.

Наконец, дабы подкрепить торжество, была произведена пушечная пальба. Особливо, когда произносились тосты за здоровье государыни и ее близких, равно и сопровождавших ее выдающихся особ.

— Ах, Петр Александрович,— восхитилась Екатерина,— вы встречаете меня истинно по-царски.

— Как подобает преданному подданному, поклоняющемуся вашему величеству,— отвечал Румянцев галантно.— Позвольте ручку.

Екатерина с милостивой улыбкой протянула ему пухлую белую руку, к которой он благоговейно приник.

— Желаю с вами побеседовать наедине,— неожиданно произнесла Екатерина. И с этими словами поднялась и проследовала вместе с польщенным таковой доверительностью Румянцевым в его кабинет.

— Как вы полагаете, граф,— без предисловий начала она,— будет нынче война?

— Бесспорно будет,— убежденно ответил Румянцев.— Как не быть войне, коли турок не смирился и не смирится с потерей Крыма. Это самая чувствительная для него утрата. Она саднит, яко незаживающая рана. Потерять сию благоуханную землю означает для него лишиться удобнейшего ретраншемент, сиречь крепостного укрепления, для нападения на нас.

— Но можем ли мы встретить турка надлежащим образом? — продолжала допытываться Екатерина.

— По разумению моему — можем, несколько не утратив...

— Об утрате не может быть и речи,— перебила его Екатерина.— Нет, генерал, я подразумеваю приращения, ибо ближний нам берег Черного моря должен быть российским.

— Я, матушка-государыня, могу быть в ответе токмо за вверенную мне армию. Каковы же дела в Екатеринославской армии, я не ведаю. В том даст вам отчет князь Потемкин,— осторожно отвечал Румянцев.

— Мне желательно знать мнение вашего сиятельства как испытанного воина: в состоянии ли мы будем нынче, ежели война разразится, опрокинуть турка и дойти до Царьграда?

— На то с обстоятельностью мог бы ответить господин военный министр, то есть тот же князь Потемкин.— Сказав это, Румянцев выжидательно уставился на Екатерину: каково она отреагирует. Реакция государыни была мгновенной:

— Суждение князя мне известно: он полон решимости идти на Царьград и восстановить там христианское правление. Я же

отношусь к такому плану с осторожностью. Хватит ли у нас пороху? То бишь достанет ли не токмо воинского духу — духу у нас предостаточно, — но воинской славы. Вы, человек военного закала да и опыта предводительского, в состоянии с трезвостью оценить наши возможности... Отвечайте как на духу.

Некоторое время Румянцев молчал, собираясь с мыслями. Можно было бы ответить с бодростью, как надлежит перед лицом монархини: воля твоя для нас священна, мы победим. Но он не мог себе этого позволить.

Ему было известно, что Россию поразил недород и народ голодает, что армия худо экипирована, что в казне нету денег, что рекрут недоедает и наборы все тощат. Что, наконец, внешний блеск ничего не стоит и за пышным фасадом — нищета.

Румянцев был предельно откровенным.

— Ныне год для сего предприятия неподходящий: недород. Стало быть, войско провиантом в должной мере обеспечено быть не может. Да и осилит ли казна вашего величества столь огромную тягость? Война, изволите ли знать, требует денег и денег.

— Уж это-то я знать изволю, — с усмешкой отвечала Екатерина. — Кому знать, как не мне. А вот князь Потемкин полон воинственного пылу. Он утверждает, что коли турок начнет, то погонит его за море.

— Князь Григорий Александрович человек горячий, — пробормотал Румянцев. — Его жар всем ведом, но не всех зажигает.

Екатерине было известно, что старый фельдмаршал ревниво относится к возвышению Потемкина и к его всевозраставшему влиянию, равно и к собственному умалению. Он чувствовал, что оказался на обочине, что военную политику всецело диктует выскочка Потемкин.

— А знаете ли вы, матушка-государыня, что Григорий-то Александрович в минувшую войну с турком не мог вынести вида крови и мертвых человеческих тел? — неожиданно проговорил он.

— Ну и что с того? — парировала Екатерина. — Тем не менее он шел в атаку во главе воинов. Мужественности ему не занимать.

Она полагала, что должна защитить своего любимца. Кто бы мог любоваться зрелищем нагромождения мертвых тел и льющейся крови? Только чудовище!

— Ну что ж, граф, я выслушала вас и благодарна за откровенность, — произнесла она, придав своему тону как можно более теплоты. — И соизмерю с вашим суждением наши дальнейшие действия. Однако все же убеждена, что турок на нас нападет — в этом вы правы. И мы должны в преддверии сего принять свои меры. Так что и вам с вверенною вам армиею надлежит быть в готовности.

— Будьте уверены, ваше императорское величество, что на поле брани мы не посрадим славы оружия российского,— отвечал старый фельдмаршал тоном рапорта. Он был всего на четыре года старше своей государыни, но уж бесспорно почитался всеми стариком. Но осмелился ли кто-нибудь сказать о Екатерине с т а р у х а ?! — так велика была разница.

«Он осторожен потому, что стар,— размышляла Екатерина.— Потемкин хоть и тоже немолод — всего-то на четырнадцать лет моложе Румянцева и на десять — меня,— но наделен от Бога молодой душой. Он жаждет войны в уверенности, что она закончится его триумфом в самом Царьграде. То есть он мыслит вровень со мною, стало быть, мы оба молоды, ибо рвемся в бой, пренебрегая опасностью. Надобно быть всегда победительною, какою я есть».

Эта мысль примирила ее со старым фельдмаршалом. Он, по ее разумению, отжил свой век и был ценим только за опыт, бесспорно богатый. Но наступило иное время — время дерзновенных поступков и действий, м о л о д о е в р е м я.

«Я создана для молодого времени,— продолжала размышлять она,— потому и держу близ себя молодых... Сашеньку. Потому и страстно люблю детишек, особенно внучат своих, с которыми иной раз заигрываюсь, точно я им ровня».

Екатерину волновала близость свидания с Потемкиным. Он должен порадовать ее тем, что успел свершить, что ее ждет в Новороссии и Тавриде, потому что избави Бог испытать разочарование, особенно в виду этой шайки иностранных министров. О, Гришенька все может!

Все? Да, он тороват на неожиданности всякого рода — это ей было известно. С другой же стороны, она верила в его фортуна. Только он один среди талантливых царедворцев, которыми она постаралась себя окружить, мог воспарить мыслью над обыденностью. Он, как никто другой!

Скоро Киев. В Киеве ее беспрерывно ждет сюрприз. С этой мыслью она взошла в карету. Спутники ее заняли свои места. Среди них был принц де Линь. Она была по-своему привязана «к этой шайке» — как мысленно называла Екатерина иностранных послов. Одни притворно, другие искренне восхищались ею, но все они были занятные собеседники, умевшие с изяществом поддерживать беседу, что так любила она. Мало кто из них, впрочем, подозревал, что истинный образ их мыслей доподлинно известен ей из перлюстрированной переписки. Все они, кроме, может быть, Кобенция, были туркофилы — в большей или меньшей степени. Одни по обязанности, другие по убеждению, третьи из соображений чисто политических. Их монархи более всего боялись дальнейшего возвышения России и, дабы его умалить либо вовсе предотвратить, были готовы на самые немыслимые шаги.

Более всего нравились ей принц де Линь, представлявший императора Иосифа, и граф Сегюр — Людовика XVI. Сегюр был туркофил, он был Сегюр-паша, Сегюр-эфенди либо Сегюр-бей, как в шутку звала его Екатерина в зависимости от обстоятельств.

Оба посла отдавали ей должное. И политика была здесь ни при чем. Оба искренне считали ее выдающейся европейской правительницей, восхищались ею: подвижностью и трезвостью ее ума, чисто мужским взглядом на вещи и события сродни их собственным взглядам. Она все еще была женщиной, несмотря на почтенный возраст, и это вечноженское не могло не пленять.

Восторженные встречи монархини в Киеве не были инспирированы, как полагал саксонский посланник Гельбиг. То было искреннее восхищение личностью императрицы, пришедшее на смену недоверию, а затем выжиданию. Она оправдала всеобщие надежды.

Они проехали через одни, затем другие триумфальные ворота. Солдаты и обыватели теснились по обе стороны дороги, гремели приветственные клики. Екатерина милостиво улыбалась.

Депутацию губернского и городского начальства сменила дворянская. Затем комендант Киевской крепости генерал-поручик Кохиус поднес государыне ключи от города. И подношение это было сопровождено сто одним пушечным выстрелом...

Екатерина ждала. Гремели литавры, перемежавшись с визгливыми звуками флейт и звонкими возгласами труб, грохотали пушки. Вся эта какофония терзала слух.

Вот он наконец! Потемкин встретил ее у входа во дворец.

— С прибытием, государыня-матушка, — низко склонился он и прильнул к ее руке. Она оглядела его могучую сановитую фигуру, испытав при этом необыкновенное волнение.

Он был все тот же — ее Гриша, ее верный слуга, но и более, чем слуга, — ее спутник, прекрасный в своей мужественности и своей мудрости. Она могла бы стать его матерью и его супругой, если бы более всего не ценила свободу, власть и трон. Это был единственный человек, которому она безраздельно доверяла и на которого могла всецело положиться. Молодые любовники были не в счет. Это были всего лишь усладители ее плоти. Он же оставался при любых перипетиях.

— Здоров ли ты, Григорий Александрович? — вопреки прилюдному обычаю обратилась она к нему на «ты». Ответ прозвучал более чем странно:

— Кажется, здоров, ваше величество.

Он ревниво оглядел ее спутников. Пристально всматривался в каждого, словно бы оценивая. Они с трудом разминали ноги, поочередно спускаясь по ступенькам кареты.

Последним выскочил розовый и резвый Саша Мамонов. Он пушком подскочил к Потемкину, склонился перед ним недо-

статочно низко и попытался обнять князя. Тот с какой-то странной миной, похожей на безгливость, отстранился.

— Позвольте, государыня-матушка, представить вам моих племянниц Александру Браницкую и Екатерину Скавронскую, — произнес Потемкин с непривычной церемонностью.

— Позволяю, — произнесла Екатерина. — Буде похотят, войдут в придворный штат мой.

— Почтут за честь, — ответил за них, несколько смущенных, дядюшка.

Екатерина внимательно глядела на него. От нее не ускользнула какая-то странность в выражении лица и поведении князя. Он был весь напряжен, весь в каком-то нервном ожидании. Чего? Аудиенции? Ей передались эти нервные токи, это ожидание. Она все тем же привычным, радушным тоном произнесла:

— Князь Григорий Александрович, не почтешь ли ты меня беседою? О состоянии Новороссии и Тавриды. Мне не терпится услышать свежие вести из твоих уст.

Лицо Потемкина как-то болезненно передернулось. Ответ его был неожидан.

— Позвольте, ваше величество, отложить сию беседу. Ибо я... я недомогаю, — закончил он с усилием.

Если бы Екатерина знала истинную причину! Он возревновал! Она была его главной женщиной. И это при том, что Потемкин был женолюб. Он не знал отказа: жены сановников, собственные племянницы, женщины полусвета — все перебывали в его постели.

Но Екатерина оставалась главной. Она была богиней его грез во все времена. И во времена их близости, и после. И тут его обычная здравость и трезвость уступали ему.

Когда на следующий день Екатерина справилась, где князь Григорий Александрович, пошто не явился, она услышала неожиданный ответ: его светлость удалился в Киево-Печерский монастырь и словно обыкновенный чернец заперся в одной из келий.

— Замаливает грехи, — вздохнула государыня. — Пускай его. Теперь надо ждать не менее недели. Чай, все ногти сгрызет, — закончила она грустно.

У Потемкина началась хандра.

СКВОЗЬ МАГИЧЕСКИЙ КРИСТАЛЛ...

В е т в ь ш е с т а я: февраль 1453 года

И сказал шейх-уль-ислам, духовный глава турок:

— Война против неверных угодна Аллаху. И сам Пророк возглавил бы войско.

Он не мог сказать ничего иного, ибо знал жестокий нрав молодого султана. Мехмед мог приказать тайно предать его казни, а потом объявить смерть духовного главы делом рук неверных.

Передовые части были уже на подступах к Константинополю. Вот-вот за ними вслед должна была выступить огромная турецкая армия.

Султан был привержен наукам. Его советником, привившим ему эту любовь, был придворный врач, итальянский еврей Якопо из Гаэты — Якопо Гаэтано.

Мехмед возлагал особые надежды на артиллерию. И появление Урбана в Эдирне-Адрианополе пришлось как нельзя кстати. После того как венгр отлил огромную пушку, потопившую с первого выстрела венецианский корабль своим массивным ядром, султан поручил ему отлить еще большую пушку, которая могла бы пробить брешь в стене, окружавшей Константинополь.

Урбан выполнил поручение султана. Его новая пушка была невиданных размеров. Длина ее ствола равнялась сорока пядям, то есть примерно девяти метрам, а толщина — одной пяди, это приблизительно двадцать сантиметров. Вес ядра этой пушки был равен четыремстам фунтов, то есть более ста килограммов. Ее обслуживало семьсот человек.

Султан приказал испытать пушку невдалеке от своего дворца. Обыватели были предупреждены: их мог испугать нежданный гром. И действительно, грохот был оглушительный, а ядро вошло в землю на целых шесть футов (примерно на два метра).

Султан был в восторге. Он тотчас повелел отрядить несколько сот человек для того, чтобы выровнять дорогу для бронзового чудовища. Ее должны были везти под стены Константинополя.

Одновременно сооружались турусы — стенобитные осадные башни на колесах. Не сидел сложа руки и Урбан: под его руководством отливали все новые пушки. Но ни одна не могла сравняться с машиной, которую назвали «Кит».

Флот турок намного превышал греческий и количеством и качеством. Султан приказал капудан-паше, то есть своему главному адмиралу, преградить дорогу христианским кораблям со стороны Мраморного моря. Он предвидел, что государи Европы вознамерятся послать помощь осажденному городу. Дорогу со

стороны Черного моря сторожили крепости по обеим сторонам Босфора — Румели-хисар и Анадолу-хисар.

Передовые отряды турок решились протестовать оборону великого города. Они попробовали взобраться на стены, но были отбиты с большим уроном для себя. После этого попытки уже не возобновлялись. Турки стали ожидать подхода главных сил. И прежде всего чудовищных пушек Урбана, о которых уже славились легенды.

Весь февраль султан отдал подготовке к осаде, а потому его передовым отрядам пришлось ограничиться разведывательными действиями.

Наконец армия выступила. Она двигалась медленно, ибо дорогу заняли пушки и осадные башни, которые тащили сотни воловых упряжек.

Повинуясь законам ислама, султан Мехмед направил в город парламентаров под белым флагом. В ультиматуме императору Константину предлагалась почетная сдача, если город будет сдан добровольно. Если же греки вознамерятся сопротивляться, их ждет смерть.

Огонь и смерть!

Глава шестая

ЦАРЬГРАД — КОНСТАНТИНОПОЛЬ — ИСТАМБУЛ — СТАМБУЛ...

Противно христианской религии делать рабов из людей, которые все получают свободу при рождении; один собор освободил всех крестьян, бывших ранее крепостными в Германии, Франции, Испании и т. д. Сделать подобный резкий переворот не будет средством приобрести любовь земледельцев, исполненных упрямства и предрассудков. Но вот удобный способ: постановить, что, как только отныне кто-нибудь будет продавать землю, все крепостные будут объявлены свободными с минуты покупки ее новым владельцем...

Екатерина II

Г о л о с а

Ласковое обхождение с турками предписано от меня генерал-майору и кавалеру Максимовичу по случаю прибытия к нему каймакама; но, видя из рапорта вашего, что и вы оное оказываете, считаю нужным вам подтвердить...

Потемкин — генерал-майору М. И. Кутузову

Крым положением своим разрывает наши границы. Нужна ли осторожность с турками по Бугу или со стороны Кубанской,— во всех сих случаях и Крым на руках... по Бугу турки граничат с нами непосредственно, потому и дело должны иметь с нами прямо сами... Всякий их шаг тут виден... Всемиловейшая Государыня! Неограниченное мое усердие к Вам заставляет меня говорить: презирайте зависть, которая Вам препятствовать не в силах. Вы обязаны возвысить славу России. Посмотрите, кому оспорили, кто что приобрел: Франция взяла Корсику, цесарцы без войны у турок в Молдавии взяли больше, нежели мы...

Потемкин — Екатерине

Говорят в городе и при дворе (цесаревича Павла) еще следующее: Задунайский (Румянцев) и Ангальт приносят Ее Императорскому Величеству жалобу на худое состояние российских войск, от небрежности его светлости¹ в упадок пришедших. Его светлость, огорчаясь на графа Ангальта за то, что он таковые сплетни допускает до ушей Ее Императорского Величества, выговаривал ему словами, чести его весьма предосудительными. Пос-

¹ То есть Потемкина.

ле чего граф Ангальт требовал от его светлости сатисфакции. К сему присовокупляют, что Ее Императорское Величество не благоволит его светлости. Многие не в пользу его светлости толкуют и то, что его светлость в монастыре, а не во дворце жить в Киеве изволил.

Гарновский, управляющий Потемкина, — Попову

Показывая вид ленивца, трудится беспрестанно; не имеет стола, кроме своих колен, другого гребня, кроме своих ногтей; всегда лежит, но не предается сну ни днем, ни ночью; беспокоится прежде наступления опасности и веселится, когда она настала; унывает в удовольствиях; несчастен оттого, что счастлив; нетерпеливо желает и быстро остывает; философ глубокомысленный, искусный мастер, тонкий политик и вместе с тем избалованный девятилетний ребенок; любит Бога, боится сатаны, которого почитает гораздо больше и сильнее, нежели самого себя; одной рукой крестится, а другой приветствует женщин; принимает бесчисленные награды и тут же их раздает; больше любит ссужать, чем платить долги; несметно богат, но никогда не имеет денег; говорит о богословии с генералами, а о военных делах с архиереями; то похож на восточного сатрапа, то на изысканного придворного времен Людовика XIV, а то на изнеженного сибарита. Что же у него за магия? Гений, гений и еще раз гений; природный ум, превосходная память, возвышенность души, коварство без злобы, хитрость без лукавства, счастливая смесь причуд, великая щедрость в раздаче наград, чрезвычайная тонкость, дар угадывать то, чего не знает, и величайший сердцевед; это настоящий портрет Алкивиада.

Принц де Линь — о Потемкине

Великий человек: велик умом, велик и ростом...

Суворов о Потемкине

Великий город...

Византия...

Царьград...

Константинополь...

Истамбул...

Стамбул...

Он так и остался великим городом. Велики его христианские святыни: храм Святой Софии, поражавший современников и потомков своим величием и убранством. Храм Святой Ирины, храмы святых Сергия и Вакха, Феодосия, Хора, Божией Матери всеблаженнейшей, Панкратора-Вседержителя...

Колыбель восточного христианства, его оплот и надежда.

Османы-завоеватели мало что добавили к тому, что захватили четыре с лишним века тому назад.

Они обратили храмы в мечети, пристроив к ним минареты. Они подлатали великолепные укрепления, возведенные христи-анскими строителями, крепостные стены, охранявшие покой ве-ликого города. Они дали всему свои названия: церквам и бази-ликам, памятникам и дворцам...

На берегах Босфора утвердилась столица Османской империи. Спустя века она все еще раздувалась и чванилась. Но время ее устрашающего напора, ее могущества прошло. Однако старые иллюзии остались.

Ими жил дворец Эски-сарай на берегу Мраморного моря, где поднимался некогда старый императорский дворец.

Сарай — по-нашему сарай, а по-турецки — дворец.

В старом дворце обитал султан Абдул-Хамид I. Он родился в год смерти Петра Великого — 1725-й. Стало быть, ему уже было шестьдесят два года. Излишества роскошной султанской жизни износили его. И молодые наложницы уже не могли согреть его дряблое тело, как их ни переменили.

Султан был дряхл и плохо помнил прошлое, равно и не думал ни о настоящем, ни о будущем. Он просто выжил из ума. И придворный врач Мурадулла, что означало «следующий желаниям Аллаха», осторожно намекал, что надо готовиться к смене пра-вителя.

Имя же самого султана в переводе означало «раб Прославля-емого». Таково и было его двадцатитрехлетнее правление. Оно было ознаменовано лишь поражениями: раб есть раб, даже если он раб Аллаха.

Главные решения готовились его министрами в Блистательной Порте. Были усмирены непокорные паши и призваны француз-ские офицеры для обучения войск и фортификационных работ.

Султан соглашался. Он было взъерепенился, когда ему доло-жили, что русские вторглись в Крым, низложили хана и утвер-дились там.

— Послать корпус янычар! — кричал он, брызгая слюной.

Великий везир осторожно возразил:

— Нужен не корпус, о владыка Вселенной, а целая армия. И флот, прежде всего флот. А наши корабли источены червем.

— Построить новые, — пробурчал он и замолк.

— По мирному трактату с русскими, о светоч мира, мы не можем мешаться в дела Крыма.

— Кто подписал этот мирный трактат, зачем?

— Ты, о владыка, скрепил своей священной рукою этот фер-ман, — напомнил великий везир.

— Пусть так, — покачал головой султан. — В таком случае пришли мне черного евнуха. Мы будем играть в кости.

Шел 1787 год. С севера приходили тревожные вести. Русская царица будто бы вознамерилась захватить столицу турок и восстановить Византийскую империю. С этой целью она дала имя своему младшему внуку Константин, нашла ему гречанку кормилицу, окружила его греками воспитателями, открыла греческий лицей в своей столице... Русский флот появился у берегов Греции. Греков побуждают к восстанию...

Французский посол Шуазель-Гуфье, энергичный тридцатипятилетний дипломат, получив очередное письмо своего петербургского приятеля графа Сегюра с известиями о нарастающем военном могуществе России, немедленно отправился к великому везиру.

В письме шла речь о Греческом проекте князя Потемкина, осуществление которого подвигалось к своему зениту. Это было далеко не первое письмо из Петербурга. Впрочем, об этом же уведомлял графа и его патрон из Парижа.

Граф Шуазель, сказать по правде, был не слишком озабочен своими дипломатическими обязанностями. Он не скрывал своего скептицизма: Турецкая империя представлялась ему колоссом на глиняных ногах, которому суждено рано или поздно рухнуть. У него было увлечение, которому он предавался со всею страстью французского аристократа,— археология. Турки утвердили свое владычество на земле, воспетой великим Гомером. Она скрывала в себе сокровища Древней Эллады. Где-то была погребена и прославленная Троя. Как только выдавалось хоть немного свободного времени, граф отправлялся на раскопки. Ему мерещились сокровища царя Менелая, он надеялся найти могилы Гектора и Патрокла.

«Опять эти русские,— бормотал он.— Царица демонстративно едет в Крым, то есть наступает на любимую мозоль турок, а эти дикари молчат. Я заставлю их потрясти оружием. Нужен язык угроз, а не примирения, но ни султан, ни его министры этого, кажется, не понимают. Русские принимают такую позицию за трусость. Я приведу турок в движение, а затем вернусь к своим любимым занятиям».

В Порте приняли графа с поклонами, как представителя дружественной, можно даже сказать, союзной державы.

— Ваше превосходительство,— обратился Шуазель к великому везиру,— надеюсь, вам известны последние события в России. Я полагаю, что это политическая и военная демонстрация, которую организовал князь Потемкин с благословения своей государыни. Вот, мол, апофеоз нашего торжества: царица катит в Крым, она царственной ногой ступает по земле, захваченной у турок. И турки молчат. Они смирились с позором поражения; Крым отобран у них без единого выстрела. А дальше...— Шуазель набрал воздуха в грудь,— они уже не скрывают своего плана отвоевать

Константинополь, столицу великой империи, — выпалил он, — отбросить вас в Малую Азию! И вы молчите, демонстрируя миру вашу слабость.

Великий везир в самом деле молчал, разглаживая пятерней седую бороду. Грозить? Но русские показали, что они не боятся угроз. Объявить войну? Но в империи нет ни сил, ни денег. Армия? Какая армия? Янычары стали опасны для самого строя. Чуть что — и они опрокидывают котлы и барабанят по ним в знак своего недовольства. Это уже не военные — это каста торговцев и дельцов, преимущественно темных.

Но граф прав: надо что-то предпринимать. Что? Демарши. Придется прибегнуть к угрозам. Имамы должны возбудить народ против русских. Это-де главные враги правоверных, они-де хотят пойти походом на нашу столицу, разрушить наши мечети...

Тут ход его мыслей прервался. Ведь большинство мечетей — бывшие христианские храмы. Нет, о разрушении мечетей надо умолчать. Они обратят сынов Аллаха в своих рабов, обесчестят их женщин, а детей обратят в свою веру...

Быть может, стоит даже, хоть это представлялось ему крайностью, ибо он был человек умеренных взглядов, провозгласить джихад — священную войну против русских.

Продолжая разглаживать свою бороду, он сказал графу:

— Вы правы, вы более чем правы, Шуазель-эфенди, наше молчание исчерпано. Царица принимает его за слабость. Мы примем меры, решительные меры. Я сегодня же вызову посла и заставлю его отвечать...

Он все более распалялся. Шуазель остановил его вопросом:

— А что думает его величество султан?

— А-а-а... — И везир махнул рукой, но тотчас же осекся. И, понизив голос, хотя они были одни, сказал: — Солнце Вселенной закатывается. Он впал в детство и проводит время за играми с евнухами. Но прошу вас... — И он приложил палец к губам. — Даже в донесениях своему правительству избегайте резких выражений. То, что я вам доверил, тайна, великая тайна, ничьи уста, кроме наших, не должны коснуться ее. Обещайте мне.

Граф молча поклонился.

— Скажите, ваше превосходительство, если вы мне доверяете столь великую тайну, кто может унаследовать престол?

— Есть претенденты, есть, но о них говорят шепотом. Считайте же, что шепнул вам: скорей всего, новым султаном станет принц Селим, ибо он способней и разумней других принцев. Но все будет решено там. — И он простер руку ввысь, как бы давая понять, что потребуется соизволение Аллаха.

Шуазелю, однако, было хорошо известно, как переменяется власть в султанском дворце. Как правило, путем заранее тщательно подготовленного дворцового переворота. Порою при этом льется

кровь. Но всегда это интриги, противостояние, удаление или казнь придворных, подкуп, подкуп и еще раз подкуп. Власть достигается за деньги, потому что сама власть — источник великих денег.

«Завел я везира,— решил он, откланиваясь.— Теперь он в свою очередь заведет своих чиновников и духовных. А я приготовлю донесение его величеству королю Людовику о предполагаемом кандидате на престол и о закате Абдул-Хамида».

Проводив посла, великий везир-садразам вызвал кяхью — правую руку — Фазил-пашу. Он рассказал ему о визите посла Франции и о его угрозах: он так и сказал — угрозах.

Кяхья был человек начитанный и испытанный в трудностях. Он протянул руку к Корану, лежавшему на мимбаре, и тотчас нашел нужное место:

— Вот что говорит великая книга нам, правоверным: «О те, которые уверовали! Когда вы встретите тех, кто не веровал, движущимися навстречу, не обращайтесь к ним спиной. Тех же, кто обратится к ним спиной, если не для того, чтобы присоединиться к отряду или вступить в битву, ждет гнев Аллаха. Убежище для него — геенна». Русские грозят нам, мы должны ответить им тем же.

— Но Аллах любит терпеливых — тебе это известно,— возразил садразам.— Об этом сказано и в великой книге.

— Катала хатта кутила,— проговорил кяхья по-арабски.— Он сражался, пока его не постигла смерть. Таков закон ислама. Иногда побеждают и в словесных сражениях.

— Вот-вот,— оживился садразам.— Прежде всего мы должны попытаться достичь успеха на этом пути.

— Я всецело согласен с тобой, о почтеннейший. Умеренность прежде всего, ибо она — прибежище благоразумных. Будем же умеренны во всех наших шагах и посмотрим, к чему это приведет.

— Я все-таки представлю султану наше мнение.— Садразам развел руками, как бы говоря: положение обязывает.

— Вряд ли это что-нибудь изменит,— заметил кяхья.— Увидишь, он согласится.

— Я обязан...

— Его надменность не знает удержу. Советую тебе прежде вызвать придворного астролога и хранителя султанской чалмы — он ценит их мнение особо.

— Да, начальника черных евнухов, стража султанского соловья и хранителя султанской шубы,— саркастически подхватил великий везир.— Чтобы это дошло до ушей султана, и мне отрубили голову. Нет уж. Достаточно главного астролога: он осторожен и неболтлив. Я ему доверяю — не раз держал с ним совет, и всегда это оставалось между нами.

— Что ж, раз так, обрати свой взор к звездам и светилам,— улыбнулся кяхья,— да просветят они тебя и да напутствуют.

Главный астролог Хаджи Мустафа-эфенди почитался всеми во дворце как податель мудрых советов, подсказанных ему свыше. Это был человек небольшого росточка, почти карлик, с бородою, доходившей ему до пояса, которую он красил хной, с морщинистым лицом и маленькими зоркими глазками, буравившими собеседника.

Он охотно откликнулся на просьбу великого везира, и они расположились в его покоях. На небольшом столике перед ними дымились чашечки черного кофе, лежали сласти.

— Ты позвал меня в благоприятную пору: Сатурн вошел в свою высшую фазу, а звезда аль Тахрир приблизилась к нему на одно деление. Я наблюдал движение звезд, оно благоприятно для твоих замыслов...

Главный астролог был человек наблюдательный и любопытный до чрезвычайности. Он часто зазывал к себе иностранных послов с единственной целью разговорить их, вывести намерения их государей и их собственные. Так мало-помалу воссоздавалась картина возможных противостояний и возмущений.

Тем не менее заключения его отличались такой же туманностью, как звездное небо, затянутое облаками. Он был осторожен, зная, что ошибка может стоить ему головы. Поэтому ни разу не допустил промашки.

— Да, оно благоприятно для твоих замыслов. Русские несомненно устроятся, быть может, даже отодвинутся от наших границ. Однако прежде я все-таки советую тебе обратить стопы к его величию, к нашему повелителю. Он наставит тебя, он предложит тебе план действий. Одно могу тебе сказать с твердостью: несмотря на все зловещие слухи, распространяемые врагами ислама, войны меж нами и Россией не будет. Русские весьма опасаются нашего могущества, особенно они дорожат Крымом, столь несправедливо отторгнутым от нас, и боятся его потерять. В случае же войны они его непременно потеряют, ибо наше оружие победоносно.

— Но мы же проиграли войну, эфенди, неужели ты забыл?

— То было давно — пятнадцать лет прошло. Мы обрели опыт, мы стали сильнее, франки нам помогают вооружить и обучить нашу армию. Шейх-уль-ислам благословил штык — это испытанное оружие гяуров, и теперь наша пехота может отразить атаку и перейти в наступление, переколов солдат врага, как прежде они нас.

— Ты уверен, эфенди, что звезды благоприятствуют нам?

— Решительно. Сказано в Коране: и не держи свою руку привязанной к шее, но и не раскрывай ее очень широко, чтобы не остаться тебе порицаемым, жалким. Поистине, Господь твой простирает милость свою, кому он благоволит.

Садразам вздохнул. Он не был уверен в благоволении Аллаха. Денег в казне не было. Более двенадцати тысяч нахлебников

жили в султанском дворце: титулованная знать, слуги и служанки, евнухи черные и белые, пажи, жены и наложницы... Они пожирали большую часть государственного дохода, ибо были прожорливы и жадны, как саранча.

Все были продажны, всех можно было подкупить. Но если где-то за морем это регулировалось общественным мнением и имело допустимые пределы, то с благословения султана под голубым небом этой земли пределов не соблюдали.

Его величество султан, он же падишах земли и неба, он же верховный эмир и правитель, владыка живота всех мусульман и подлунной Абдул-Хамид I был жертвою порядков, царивших в султанском дворце с незапамятных времен.

Как и все наследные принцы, претенденты на престол, для которых дворец — тюрьма, узилище, где их тщательно скрывают и к ним никто, кроме слуг, не имеет права входа, Абдул-Хамид в ожидании своего часа провел целых тридцать восемь лет! Тридцать восемь лет он провел в этой камере одиночного заключения, окруженной показным почетом.

Разумеется, характер его вконец испортился, а все представления о мире исказились. Он был круглый невежда, но, как всякий царственный узник, считал себя великим и всесильным.

Он правил пятнадцать лет. То была почти бесплотная тень правителя. Он всецело отдал бразды валиде — своей матери, начальнику черных евнухов, трем младшим женам во главе со старшей и едва ли не в последнюю очередь великому везиру и его кяхье.

Все вышеперечисленные торопились набить кошелек. Назначения во дворце и вне его зависели от них и продавались. Каждое место имело свою цену, в том числе и великого везира.

Приближенным в последнее время казалось, что их повелитель не в себе. В редкие свидания с ним садразам замечал, что султан заговаривается либо внемлет ему вполуха.

Стоит ли держать с ним совет?

Положение обязывало.

Предстояло одолеть многочисленные затворы султанского дворца, не считая внешних. Их было три. Султанские стражи молча кланялись ему. Садразам шел в сопровождении свиты и мысленно готовил речь. Свита осталась ждать перед покоями его величества.

Султан был капризен и подозрителен. Случалось, малая оплошность стоила жизни его слугам. Поэтому, когда наконец садразама впустили, у него болезненно сжалось сердце.

Он почти прополз несколько сажений, отделявших его от трона.

— Встань, — ободрил его Абдул-Хамид. — И говори.

— О владыка поднебесной, величайший из падишахов, — начал привычно великий везир, — я явился к тебе за повелением...

— Как тебя зовут? Назови свое имя,— неожиданно перебил его султан.

— Коджа-Юсуф-паша, с дозволения твоей высокой милости и с соизволения Аллаха,— недоуменно пробормотал садразам.

— Ну вот, теперь я знаю. И чего ты желаешь от меня? Какой милости?

Везир был озадачен.

— Я явился, чтобы испросить твоего повеления,— пробубнил он.

— Готов повелеть, но говори же чего,— нетерпеливо перебил султан.

— Русские опять угрожают нашему владычеству в мире. Они хотят вторгнуться в земли твоего султанского величества...

— Ну так объяви им войну! Хотя...— И султан провел рукою по лбу.— Нет, пока не надо. У нас мало солдат. Сколько?

— Мы наберем тысяч сто...

— Что такое сто тысяч! — оборвал его султан.— А где остальные? Где моя могущественная армия? Отвечай!

— Великий падишах, мы призовем тайю... Мы соберем...

— Соберем! — передразнил его Абдул-Хамид.— Нет, войны не надо. Война — это потрясение, а я не хочу потрясений.— Он говорил вполне разумно.

— Тогда дозвожь прибегнуть к угрозам, о великий.

— Угрожай без всякого стеснения. Все-таки мы великая империя и вправе угрожать. Прежде нас боялись, не правда ли? И теперь нас должны бояться. Прежде всего русские... Потом австрийцы... Потом весь остальной мир. Я полагаюсь на тебя, Коджа-Юсуф. Но старайся всеми силами избежать войны. Составь ферман, я подпишу его. Я полагаюсь на тебя и доверяю тебе. Ты ведь верно служишь?

— Я твой раб, о великий падишах.

— Мне нравится твой ответ,— удовлетворенно произнес султан.— Служи усердно и впредь, и Аллах вознаградит тебя, а я не оставлю своими милостями.

Садразам, как положено по этикету, удалился пятясь. Оказавшись за порогом, он смог наконец свободно вздохнуть. Халат весь взмок от пота.

«Он, однако, вполне разумен,— размышлял Коджа-Юсуф.— И выглядит куда лучше, чем в прошлый раз. Главный придворный врач, должно быть, ошибается, говоря, что ему недолго осталось. Нет, он еще протянет...»

Хорошо это или плохо? Новая метла начнет со свирепостью выметать все и всех. Выметет и его. Лишь бы сохранить голову на плечах. И тогда он сможет безбедно провести оставшиеся ему годы. Слава Аллаху, он успел скопить немало благодаря щедрости подданных и собственной распорядительности.

Ногам стало легче. Султан разрешил ему свободу действий. Прежде всего, следует вызвать русского посла и наорать на него. Пусть трепещет. Потом — австрийского: они с русским, похоже, в одной упряжке.

Он приказал послать за русским тотчас же. И чтобы немедленно! И стал ждать.

Однако посланный вернулся и доложил, что господина посла России Якова Булгакова нет — он отбыл в свое отечество. По слухам же, которыми воспользовался один из его агентов, Булгаков призван в Крым на свидание с царицей Екатериной.

— Но кто-то там заменяет его? — раздраженно воскликнул везир.

Кяхья благоразумно заметил:

— Давай сначала составим ферман, притом в самых резких выражениях. Нам нужен сам посол, что толку в его заместителях? Одного из них я знаю, его зовут Виктор Кочубей. Он молод и не имеет достаточного весу. Подождем самого Булгакова, а пока отправим с пашой ферман их царице. Она получит его в Крыму, близко от наших кораблей, которые должны быть в Очакове к ее приезду в Крым, как можно больше кораблей.

— Призовем же капудан-пашу, и ты повелишь ему от имени султана отправить наши крепчайшие суда к северным берегам Черного моря. Там есть для них укрытия. Тот же Очаков, на который зарятся русские.

«Как бы ни были длинны и ухватисты наши руки,— думал меж тем садразам,— им невозможно удержать все наши владения. Но ведь при игре в шахматы выигрывает не тот, у кого больше фигур, а искусно ими маневрирующий. У нас нет такого игрока,— с горечью продолжал размышлять он.— Я ничего не смыслю в военном деле, и, если меня поставят во главе войска, как у нас заведено, я либо откажусь, либо проиграю партию. И в том и в другом случае мне отрубят голову...»

Он знал — многочисленные агенты доносили,— что у русских есть искусные военачальники. Были известны и их имена: Топал-паша — Суворов, Румянцев-Задунайский — страшила, самый непримиримый враг турок — Потемкин, есть и другие, помельче; на море же Ушак-паша — Ушаков, Спирид-паша — Спиридонов, ренегат из испанцев Дерибас... Они выигрывали все сражения на суше и на море.

«А у нас? — размышлял он уныло.— Кто поведет армию? Прежде во главе ее вставали султаны, они были победоносные полководцы. Уж давно султаны предпочитают воевать во дворце со своими женами и гуриями, с раболепными придворными».

Впервые у него появилось желание забиться подобно насекомому в какую-нибудь щель и переждать там лихолетье. А потом

высунуть голову и оглядеться, ибо после бед непременно наступает затишье. И уж тогда выползти на свет Божий. После всего.

Он, как, впрочем, все чиновники Порты, жил в постоянном страхе. Когда начинала бунтовать чернь, либо какой-нибудь своевластный паша окраинного пашалыка объявлял себя самовластным владыкой, отложившимся от империи, султан приказывал отрубить головы дюжине-другой высокопоставленных чиновников, виноваты-де в случившемся. Окровавленные головы «виновников» выставлялись на всеобщее обозрение у стен дворца. И все затихало. На время.

Так или иначе, но надлежало действовать, ибо глухой ропот недовольства низов, словно надвигающийся прибой, уже бился о стены Порты и медленно катился к дворцу. Его подогревало духовенство — имамы и муллы: им-то ничего не грозило, они были неприкасаемые. Пока что во всех бедах обвиняли русских, иноверцев-гяуров. Но придет черед и султанских чиновников. Так было, так будет.

Призвали русского посланника. Великий везир начал спокойно. Пригласил за столик с кофе и шербетом, поглаживал бороду, потом спросил:

— Зачем ваша государыня покинула дворец и отправилась в долгую дорогу?

Кочубей пожал плечами:

— На то ее высочайшая воля.

— А зачем она призвала императора австрияков?

Кочубей по-прежнему глядел недоуменно. Более всего его удивил этот последний вопрос. Откуда ему было знать? Он и слыхом не слыхал, что император Иосиф II отправился на свидание с государыней: об этом нигде не было объявлено. Его удивление было так неподдельно, что великий везир смягчился. Однако он сказал:

— Нам все известно, ибо у нас есть глаза и уши повсюду в подлунном мире, не исключая и вашего государства. От нас ничто не может укрыться, помните это...— Напор его становился все более жестким.— Мой повелитель, да пребудет над ним благословение Аллаха, извещен свыше, что уже готов сговор государей, направленный против нашего благополучия. Он повелел мне объявить его высочайшую волю...

Он отпил кофе из своей чашечки и сказал, как рубанул:

— Крым должен быть возвращен под султанскую корону!

— Сие должно зависеть от государыни и ее министров,— промямлил не ожидавший такого оборота Кочубей.

— Но это далеко не все. Вы должны выдать нам изменника Маврокордато, господаря подвластного нам княжества Молдавского, нашедшего убежище у вас. Равно и грузинский царь Ираклий должен быть признан нашим данником, меж тем как вы

склонны оказывать ему покровительство и даже объявить его под царским скипетром.

Кочубей молча слушал и дивился: давно России не предъявлялся ультиматум, а везир говорил с ним тоном ультиматума. До турок дошло нечто такое, что заставило их переполошиться. Греческий проект? Но слухи о нем давненько докатились до ушей первых турецких вельмож, и они, посмеиваясь, судачили о нем. Шествие государыни в Тавриду? Да, это был несомненный раздражитель, некая демонстрация, которую задумал светлейший князь...

А садразам продолжал:

— Мы будем досматривать все суда, выходящие и входящие в Черное море,— предупреждаю вас. Черное море — турецкое море. Так было всегда. И так будет впредь!

Вот тебе на! Кочубей несколько оробел: это было похоже на объявление блокады, а затем и войны.

— Ваши консулы должны быть удалены из Бухареста, Ясс и Александрии — они стали там возбудителями черни. Однако турецкие консулы должны присутствовать в ваших гаванях, дабы могли знать о ваших военных приготовлениях.

«Не иначе как война»,— решил Кочубей.

СКВОЗЬ МАГИЧЕСКИЙ КРИСТАЛЛ...

В е т в ь с е д ь м а я: март 1453 года

Итак, император Константин в багряной тоге в сопровождении сановников взошел на стену против Влахернских ворот, ближайших ко дворцу, сооруженному не так давно.

Он поздоровался с воинами, оборонявшими этот участок. Все было готово к отражению приступа. В котлах кипела смола, возле них были сложены камни. Мушкеты и арбалеты были насторожены, подле лежали копья и метательные дротики.

Франдзис указал ему вдаль. Там клубилась пыль от тысяч копыт и десятков тысяч босых ног. Кое-где темнели палатки турецкого бивака.

— Они медлят начать. Они чего-то ждут. Прикажи бить в колокола,— повелел император.

Воздух загудел от звона колоколов десятков городских храмов.

— Надежно ли заперты ворота? — спросил император.

— Да, монарх.

В многоверстных стенах, окружавших великий город, было более трех десятков ворот. Важнейшими из них считались Влахернские, Харисийские, Св. Романа, Калигарские, Золотые, Псамфийские, выходившие на берег Мраморного моря, а со стороны Золотого Рога — Фанарские, Платейские, Еврейские и Патрионские.

— Где моя супруга Мария? — спросил Константин.— Призовите ее на стену, и пусть она увидит размер грозящей нам опасности.

Меж тем, несмотря на турецкую блокаду, в Константинополь продолжали прибывать подкрепления от христианских государей. Императору представился знаменитый кастилец дон Франсиско из Толедо, явившийся с небольшим отрядом. Он был из Комненов, а потому считал себя кузеном императора. Венецианцы из самых знаменитых фамилий: Мочениго, Корнаро, Контарини и Веньеро явились, чтобы защищать великий город во имя Бога и чести всего христианского мира. С ними были воины. Шесть купеческих кораблей из Венеции и три с Крита, ошвартовавшиеся в гавани Золотого Рога после плавания по Черному морю, решили добровольно обратиться в боевые.

Увы, флот, готовый оборонять великий город со стороны моря, был невелик. Вместе с иностранными судами он насчитывал двадцать шесть кораблей, могущих называться боевыми, не считая мелких, годных разве только на транспортные нужды. У турок же на море была целая армада — около двухсот судов. Вдобавок большинство их было маневренней и лучше вооружено.

В величественном храме Святой Софии шла непрерывная служба. Служили поочередно патриарх Григорий и кардинал Исидор со причтом.

— Господь Вседержитель, яви чудо и с сонмом ангелов своих рассей полчища гнусных агарян, саранчиною тучей явившихся под стены святого города, оплота христианской веры! — возглашали они.

Горожане, стар и млад, коленопреклоненно вторили им. Каждый возглас заключался тысячеустым «Аминь». Люди верили в чудо, ибо и в прежние времена Господь являл свою волю, спасая Константинополь от полчищ нечестивых агарян, равно и от рыцарей-крестоносцев, жаждавших завладеть его богатствами.

Доселе все покушения на святой город отражались с помощью божественной десницы. Так, верили жители, случится и на этот раз. Эта высокая вера поднимала дух защитников города, ибо вера есть великая сила, способная творить чудеса.

Император лично объехал все пространство великого города. Заметив, что кое-где остались в целости мосты через рвы, он приказал сломать их.

— Мы готовы не только выдержать осаду, но и отразить ее.

Глава седьмая

ТОРОПИТЬСЯ ЛИ?..

Остерегайтесь, по возможности, издать, а потом отменить свой закон; это означает вашу нерассудительность и вашу слабость и лишает вас доверия народа, разве это будет только закон временный; в этом случае я желала бы заранее объявить его таковым и обозначить в нем, если возможно, основания и время, или, по крайней мере, обозначить в нем срок в несколько лет, по истечении которых можно было бы его возобновить или уничтожить.

Екатерина II

Г о л о с а

Императрица намерена короновать в Херсоне внука своего Константина в надежде возбудить этим в греках желание свергнуть турецкое иго. Вследствие этого громада Оттоманской империи рано или поздно должна будет рухнуть среди ужасов междоусобной войны. План этот казался мне несбыточным, но он встревожил турок, и этого было достаточно, чтобы вызвать раздоры... Мы в таком случае возбудили бы против себя Россию и лишились бы надежды завершить заключение торгового договора...

Сегюр — Монморену

Красота одежды военной состоит в равенстве и в соответствии вещей с их употреблением. Платье чтобы было солдату одеждою и не в тягость, всякое щегольство должно уничтожить, ибо оно — плод роскоши, требует много времени и иждивения и слуг, чего у солдата быть не может. Завивать, пудриться, плесть косы — солдатское ли это дело? У них камердинеров нет. На что же пукли? Всякой должен согласиться, что полезней голову мыть и чесать, нежели отягощать пудрою, салом, мукою, шпильками, косами. Туалет солдатский должен быть таков, что встал, то и готов.

Потемкин — по военной коллегии

Я приехала сюда (в Киев) при 20 градусах мороза, но, несмотря на то, не было ни носов, ни ушей отмороженных. Мы провели все эти дни в балах, празднествах, маскарадах (была масленица), а сегодня, в понедельник, слава Богу, начался пост и положил конец всему этому шуму.

Екатерина — барону Гримму

Что за толпа! Никогда я ничего подобного не видала. Ежедневно здесь гостей прибывает, не только от окрестных, но и от всех подсолнечных народов. Лишь назовите народ, а мы предъявим здесь в лицах. Сроду я столько не видывала, хотя привыкла... У нас здесь четыре гранда д'Эспань, князья имперские без счета, поляков тьма, англичане, американцы, французы, немцы, швейцарцы — на многих страницах имена их не перечтешь... даже киргизы и те здесь очутились. Трудно отгадать, что привело их в Киев... они были обмануты некоторыми газетами, которые изо всей силы оповещали будущее коронование в Тавриде...

Екатерина — Гримму

Оставим астрономам судить, Солнце ли около нас ходит или мы с Землею около его обращаемся. Наше солнце около нас ходит. Исходиши, премудрая монархиня, яко жених исходяй из чертога своего, от края моря Балтийского до края моря Евксинского шествие Твое, да тако ни един укрыется благодетельная теплоты Твоея...

Георгий Конисский, архиепископ, — из проповеди

Карета императрицы в 30 лошадей представляла собою целый вагон: кабинет, гостиная на 8 персон, игорный стол, библиотека и проч. В ней помещались граф Мамонов, Лев Нарышкин, Протасова, Перекусихина; «карманные министры» и послы приглашались поочередно...

Сегюр — Шуазелю

В самом деле: торопиться ли? Да и можно ль?

Как ни желалось — нельзя. Тому противились сам Господь Бог и подневольная ему природа.

Светлейший задумал продолжение шествия водою, по Днепру. А Днепр был окован льдом. Панцирь этот был крепок, как рыцарский доспех. И только Господь был в силах растопить его.

Три месяца государыня со свитой препровождали в Киеве. О, что это были за месяцы! Они проходили в непрерывном шумстве. И Киев, дотоле дремавший, казалось, обезумел.

Принц де Линь записывал: «Знаете ли, что делают в Киеве паны и паненки великой и малой Польши? Они обманывают, их обманывают, и они, в свою очередь, обманываются. Их жены льстят императрице, полагая, что она не знает, как ее бранили на последнем сейме. Все ловят взгляд Потемкина, а его нелегко поймать, ибо князь и близорук и крив... Императрица недовольна английским и прусским послами, потому что они подстрекают турок, меж тем как сама делает это. Здесь и хотят и боятся войны... Король Станислав предложил императрице вспомогательное вой-

ско, но она отвергла его... Что касается Станислава, то он легкомыслен, добродушен, большой любитель роскоши: его притесняют соседи и презирают подданные...»

Императрица любила картинность. И более всего в храмах Божиих. Желая явить народу свою истовость, она почти ежедневно ездила в Лавру.

— Гляди-кось, гляди,— шептал граф Безбородко Льву Нарышкину, известному балагуру и баламуту,— государыня ручкой-то, ручкой.

Нарышкин глядел — дело было на заутрене. Екатерина силилась прикрыть ладонью судорожные зевки.

— И никто не в силах помочь ее величеству,— с видимым огорчением покачал головой Нарышкин.— Ахти мне. Худо почиваем-с.

— И светлейший тож,— продолжал шепотом Безбородко.

— Храм — не бальная зала, тут не возвеселишься,— еле слышно обронил Нарышкин. И тоже зевнул, стыдливо прикрывшись ладонью.

— И ты туда же!

— Хотел бы не ездить, да невозможно: чай, я в придворных-то чинах.

— А я — карманный, мне тоже нельзя.

— Государыня всех нас окрестила карманными, оно и в самом деле так: все мы у нее в кармане.

— Карман-то тепел,— язвительно заметил Безбородко.— Нам всем в нем не худо. Пригрелись.

Пригрелись! Государыня была добра и щедра к своим верно-подданным. Министры, вестимо, были таковыми. И все ее окружение. Ежели язвили, то добродушно: языки-то не подвяжешь, даже при благом-то царствовании.

Царствование Екатерины почиталось благим. Благим оно было для дворянской верхушки. Да и для нарождавшегося третьего сословия.

Потемкин взъерошил империю. Подавай ему работных людей, подавай денег, много денег! Желалось ему в мгновение ока оживить пустынные земли, еще недавно бывшие под турком. А такого в те времена не бывало нигде да и не могло быть. Времена-то были медлительные, лошажки да воловы, и все делалось годами и десятилетиями.

«Ишь, лапотники, припустились вдогон за Европою!» — хмыкали послы, увлеченные властной Екатериной. Они были все скептически, как подобало истым европейцам, для которых Россия была все еще страной варварской. Государыня их понимала, но скепсис — болезнь неизлечимая...

Храм Святой Софии-премудрости сиял свещными огнями. Благой воцаной дух мешался с ладанным. Богомольный народ

втекал и уплотнялся, гудел недовольно: где государыня, узреть бы ее, благочестивицу, какова она собою, благолепна ли, как сказывают.

Но государыня потерялась в плотном кольце придворных, бывших, как правило, выше ее ростом, что было, впрочем, и немудрено. Она полусклонила перед чтимой иконою Богоматери «Утоли Моя Печали» и губы ее беззвучно шевелились.

— О чем бы ей молить спасительницу? — с некоторым недоумением промолвил Безбородко. — Все у ней есть, и все ее желания и прихоти мгновенно исполняются.

— Дабы стол был обильным, а стул — легким, — шепнул насмешник Нарышкин. — Более о стуле, нежели о столе.

— Молчи, нечестивец! — буркнул Безбородко. — Во храме-то срамно так выражаться.

В толпу молящихся затесались, ведомые любопытством, Сегюр и де Линь. Она их поглотила, засосала и мало-помалу вытолкала к кругу придворных. Их неохотно пропускали.

— Глядите-ка, принц, императрица стала на колени. — Сегюр толкнул в бок своего приятеля.

— Из нее вышла бы великая актриса. Она затмила бы всех в «Комеди Франсез», — меланхолично молвил де Линь. — Но молчите, французская речь тут не в чести. Фанатики могут принять нас за шпионов либо за врагов православия.

Екатерина поднялась с колен, полуобернулась и, заметив Сегюра и принца, поманила их пальцем.

— Я должна подавать пример благочестия своим подданным, и прежде всего придворным. Они демонстративно предпочитают балы литургиям, танцзалы — храмам Божиим. — Легкая улыбка блуждала на лице императрицы. — Слава Богу, у нас богомольный народ, именем Христа более всего управляется это Божье стадо.

— Благослови, владыко, — тотчас перешла она с французского на русский: во главе притча к ней приблизился архиепископ Киевский, помахивая кадилом. И приложилась к его руке, как простая прихожанка.

— Какой талант, какой талант! — бормотал де Линь.

— Примадонна великого театра, имя которого Зимний дворец, — подхватил Сегюр.

— Лучше сказать, вся империя, — добавил де Линь. — Ибо столь высокие подмостки только и достойны такого таланта.

Пришлось прибегнуть к помощи гвардейцев, чтобы расчистить дорогу для государыни и ее свиты.

— Ну, господа, что скажете? Какова я?

— Вы великолепны, как всегда, ваше величество, — учтиво заметил Сегюр.

— А вы, принц? Что вы молчите?

— У меня нет слов, государыня. Где бы вы ни находились — под каким бы небом либо сводом, — всюду вы органичны...

— Не правда ли, из меня вышла бы хорошая актриса? Актерка, как говорят на Руси?

Оба на мгновение обомлели. Экая откровенность, истинно царская! Де Линь нашелся первым:

— Вы любите откровенность, ваше величество. Так вот, мы с графом только что говорили об этом. Вы — истинный талант!

— Более того — гений! Позвольте выразить вам наше восхищение.

— Выражайте, выражайте. Я люблю, когда мною восхищаются. И этим я нисколько не отличаюсь от простых смертных. Надеюсь, граф, вы тоже любите, когда вами восхищаются?

— О, разумеется...

— К тому же я женщина, хоть и в солидных летах. Так что воскуряйте мне фимиам, господа. Его воскурляли Вольтер и Дидро, вам грех от них отставать.

— Экая бестия, — шепнул де Линь, когда процессия подвинулась вперед, а они несколько отстали. — У нее поистине царственный язычок. Я продолжаю поклоняться ей, несмотря ни на что.

— На что именно, принц?

— На слухи и сплетни, которые ее окружают. Впрочем, они окружают любого монарха, а тем более монархиню. Все они сластолюбивы и все неумеренны. Екатерина по крайней мере не кровожадна и не мстительна. А двор... Он для того и существует, чтобы злословить. Ей, во всяком случае, присущи благие порывы. И, как я заметил, она искренне любит делать добро своим подданным.

— В меру, конечно. А что вы скажете о крепостном праве?

— А где вы видели монарха, который бы сотряс основание своего государства? — отвечал принц вопросом на вопрос. — Монарха, который бы выкинул свой трон, покинул бы дворец и переселился в хижину простого поселянина? Обозревая историю Европы, я такого не знаю. Все приходит в свое время, граф. И вы это отлично знаете.

Они уже основательно отстали от императрицыной свиты. Маяком ее стала богатырская фигура Потемкина, возвышавшаяся над всеми придворными. Он очнулся от хандры и пустился в дворцовые увеселения. При том зорко наблюдая единственным своим зрячим оком за тем, чтобы на виду и в отдалении исполнялись его предначертания.

Днепр все еще был окован льдом. Он был весь испещрен и полозьями саней, и человеческими следами, равно и конскими катышами. Снег потерял свою первозданность: он был того грязно-желтого цвета, каким бывает вблизи человеческого жилья.

Весна уже влажно дышала в лицо. Небо грузно нависло над землей, тяжесть его грозила то ли снегопадом, то ли дождем. Но уже посветлели ветлы, пока еще едва заметно стали набухать почки.

Светлейший почти ежедневно навещался в затон, где вмерзли в лед суда, на которых поплывет императрица и весь ее огромный штат.

Тут словно пахло свежей щепой, красками, деревянным маслом и прочими запахами нового строения. Галеры-великанши подновлялись и украшались.

— Чтоб было в превосходнейшем виде! — рявкнул он, всходя на палубы судов. Тыкал пальцем всюду и говорил:

— Это что? Штоф? Говно, а не штоф! Где у вас тут образцы?

Мусолил большими крепкими пальцами лоскутья, глядел на свет.

— Вот! Ободрать и заменить! Чтоб благолепно, царственно, дабы мне, вашему благодетелю, краснеть не пришлось пред ее императорским величеством. Опять же иноземные послы. Им должно явить способность нашу. А то они думают, что мы дики и вкус наш варварский. Чтоб не хуже, чем в ихней Версали было, поняли, черти!

Черти переминались с ноги на ногу, глядели исподлобья, но без страха. Знали: его светлость хоть и крикун, но беззлобный, и более любит пряник, а не кнут. А уж коли ему потрафит, то наградит с истинно княжеской щедростью.

Погонял, покрикивал, хоть и видел: стараются, успевают, и все глядит в лучшем виде. Уже. До срока. Успеет выдохнуться запах красок и клея, освятят, покропят святой водою, а затем и духами парижскими, для сего случая доставленными.

Его воля и его могущество распростирались на тысячи верст. В Екатеринослав, создавшийся по его плану, в Херсон, уже сложившийся, в Кременчуг, наконец, в Тавриду — в Ахтияр, именуемый ныне Севастополем, удивительный по своему природному устройству, которое совершенствуется трудом новых хозяев.

Всюду шла подготовка, то лихорадочная, дабы успеть, то степенная, ибо работа подходила к концу, всюду усердно копошились каменщики, плотники, корабелы, послушные его начертаниям.

— Государыня едет, государыня будет, — перекатывалось из конца в конец... А князь повелел, князь приказал, его светлость оглядит, усмотрит, упаси Бог разберит, заставит переделать...

Переделать... Этого более всего опасались, а потому трудились с рачением... Не того, что князь разберит, разгневается, а что огорчится. Сморщится, живой голубой глаз выкатит, а хрустальным не мигнет и гаркнет:

— Куда глядели, черти? О чем думали? Не обо мне, нет, не о государыне-матушке!

Эдак раскатится страшно, зарокочет басом... Помилуй Бог.

Все-то дороги здешние он объехал, все обсмотрел и обдумал, рассудил, каково строить. По тем временам то были скорые странствия в экипаже шестерней, рессорном, но все равно тряском порою до того, что князь приказывал седлать любимого коня и скакал впереди экипажа.

В поле разбивался бивак, еда казалась князю вкусней среди ковылей ли, на опушке ли леса, на широкой луговине, когда ненароком набежит непуганая живая тварь: заяц ли или табунок диких лошадей, а то могучий зубр со своим гаремом.

Все мог претерпеть, все претерпевал ради нее. Ради великой женщины его грез, навеки исполосовавшей рубцом незаживающим его сердце.

Было ему тридцать пять, а ей сорок пять, когда он был допущен в спальню государыни.

Два года длилось его торжество. Торжество ли? Казалось, он властвовал над нею, великой женщиной, Женщиной с большой буквы. Она задыхалась от любовной муки. А он все яростней прикидал к ней, был груб и неотвязчив.

Порой она отталкивала его, старалась высвободиться, ибо плоть его была чрезмерной и причиняла ей боль. Но он не уступал, в его сильных руках она казалась куклой, почти игрушечной.

— Оставь меня, Гриша, — задыхаясь молила она. — Я уже все, я кончилась...

— Нет! — рычал он. — Ни за что! — И вздымал ее над собою, чтобы в то же мгновение с силой прижать к себе... И потом, сжимая ее пышные бедра, снова и снова возбуждать в ней желание.

Первое время, казалось, его власть над нею безраздельна. Но потом он стал понимать, что эта его власть призрачна, преходяща. Что Екатерина сильнее. Что сила ее неуловима, духовна. Что она владеет им, а не он ею. Что власть над телом женщины, над ее желаниями еще не есть власть над нею.

Потемкин наконец понял: он всего лишь каприз, причуда, прихоть. Как многие в жизни государыни, которые чередой сменяли друг друга в ее опочивальне, ненадолго задерживаясь в ее сердце.

Его мужское естество не убывало, не иссякало, она тоже была неистощима. И навеки осталась в его сердце — старая женщина, старше его на целых десять лет. Но в ней было нечто такое, чего не было в тех юных и очаровательных, которыми он обладал.

Наконец он понял: власть его кончилась, на какие бы ухищрения он ни шел. А ее власть над ним осталась и пребудет вечно. Понял и смирился, хотя в последний месяц их близости отважился на такие ласки, каких прежде ни с одной женщиной себе не позволял.

— Ох, Гриша... Гришенька! — вскрикивала она. — Еще, еще, сильней, глубже... Ты такой... Ты неповторимый...

«Вот он, апофеоз,— думал он. — Она не захочет со мною расстаться». Иногда он мечтал, чтоб она понесла от него. И возликовал, когда она однажды обмолвилась, что не наступили месячные.

— Роди, Катинька,— сказал он решительно. — Составь мое счастье.

Она встрепенулась, напряглась. Глянула на него пронзительно, холодно. Это уж была не женщина, не любовница, но императрица всероссийская.

Сказала резко:

— Ты в своем ли уме, Григорий Александрович? Я, чать, не простая баба, даже не княжна какая-нибудь... Можно ли мне рожать, даже в тайности?!

Потемкин потупился. Далеко зашел, забылся. Пробормотал с непривычной жалостью:

— Прости, государыня-матушка. От бесконечной моей любви я. Одна ты у меня в сердце и пребудешь вечно.

— И я тебя люблю, князь Григорий. И всегда буду привязана. Но ведь меж нас пропасть. И перейти ее ни ты, ни тем паче я не в силах. Ты не забыл ли на минуту, кто я есть? — закончила она с усмешкой.

— Не забыл,— глухо отвечал он,— однако забылся...

— То-то, что забылся.

Последнее объяснение. На следующий день ход наверх, в спальню государыни, был для него затворен. Марья Саввишна Перексихина сказала с кривой улыбкой:

— Ее величество занята.— И добавила, понизив голос: — Не велено тебя пущать, князь Григорий. Кончилось, стало быть, твоё время.

Впорхнула графиня Прасковья Брюс, наперсница государыни. Злые языки поименовали ее «пробирной палаткой». Остановилась, глянула на Потемкина кокетливо и предложила:

— Пойдем со мною, княже. Позабавимся. Чай, не забыл мои ласки?

Видно, и она уже была извещена. Вконец расстроенный Потемкин ответил грубо, без стеснения, как обычно, когда наступали на самолюбие:

— Не стоит, графиня Параша. На тебя...

Круто повернулся и пошел.

Женщины занимали в его жизни огромное место. Было их несчитано-немерено — девиц и чужих жен, жен близких, даже собственных племянниц. Отказу не ведал, ибо был образцом мужской стати, истинно неотразим, хоть и крив. Но ни одна из любовниц не оставляла сколько-нибудь заметного следа в его

сердце. Он менял их легко, с тою вельможною легкостью, с которой обращался с теми, кто искал его протекции.

Осталась одна. Незабываемая, незаживающая. И он у нее остался. Но в другом роде. Полагалась на его безусловную верность и преданность. И на проницательность, на глубокий ум.

Он быстро смирился с новой своей ролью. В конце концов, что есть постель? Недолгая утеха, мимолетный призрак, развлечение... За всем этим дело не станет. Главное — потрафить любимой женщине, государыне. Явить свою полную преданность. Преданность, не знающую предела, даже без ревности.

С некоторых пор Потемкин заметил: его царственная подруга не может обойтись без него. Она не просто ценила — не могла обойтись без его суждений, советов, мнений. В конце концов он как бы занял пост первого министра в теновом кабинете, состоявшем, впрочем, из его ближайших помощников и слуг.

Более того, князь взял на себя подыскание и отбор любовников Екатерины — фаворитов, как было принято их называть, или «воспитанников», как называла их сама императрица.

Он приглядывался к молодым сановитым офицерам в трех гвардейских полках: Семеновском, Преображенском и Измайловском. Вызывал приглянувшихся к себе, расспрашивал, испытывал на сообразительность, на знание языков французского и немецкого — это было обязательным условием. Важна была и начитанность, и живость, и рассудительность. Словом, будущий «воспитанник» должен был обладать всеми возможными достоинствами.

То, что сам светлейший удостаивал их доверительных долгих бесед, само по себе чрезвычайно льстило молодым офицерам. То, что его медикусы неожиданно подвергали их придирчивому осмотру на предмет обнаружения каких-нибудь скрытых от внешнего осмотра изъянов и пороков, несколько настораживало их. Но уклониться от сего было нельзя, никак нельзя.

Эти смотры невозможно было укрыть от глаз придворных — всепроникающих, всеведущих, вечно настороженных, имевших к тому же штат своих соглядатаев. Пошли толки: светлейший-де склонен к мужеложству. Правда, они скоро угасли, ибо женолюбие князя было притчею на языцех и у всех на виду.

Прошло немало времени, истина должна была открыться. Она открылась.

После князя в опочивальню государыни поднялся Завадовский, за ним — Зорич, за этим — Корсаков, за Корсаковым — Ланской. Все они кроме княжьего подвергались таковому же испытанию в «прихожей» государыни. Их придирчиво обследовал придворный врач Роджерсон. Затем они переходили в руки графини Брюс и Марьи Саввишны — в руки и постели, на предмет обследования их мужских качеств. И уж после этого, получив

окончательную аттестацию, начинали «ходить через верх» — то бишь в царскую опочивальню, эту святая святых, рядом с которой располагался апартамент «воспитанника».

С этого момента он становился узником, инструментом для высочайшей утехы. Мало кто выдерживал более года. Юный Александр Ланской, красавец, словно бы сошедший с картин французских живописцев Буше и Ватто, держался почти четыре года на крайнем напряжении молодых и свежих сил. Но напряжение это было столь велико, что быстро свело его в могилу.

Государыня была безутешна. Она заливалась слезами. Потемкин прискакал в Петербург, чтобы разделить с нею горе. Сашенька был его. Он уже привык к припискам в конце посланий Екатерины: «Сашенька тебя любит...»

Пауза была долгой. Ее заполнил Ермолов, случайно выскользнувший, как чертик из табакерки. Он было вознамерился интриговать противу князя, ревнуя его влиянию. Потемкину было доложено об интригах. И после недолгой борьбы Ермолов был свергнут.

И вот его место занял Дмитриев-Мамонов, тоже Саша, княжеский выдвиженец. Этот был вполне управляем и покорен. И вдобавок великолепных статей, да и крепок физически, с воображением, достойным занимаемого места.

Сильная проходная фигура на его, Потемкина, шахматной доске. Ферзь, одним словом. Наезжая в Петербург, князь его наставлял. Мамонов был достаточно умен, чтобы следовать его наставлениям.

Пользуясь затянувшимся киевским сидением, князь истребовал Сашеньку к себе: до него дошли слухи, что Мамонов заглядывается на фрейлин и даже пробует завязать интрижку с одною из них. Несмотря на долгое отсутствие в Петербурге — иной раз по несколько месяцев, — Потемкин получал подробнейшие донесения о всем решительно, что делается при дворе и вне его, от своих конфиденентов и главного из них управляющего его имениями Гарновского.

— Знаешь ли ты, дорогой Саша, что от меня ничего не может укрыться? — загремел он.

— Вестимо, ваша светлость, — покорно отвечал Мамонов. — Я пред вами безгрешен.

— Ой ли! А пред государыней?

— Невинные проказы.

Потемкин захохотал:

— Ах ты, бонвиван — «невинные проказы»!

— Вы сами знаете, ваша светлость, каково быть без отпуску при ее величестве. Взываю к вашему мужскому естеству! Держусь изо всех сил. Но кто из нас без греха, тем паче ежели он невинен?

— Разрешаю и отпускаю.— Потемкин шутливо перекрестил его.— Но гляди же, Саша, не заходи слишком далеко в своих невинных грешках. Я за тебя в ответе, я государыне представил тебя, яко моего крестника. Держись, голубчик, изо всех сил. Ибо свято место пусто не бывает...

— Уповаю на вашу милость. Держусь вот уж третий год, стало быть, выдержал испытание,— отвечал Мамонов смело, глядя в глаза Потемкину.— Не извольте сомневаться, и впредь остаюсь покорным слугою вашей светлости. Ее величество много довольны мною.

— Хорошо поешь, каково-то сядешь,— проворчал Потемкин.

Отпустив Мамонова, он подпер голову ладонью и задумался. Он, Мамонов, лучше других по всем статьям. Умен и проворен, шельма. И матушка-государыня его одобряет. Он против прежних сильно задержался в фаворитах. Однако насколько его хватит? Хоть и говорил утешительно, а не переоценивает ли себя?

По своему опыту светлейший знал, каково тяжело быть государыниной игрушкой, выносить ее прихоти, ее желания, часто неожиданные, ее требовательность, которой не может быть не только отказа, но и минутной задержки.

Мамонов его устраивал. Он был свой человек, в отличие от его предшественников. Совсем свой. Гнул его, Потемкина, линию во дворце, поступал согласно княжеским советам, ничуть от них не отклоняясь. Дай-то Бог ему долгой жизни в государыниной спальне!

Саша был с ним предельно откровенен. Поведал, что ее величество в своих желаниях умерилась против прежнего, видно, сказываются почтенные лета. Он так и сказал, шельмец,— «почтенные лета». Для него, Потемкина, Екатерина оставалась тою же, что и пятнадцать лет назад. Разве что несколько огрузла и вырос второй подбородок. Он глядел на нее, не отрываясь, теми же глазами, что и три с половиною десятка лет назад, когда сорвал свой темляк со шпаги и протянул государыне в первый день ее воцарения.

Она оставалась в его сердце. И он, непостоянный с женщинами и даже выпячивавший свое непостоянство как некую доблесть истинного мужа, он бережно нес это свое постоянство, свою преданность старой, изношенной женщине. Е г о ц а р и ц е, е г о Е е в е л и ч е с т в у.

Во дни своего недолгого затворничества в Лавре, в Печерске, когда он, Потемкин, светлейший князь и прочая, облекшись в простую монашескую хламиду, уединился в Ближних пещерах, пытаясь безуспешно слиться с черноризцами, ибо по стати тотчас был узнаваем, он вдруг замер в Троицкой надвратной церкви.

Его глазам открылась фреска «Шествие праведниц в рай». В притворе, где она была писана, было полутемно. Свет скупо со-

чился сквозь узкие оконца, и когда облака сползали с дневного светила, фигуры, казалось, оживали и начинали свое степенное движение.

Шествие возглавляла сама Богоматерь в златотканых ризах. Чуть заметная улыбка тронула ее уста, рука легким движением придерживала край облачения...

Боже мой! Это была сама Екатерина! Вылитая императрица во дни своего восшествия на престол. Казалось, безвестный живописец списал ее лик.

Потемкину казалось, что он узнает и придворных дам из окружения Екатерины, и фон с фрагментами колокольни. Фрески еще не успели пожухнуть — видно, то была недавняя стенопись, — краски сохранили первозданную свежесть.

— Кто писал? — спросил он у настоятеля, сопровождавшего его с почтительностью. — И когда?

— Храм сей весьма древен, однако же не очень давно подновлен старанием здешней власти. А картины на стенах живописали иконописцы здешней иконописной мастерской. Главным среди них был Алимпий, упокой Господь его душу в райских кущах. Тут в обители он и погребен, ибо великое множество икон оставил после себя.

Потемкин истово закрестился.

— Взошла, матушка-государыня, яко Богородица, на вышний престол, — бормотал он, задрав голову кверху, — и вознаграждена будет по доброте и деяниям ее.

И, обратившись к игумену, сказал:

— Знай, святой отец, что сей Алимпий был осенен благодатью, когда писал сию картину. Ибо в сердце его был образ нашей государыни, как бы ниспосланный свыше. И великая Богоматерь есть вылитая наша императрица.

— Не сподобился лицезреть еще ее величество. Была она в Успенском соборе на литургии, да так велико многолюдство окружало ее, что не мог глянуть на благолепный лик государыни нашей.

— Сподобишься еще, святой отец, ибо быть нам в Киеве до вскрытия Днепра. — Сказав это, Потемкин закончил со вздохом: — Да когда еще лед сойдет, одному Господу ведомо. — Потом помолчал и добавил: — Вот приведу ее сюда, нашу благодетельницу, дабы узрела она свой лик на божественном письме да возрадовалась. Ибо это знак свыше.

— Аминь! — благоговейно произнес игумен.

СКВОЗЬ МАГИЧЕСКИЙ КРИСТАЛЛ...

В е т в ь в о с ь м а я: март 1453 года

И повелел султан Мехмед, да прославлен будет в веках, двинуться всему войску под стены Константинополя, великого города, который самим Аллахом был предназначен стать украшением Османской империи. Таково было знамение свыше, посетившее падишаха, о котором он поведал везирам и имамам.

И они согласились, ибо никто из смертных не смеет противиться высшей воле. И пустились вслед за войском, дабы благословлять воинов Аллаха на подвиг во имя торжества праведной веры — ислама.

Сам шейх-уль-ислам освятил и благословил меч султана. Он провозгласил, что отныне это меч самого пророка Мухаммеда, и он станет разить неверных, как коса сечет траву. И великий султан вложит его в ножны в самом великом городе, который падет к его ногам, как падает к ногам поселянина скошенная им трава.

Итак, армия, утопая в тучах пыли, потекла к стенам великого города, как течет могучая полноводная река. К концу марта большая ее часть уже обтекла Константинополь со всех сторон.

Султан повелел поставить свой шатер на берегу речки Ликос, протекавшей через город и впадавшей в Мраморное море. Впереди, лицом к воротам Святого Романа и Харийским, были разбиты палатки янычар. За шатром султана расположились башибузуки, призванные обезопасить падишаха и его свиту с тыла.

Значительная часть войска под командою Заганос-паши заняла северный берег Золотого Рога. Очень важно было закрепиться на высотах, обращенных к Босфору, чтобы следить за всеми движениями генуэзцев, которым фактически принадлежала Пера, на тот случай, если они вздумают подать помощь осажденным.

Карадша-паша со своими воинами стал против Влахернской стены. Было известно, что она на этом участке построена в одну линию. Поэтому стенобитные пушки, отлитые Урбаном, были расположены именно здесь. Считалось, что эта стена наиболее уязвима. К тому же за нею был расположен новый императорский дворец. И турки знали, что оттуда император руководит отражением осады.

От южного берега Ликоса до Мраморного моря встали воины из Анатолии. Ими командовал Исхак-паша. Ему султан не очень-то доверял: на совете он выступил с осторожной речью, говоря, что за спиной неверных стоят слишком большие силы и риск осады очень велик. Поэтому султан назначил его правой рукой Махмуд-пашу. То был ренегат, как многие в войске султана, по-

лутрек-полуболгарин, втершийся в доверие султана и ставший его советником.

Султан повелел насыпать земляной вал по всей длине стен великого города, вкопать частокол, проделав в некоторых местах проходы. Это было сделано, дабы обезопасить войско от возможных вылазок греков.

Флот под начальством Сулеймана Балтаджи получил приказ курсировать вдоль берегов Мраморного моря и следить, чтобы ни один корабль не приблизился к небольшим гаваням у прибрежных стен. Балтаджи почитался надежным воином Аллаха. Он был болгарин, принявшим ислам, и, как все ренегаты, готов был положить голову за новую веру.

Все было готово к осаде. Красный с золотом шатер султана был виден отовсюду. К нему и от него скакали всадники с донесениями и повелениями.

И вот ударили пушки. Гром раскатился по всей округе, и мраморные ядра с грохотом влепились в стену. От нее полетели брызги.

Осада началась.

Глава восьмая

ЭХО ДВОРЦА ШЁНБРУНН

Хочу установить, чтобы из лести мне высказывали правду; даже царедворец подчинится этому, когда увидит, что вы ее любите и что это — путь к милости.

Екатерина II

Г о л о с а

Константинополь всегда будет яблоком раздора между европейскими державами; из-за этого одного города они откажутся от раздела Турции... Я, во всяком случае, хотел бы видеть там лучше янычарские тюрбаны, чем казачьи папахи...

Император Иосиф II — Сегюру

Турки нас встретили или упредили неистовыми требованиями: 1. Отступить от царя Ираклия яко подданного Порты и не мешаться в дела персидские. 2. Не мешать им пользоваться соляными озерами. 3. Принять их консулов на первый случай в Крыме, а потом и в другие места. 4. Сменить вице-консула Селунского из Ясс за пособие в побеге господаря Маврокордато. 5. Возвратить господаря ушедшего. 6. Подвергать доёмотру российские суда во время плаванья их через канал (Босфор.— *Р. Г.*), не возить на российских судах масла, кофею, вина и прочего припаса в Россию...

Думали, что будет война, но султан удержал. Хотя мы готовы, но хорошо бы хоть до 88-го года: 1) суда, 2) укрепить Херсон и Севастополь, 3) неурожай, нужно сделать необходимые извороты...

Безбородко — русскому послу в Лондоне князю Воронцову

Рогатых скотин на каждой станции 3 головы, телят выпоенных — 3, баранов — 10, птиц кур — 15, гусей — 15, дикой птицы сколь возможно, муки — 2 пуда, сыру, масла — пуд, сливок — 2 ведра, яиц — 500, окороков — 6, чаю фунт, кофею полпуда, масла прованского полдюжины, сельдей бочонок, сахару два пуда... вина белого и красного французского — по 3 ведра, водок — по 5 штофов, аглицкого пива — по 4 дюжины, лимонов — 50...

На тех станциях, где ни обеда, ни ночлега не означено, должно быть в заготовлении блюдам с жареными разного рода холодными закусками, пирогами, сыр, масло, окороки, словом, съестных и питейных припасов со всех, о коих выше упомянуто, поставлять половинное количество против прежнего пункта...

Во всех на дороге селениях жителей поставить по обеим сторонам улицы, так как и из окружных близлежащих селений приказать быть, при тех же самых деревнях, кои на тракте, где будут удобнее места при дороге для пастьбы скота, то из окружных селений приказать на оных местах на тот день, когда будет шествие, пригнать, дабы в проезде от поселян во всех частях лучший вид был представлен. При всех оных крестьянах должны быть тех селений начальники, кои наблюдают между ними тишину и порядок, чтобы все крестьяне были в пристойной чистой одежде; так же строго смотреть, чтобы между сими поселянами не было больных и увечных...

Девкам и женщинам подносить императрице пуки цветов и трав, связанных красной лентой, и бросать под карету цветы, а прочим изъяслять свои восхищения приличными поступками и приветствиями.

Ордера Потемкина разным лицам

Не угодно ли будет по дороге, где шествие, поставить по два или по три каменных столба пяти- и десятиверстовых. Буде на оное последует повеление его светлости, прикажите на оные сделать план и мне доставьте.

В. Каховский, правитель Таврической области, — Попову

Расстояние пути означить милями и верстами... каменными, ставя первые по десяти, другие же на каждой версте. Я пришлю тех и других рисунок.

Потемкин — Каховскому

— Завтрак его величества...

— А-а-а-и-и-и...

Гулкое эхо причудливо летело по залам дворца Хофбург с их до блеска навощенными полами, с паркетом, подобным зеркалам, с гобеленами и картинами в тяжелых золоченых рамах, с креслами для бюргерских задов, чьи ножки изгибались в причудливом танце... Со всей этой пышной и тяжелой красотой, мало-мальски утомляющей взор и чувства.

Эхо застревало в завесах, призванных укрощать его, однако, свободное и стремительное, вырывалось и продолжало свой полет. Императору Иосифу II, который был еще королем, став им двадцать три года назад, на год раньше, нежели обрел императорский титул, несли завтрак. Стол был накрыт на два куверта. Второй — для престарелого князя Венцеля Антона Кауница, он же граф фон Ритберг. Ее величество с детьми завтракала отдельно.

Князь был как бы отцом императора: на глазах семидесятишестилетнего вельможи прошло детство Иосифа, он нянчил его

во младенчестве, он, можно сказать, был духовным наставником наследника престола. Злые языки мололи даже, что мать Иосифа, всевластная императрица Мария-Терезия, была в любовной связи с князем.

Так или иначе, но князь Кауниц, граф фон Ритберг, играл первую скрипку в квинтете европейских держав. Он был бесменным политическим законодателем, и европейские монархи внимали его голосу. И само собой — его воспитанник Иосиф. Под влиянием своего наставника он стал приверженцем просвещенного абсолютизма, покровителем наук и искусств, сочинителем либеральных законов.

Да, да, император придерживался либеральных взглядов, и это было эхом взглядов его наставника и первого министра.

Иосиф не предпринимал сколько-нибудь значительных шагов, не посоветовавшись с князем. И сейчас, в предвидении свидания с русской императрицей, он чувствовал себя обязанным обсудить его со всех сторон.

Хоть он и был императором Священной Римской империи германской нации, как официально именовалась Австро-Венгрия, хоть империя его была первой в Европе и единственной, если не считать России, которой отказывали в имперском звании, он несколько робел пред Екатериной. То ли потому, что она была старше его на целых двенадцать лет, то ли пред ее магнетической напористостью, то ли из-за неодолимой женственности.

Он не постеснялся сказать об этом Кауницу за чашкой крепкого кофе.

— Говорят, — сказал Иосиф, отхлебнув глоток, что кто-то из придворных Екатерины, попробовав сваренный для нее кофе, потерял сознание. Не знаю, правда ли это, но кое о чем говорит...

— Граф Кобенцль в письме ко мне выдает этот факт за действительный. Русская царица — крепчайший орешек. Ее так просто не раскусишь. Сама история ее воцарения свидетельствует об этом. Так что ты, мой дорогой, должен держать ухо востро, помня о ее чарах, умении завораживать собеседника. — И князь наставительно воздел указательный палец.

— Я готов, учитель, — сказал император, сморщив нос, словно от знатной понюшки табаку. Когда они оставались вдвоем, князь обращался с ним как с сыном, а Иосиф говорил ему «учитель», как в те времена, почти четыре десятка лет назад, когда пятилетний мальчик засыпал его вопросами, иной раз самыми неожиданными.

— И не будь уступчив. В прошлое твое свидание с нею ты легкомысленно обещал присоединиться к ее плану разрушения Турецкой империи. Но это миф. Миф, сочиненный великим проектером Потемкиным, который оказывает на императрицу и

необыкновенное влияние, и даже давление. Судя по всему, она у него в плену.

— Да, любая женщина окажется в плену у такого великана,— подтвердил Иосиф.— Он неотразим, хотя и крив, к тому же умен. А она женщина...

— Вот это-то ты и должен положить в основу всего,— подхватил князь.— Она всего только женщина. Пусть выдающаяся... Женщина, с присущими ей слабостями. Слабое существо. Ее подпитывают любовники своими соками и своим влиянием. Помни об этом, помни.

— Принц де Линь называет ее не иначе как Екатерин Великий,— усмехнулся Иосиф.— Он говорит, что перед ее чарами невозможно устоять не только мужчине, но и женщине. И что женщины, составляющие ее окружение, все у нее в плену.

— Пустяки,— бросил князь.— И это тоже миф. Миф, сочиненный ее угодниками.— Я наблюдал за нею. Да, у нее царственная осанка и такие же манеры. Она играет свою роль необычайно талантливо. И как нас, сидящих в ложе, пленяет талантливая лицедейка, заставляя переживать вместе с нею страдания ее героини, так и русская царица берет в плен своей талантливой игрой. Не более того. Люди чрезвычайно податливы и склонны к заблуждению. Так же, как пастух управляет огромным стадом с помощью двух-трех псов, обученных для этого, так и народ подобен такому стаду, для которого нужны обученные псы. А ведь пастух — это всего лишь пастух...

— Я тоже всего лишь пастух,— усмехнулся Иосиф.

— Ты — другое дело,— ничуть не смутившись, продолжал Кауниц.— Ты правишь своим стадом по закону наследства, и ни у кого никогда не возникало, да и не могло возникнуть, сомнение в твоем праве. Екатерина — другое дело, совсем другое. Она, если говорить без уловок, самозванка, каких много в России. Ты должен постоянно помнить об этом и соответственно держать себя с нею. Я согласен с тем, что Турция представляет для нас и для России общую опасность, но если вы вознамеритесь ее разрушить, то погибнете под ее обломками.

— Ну уж, так-таки и погибнем! — Иосиф передернул плечами.

— Никто не позволит вам этого,— продолжал свое князь,— ни Франция, ни Англия, ни Швеция, ни Пруссия, ни, естественно, сама Турецкая империя. С ее помощью осуществляется баланс европейских сил.

— Но она представляет собой постоянную угрозу для нас...

— И для России тоже,— перебил его Кауниц.— Ну и что же? Кто позволит тебе и царице усилиться за счет турок? Тотчас возникнет альянс государств, противостоящих вашему утопическому плану. Да и все захотят иметь свою долю в вашем дележе. А это никак невозможно.

— Но война неизбежна, учитель. Турки жаждут взять реванш у России. И тогда я буду вынужден взять сторону Екатерины.

Ложечка, которую он держал в руке, дернулась, фарфор жалобно зазвенел. Дверь тотчас приоткрылась, и дворецкий вопросительно глянул на Иосифа.

— Нет, нет, никто мне не надобен,— сердито произнес император.

Дверь тотчас захлопнулась: было достаточно не только слова, но и взгляда.

Кауниц обдумывал последние слова своего повелителя. Да, Иосиф в случае войны принужден быть в одной связке с русской царицей. Это, к великому сожалению, не принесет ему лавров. Австрийская армия при всей ее показной пышности никуда не годится. Он предвидел, что отдуваться придется русским. Что ж, у них есть превосходные полководцы.

Наконец он сказал:

— Вам — я имею в виду тебя и Екатерину — надо приложить все усилия, чтобы избежать войны.

— Я не вижу возможности, как это сделать,— пожал плечами Иосиф,— лично от меня ничего не зависит. Король Людовик гнет свою линию. Его агенты науськивают турок на русских. Они твердят об их слабости, о том, что потеря Крыма легла позором на Порту. С другой стороны, в России есть могущественная партия войны, возглавляемая Потемкиным. Екатерина во всем ему по-такает. Она, эта сильная женщина, излучающая флюиды власти, тем не менее находится под его влиянием. Меж тем, когда я впервые встретился с нею шесть лет назад, должен откровенно признаться, сам попал под ее магнетизм...

— Ты забываешь, что тогда она была на целых шесть лет моложе,— вставил Кауниц.— А шесть лет для женщины — много.

— Судя по тому, что она то и дело меняет своих любовников, которые с каждым разом становятся все моложе, ее желания остались неизменны. Верно, и магнетизму не ubyло,— убежденно произнес Иосиф.— Это, на мой взгляд, исключительная женщина, она и в старости исключительна.

— Твоя матушка, покойная императрица Мария-Терезия, да будет ее память незабвенна, неспроста не любила ее. По-моему, она видела в ней эту чертовщину, которую ты называешь магнетизмом.

— Она боялась ее,— убежденно сказал Иосиф.— Я знаю это доподлинно. Она называла ее ведьмой и распутницей, проклятой немкой, околдовавшей Россию.

Кауниц качнул головой — ему это было известно. Как был известен деспотический нрав покойной. При ней Иосиф был тише воды, ниже травы. Она не допустила сына к управлению государством, все решала сама, даже в мелочах. И только с ее

кончиной Иосиф вздохнул свободно. И это несмотря на то, что уже двадцать два года он был официально провозглашен императором.

Семь лет, как ее не стало и он расправил плечи. «Я не давал ему делать глупостей,— самодовольно думал Кауниц.— Я постоянно стоял у него за спиной, я был его тенью. И мы кой-чего добились. Вместе с той же Екатериной поделили Польшу — я настоял, чтобы нам досталась благодатная Галиция. Тем более что ее население единоверно, все больше католики. Правда, тогда Мария-Терезия еще властвовала. Властвовала, но не управляла — управлял я,— с тем же самодовольством думал Кауниц.— Короли и императоры могут выказывать свою волю. Но за их спиной стоят умные люди, которые движут царственными марионетками, дергают управляющими нитями. Важно только дергать так, чтобы нити эти не были видны. Мягко, с деликатностью. И тогда и волки будут сыты, и овцы целы».

Кауниц, кряхтя, потянулся. Потом сказал:

— Мой тебе совет: не иди у нее на поводу, не соглашайся сразу, не принимай ее условия. Помни, она всего только женщина, притом старая, притом все еще в плену своих страстей. Я охотно бы сопровождал тебя в этой поездке, но...— И он развел руками, как бы говоря: ты же сам видишь, я стар и немощен.— А теперь позволь мне откланяться. Да и у тебя есть свои заботы.

Оба поднялись. Кауниц отодвинул кресло и поплелся к выходу. Походка у него была старческая, шаркающая, но стан был прям — почти как у молодого.

«Он прекрасно держится,— отметил про себя Иосиф.— И ум у него все еще свеж. Хотя время от времени ему стоит усилий вспомнить то или иное имя или дату. Но в конце концов он вспоминает. А память у него все еще емка, Бог знает, сколько всего вместила она в себя за семь десятков с довеском лет».

Оставшись один, Иосиф некоторое время пребывал в задумчивости. Свидание с Екатериной виделось ему важным, но в то же время опасным по своим последствиям. Опять она увлечет его в мир иллюзий. Ох, этот ее Греческий проект, она поистине бредит им. С одной стороны, хорошо было бы, разумеется, отвести от Европы турецкую опасность раз и навсегда, отхватить кое-какой кус от этого громадного лоскутного одеяла, распростертого на все стороны света. С другой же...

Другая сторона представлялась ему неодолимой. Не говоря уж о военной стороне, существовала сторона политическая. Екатерина ее и в грош не ставила — чисто по-женски. А между тем именно она-то и была неодолима по своей множественной зависимости.

И хочется, и колется, да сил недостает. Надо быть готовым к изворотам, наконец решил он. Легко ускользнуть в решительную минуту. Ему это удавалось.

Он позвонил. И сказал явившемуся камергеру:

— Пусть подадут карету. Я собираюсь в Шёнбрунн.

— О, Хофбург! — всплескивают руками венцы. Хофбург — прекрасное в прекрасном. Это дворец к дворцу: императорская канцелярия с покоями его величества, зимний манеж, дворцовая библиотека, богатство которой подавляло самого императора — не только парад книг, но и рукописей, скульптуры, живописи и графики, императорские музеи, наконец, увеселительный замок Бельведер в окружении роскошного парка, с Хофбургтеатром.

Был еще и Шёнбрунн¹ — архитектурный шедевр. В его названии сокрыта его же достопримечательность: фонтаны, прекрасные фонтаны, окружившие дворец водяной завесой, живым сверкающим занавесом.

Вена была музыкальной столицей мира. Император слыл меломаном. Он покровительствовал композиторам, музыкантам, певцам, он заказывал музыку. И, стараясь не отстать, двор и вельможи тоже слыли меломанами.

Музикдиректор граф Розенберг обитал в Шёнбрунне. Он должен был осведомить императора о здоровье маэстро Глюка — Кристофа Виллибальда Глюка, Божией и монаршей милостью носившего звание императорского и королевского придворного композитора с жалованьем две тысячи талеров.

Маэстро Глюка разбил паралич. Второй раз. Он, как говорили, дышал на ладан. И то сказать — почтенный возраст, семьдесят три года. Шла речь об его преемнике. Две тысячи — лакомый кусок. На него претендовал Антонио Сальери, фаворит императора и вообще влиятельный человек в музыкальных кругах.

— Ну что, граф, каков маэстро Глюк? — спросил Иосиф выбежавшего навстречу и ухитрившегося поклониться на бегу Розенберга.

— Скорей унглук (несчастье.— *Р. Г.*), — изящно пошутил граф. — Долго не протянет, ваше величество.

— Мое величество надеется протянуть еще хотя бы несколько лет!

— Ох, пардон, ваше величество, вышло неуклюже, — наклонил голову Розенберг. — Вы будете жить на радость народам еще сто лет.

¹ Ш ё н б р у н н — прекрасный фонтан (*нем.*).

— И вы считаете, что сейчас вышло неуклюже? — с насмешкой спросил Иосиф. — Ну да ладно. Кого вы прочтете на должность, которую пока занимает маэстро Глюк?

— Я бы рекомендовал Моцарта, с вашего разрешения. Молва нарекает его гением.

— Ну, молва, как всегда, торопится опередить время. «Свадьба Фигаро»? — Император поморщился. — Вы же помните, граф, ее недавнюю постановку на придворной сцене. Михаэль О'Келли был превосходен в партии Базилио, остальных я просто не запомнил... А, да Понте, и вы здесь? — Иосиф деланно удивился.

— Где же мне быть, ваше величество, если не здесь. Ведь я ваш придворный драматург и сочинитель либретто.

— Вы, конечно, стоите горою за Моцарта.

— Несомненно, ваше величество. Моцарт — гений.

— Ах, господин аббат, мы с вами говорим в унисон, — расстроганно произнес граф Розенберг. — Ведь я только что сказал его величеству то же самое.

— Правда, со ссылкой на молву. — И Иосиф иронически улыбнулся.

Да Понте, Лоренцо да Понте, до святого крещения еврейский подросток Эмануэле Конельяно, пользовался благорасположением императора, а потому разрешал себе некоторую независимость суждений. Впрочем, о его далеком прошлом никто не догадывался — ведь он носил сутану, а это был некий знак отличия от простых мирян. Он был плодовит как сочинитель и несомненно талантлив, хоть это и был мирской талант. Вот почему за его либретто охотились все сколько-нибудь видные композиторы — тот же Сальери, Мартини, Вейгель и другие.

Он тотчас понял, каково место Моцарта в музыкальном мире, и стал писать для него либретто, зная, что это и его обессмертит. Так оно и случилось: «Свадьба Фигаро», «Все они — таковы», «Дон Жуан», три шедевра, жили, живут и будут жить.

— Ваше величество, мы можем потерять Моцарта, — вкрадчиво произнес да Понте. — Эта потеря будет невосполнима, уверяю вас.

— Что значит — потерять? — с любопытством воззрился на него Иосиф.

— За Моцартом охотятся русские дипломаты — князь Голицын и граф Разумовский.

— Что ж, если для них это лакомая дичь...

— Они хотят переманить его. Пошел слух, что главный русский вельможа князь Потемкин, большой меломан и покровитель музыкантов, хотел бы заполучить и Моцарта.

— По-моему, он вполне удовлетворен вашим соотечественником, любезный аббат. Я имею в виду маэстро Сарти, — заметил Иосиф. — Но мы должны сохранить Моцарта для нас, он пре-

восходный сочинитель камерной музыки. Граф,— обратился он к Розенбергу,— пригласите ко мне маэстро Моцарта. И не медлите.

За Моцартом было послано. И вскоре он предстал пред императором.

— Я слышал, господин Моцарт, что вас заманивают в Россию. Это правда?

— Ах, ваше величество, это главным образом слухи. Кто-то из русских вельмож обмолвился, что в России мне была бы создана обеспеченная жизнь. Что там-де ценят музыкантов и многие итальянские мастера нашли там прибежище...

— Мы тоже ценим,— перебил его Иосиф недовольно.— Вы что ж, терпите нужду?

— Увы, ваше величество,— смешался Моцарт.— Приходится заниматься поденщиной, давать уроки. Шестеро детей... Все хотят есть. А за сочинения платят гроши.

— Граф Розенберг, не считаете ли вы возможным дать маэстро Моцарту звание императорского и королевского камерного музыканта?

— Как повелите, ваше величество,— откликнулся граф.— Позвольте только заметить, что у нас нет свободных вакансий.

— Вы имеете в виду жалованье?

— Да, именно так. В остальном же господин Моцарт несомненно заслуживает звания.

— Я предвижу, что скоро освободится место маэстро Глюка,— сказал Иосиф.— Не мог бы Моцарт им воспользоваться?

Розенберг вздохнул:

— У маэстро Глюка большая семья, и заслуги его перед императорским двором слишком велики, чтобы оставить его близких без воздаяния.

— Ну хорошо, хорошо. Я жалую званием маэстро Моцарта безотносительно ко всему прочему.— С этими словами Иосиф положил руку на плечо Моцарта, как бы посвящая его в звание придворного музыканта.— Творите, маэстро, и вы не останетесь без награды. Что касается России... Тамошний климат слишком суров, а вы, как погляжу на вас, человек болезненный. Нет, не ездите в Россию, маэстро Моцарт. Мы позаботимся о вас сами. Тем более что мне со всех сторон твердят, что вы гений.

— Завистники, ваше величество.

— Что новенького у вас из камерной музыки?

— Я сочинил пять квартетов...

— Граф, позаботьтесь, чтобы их приготовили. И сообщите мне. Как только я возвращусь из путешествия, буду иметь удовольствие их послушать.

— Далеко ли изволите отбыть, ваше величество? — вкрадчиво осведомился Розенберг.

— Это секрет. Впрочем, вам, так и быть, я открою. А вы, господа, свободны.

Да Понте и Моцарт удалились, мелко шагая и то и дело кланяясь, как предписывал этикет. Император облокотился о подоконник. Глаза его были устремлены куда-то за окно, в парк. Могучие деревья, одетые молодой листвой, гляделись в стрельчатые окна. Ветер легкими касаниями перебирал зеленую бахрому — привет и прощание.

— Я еду в Россию, граф, — просто сказал Иосиф, нарушив затянувшееся молчание. — Мне предстоит свидание с русской императрицей и важные переговоры. Заодно я хочу увидеть, как русские распорядились теми землями, которые они отхватили у турок. Это были запустелые земли.

— Уверяю вас, ваше величество, они такими же и остались, — поспешно проговорил Розенберг. — Вот если бы они оказались под властью имперской короны...

— Мне, граф, не нужны пустыни, — отрезал Иосиф. — Мы получили Галицию — край населенный и процветающий. А теперь... Теперь, по правде говоря, не знаю, чего бы мне хотелось. Императрица мне подскажет, — закончил он с усмешкой. — Она на все имеет ответ.

Снова воцарилась тишина. Иосиф тяжело уселся в кресло и, казалось, целиком погрузился в свои мысли. Залетный шмель с мягким стуком бился о стекло, пытаясь вырваться из неволи. Его басовое жужжание, как видно, вывело Иосифа из задумчивости, напомнив звук, извлекаемый смычком из струны.

— Граф, верните маэстро Моцарта, пока он не ушел далеко, — неожиданно произнес Иосиф.

Музыкальный директор бросился вон. А Иосиф подошел к клавесину, стоявшему в углу, поднял крышку и взял звучный аккорд.

Он любил музыку, сам музицировал и был вдохновителем многих так называемых академий — концертов камерной музыки. Это было одной из традиций Габсбургского дома. Вот почему в Вену стекались музыканты из многих стран, равно и сама Вена поставляла музыкантов во многие страны. И те и другие испытывали судьбу в поисках лучшей доли.

— Вот, ваше величество, маэстро Моцарт к вашим услугам, — произнес с порога запыхавшийся граф Розенберг. — Тем более что он отныне находится в службе вашего величества, как облеченный званием придворного музыканта.

— Маэстро, мне понравилось ваше трио ре минор. Помнится, я слышал его однажды, когда вы исполняли партию клавира, в другой же раз — столь же искусно — партию скрипки. Доставьте же мне удовольствие исполнением этого трио.

— Желание вашего величества — закон, — торжественно провозгласил граф.

— Охотно, ваше величество, — отозвался Моцарт. — Дело лишь за скрипачом и виолончелистом.

— Об этом позабочусь я, — подхватил граф. Он засеменил к двери и вскоре вернулся, сообщив, что за музыкантами послано и они тотчас предстанут пред императорскими очами.

Моцарт был непременным участником академий, большей частью платных: это был один из хилых ручейков, который вместе с уроками питал семейный бюджет: денег вечно не хватало. Он был доволен, что смог откровенно поведать императору о своей нужде. Может, его величество и в самом деле раскошелится. Звание придворного музыканта должно обязывать обе стороны. Год этот выдался особенно трудным: умер отец, и он не смог отправиться в Зальцбург для того, чтобы отдать ему последний долг — не было денег. Не было денег, не было денег, не было денег — постоянный припев, нечто вроде речитатива, который сопровождал его всю жизнь.

Он весь состоял из музыки. Она переполняла его мозг, теснила его грудь, все сны его были в мелодиях, которые поутру выливались на нотную бумагу. Ничто другое не занимало его и не отвлекало, даже возлюбленная Констанция, мать его детей. Шагая по улице, он мысленно проигрывал какой-нибудь озаривший его сонатный мотив либо ведущую мелодию фортепьянного концерта, слыша оркестр, сопровождавший ее...

Трио ре минор... Оно нравилось многим меломанам, даже такому брюзге, как граф Карл Цинцендорф, слывшему законодателем в высшем свете. Стало быть, оно нравится и императору. Что ж, он постарается, чтобы оно прозвучало как можно лучше...

Его размышления прервало появление скрипача и виолончелиста. Не из лучших, но, надо полагать, оказавшихся под рукою. Послали за нотами. Император терпеливо ждал.

Наконец все было на месте, и Моцарт сел за клавесин. Он кивнул в знак того, что начинает. И ударил по клавишам.

Память его была совершенна. Все, что было когда-то написано, теснилось в его голове, готовое по первому зову тотчас излиться наружу, в звуках. Он не глядел в ноты. Он помнил свою партию и вел ее с божественной легкостью.

Нежная мелодия скрипки переплеталась с виолончельной. Они шли за клавесином, словно бы дети за матерью, они были послушны и вместе с тем в них чувствовалась некая самостоятельность. Но и зависимость была несомненной... Мелодия то вздымала ввысь, то опадала. В ней было все: грусть и тоска по чему-то неизбывному, горестному и требовательному. Ее сменило напористое аллегро, однако оно не разрушило прежнюю постройку, нет, оно высветлило ее...

Иосиф слушал, наклонив голову. Он то сливался с музыкой, то вдруг вырывался из ее чар и уносился мыслью далеко-далеко. В просторы России, куда ему надлежало ехать. Грядущее свидание с русской императрицей полонило его чувства. Оно было важно, очень важно. Оно могло перевернуть судьбы Европы.

Иосиф не сомневался: дело шло к войне. Он не хотел и вместе с тем хотел ее. Хотел, инстинктивно опасаясь, ведь это именно ему предстояло вести армию. Он знал, все взоры будут устремлены на него, от него будут ждать подвигов, побед...

«О Боже мой,— невольно вздохнул он,— я не хочу войны.— Это музыка умиротворяюще действовала на него.— Хочу покоя...»

Моцарт сложил руки на груди. Он рассеянно слушал похвалы, которые расточал ему император, и думал: может, и в самом деле отправиться в Россию, где ждет его, как уверяют русские вельможи, обеспеченная жизнь. Сарты, Паизиелло и другие, как говорят, прекрасно устроены. Екатерина, эта северная Семирамида, покровительствует талантам. Правда, уверяют, что она равнодушна к музыке и страдает полным отсутствием музыкального слуха. Но зато там есть страстный меломан князь Потемкин. Он может озолотить полюбившегося ему музыканта.

— Вы свободны, господа,— размягченным тоном произнес Иосиф.— Благодарю за доставленное наслаждение. Я унесу с собой чарующие мелодии вашего трио, маэстро Моцарт.

Моцарт поклонился, подумав: уж лучше бы он распорядился платить ему жалованье придворного музыканта.

СКВОЗЬ МАГИЧЕСКИЙ КРИСТАЛЛ...

В е т в ь д е в я т а я: апрель 1453 года

И был апрель. Месяц пышного цветения, месяц торжества жизни.

И с ним пришла Пасха — священный праздник христиан, праздник Светлого Воскресения Христа-Спасителя.

Воскресный день — первый день Пасхи — пришелся на первое апреля. В цветущих садах заливались соловьи, аисты — вестники счастья — возвратились в свои гнезда, перелетные птицы стаями летели на север.

Храмы Константинополя были переполнены молящимися. Люди возносили молитвы Спасителю, прося защитить город, защитить их и их семьи от нашествия врагов Христова имени, от поругания святынь.

Казалось, Господь внял их молитвам. Турки в этот день не предпринимали никаких действий. Но вот под стенами показались первые атакующие — в понедельник, 2 апреля. Похоже, то была пробная атака.

Защитники великого города предприняли боевую вылазку и отбросили нападавших, убив и ранив несколько турок. Но вот со стороны вражеского лагеря двинулась орда на помощь солдатам, и грекам пришлось поспешно убраться под защиту своих стен. Их было слишком мало.

Спустя четыре дня город был обложен со всех сторон. Кольцо осаждавших стало мало-помалу сжиматься. И император приказал удвоить бдительность. В сопровождении свиты он стал обходить наиболее уязвимые участки стены, особенно у Влахерны, там, где стена была одинарной, где располагался новый императорский дворец.

Стало ясно, что штурм следует ожидать со стороны сухопутных стен. С высоты было видно, как полчища турок укрепляют свои позиции и готовятся к атаке.

Защитники города надеялись на крепость своих стен, которые во многих местах были двойными и даже тройными, и на мощь своих башен. Протяженны были и рвы, предусмотрительно заполненные водой, некоторые из них почитались непреодолимыми — так глубоки и широки они были. Прежде через них были переброшены мосты. Но император приказал их разрушить.

Обходя стены, император с грустью убеждался, что силы защитников слишком слабы, малочисленны и что на некоторые участки стены просто некого поставить. Пришлось сделать башни опорными пунктами: туда были подняты пушки, которые могли

стрелять тяжелыми ядрами и откуда можно было лить кипящую смолу и метать камни.

Пятого апреля защитники заняли свои позиции. Сам император избрал своим местопребыванием Месотихион, где река Ликос пересекала стены. Здесь были сосредоточены отборнейшие отряды греков. И неспроста: за стенами, почти насупротив, виднелся султанский алый с золотом шатер и были расположены янычары и султанская гвардия.

К императору присоединился генуэзский военачальник Джустиниани с отрядом своих соотечественников: он в полной мере оценил опасность, грозящую именно на этом участке. А его место занял другой отряд генуэзцев под командою братьев Баккарди.

Венецианцы во главе со своим бальи Минотто обороняли стены Влахерны, при том что им пришлось основательно вычистить ров перед ними. Их соотечественник, почтенный, седобородый Теодоро Каристо, взял на себя оборону участка стены между Калигарийскими воротами и стенами Феодосии.

Слева от императора позиции заняли генуэзцы под командою Каттанео, а далее — греки во главе с Феофилом Палеологом, родней императора...

Все стояли на своих местах в томительном ожидании. Было ясно, что турки вот-вот двинутся на штурм.

Глава девятая

ЛЕД ТРОНУЛСЯ...

Тот, кто не уважает заслуг, не имеет их сам;
кто не ищет заслуг и кто их не открывает, не до-
стоин и не способен царствовать.

Екатерина II

Г о л о с а

Каковы цесарцы бы ни были и какова ни есть от них тягость, но она будет несравненно менее всегда, нежели прусская, которая совокупленно сопряжена со всем тем, что на свете может быть придумано поносного и несносного... Я видела, к несчастью, слишком близко это иго и прыгала от радости — вы сами тому свидетель, — когда увидела только намек освободиться от него.

Екатерина — Потемкину

День отъезда Ее Императорского Величества из Киева назначен 22 сего апреля, а потому и должны ожидать Высочайшего Ее Императорского Величества в Кременчуг прибытия 24 или 25 числа. Употребите все силы, не теряя ни минуты, чтоб все было в исправном порядке и готовности к тому времени. Постарайтесь по всей возможности, чтоб город был в лучшей чистоте и опрятности. Безобразящие город строения разломать или скрыть, особливо прибрать около рядов и приказать переменить драные или замаранные завесы. Чем многочисленнее будет корпус дворянства, тем лучше. Я поручал уже вам собрать дворян в Кременчуг с их фамилиями и надеюсь, что вы потщились сие исполнить. На других воротах, что на мосту, прикажите надписать: «ЕКАТЕРИНЕ ВЕЛИКОЙ». Все комнаты дворцовые наилучшим образом очистить и также квартиры в городе прибрать почище. Правление наместническое, палаты и все присутственные места содержать в готовности к собранию сенаторскому; сверх исправности в делах должны все канцелярские служители быть в совершенном опрятстве. Г-ну Сартию предписанную ему пиесу скорее приуготовить и постараться, чтоб она была произведена наивеликолепнейшим и огромнейшим образом. Обмундирование музыкантов и певчих буде не окончено, то тотчас оное совершить.

Потемкин — генерал-майору Синельникову

...Меня обкрадывают, как и прочих... Я в этом уверилась собственными глазами: рано утром видела из окна, как потихоньку выносили огромные корзины... Несколько лет назад, проезжая по берегам Волги, я разговорила с тамошними обывателями.

Они жаловались на непомерные поборы чиновников: большую часть улова красной рыбы велено-де доставлять в царские конюшни. Представьте, я и не знала, что мои лошади едят стер-ядей...

Екатерина — Сегюру

Вы приказали червям работать на людей... Ахтуба приносит Вам на платье. Ежели моление мое услышано будет, то Бог продлит лета Ваши, и Ты, Милосердная Мать, посещая страны, мне подчиненные, увидишь: шелками устлан путь.

Потемкин — Екатерине

Я беспрестанно делаю ошибки против языка и правописания. Сегюр знает, что у меня порою претупая голова: ему так и не удалось побудить меня к стихосложению. Без шуток, я думаю, что... если бы я была простою женщиной, то ваши милые парижские дамы не нашли бы меня, пожалуй, достойной своего общества...

Екатерина — принцу де Линю

Тихую весеннюю ночь вдруг сотряс неистовый грохот. Киевляне проснулись в холодном поту. Они уже успели привыкнуть к пушечной канонаде в честь ее величества императрицы все-российской. Но это было похоже на начало военных действий...

Осада? Турки? Татары? Охота на императрицу и весь цвет российского вельможества и воинства? Для сего избрана мирная ночь?..

Грозный гул постепенно сменился треском и скрипом. Он то затихал, то снова нарастал... Затихало и смятение чело-веков.

Ледоход. Днепр тронулся. Окончилась его зимняя спячка.

Подходило к концу и почти трехмесячное пребывание императорского кортежа в матери городов русских — Киеве. Градская и губернская власти были обласканы, награждены и ублажены сверх меры. Все это время город жил взбудораженно и напряженно. Балы, маскарады и приемы сменяли друг друга. Было сделано все для увеселительного препровождения досугов ее императорского величества со свитою.

Проснулся от спячки, а лучше сказать, затянувшейся хандры и светлейший князь Потемкин. Государыня, зная этот его недуг, повелела князя не беспокоить, пока сам не придет в чувство.

Все это время Потемкин находился в монашеском затворе. Время от времени он припадал к чтимым иконам и горячо, даже как-то судорожно молился. О чем он просил Бога и его святых угодников, никто не ведал, даже его доверенный Василий Степанович Попов. А о других и говорить нечего.

Он появился в свете как ни в чем не бывало — весь сверкающий и ликом и регалиями. Ослепительный князь Потемкин, как назвал его принц де Линь, расточал направо и налево улыбки и остроты.

Екатерина была рада его появлению и радости этой не скрывала.

— Вы, князь, выглядите посвежевшим. Общение с монашеской братией, гляжу, благотворно.

— Да, ваше величество, не могу скрыть: святые стены дарят благодать. Душевное отдохновение превыше всего есть. В кой раз в этом убедился.

— Оставьте нас,— велела Екатерина,— я хочу побеседовать с князем тет-а-тет.

И когда все вышли, спросила с легкой усмешкой:

— Ну что, Гриша, хорошо ли хандрилось?

— Днепр тронулся, и я с ним,— в тон ей отвечал Потемкин.— Тебя, моя благодетельница, видеть захотел, припасть к твоей руке. Равно и обозреть, каково идут приготовления в водному шествию.

— Что ж дальше-то? — отрезала Екатерина.

— Должно ждать, покуда Днепр очистится да лед сойдет в низовье. Тогда и поплывем. Полагаю, в последних числах апреля. Повсеместно ожидают, государыня-мать, твоего пришествия. Надеюсь, нигде не оплошают, все исполнят по моему велению. А веление мое есть тебя сколь возможно ублаготворить и порадовать.

С какой-то странной жадностью впился Потемкин зрячим глазом в Екатерину. Не то изучая, не то вспоминая. Наконец, словно бы в озарении, радостно промолвил:

— Видел я лик твой, запечатленный в Троицкой надворной церкви в лавре. Ровно чудное видение мне было средь моего заточения.

— Не во сне ли, Гриша, я тебе привиделась? — Улыбка тронула губы Екатерины.

— Нет, государыня. Слово с тебя писана Пресвятая Богородица чудным изографом. И ведешь ты жен-праведниц в рай. А праведницы те с дам твоих списаны.

Екатерина разразилась смехом. Глядя на нее, рассмеялся и Потемкин.

— Ох и насмешил ты меня, Гришенька, ну и насмешил! — наконец выдавила Екатерина.— Коли найдешь ты средь моих дам хоть одну праведницу, поднесу тебе кубок из литого золота с бриллиантами. Да и я не Богородица — грехов на мне налипло видимо-невидимо. Сам знаешь. Знаешь и каковы наши дворские.

— Знаю, матушка, как не знать. Да больно схожи все вы на той стенной картине. Будто изограф тот подсматривал.

— Живопись та небось старинная, и подсматривать сквозь века ему не дано было,— трезво заметила Екатерина.— А ты всюду меня тщишься видеть.

— Глаз у меня так устроен, ничего не могу поделать. И во снах моих ты являешься. Душа моя тебе принадлежит,— с обычной откровенностью сказал Потемкин.

— Ведаю твою преданность, Гришенька,— растроганно произнесла Екатерина.— Да и я от тебя не отстаю — к тебе привязана, ровно супружескими узами...

Горло перехватило: при всех своих волевых качествах Екатерина оставалась женщиной. Молодые любовники проходили чередой, а Гриша, Гришенька оставался в ее закаленном сердце незаменимым, главным. Что бы ни случилось, каковы бы ни были искушения, она обращалась к нему.

Высота, на которую она вознеслась, несчастливое супружество, которое испытала, все эти опыты жизни вытравили из нее способность к тому счастью, о котором мечтает каждая женщина, в том числе и венценосная. Она уже не могла позволить себе какое-либо подобие обычного счастья не только потому, что не верила в него, но и со своей монаршеской вершины. Она могла выбирать любовников, но не могла выбрать мужа. Порой это ее тяготило, но ненадолго. Она удовлетворилась своим положением — вседозволенностью государыни. И в душе перестала надеяться на отпущение грехов, о чем не осмелилась поведать никому, разве только Гришеньке. И это несмотря на то, что была прямодушна и откровенно говорила о своих недостатках даже тем, кто мог развеять ее исповедь по белу свету.

Потемкин растроганно прижал к губам ее пухлую руку, потом вторую и стремительно вышел. Он был полон обычной энергии, и свидание с Екатериной зарядило его, как обычно, неиссякаемым зарядом.

Днепр все еще качал на своей груди льдины и льдинки, унося их к югу, но весна уже сильно и влажно дышала. Казалось, это дыхание несли на своих крыльях птичьи стаи, все тянувшиеся и тянувшиеся к северу, чтобы и там запахло весной.

Снег на буграх стоял, а в низинах пожух, готовясь излиться в звонкие потоки. Санний путь все еще стоял, но вот-вот готов был обратиться в тележный.

Карета Потемкина направлялась к затону, где в ожидании своего часа ошвартовалась флотилия галер и мелких судов, которым предстояло понести императрицу со свитой вниз по Днепру, к новым владениям России, меж тем как западный берег могучей реки все еще принадлежал Польше.

Потемкин уже не раз наведывался сюда. И хотя надзор за работами был поручен надежным людям, он каждый раз находил несообразности и неустройства.

Затон был заперт нагромождением льдин. Иные стояли торчком, вздыбленные сильным течением. Иные навалились на суда, грозя выдавить их на сушу либо повредить борта.

— Что ж вы, дьяволы, смотрите! — накинулся светлейший. — Труды насмарку, льдины краску обдерут либо борта продавят.

— Стихия, ваша светлость, — пробормотал мастер. — Супротив нее человек слаб. Мелкота человек супротив нее.

— Рассуждай мне! — освирепел Потемкин. — А ну тащи багры!

Выватив багор, он принялся с силой отталкивать льдину, навалившуюся на борт императрицынской галеры «Днепр». Вены на лбу вздулись, казалось, хрустальный глаз вот-вот выскочит от напряжения. Льдина качнулась, подалась и рухнула с треском, давя соседние.

В сильных руках Потемкина багор казался соломинкой. В конце концов шест обломился, и Потемкин с сердцем швырнул деревяшку за борт.

— Давай еще!

— Помилуйте, ваша светлость. Статочное ли дело сию работу сполнять!

— Коли вы тут дрыхнете да поруху на казенное добро попускаете, то должен я вас в чувство привести! — рявкнул князь, хватая новый багор.

Застоявшись в своем затворе, он с каким-то яростным наслаждением разминал бока.

— Хватит! — наконец бросил он, тяжело дыша. — Верно, не княжеское это дело. Еще три-четыре дня, и лед сойдет. Тогда и выйдем на чистую воду. Быть всем в готовности. Коли все будет справно, быть награждению. Коли нет — кнуту.

И он удалился, глухо ворча под нос. Мало кто представлял себе, во что встало шествие. Только на его первой сухопутной дороге от Санкт-Петербурга до Киева лежало 76 станций, каждая из которых требовала ночлега и прокорма для сотен людей и сорок одной тысячи восьмисот лошадей.

Это стоило ему, Потемкину, бессонных ночей и лихорадочной распорядительности. Теперь перед кортежем императрицы простиралась водная дорога до низовьев Днепра. И тут все было не просто, хотя иным казалось — вода гладка, сама несет.

Он самолично обследовал порожистое русло. И скалы, препятствовавшие судоходству, приказал взорвать.

Легко сказать — взорвать. Исполнили, как могли. Однако были каменные зубья, которые не поддавались пудам пороху. Светлейший выходил из себя. Но в конце концов смирился: понимал — не все подвластно ему.

Киевские холмы оделись молодым зеленым пушком. Зацвели яблони, запахи весны напоили воздух, тревожа и будоража всех — и двуногих и четвероногих. Дороги превратились в коричневое

месиво из снега, земли, конских катухов и мочи. Ручьи вспухали, становились речонками, в них копались вороны и прилетевшие грачи. Вороны по-хозяйски отгоняли их — постоянные жительницы пришельцев.

Снежные колеи стали непроезжими, и на улицах появилось все больше верховых. Лошади с трудом тащили сани, рачительные хозяева не припоздали с колесами.

Днепр вздулся и вышел из берегов. Он стремительно нес запоздалые льдины, неведомо где застрявшие, торопясь очиститься ото льда и снега, а заодно и от разного мусора, сброшенного в реку людьми и самой природой. И уже в устах многих затрепетало слово «навигация», столь любимое Петром Великим. Да, пора было открывать навигацию. И открыть ее предстояло великому флоту государыни императрицы, возглавлявшемуся ее галерой «Днепр».

Суда приткнулись к берегу и терлись бортами друг о друга, словно в нетерпении. Все было готово к отплытию. Но, как ни странно, медлил один светлейший. Отчего? Он ждал гонца из польского Канева с вестью о том, сошел ли там лед. А еще следовало известиться, прибудет ли в Канев польский король Станислав-Август II на свидание — условленное — с ее величеством.

Были серьезные сомнения. Обида? Досада? Разочарование? Екатерина посадила именитого польского шляхтича на престол в надежде на пожизненную благодарность. Станислав Понятовский находился с нею в любовной связи в ту пору, когда она была великой княжной и еще не помышляла о российском престоле. Ей нравился галантный поляк на дипломатической службе. Была известна и его родословная. Да, он был сыном того самого Понятовского, который верно служил шведскому королю Карлу XII, бежал вместе с ним из-под Полтавы и всегда оставался непримиримым врагом России.

Однако сын, взойдя на престол с помощью Екатерины и при одобрении прусского короля Фридриха II, не оправдал их надежд. Станислав стал игрушкой в руках своевольной шляхты. В его правление собралась конфедерация в Баре во главе с братьями Красиньскими, Пуласким и другими вольнолюбцами из именитых и провозгласила безумные требования, в частности безусловного первенства католицизма в ущерб другим верованиям, далеко заходящих шляхетских вольностей и все в том же роде. В своем безумстве конфедераты объявили войну России и закономерно ее проиграли. В итоге последовал первый раздел Польши, когда к России отошла Белоруссия, к Австрии — Галиция, к Пруссии — Западная Пруссия.

Разочарование Екатерины было велико: ее Станислав оказался никудышным королем. Одной лощености, светскости и смазливости было мало для управления таким государством, как Польша.

Но она продолжала надеяться: урок, преподанный ему, был жесток. Но он оказался не впрок. Увы, не впрок.

Императрица знала: он станет просить послаблений, помощи. Он надеялся, верно, на тот немеркнувший след, который оставил в ее сердце. Все-таки она была женщиной, и ничто женское, как он думал, было ей не чуждо. Он был нелюбим в своем отечестве, конфедераты, даже потерпев поражение, оставались национальными героями. Так, может, Екатерина, прежняя Екатерина, та цесаревна, обласкает его.

Пустая надежда! Прежней Екатерины не было и в помине. Была Екатерина Великая, императрица Всероссийская и прочая, чье сердце было чуждо воспоминаниям и обольщениям. Екатерина, много испытавшая, многому обучавшаяся и слишком много отдававшаяся. Этот опыт и сделал ее жестокосердной. Женщиной она оставалась по собственной прихоти, по собственному выбору. А Понятовский, король Польши, был всего на три года моложе ее... Стало быть, ему уж пятьдесят пять. Это не для нее! Прежде выбирали ее, теперь же — выбирает она. И уж мало кто дерзнет навязываться ей. Пустое!

Был дивный апрельский день, когда ее величество императрица изволила продолжить свое шествие. Она взошла на корабль под пушечный гром, визгливую музыку и шумные приветственные клики обывателей.

Флотилия, долженствовавшая сопровождать ее величество на галере «Днепр», состояла из 80 судов и трех тысяч матросов и солдат. Суда, следовавшие в кильватере, были позолочены, посеребрены и всяко украшены. И на каждом был свой оркестр.

Всем было хорошо. И лишь гребцам на галерах тяжело. Одно слово — галерные рабы, не было только цепей. А так — в чужом пиру похмелье. Потому что господа пировали на галерах вовсю. Мимо текли берега в цвету, мягкие луговины в шелковистой траве, мельницы, приветливо махавшие крыльями, — и они тоже, казалось, радуются шествию государыни, — мирно пасущиеся стада. И наконец, поселяне и поселянки в нарядных костюмах, предупрежденные заранее и согнанные своими господами, которые исполняли роль пастухов.

— Да, в речном путешествии великое блаженство, — заметил принц де Линь, недавно вернувшийся из Вены, куда он отбыл на время киевского сидения. — Ваше величество сделали верный ход, когда предпочли его карете. Даже такой, как ваша, больше похожей на дом на колесах.

— Еще бы, принц, — отозвалась Екатерина. — Нас не трясет, мы можем любоваться прелестными видами и дышать полной грудью. Всем этим мы обязаны распорядительности и энергии князя Потемкина. Так что благодарите его. Думаю, что он скоро явится.

Потемкин плыл вслед за «Днепром» на галере «Десна». Оттуда доносились звуки роговой музыки. Оркестр крепостных из пятидесяти мужиков был куплен Потемкиным у фельдмаршала Разумовского за 40 тысяч рублей. Сейчас он увеселял своего повелителя и его племянниц, равно и иностранных министров Фицгерберта и Кобенцля, и тех придворных, которые не уместились на государыниной галере. Среди них был обер-шталмейстер Лев Александрович Нарышкин, чья дочь Марья пленила любвеобильное сердце светлейшего.

Весна потакала царскому кортежу: она была благостной и безоблачной. Большую часть дня государыня и ее свита с гостями проводили на палубе, любуясь торжественно проплывавшими берегами с умело организованной светлейшим радостью русского народа.

Правый польский берег казался пустынным. Лишь изредка взорам открывалась деревенька, припавшая к воде, да рыбацьи челны, приткнувшиеся к берегу. Но когда свечерело и флотилии приблизились к Каневу, в небо вдруг взметнулись тысячи ракет. А каневская гора запылала словно огромный костер. Колонны жолнежей в пышных парадных мундирах выстроились вдоль берега и салютовали ружейными залпами.

Екатерина приказала отвечать, и обоюдная канонада обратилась в нестерпимый грохот, в котором глохли всякие звуки. И тотчас померкло тихое очарование пленительного весеннего вечера.

— Ничего не поделаешь, — пробурчал Потемкин, когда его гости демонстративно заткнули уши. — Тут король где-то обретается и дает о себе знать по-королевски. А мы по-императорски вынуждены ответить.

Галеры приткнулись к причалу. И тотчас герольд с трубачом взошли на сходни и прокричали:

— Его светлость граф Понятовский.

А по сходням уже поднималась нарядная процессия именитой шляхты, в центре которой шагал, высоко поднимая ноги, граф Понятовский — он же король Станислав-Август инкогнито.

— Если бы я не знал, что это знатные люди, — пробормотал принц де Линь, — то решил бы, что передо мной маскарадная процессия.

— Да и все это войско похоже на маскарадное, — качнул головою Сегюр, стоявший рядом.

Тем временем король и Екатерина сблизились. Станислав-Август опустился на одно колено и прильнул к руке императрицы. Она подняла его, и началось представление. Высокородные шляхтичи, князья, графы, кастеляны и поскарбии один за другим подходили к руке императрицы, а король громко называл их имена.

Потом монархи уединились для беседы тет-а-тет.

Между прошлым и настоящим пролегла пропасть, а не трещина, как полагал Станислав в надежде как-нибудь ее заделать. Он все еще жил прошлым и надеялся на свое обаяние. Они не виделись много лет...

Он помнил другую Екатерину — молодую, живую, а главное — податливую, таявшую в его руках как воск. Тогда он лепил что хотел из этого мягкого, теплого воска.

Теперь перед ним была зрелая женщина, умудренная опытом государственного правления, которая подавляла сама любого собеседника, будь то сановник или король, простолюдин или духовник. В ее глазах светилась воля и ум. И едва уловимая ирония.

— Ваше императорское величество, — начал Станислав, — надеюсь, вы составите счастье мое и моих приближенных, если согласитесь пробыть нашей великой гостьей хотя бы один день.

— Увы, ваше королевское величество, никак не могу. Мы и так слишком поздно отправились в путь.

— Но у нас несколько дней готовился прием в вашу честь. Мы надеялись, что вы откроете бал, — с нескрываемым отчаянием не проговорил, а простонал король. Он уже понял, что все его надежды рушатся. Глаза увлажнились — Станислав с годами стал сентиментален. — Как же быть, как быть?! — продолжал сокрушаться он. — Мы так надеялись на благорасположение вашего императорского величества.

— Буду с вами откровенна, — резко произнесла Екатерина, — я тоже надеялась, что монарх, в значительной мере обязанный мне восхождением на трон, будет благоразумен и расчетлив. И в своих действиях будет сверяться со мною. Однако этого не произошло. Боюсь, ваше королевское величество, что Польша стоит на грани новых потрясений. Так, по крайней мере, доносят мне мои конфиденцы, люди, которым я доверяю. Ваша воля и ваши руки ослабли...

— Но я же во всем сообразовался... — начал было защищаться Станислав. Вид у него в эти минуты был вовсе не королевский — он был похож на провинившегося слугу, которого барыня собиралась если не прогнать, то высечь на конюшне, по крайности высечь. Он сидел перед нею, жалкий, с потупленными глазами, казалось, готовый вот-вот зарыдать.

Но Екатерина была непреклонна.

— Мне доносят, что ваша шляхта снова на грани бунта. Что она опровергает новые установления, рекомендованные нами, что усилились гонения на православных, наконец, что вашу власть не ставят ни во что. И вы все это сносит с покорностью.

Станислав молчал. Все его построения разрушались в одно мгновение. Он был совершенно подавлен превосходством той, которая была столь послушна в его руках. В душе он все еще сопротивлялся, не умея постичь происшедшей перемены. Она

все-таки женщина. Ему казалось, что сердце женщины не может забыть былых очарований, что он своим видом, своими речами, наконец, своим покорством может его тронуть, пробудить воспоминания...

Екатерина поднялась, давая понять, что свидание закончилось. Только сейчас при ярком свете карселей Станислав увидел, что перед ним старая женщина. Заметил морщины, седые пряди — то, что никак не удавалось скрыть. От этого открытия он пришел в еще большую растерянность.

— Я так надеялся, так надеялся,— бормотал он потерянно. Он не мог признаться, на что надеялся — на былую благосклонность. Надеялся получить денежный заем, ибо казна его была расточена балами и увеселениями, которыми он пытался задобрить своих родовитых феодалов и самому забыться в их вихре. Втайне надеялся на военную поддержку, ибо влияние конфедератов было все еще неодолимо.

Екатерина не отвечала. Король был жалок. Слабому человеку нельзя быть на троне — он обречен. Ей все же придется его подпирать — ничего не поделаешь. Он хоть слабо, но управляет. А другие... Эти надменные Чарторыйские, Сапеги, Любомирские и другие. Не знаешь, чего от них ждать. А этот хоть свой. Своею рукою посаженный. Вот почему его не любят.

— Я велела князю Репнину выслушать ваши просьбы и доложить о них мне.— Тон ее стал мягче.— А остаться никак не могу: сильно замедлились. Сожалею, но не могу, граф Понятовский.

Губы сложились в легкую усмешку. Она подумала, отчего это все они скрываются под прозрачными инкогнито, которое раскрывают все европейские газеты — Станислав, Иосиф? Стесняются, что ли?.. Вот, мол, ездят на поклон к женщине, а свидание должно быть тайным. Она обходится безо всякого инкогнито, притом что едет к турку под нос.

Она протянула Станиславу руку, он облобызал ее с поспешностью. Когда они вышли к ожидавшим их придворным, все заметили, что король подавлен, а Екатерина, как всегда, излучает довольство.

— Прощайте, господа,— обратилась она к свите Станислава.— Я возвращаю вам вашего короля в целостности и сохранности. Берегите его, он заслуживает вашей любви. А я пребываю к вам благосклонна. Но вынуждена продолжать путешествие по причинам, которые я объяснила его величеству. Искренне сожалею, что не могу разделить ваше общество.

С этими словами она наклонила голову и прямой походкой возвратилась к себе. Потемкин, стоявший рядом с Безбородко, сказал вполголоса:

— Королек. Карманный, однако не потрафил государыне.— И зычно скомандовал: — Убирай сходни, отдавай швартовы! Бал отменен. Плыдем далее.

— Может, остаться здесь на ночлег? — нерешительно сказал Безбородко.

— Не... Государыня не в духе. Полагаю, сказала королю, что торопится. А потому никак нельзя остаться.

Светлейший, как всегда, проник. Он хорошо знал свою повелительницу, гораздо лучше всех тех, кто ей служил и ее окружал. Князь вытащил свой берет, глянул на циферблат и сказал Безбородко:

— Знаешь, сколько длилась встреча государыни с его королевским величеством?

Безбородко пожал плечами.

— Часа полтора небось,— предположил он.

— Куда там. Эх хватил! Полчаса всего.

— Характера нету. У короля должен быть характер.

— Знала ведь, кого подсаживала.

— Молоденька была,— отозвался Потемкин.— Не отошла еще от него как следует быть, дистанции не было. Да и в полноте мысли государственной недохват.

Сонно журчала вода под кормой, огни Канева продолжали гореть, словно праздничный бал состоялся. Небосвод уже переливался и торжественно, и вместе с тем равнодушно. Караван продолжал плыть вперед, толкаемый одним лишь течением, словно осторожно нащупывая дорогу. На носу галеры горел огромный фонарь, и свет его, дрожа, плыл по темной воде далеко впереди.

— Далеко ли до порогов? Наслышан о них,— любопытствовал Безбородко.

— Еще порядком. Я приказал их убрать, да не все вышло.

— Ишь ты! — с легкой насмешливостью удивился Безбородко: канцлер был язвителен и пользовался покровительством государыни.— Как это так: по твоей воле, да не вышло?!

— А вот так,— чуть рассерженно отвечал Потемкин,— сто пудов пороху извели, а камень устоял.

— Знал бы камень, чей порох, непременно разлетелся бы в куски,— продолжал иронизировать Безбородко.

— Ты, Александр Андреич, не насмехайся,— недовольно пробурчал князь.— Я великое огорчение претерпел. Хоть и берутся казаки провести караван, а придется нам высаживаться да ехать по сухопутью. Куда как худо.

— Тряско будет,— подтвердил Безбородко,— это тебе не зимняя дорога, кою снег уравнивал да сгладил.

— Я приказал дорогу сколь можно выгладить. Да исполнили ль?

— Коли ты приказал — беспрерывно исполнили.

— Ну-ну! За всем не уследишь,— со вздохом сказал Потемкин.

— А опосля взыскивать — статочное ли дело.

Помолчали, вслушиваясь в темноту, окутавшую берега. Она была немой. Лишь изредка, как видно приманенная огнями судов, над ними с криком пролетала ночная птица да бесшумно реяли на мягких крыльях летучие мыши.

— Надо бы стать на якорь,— осторожно сказал Безбородко.

— А зачем? — беспечно отвечал Потемкин.— Вот в Кайдаки придем, тогда ошвартуемся.

— Ты, Григорий Александрыч, ровно заправский моряк — разные такие слова усвоил: ошвартуемся.

— Э, как не усвоить?! Ведь я же швец, жнец, на дуде игрец да речной пловец,— хмыкнул князь.— Я тут, почитай, все острова и мели пересчитал. Здесь река широка да глубока, неча опасаться. Кормчие фарватер выдерживают, можно плыть без опаски.

— А далее-то что?

— А далее, друг любезный, император Иосиф, вот что. Это тебе не польский король. Государыня Иосифа весьма возлюбила, ты о сем ведаешь. Союзник! Может, сладимся вместе на турка идти, потеснить его за Дунай и сколь можно дальше. Даже из Царьграда.

— Весьма я наслышан о твоём с государыней плане, о нём, чай, вся Европа знает, да и сами турки проведали. Да только по пословице: гладко было на бумаге, да забыли про овраги, а по ним ходить. Боюсь я, князь, боюсь. Неурожай нынче, в казне денег, почитай что, нет: ведь на государынино-то шествие восемнадцать миллионов ухлопано. Шутка ли, восемнадцать миллионов! — патетически воскликнул Безбородко. Он по обязанности своей считал деньги, а потому был не просто скуповат, а скуп.

— Знаю я, что немало денег ушло,— мрачно отвечал Потемкин,— знаю не хуже тебя. Так ведь на дело. Города ставили, дороги вели, флот снаряжали, гавани строили... Мало ли что... А шествие — политическое дело. Дабы видели все, как возросла и усилилась Россия, как обустроила приращенные земли.

— Что ж, и это дело,— вяло согласился Безбородко.— Однако ты прости меня, князь: спать охота — мочи нет.

И с этими словами он растаял в зыбком сумраке, будто провалился.

СКВОЗЬ МАГИЧЕСКИЙ КРИСТАЛЛ...

В е т в ь д е с я т а я: апрель 1453 года

И повелел султан, согласно закону ислама и воле Аллаха, послать в город людей под белым флагом еще раз, дабы понудили жителей сдаться на милость воинов пророка. В послании была им обещана жизнь и свобода, если они согласятся, и разорение и смерть, если откажутся. Было это пятого апреля. И даны были тем жителям и их начальникам день и еще ночь на размышление.

Но срок прошел, а город молчал. И тогда повелел султан начать осаду, выкатить вперед пушки и разбивать стены. К вечеру 6 апреля мраморные ядра сильно повредили часть стены у Харисийских ворот.

Султан Мехмед решил, что надо довершить разрушение стены, и тогда в брешь ринутся янычары. И приказал продолжать бомбардировку весь следующий день. Действительно, к вечеру стена в этом месте обрушилась.

Но наступила ночь, и воины Аллаха не решились идти на приступ. А тем временем под покровом темноты защитники города успели восстановить разрушенное.

На следующее утро султан приказал подвезти как можно больше пушек к этому участку и продолжать усиленную бомбардировку. Он был уверен, что стену удастся разрушить. Пока же следовало каким-нибудь образом засыпать довольно глубокий ров, который мог бы стать помехой атакующим.

Со стен стреляли по солдатам, которые засыпали ров, но те, несмотря на потери, суежились как муравьи. Одновременно некоторым из них было велено рыть подкопы там, где это казалось возможным и успешным.

Султан рассылал гонцов с повелениями. В эти первые апрельские дни они были еще сумбурны и не достигали цели.

Капудан-паше Балтоглу было повелено прорваться сквозь заграждения в Золотой Рог. Но у него ничего не вышло, все попытки были отражены. Он потерял несколько мелких судов и вынужден был отойти, решив дожидаться подхода Черноморской эскадры и тогда возобновить прорыв.

За городскими стенами высились два флота — в Ферапии на холме над Босфором, другой в Студииосе, недалеко от берега Мраморного моря. Видя неуспех попыток пробить городские стены, султан обратил свой взор на них. Он приказал идти на штурм, что было делом довольно простым — гарнизон этих фортов не располагал достаточными силами. Усиленная бомбардировка разрушила форты, защитники большей частью пали смертью храб-

рых, а частью сдались на милость победителям либо были схвачены в плен.

Всего в руках турок оказалось семьдесят шесть человек. И тогда султан повелел выбрать такое место, откуда защитники города могли бы видеть ту участь, которая предназначалась и им. Всех предали мучительной смерти: посадили на кол. Предсмертные стоны и корчи несчастных должны были устрашить осажденных.

Тем временем Балтоглу получил приказ захватить Принцевы острова в Мраморном море, где в монастырской башне располагался небольшой гарнизон. Ее защитниками были монахи, надеявшиеся на неприступность и неуязвимость своей цитадели. И действительно, все попытки разрушить башню оказались тщетными. А тридцать монахов, оборонявших ее, отказались сдаться.

Видя, что пушки бессильны пробить стены, Балтоглу приказал обложить башню хворостом, добавить в него смолы и серы и поджечь. В пламени часть защитников погибла, а оставшиеся были схвачены и казнены.

Глава десятая

ЗВУЧНОЙ СЛАВОЙ УКРАШАЙСЯ...

Я как-то сказала и этим весьма восхищалась, что в милость, как и в жизнь, вносишь с собой зачаток своего разрушения.

Екатерина II

Г о л о с а

Я был с его светлостью в Тавриде, в Херсоне, в Кременчуге месяца за два до приезда туда Ея Величества. Нигде там ничего не видно было отменного; словом, я сожалел, что его светлость позвал туда Ее Императорское Величество по-пустому. Приехав с государыней, Бог знает что там за чудеса явились. Черт знает откуда взялись строения, войска, людство, татарва, одетая прекрасно, казаки, корабли... Ну-ну, Бог знает что. Какое изобилие в яствах, в напитках, словом, во всем, ну, знаете, так, что и придумать нельзя, чтоб пересказать порядочно. Я тогда ходил как во сне, право, как сонный. Сам себе ни в чем не верил, щупал себя: я ли? где я? не мечту или не привидение вижу? Ну-у! Надобно правду сказать: ему, ему только одному можно такие дела делать, и когда он успел все это сделать? Кажется, не видно было, чтобы он в Киеве занимался слишком делами... Ну, подлинно удивил. Не духи какие-нибудь ему прислуживают?

Чертков, служащий Потемкина, — жене

Что принадлежит до самого Херсона, то кроме известного великолепного Днепра представьте себе множество всякий час умножающихся каменных зданий, крепость... и лучшие строения, адмиралтейство с строящимися и уже построенными кораблями, обширное предместье, обитаемое купечеством и мещанами... казармы, около 10 тысяч служащих в себе вмещающие... Присовокупите к сему и вид приятный, остров с карантинными строениями, с греческими купеческими кораблями и с превосходными для выгод сих судов каналами. Все сие вообразите, и тогда вы не удивитесь, когда вам скажу, что я и поныне не могу выйти из недоумения о столь скором возвращении на месте, где так недавно один только обретался зимовник...

Скажу вам и то, что не один сей город занимал мое внимание. Новые и весьма недавно также основанные города Никополь, Новый Кондак, лепоустроенный Екатеринослав. К тому же присовокупить должно расчищенные и к судоходству удобными сделанные Ненасытицкие пороги с проведенным и проводимым при

них с невероятным успехом каналом, равно достойны всякого внимания разума человеческого.

Граф К. Г. Разумовский, президент Академии наук,— сенатору Ковалинскому

Вот полный перечень именитых особ, сопровождающих Ее Императорское Величество Екатерину Великую в водоходном шествии по Днепру:

Статс-дамы: графини Александра Васильевна Браницкая и Екатерина Васильевна Скавронская, камер-фрейлина Анна Степановна Протасова, фрейлина графиня Екатерина Ивановна Чернышова; генерал-фельдмаршал светлейший князь Григорий Александрович Потемкин, адмиралтейс-коллегии вице-президент граф Иван Григорьевич Чернышов, обер-шталмейстер Лев Александрович Нарышкин, обер-камергер Иван Иванович Шувалов, гофмейстер и тайный советник граф Александр Андреевич Безбородко, генерал-адъютант граф Ангальт, вице-адмирал и генерал-интендант Петр Иванович Пущин, флотилией командующий; тайный советник Степан Федорович Стрекалов, гофмаршал князь Федор Сергеевич Борятинский; граф Стакельберг, российский полномочный посол при его величестве короле Польском; граф Павел Мартынович Скавронский, российский министр при дворе Неаполитанском; шталмейстер Василий Михайлович Ребиндер; генерал-майор действительный камергер и флигель-адъютант Александр Матвеевич Дмитриев-Мамонов; генерал-майор и флигель-адъютант Василий Иванович Левашев; камергеры: тайный советник Евграф Александрович Чертков, тайный советник Александр Юрьевич Нелединской-Мелецкой, Петр Степанович Валуев, Василий Петрович Салтыков, действительный статский советник и лейб-медик Роджерсон, действительный статский советник Александр Васильевич Храповицкий; камер-юнкеры: граф Юрий Александрович Головкин, Александр Андреевич Бибииков и Виктор Павлович Кочубей; министры иностранные: римско-императорский посол граф Кобенцль, от Французского двора граф Сегюр, Великобританский посланник господин Фицгерберт, граф Браницкий, гетман великий коронный польский; принц де Линь, гран д'Еспань, и генерал-поручик австрийский принц де Нассау, гран д'Еспань.

Вечером, когда государыня уединялась к себе либо препровождала досуг с иностранными министрами игрою в карты и иными затейливыми играми, ее секретарь Александр Васильевич Храповицкий, отличавшийся сметливостью и хорошим слогом, запирался в своей крохотной каютке, возжигал свечу, извлекал

из тайника клеенчатую тетрадь и распахивал ее на очередной странице.

Он вел дневник. Тайный. Не то чтобы нечто поносное противу государыни записать, напротив — увековечить для потомства ее дни и ее изречения и мысли. Откройся он ей, не одобрила бы и повелела сжечь. Потому и вел его в секрете, ибо чувствовал ответственность очевидца и сотрудника пред будущим.

Были записи, не относящиеся к ее величеству, а содержащие любопытные случаи и речения. Например, такие:

«На бале у графа Кобенцля граф Петр Александрович Румянцев-Задунайский, увидя графиню Наталью Львовну Сологуб с открытой грудью, сказал: «Нельзя лучше представить искушение».

«...Перлюстрация писем к принцу де Линь, к Сегюру и Кобенцлю...

Перлюстрация письма цесаревича (Павла) к графу Чернышову».

Но в основном все же записи касались государыни.

«Приказано докладывать по делам, от графа (Панина) оставленным... память может утрудиться, а особливо в нынешнее время, занимаясь с Портою; ее по чужому совету вооружают, но мы можем сами начать: 1-е Ахалцыхское дело; 2-е смена государя, к нам уклонившегося, коего не выдадим — Молдавской Маврокордато. Бывший хан Шахин-Гирей возвернул без письма патент и ордер на чин гвардии капитана. Усмехнулись. Его глупость и тиранство известны давно; два раза его подкрепляли. Вопрос о сем пакете от князя Потемкина с особенным любопытством относительно хана. Мой некстати правдивый ответ... Отзыв: он бы сжег... От него все станется... О, как я его знаю!

Вопрос поутру: сколько осталось экземпляров 200-язычного лексикона? Три. Дать не хочу: когда спросят, скажи, что нет.— Ввечеру спрашивал у меня Суворов Александр Васильевич».

«При разборе московской почты...— Княгиня Дашкова хочет, чтоб к ней писали, а она, езда по Москве, пред всеми письмами хвастается».

«Вычернен из свиты Сергей Львов.— Безчестный человек в моем обществе быть не может».

«Отъехав несколько верст, были довольны, что избавились от вчерашнего беспокойства (свидания со Станиславом-Августом).

Князь Потемкин ни слова не говорил; принуждена была говорить беспрестанно; язык засох; почти осердили, прося остаться. Король торговался на 3, на 2 дни или хотя для обеда на другой день».

Эта запись была сделана под 26 апреля. Екатерина не стеснялась Храповицкого: он был для нее неким подобием душеприказчика, с которым все, ею сказанное, будь то во гневе либо расположении, тотчас умрет. Все лишнее, часто недостойное.

«Сказано в бильярдной: Александр Васильевич, тебя сегодня не звала, а иной день 20 раз спрашиваю, что ты об этом подумал?»

Мог бы счесть за немилость, за предвестье опалы. Но не счел: знал неровный характер своей госпожи и повелительницы. Трепету не было. А что было? Благоговение. Великая, истинно великая. Великая женщина и великая монархиня.

Она ему доверяла. И доверялась. Ей не приходило в голову, что этот увалень, быстрый только на перо да на исполнение ее повелений, способен тайно запечатлевать ее речи и движения.

Порой государыня поутру писала записки, дабы не утратить озарившей мысли, не запечатловать ее исполнением.

«Заготовьте к моему подписанию указ, что Преображенского полку капитана-поручика Александра Мамонова жалую в полковники, и включить его в число флигель-адъютантов при мне».

«Минувшей ночью славно потрудился,— злорадно подумал Храповицкий.— И как он быстро взбирается по лестнице чинов и почестей. Быстро и ловко».

Отчего-то он невзлюбил фаворита. Оттого ли, что был он почти безукоризнен во всех отношениях: хорош собою, умен, образован, воспитан. И вызывал не то зависть, не то досаду, когда обнаруживались все эти качества. Или ревновал свою государыню, которая не могла не воцариться в его сердце, ибо сердце его было до той поры не занято.

«Напиши, пожалуй, к Соймонову (губернатору Петербурга), чтоб достал из Эрмитажа два моих портрета во весь рост. Для Екатеринославской губернии, Тавриды князь Потемкин оные просит. Буде готовых нет, чтоб заказал и прислал их сюда».

Написал. Портреты нашлись. Особый курьер из гвардейских офицеров загнал лошадей, чтобы быстрее доставить их на галеру. Нетерпение Потемкина заполучить портреты к прибытию в Екатеринослав, росший со сказочной быстротой и мнившийся новой столицей Южной России, было ублажено.

«Со дня отъезда моего, когда паки начнете журнал для пересылки в обе столицы, включите имена особ, кои на суда сядут, дабы видели во всей Европе, как врут газеты, когда пишут, что тот умер или другой отдалился».

Список особ был тотчас составлен и включен в путевой журнал. Его перепечатали все газеты Санкт-Петербурга и Москвы, равно и Киева, где на время пребывания там государыни со штатом были заведены особые газеты. Они некоторое время продолжали печататься и после отбытия флотилии.

Ее величество изволила собственноручно сочинить манифест о запрещении дуэлей после того, как ей донесли о гибели двух блестящих гвардейских офицеров, ставших жертвою ложно понятой чести. Манифест был составлен в Киеве, естественно, по-французски, ибо этот язык был ей ближе всех, даже родного

немецкого. Ей нравилась его гибкость, легкость и не в последнюю очередь звучность. Он был отдан для перевода на русский штатному переводчику.

«Надо сказать правду: этот несчастный манифест страшно искажен в этом переводе, — написала Екатерина своему секретарю. — Вместо красноречия, может быть, благородного, мужественного (не смею сказать исполненного веселости), плавного, но выразительного и более еще любезного по делу, чем в словах, — переводчик был в одних местах несказанно ленив относительно выбора слов, а в других понабавил фраз, коими не только не сделал подлинника понятней, напротив, уклонился от смысла и от энергии. Я отметила многие места на полях крестом; но можно было отмечать каждую строку, потому что сочинение вышло неузнаваемо. Я вышла из терпения на седьмой странице и перестала читать дальше...»

Пришлось взять злополучный перевод, сличить его с оригиналом и заняться дотошной правкой. Благо времени было предостаточно во дни плавания. Александр Васильевич беспрестанно трудился: с утра государыня усаживалась за письменный стол и писала собственноручно не только письма душеприказчику барону Гримму в Париж, притом почти каждый день, но и к московскому генерал-губернатору Петру Дмитриевичу Еропкину, завоевавшему особую приязнь Екатерины тем, что он отказался от пожалованных ему четырех тысяч душ; к внукам Александру и Константину, к великокняжеской чете и ко многим еще.

Ей доставлял несказанное удовольствие не только эпистолярный жанр, но и вообще всякое писание: мыслей, проектов, комедий. Она была сочинительницей и изводила ежедневно кучу перьев и бумаги.

Их очинкой занимался камердинер Зотов. Но однажды Храповицкий, который пользовался перьями собственной очинки, решился заточить их государыне.

— Послушай, Александр Васильевич, я с особым удовольствием писала ныне перьями твоей очинки. Не ломались, не расщеплялись.

— То не моя заслуга, государыня, а гусей, которых удачно ощипали, — потупясь, дабы скрыть легкую усмешку, отвечал Храповицкий.

— Каждое дольше служит, — продолжала Екатерина. — Видно, ты секрет знаешь.

— Гусь гусю рознь, — оправдывался Храповицкий. — У иного кость крепка да гибка, таковой и попался.

— Ты мне и впредь очинивай, — заключила Екатерина. И со смехом добавила, передразнив: — «Гусь гусю рознь»... сам-то ты гусь лапчатый. Во всяком деле искусство надобно. И в очинке перьев тоже.

Сам он был письменный человек и пописывал немало. Но государыня была куда плодовитей, прямо-таки природная сочинительница, вроде мадам де Сталь. Все ее письма, как правило, проходили через его руки: запечатывал их печаткой государыни, а иной раз она просила проглядеть — нет ли огрехов по части стиля и правописания. В основном ее неуверенность в себе касалась российской словесности. Она признавалась, что всю жизнь училась ей, но так и не достигла сколь-нибудь результата.

Он поражался ее самокритичности, возраставшей с годами. Она не стеснялась говорить о своих недостатках. И это было удивительно в устах самодержавной монархини. Круг тех, кто выслушивал ее исповеди, был достаточно широк, но тем не менее она не боялась, что молва выйдет за его пределы.

Утром флотилия бросила якорь у Кременчуга. Уже издали возле пристани виднелась густая толпа народа, у берега гарцевали конники — целый эскадрон. Гремела музыка, заглушаемая пушечной пальбою.

— Все одно и то же, — поморщилась Екатерина. — Много шуму попусту.

— Народ жаждет зреть свою повелительницу, — осторожно заметил Храповицкий.

— Ежели бы медведя либо, скажем, верблюда привели, народ тоже кучками бы собирался поглазеть, — усмехнулась Екатерина. — К тому же князь Потемкин изрядно постарался. И вообще должна заметить — народ покорен воле своих господ. И то, что выдают наши писатели за волю народа, есть на самом деле господская воля. Народ же своей воли не имеет, — закончила она убежденно.

— А ведь подымается бунтовать...

— То не народ, то его вожак. За козлом покорно побредет баранье стадо: куда козел, туда и стадо, — хмыкнула Екатерина. — Тако и народ за своим козлом. Хотя и вонюч.

— Стало быть, монарх — тот же козел, — довольно бесцеремонно высказался Потемкин. Он за словом в карман не лез и ничего не опасался.

— В некотором роде, в некотором роде, князь. Меня такое сравнение несколько не смущает, господа. Да, вожак нужен всем: на балу, в артели, в государстве — все едино. Как его ни назови.

— В таком случае я готов стать козлом в каком-нибудь обширном стаде, — признался Потемкин.

— А мы про то слыхали, князь. — Ироническая усмешка тронула губы Екатерины. — Будто ты во владетельные метишь и на сей предмет удочки мечешь.

— Стихами говорить изволишь, ваше величество, — отпарировал Потемкин.

— Учусь. Велела Храповицкому отыскать мне словарь рифм, буде таковой напечатан. Хватит, однако, балагурства, веди нас, князь, показывай город под твоим призрением.

Процессия во главе с государыней чинно сошла по сходням. И вокруг нее тотчас сомкнулась тысячная толпа обывателей, жаждущих зреть свою повелительницу.

Движение замедлилось, а потом и вовсе остановилось. Огромный Потемкин стал решительно расталкивать толпу, пробивая путь. Но и его усилия были тщетны. Тогда он обратился к государыне:

— Ваше величество, не вызвать ли гвардейцев? Кабы народ не затоптал.

— Не затопчет,— беспечно отвечала Екатерина.— Вот поглазеют-поглазеют, да и надоест. Эко диво — баба, хоть и коронованная.

В самом деле, толпа медленно начала редеть.

— Здравствуй, матушка наша! — воскликнул кто-то в толпе.

И тотчас со всех сторон, словно бы эхо, отозвалось:

— Здравствуй, здравствуй, здравствуй!

Кольцо вокруг императрицы и ее свиты стало распадаться, образуя коридор, куда бестрепетно шагнула Екатерина. За ней двинулись все остальные.

Пешеходная прогулка по городу продолжалась около часу. Екатерина осталась довольна: Кременчуг ей понравился чрезвычайно. Возвратившись на галеру, она излагала свои впечатления в письмах.

«В Кременчуге нам всем весьма понравилось, наипаче после Киева,— писала она графу Салтыкову,— который между нами ни единого не получил партизана, и, если бы я знала, что Кременчуг таков, как я его нашла, я бы давно переехала. Чтобы видеть, что я не попусту имею доверенность к способностям фельдмаршала князя Потемкина, надлежит приехать в его губернии, где все части устроены как возможно лучше и порядочнее; войска, которые здесь, таковы, что даже чужестранные оные хвалят неложно; города строятся, недоимок нет. В трех же малороссийских губерниях оттого, что ничему не дано движения, недоимки простираются до миллиона, города мерзкие и ничего не делается».

Это был не камешек, но целая глыба в огород графа Румянцева-Задунайского, управлявшего теми губерниями. Потемкин мог быть доволен, хотя отношения у них с Румянцевым последнее время складывались наилучшим образом.

Вслед за этим Екатерина написала и Еропкину, который пользовался ее особым благоволением:

«Здесь нашла я треть конницы, той, про которую некоторые незнающие люди твердили доныне, будто она лишь числится на бумаге, а на самом деле ее нет, однако же она действительно

налицо и такова, как, может быть, еще никогда подобной не бывало, в чем прошу, рассказав любопытным, сослаться на мое письмо, дабы перестали говорить неправду и отдавали справедливость усердию ко мне и империи в сем деле служащим».

Послания эти исчислялись не только из приязни к тем, кому они предназначены, но и с уверенностью, что строки из них попадут в газеты либо будут широко распространены в свете. Так она надеялась заткнуть рты хулителям Потемкина, которых весьма доставало и в империи, и за ее пределами.

Впрочем, пристрастность ее была всем очевидна. Екатерина надеялась, что факты, приводимые ею, равно и письма ее спутников, помогут оправдать эту пристрастность.

В самом деле, плоды распорядительности светлейшего были налицо, и всяк мог убедиться, что некогда пустынные земли стали плодоносными, что огромные траты себя оправдали и у новоприобретенных областей открыто многообещающее будущее.

Впрочем, Потемкин не прислушивался к хуле. Он знал своих влиятельных недоброжелателей в лицо, и сего ему было достаточно. Газетная же мелочь с ее укусами не могла и вовсе досадить ему.

Он видел: государыня весьма довольна. Злопыхатели в невиской столице унялись. Его управляющий Гарновский писал Попову:

«Со времени отъезда Ее Императорского Величества из Киева не только все неприязненные о его светлости слухи вдруг умолкли, но и все говорят о его светлости весьма одобрительно».

Кременчуг утопал в цветущих садах. Быть может, поэтому он так очаровывал государыню. Она казалась ублаженной, и с ее лица не сходила милостивая улыбка.

С весной все оттаяло: земля, трава, деревья, сам воздух и, конечно, чувства, чувства. Люди улыбались другу другу. Казалось, все худое, все, что досаждало и тревожило, растворилось в запахах весны, ушло и более не возвратится. Убогость обывательских жилищ задрапировали деревья, пышноцветущие кусты и цветы. Похоже, все помолодело и принарядилось. И глядело куда лучше, чем оно есть на самом деле.

— Ну, князь, порадовал ты меня,— обратилась к Потемкину Екатерина.— Неужто и далее так будет?

— Верь мне, матушка-государыня, далее будет лучше,— убежденно отвечал светлейший.— Там все обновлено и украшено в твою честь.

— Куда уж лучше. Кременчуг меня покорила. Жаль, что я его не знала — обосновалась бы тут. Киев что-то мне опостылел.

— Киев был зимний, а Кременчуг весенний,— резонно заметил Потемкин.— Зимой-то и тут все было оголено да неприглядно.

— Может быть,— нехотя согласилась Екатерина.

Все благоприятствовало плаванию. И даже когда галеру государыни ненароком притерло к берегу и все содрогнулось от толчка, происшествие это не омрачило настроения.

Храповицкий по долгу службы занес его на страницы путевого журнала, который каждодневно предъявлялся Екатерине. Прочитав эту запись, государыня велела вычеркнуть ее, заметив при этом:

— Для того, чтобы не вышло пустых разглашений и толков. Люди горазды все истолковывать по-своему, в худую сторону. А нам это не надобно.

Наконец показался Екатеринослав, кому светлейший пророчил участь столицы всей Южной России. Втайне он полагал, что со временем сюда, в эти благословенные полуденные края, переместится и столица государства Российского, и хотел тому способствовать при жизни. Екатеринослав был его любимым детищем, хотя иной раз он склонялся в сторону Севастополя.

Было все то же, что и в Кременчуге: пальба из пушек, музыка и прочее шумство. На широкой набережной выстроился почетный караул, толпы обывателей подпирали его.

— Опять то же самое,— поморщилась Екатерина.— Я уж стала уставать от таковых сборищ,— обратилась она к Потемкину.— Ты бы, князь, поумерил восторги-то.

— Неможно, великая наша повелительница,— отвечал он торжественно.— Ибо народ стремится выразить свою любовь к тебе и свои верноподданные чувства. А этого никак не запретишь и не умеришь.

— Чай, из твоих рук все эти чувства пущены,— скептически заметила она.— Ну, давай показывай все тутошние чудеса.

Все чудеса не поспели. Все лихорадочно строилось. И как ни торопил светлейший, как ни давил на губернатора и подрядчиков, слишком грандиозно все было задумано, сил неоставало всю эту грандиозность воплотить.

Светлейший водил и показывал, где что будет. Где заложена музыкальная академия, где будет университет, где — духовная семинария, которую впоследствии преобразуют в академию...

— Эк, размахнулся, Григорий Александрович,— развеселилась Екатерина.— Покамest вижу я развороченную землю да великое множество камня, равно и столпотворение людское.

— Эх, государыня-мать, если Господь сподобит привести нас с тобою чрез десять лет, тут великий город встанет в твою честь и славу. А в возглавии его — собор кафедральный на аршинчик выше римского собора Святого Петра. Мне уж Иван Егорович Старов проект его сочинил. Вот изволь взглянуть.

На большом листе, который по-щучьему велению тотчас поднесли пред очи государыни, был изображен в красках величественный храм, и в самом деле несколько напоминавший собор

Святого Петра. Такой же парадный вход, наподобие греческих пропилей, величественная колоннада, пятиглавие с высоченным куполом центральной главы...

— Да, хорош,— одобрила Екатерина.— Сколь материалу, однако же, надобно.

— Будем живы, будет и материал,— отозвался Потемкин.— Сказывают, здесь крупное месторождение гранита есть. Розового. Мне образец доставили. И храм подымут розовый. Сделай милость, государыня-мать, положи первый камень в основание собора. И удостой своею особой освящение сего места.

Мигом доставили походную церковь. Архиепископ Арсений с причетом стал обходить размеченную площадь будущего собора. В руках его была кропительница. Он передал ее дьякону, бормоча слова молитвы.

Удивительное дело: стоило процессии сановных особ во главе с государыней остановиться для торжества закладки и освящения, как тут же стала все прибывать и тесниться толпа народу. Она все росла и росла, так что пришлось вызвать солдат, дабы не случилось чего-нибудь беспорядочного.

Порядок был наведен: любопытствующие обыватели оттеснены. Архиепископ Амвросий, смешавшийся было, дал знак причту и возобновил хождение и кадение. Сосуд со святой водою был на время отставлен. Владыка поторопился из-за грянувшего бесчиния. Теперь он повел обряд освящения по всей форме, с полным благолепием.

Протодьякон возгласил громогласно:

— Благословен Бог наш всегда, ныне, и присно, и во веки веков!

— Аминь! — нестройно отозвались все.

— Господи Боже наш, изволивый и на сем камени создатися тебе церкви, сам твоя от твоих тебе приносящих,— начал Амвросий,— на воздвижение иже к твоему славословию создаемого храма, множеством твоих небесных благ воздаждь, и делающия укрепи невредимы... и совершен покажи дом твой, яко да и в нем всехвальными песньми и славословеньми воспеваем тя истинного Бога нашего.

С этими словами владыка наклонился, взял один из камней размером поменее, начертал на нем знак креста и, опустив его на свое место, возгласил:

— Основа и вышний Бог посреде его...

— Крест, крест давай,— прошипел дьякон. Причетник торопливо поднес резной дубовый крест и с поклоном передал его Амвросию. Ямка для водружения его была загодя выкопана, и преосвященному оставалось только водрузить его на свое место, где со временем поднимется святая трапеза.

Екатерина осеняла себя крестным знамением с такой истовостью, которой никто от нее не ожидал. Вид у нее был смиренный, ибо знала: тысячи глаз следят за каждым ее движением. И каждое ее движение будет обсуждаться многоустой молвой.

Потемкин, стоявший сразу же за нею и как бы оберегавший государыню своим мощным торсом, вертел головою вкруговую, словно выискивая святотатцев, нарушителей благолепия, и вид у него был скорее рассеянный, нежели богомольный.

— Господи Боже Вседержителю, — продолжал Амвросий, — преобразивший жезл Моисеев в честный и животворящий крест возлюбленного Сына Твоего... благослови и очисти место сие, силою и действием честного и животворящего креста, во отгнание демонов и всякого сопротивного, сохраняй и место, и дом сей, и живущих здесь...

Потемкин довольно бесцеремонно подтолкнул государыню, и та, уже посвященная в ритуал, который нарушить было нельзя, вышла вперед, а он, словно телохранитель, за нею. Амвросий тем временем шел к ней с крестом, который, как казалось, был не особенно тяжел. На нем было начертано: «Освятися жертвенник Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа во храме престольного града Екатеринослава при державе Благодетельнейшей, Самодержавнейшей, великой государыни нашей императрицы Екатерины Алексеевны, при наследнике ее благоверном государе, цесаревиче и великом князе Павле Петровиче, при наследниках его великих князьях Александре и Константине Павловичах...»

Екатерина, а затем и Потемкин приложились к кресту. За ними последовали придворные — чередой была длинной.

Плотная толпа, оттесненная гвардейцами на пристойное расстояние, колыхалась и глухо гудела. Преосвященный водрузил крест на место, обошел, кадя и кропя, площадь будущего храма и его престол. Он что-то бормотал себе под нос — то были слова чина освящения. Затем повернулся в сторону секунд-майора, командовавшего солдатами, махнул рукой и крикнул: «Пушай!»

Толпа хлынула ко кресту. Каждый обыватель жаждал коснуться губами места, к которому приложилась государыня, светлейший и приближенные особы.

Началась свалка. Солдаты оттаскивали наиболее ретивых. Потом по приказанию начальника образовали коридор, и воцарилась некоторая чинность.

— Довольна ли ты, государыня-мать? — обратился к ней Потемкин, когда их оставили вдвоем.

— Премного довольная, Гриша.

— Отселе российское воинство пойдет на Царьград. Здесь будет главный штаб, сюда переместится все управление войском. Одно слово — Е-ка-те-ри-но-слав! — по слогам произнес Потемкин. — Ближе будем к турку, нежели Петербург, даже первопрестольная.

Важно все загодя приблизить: магазейны, казармы, лагеря для полков.

— Стало быть, ты столицею пренебрег?

— Ну ее,— махнул рукою светлейший.— Что в ней? Камень, холода да дожди. Здесь будет столица. По крайности моя.

— Экой ты затейник, Гриша. Не спросясь броду, лезешь в воду,— усмехнулась Екатерина обычной своей усмешкой, в которой было все: насмешка, ирония, скептицизм.

— Верю, государыня-мать, в твое доверие. Я им никогда, слышишь — ни-ког-да, не пренебрегал и не пренебрегу и все творить буду для славы твоей и процветания державы под скипетром твоея.

— Кажется, я не давала тебе повода сомневаться в моем безграничном к тебе доверии,— произнесла она с увлажненными глазами.— И сколь жива буду, не изменю сему мнению.

— Да, государыня-мать, я тебе предан без холопства, без лести. А потому скажу тебе нелицеприятно: чрезмерно ненатуральностию ты Бога славим. Видел я ухмылки некоторых особ, переговоры иностранных министров. Негоже таковое усердие. Ровно ты актерка какая-нибудь. Ты есть первое лицо в государстве. И пристала тебе умеренность и достоинство во всем. И в обращении к Господу нашему.

Это было сказано столь неожиданно, что Екатерина смутилась. Но потом на лице ее снова появилось то обычное выражение благоприятства, которое редко сходило с него, с каким она обычно появлялась на публике.

— Что ж, Гриша, может быть, ты и прав. По крайности я не сержусь на тебя за таковую прямоту. Говори мне и впредь о моих неисправностях, кто ж мне скажет, как не ты.

— Не желаю,— продолжал Потемкин,— чтоб в чьи бы то ни было головы закрадывались пустые крамольные мысли о великой нашей государыне, будто она неистовостью в молитвах и поклонении святому кресту замаливает великие свои грехи.

— Спасибо тебе, Гриша,— с умиленной улыбкой проговорила Екатерина.— Однако ж ты знаешь, как говорят на святой Руси: на чужой роток не накинешь платок. Все едино будут говорить и хулить. Такова есть участь всех правящих особ.

Потемкин наклонил голову. Ему, как никому, было хорошо известно, как славят его в глаза и как бранят за глаза самыми поносными словами.

Истинно так: на чужой роток не накинешь платок.

СКВОЗЬ МАГИЧЕСКИЙ КРИСТАЛЛ...

В е т в ь о д и н н а д ц а т а я: апрель 1453 года

Итак, султан снова появился в своем шатре, который был хорошо виден со стены города: над ним был поднят зеленый штандарт. И султанская гвардия окружила его плотным кольцом.

Видно было, как турки подтягивают все новые и новые пушки, одна из которых была настоящим чудовищем. Турецкие артиллеристы-хумбараджи нагромождали кучи камней, покрывали их дощатым настилом, на который втаскивали тяжелые медные тела.

Черный дым и грохот возвещали о том, что выстрел сделан. Ядро с оглушительным треском ударялось о стену, выбивая из нее тысячи осколков. Медные стволы на радость осажденным обычно сваливались со своих «лафетов», и хумбараджи втаскивали их вновь и вновь.

Ядра медленно, но верно крошили стену. Бреши в ней становились все глубже, некоторые же участки стали обваливаться.

Император сказал генуэзцу Джустиниани, оборонявшему вместе со своими войсками этот самый уязвимый участок стены, именуемый Месотихион:

— Надо ослабить удары ядер о стену. Я прикажу вывесить куски кожи и тюки шерсти.

Усиленная бомбардировка началась одиннадцатого апреля. Спустя неделю наружная стена над руслом Ликоса была полностью разрушена. Кожи и шерсть оказались слабой помехой тяжелым мраморным ядрам.

Все городское население было призвано на помощь войскам. С наступлением темноты они принялись таскать камни, бочки и мешки с землей. Заграждения росли. Худо было только, что основу их составляли бревна и доски, которые легко было поджечь. Однако на радость защитникам города полили дожди, земля размокла, и хумбараджи увязли в грязи вместе со своими медными пушками.

Капудан-паша Балтоглу наконец дождался прибытия черноморской эскадры. И тотчас отрядил самые большие корабли на штурм цепи, заграждавшей вход в Золотой Рог.

Ее охраняли греческие и генуэзские суда. Турки стали осыпать их ядрами и тучами стрел. Но обстрел не достигал цели: корабли христиан, в отличие от турецких, были высокобортными. Тогда турки приблизились на небольшое расстояние и стали метать горящие факелы и головни в надежде зажечь суда христиан. Только из того тоже ничего не вышло. Оборона кораблей была прекрасно

организована: факелы и головни тотчас тушились, а кинувшиеся на abordаж были изрублены и сброшены в море.

Морская атака провалилась. И тогда султан приказал начать атаку Месотихиона.

Это было 18 апреля, спустя два часа после захода солнца. Янычары, отряды тяжелых пехотинцев и лучников под визгливые звуки флейт, бой барабанов и треньканье цимбал пошли на приступ. Они истошно вопили: «Аллах акбар!» — размахивали горящими факелами, дабы уstrate защитников города.

Но на стенах были готовы. Люди сбрасывали вниз приставные лестницы вместе с карабкавшимися на них турками, лили на их головы кипяток и горящую смолу, сбрасывали камни...

Деревянные заграждения не загорались — они отсырели от дождя, христиане в своих доспехах были неуязвимы для турецких стрел, они действовали с отчаянием защитников и храбростью истинных воинов.

Четыре часа длился штурм. Он не принес успеха туркам. И они отступили, потеряв не менее двухсот человек. А защитники — ни одного.

Глава одиннадцатая

ПОРОГИ...

Видали ли когда способ действия более варварский, более достойный турок, как тот, чтобы начинать с наказания, а затем производить следствие? Найдя человека виновным, что вы сделаете? Он уже наказан. Пожелаете ли вы быть жестокими, чтобы наказать его дважды? А если он невинен, чем исправите вы несправедливость, что его арестовали, лишили всякой чести?.. Если бы со мною случилось такое несчастье, я пожертвовала бы своим стыдом, я исправила бы... зло, которое я бы сделала...

Екатерина II

Г о л о с а

...Вот уже три дня, как мы плывем на веслах по Борисфену: все, слава Богу, здоровы. Нового ничего не могу вам сказать, кроме того, что изо всех моих плаваний это самое затруднительное, потому что река так извилиста, на ней столько островов и островков, столько мелей, что до сих пор мы вовсе не поднимали парусов... Теперь мы плывем меж двух берегов, из которых один принадлежит Польше; этот очень горист, русский совершенно низменен...

Екатерина — Гримму

Хорошо видеть сии места своими глазами; нам сказали, что наедем на жары, несносные человечеству, а мы наехали на воздух теплый и ветер свежий, весьма приятный и самый весенний; степь, правда что, безлесная, но слой земли самый лучший и такой, что без многого труда все на свете произведет...

Екатерина — Еропкину и Салтыкову

7 мая узнала я на своей галере, что граф Фалькенштейн скачет во весь опор ко мне навстречу. Тотчас и я вышла на берег, чтоб со своей стороны поскакать навстречу ему. И вот мы оба так хорошо скакали, что встретились средь поля нос к носу. Первое слово, им сказанное: «Вот теперь все политики одурачены и никто не видит нашего свидания».

Он был со своим послом (Кобенцлем), а я с принцем де Линем, Красным Кафтаном (Мамоновым) и графиней Браницкой. Величества сели в одну карету и проскакали 30 верст до Кайдаков.

Пока мы рыскали по полю, мы рассчитывали — один из нас (Иосиф) — на мой обед, а другая — на обед князя Потемкина, который... чтобы выиграть время, постился, и хотя мы нашли

его вернувшись из своей экспедиции, но обеда не было. Однако же нужда изобретательна: князь Потемкин вздумал сам обратиться в повара, принц Нассау в поваренка, великий гетман Браницкий в пирожника. И вот с самого коронования обоих величеств они еще никогда не были так почетно и вместе с тем так дурно угощаемы...

Екатерина — Гримму

По-видимому, Потемкин сумеет извлечь пользу из расположения к нему императрицы и сделается самым влиятельным лицом в России. Молодость, ум и положительность доставят ему такое значение, каким не пользовался даже Орлов... Граф Алексей Орлов намерен отправиться в Архипелаг раньше, чем предполагал... Потемкин никогда не жил между народа, а потому не станет искать в нем друзей для себя и не станет бражничать с солдатами. Он всегда вращался среди людей с положением; теперь, похоже, он собирается тесней сойтись с ними и составить свою партию из знати. Говорили, что он в конфликте с Румянцевым-Задунайским, но теперь мне стало доподлинно известно, что он дружен с ним и даже защищает его.

Прусский посланник Сольмс — королю Фридриху II

— Как вам наши виды?

— Бог мой, это очень величественно,— отвечал Иосиф, император Священной Римской империи германской нации, приехавший на свидание с Екатериной инкогнито, под именем графа Фалькенштейна.— Однако должен заметить — и очень дико. Река стеснена скалами. Судоходство становится невозможным. Это не наш голубой Дунай...

— Увы, мы далее и не поплывем,— с видимым огорчением произнесла Екатерина.— Придется пылить в каретах до самого Херсона.

— Государыня-мать, казаки-запорожцы взялись провести суда,— вмешался Потемкин, чувствовавший себя в какой-то мере виноватым: ко всем прочим чудесам, явленным императрице и ее свите в его удельном княжестве, так и не удалось прибавить чистый фарватер.— Извели едва ли не тысячу пудов пороху, а скалы так и остались стоять нерушимо. И над ними словно их предводитель — Ненасытицкий порог.

Инцидент с неудавшимся обедом был заглажен. Свита графа Фалькенштейна оказалась на удивление мала: генерал и два дворецких. Сейчас они расположились в губернаторской усадьбе, возвышенной на крутом берегу. Отсюда открывался пленительный вид: голубая гладь Днепра, иссеченная порогами, вокруг которых бурлила и пенилась вода, вздымая кисею радужных брызг, леси-

стые островки, словно корабли, ставшие на вечный якорь, и корабли флотилии, как стая разноцветных заморских рыб, припкнувшихся к берегу.

Внизу колыхались зеленые волны цветущей степи. Кое-где паслись редкие стада. И нельзя было понять, где домашние, а где дикие табунки: те и другие до поры уживались вместе. Все здесь было пока нетронуту и являло взору мирные картины.

Император казался задумчив. Так оно и было: его подавляла напористость Екатерины, временами он даже ощущал некое превосходство русской государыни. Он отступал, сопротивляясь. Так же, как это было во время их могилевского свидания шесть лет назад.

Тогда она навязала ему свой Греческий проект, сочинителем которого был Потемкин, получивший по ходатайству Екатерины, настойчивому и неотлагательному, титул князя Священной Римской империи.

Тогда проект этот казался не столь уж фантастичным. Выгоды, которые он предоставлял для обеих сторон, были очевидны: освобождение от векового гнета турок всей Европы, целых народов, снятие постоянной угрозы, тучею висевшей не только над восточным, но и над западным христианством, наконец, приращение земель, притом весьма солидное. Россия и Цесария, она же Австрия, становились по его осуществлению двумя самыми могущественными европейскими державами.

Тогда он был моложе на целых шесть лет, а для государя это много. Иосиф только что освободился от деспотической власти матери, Марии-Терезии, императрицы, которой он был соправителем. Она все решала самовластно и, надо правду сказать, по большей части весьма разумно. Воинственность ее была преувеличена, но она умела воодушевлять патриотов.

Так было в войне за австрийское наследство, которую затеял баварский курфюрст, жаждавший стать императором. Войска Марии-Терезии терпели одно поражение за другим. И тогда она, королева Венгрии и Богемии, воззвала к венграм: спасем отечество! Воодушевленные ополченцы ринулись на врага, очистили свою землю от его солдат, а затем перешли в наступление и вторглись в столицу курфюршества — Мюнхен.

Семь лет, как матери не стало. И он закусил удила, хоть она в свое время и велела не доверять русской императрице, «этой самозванке» и «Макьявелли в юбке». Он, старший, шестнадцатый сын своей матери, упивался самодержавной властью. И первым делом поступил как раз наоборот: поехал на свидание к Екатерине в Могилев.

Слава Екатерины была слишком приманчива, чтобы оставить ее без внимания. А потом они же были союзниками в Семилетней войне, которая закончилась позором для прусского короля, вы-

нужденного оставить свою столицу Берлин, хоть он и был «дер Гроссе» — великий. Этот коварный Фридрих, старавшийся хапнуть то, что, по его мнению, плохо лежит, потерпел поражение, но извернулся в очередной раз. И его следовало наказать. Как? Вот за этим он и отправился в столь далекую дорогу. И за этим тоже.

Встретившись, они проговорили несколько часов в казачьем хуторе, куда завернули в поисках еды. И пока Потемкин готовил циклопическую яичницу — более ничего не нашлось, — они обсудили большую часть проблем. Могилевская договоренность оставалась в силе, хотя Иосиф, набравшийся осмотрительности за прошедшие шесть лет, относился к ней куда более скептически.

Но магнетизм Екатерины оставался: магнетизм, в общем-то, уже старой женщины против воли притягивал к ней. Он отталкивался изо всех сил.

Еще шесть лет назад, из Могилева, он писал старому верному Кауницу: «Надо знать, что имеешь дело с женщиной, которая заботится только о себе и столь же мало думает о России, как и обо мне; поэтому надо щекотать ее самолюбие».

Он видел: Екатерину гораздо более, чем политический расчет, ведет темперамент. Да, она заботится о себе более всего, о том, как выглядит, как ступает, как говорит, каков цвет лица — женщина остается женщиной даже в глубокой старости. Но его не могла не подкупить ее гибкость, она не упрямылась, если что-нибудь не пришлось ей по нраву, она говорила: подумаем, подумаем, что-нибудь да изменим...

Магнетизм оставался. Но был и политический расчет: Россия оставалась надежным союзником. В инструкциях Иосиф предписывал своему послу Кобенцлю сколь можно сильнее умерять воинственный пыл Екатерины. И теперь, при свидании с нею, старался о том же. Она со смехом отвечала:

— При чем тут я? Я только слабая женщина при воинственных мужчинах с той и другой стороны. Турки начнут первыми, уверяю вас. И ваш визит только подольет масла в огонь.

— Но я же соблюдаю инкогнито, — слабо защищался он.

— Ваше инкогнито — на первых страницах газет. Турки уверены, что вы приехали сюда сговариваться о совместных действиях против них. Об этом пишет мне мой посол Булгаков. — Обратившись к Сегюру, она продолжила: — Булгаков в этом же письме сообщает, любезный граф, что несколько французских офицеров, облачившись в купеческие одежды, направились в Очаков, дабы подготовить его к началу военных действий. Что вы на это скажете?

— Это, на мой взгляд, очень странно, — пожал плечами Сегюр. — Мы связаны с турками трактатом о военной помощи, так что такой маскарад представляется мне совершенно излишним.

— Вообще-то мы извещены о действиях ваших военных через своих конфиденентов и агентов как в Константинополе, так и в турецких провинциях,— самодовольно заметила Екатерина.— Вот тут у князя в руках все нити, и мы, сказать правду, не жалеем на это золота. Войны выигрываются не только солдатами, но и тайным знанием о противнике.

— Мудро сказано, государыня, ваше величество,— наклонил голову Потемкин.— У нас множество тайных агентов, благодаря которым мы следим за движениями турок. И не только,— шутливо погрозил он пальцем Сегюру.— Врасплох нас никто и нигде не застанет, не надейтесь!

— Ах, князь, вы вечно подозреваете меня в дурных намерениях, хоть я по большей части на вашей стороне,— отвечал Сегюр.

— Я основываюсь не на подозрениях, а на знании,— ухмыльнулся Потемкин, совершенно заинтриговав Сегюра. Бедный граф не подозревал, что вся его корреспонденция, входящая и исходящая, перлюстрируется, и Потемкин посвящен во все движения его души, равно и мысли.

Франция продолжала быть союзницей Оттоманской Порты. Она активно помогала ей совершенствовать свою армию и флот, фортификацию и амунизию. Враг был заведомо известен — Россия и во вторую очередь Австро-Венгрия. Турки невысоко ставили военную силу последней. И в самом деле: цесарцы выказали себя в столкновениях с турками не с лучшей стороны, потерпев не одно поражение.

Это представлялось Потемкину по меньшей мере странным. Ведь войско цесарцев было куда лучше турецкого организовано и вооружено. Оно возглавлялось опытными генералами европейской выучки. Тут была какая-то загадка, и князю хотелось ее разгадать, пользуясь присутствием императора Иосифа.

Он долго не решался объясняться с императором — была некая тонкость и деликатность вопроса, сковывавшая язык. Но наконец случай представился: они оказались вдвоем.

— Позволю себе очень деликатный вопрос, ваше величество,— начал Потемкин.— И только потому, что нам несомненно в самом скором времени предстоит сражаться плечо к плечу с турками. Вы согласны с этим?

Иосиф кивнул.

— Некогда турки стояли под стенами Вены. Вы терпели ряд поражений от врагов креста и далее. Правда, принц Евгений Савойский вернул вашему оружию славу победоносного. Но в нашей совместной войне с турками, случившейся полвека назад, вы принуждены были отдать им земли в Сербии и Валахии. Что ожидает нас в скором будущем?

Иосиф медлил с ответом. И Потемкин понял, что неосторожно наступил на любимую мозоль, искоса взглянув на лицо импера-

тора: на нем появилось брюзгливое выражение. Но отступить было поздно.

— Несомненно, войны не избежать, — голос Иосифа сделался каким-то металлическим, — но мы к ней готовы и, полагаю, сможем ее выиграть. Разумеется, при посредстве ваших доблестных войск. Я очень надеюсь на искусство ваших генералов. Ведь маршал Румянцев-Задунайский не столь уж стар. А его имя меж тем приводит в трепет турок до сего дня. Они, да и мир, не могут забыть его победы под Ларгой и Кагулом, где на одного русского солдата приходилось чуть ли не десять турок...

Император пожевал губами, как бы давая себе сосредоточиться, и, не глядя на Потемкина, с видимым неудовольствием продолжал:

— Да. Что же касается наших поражений в войнах с турками, то их можно объяснить разными причинами. Главная же из них, полагаю, огромное численное превосходство. Иной раз в двадцать раз. Кроме того, не мне вам говорить, что иной раз дело решает прихотливый случай. Военное счастье переменчиво, — закончил он тем же скрипучим голосом.

— С последними вашими словами я всецело согласен, — торопливо заверил его Потемкин. — Но согласитесь все-таки, ваше величество, что это самое военное счастье, о котором вы изволили упомянуть, зависит и от начальствующих персон, от их распорядительности и умения маневрировать войском?

— Ну конечно, конечно, — устало произнес Иосиф, всем своим видом давая понять, что ему неприятен этот разговор. — Однако и военное счастье существует, и с этим приходится считаться.

— О чем вы, господа? — К ним приблизилась Екатерина в сопровождении Мамонова, на руку которого она непринужденно опиралась, и двух приклеенных к ней дам — Перекусихиной и Протасовой.

— О военном счастье, государыня, — отозвался Потемкин. — Его величество считает, что, несмотря ни на что, оно существует. Я же полагаюсь более на искусство полководца.

— Я вас примирю: верно то и другое, — весело произнесла Екатерина. — Могу только посожалеть: война в наших беседах с императором подавляла все остальное. А ведь остальное — это жизнь с ее радостями, коих слишком много. И главная из них — любовь. Любовь издревле, ныне, присно и во веки веков...

— Аминь! — в один голос произнесли обе дамы.

— Аминь! — подхватили Потемкин и Мамонов.

— Пусть знают правители всей Европы: мы с императором — давние и верные союзники и от этого союза не отступим, — пылко проговорила Екатерина. — Остается в силе наш договор, заключенный в Могилеве шесть лет назад.

Иосиф глядел на нее во все глаза. В них было все — удивление и восхищение. Да, невольное восхищение, как он ни подавлял

его. Она остается женщиной в свои пятьдесят восемь лет. Она и не тщится скрывать это свое вечно женственное — ewig weibliche. Она свободна от всяких условностей, ничего не опасается, тем более злых языков.

Чем-то Екатерина напоминала ему мать — Марию-Терезию. Та, несмотря на то, что была многодетною матерью — мало кто из женщин царствующих домов мог похвастать шестнадцатью детьми — и самовластной императрицей и королевой, до конца дней своих сохраняла женскую статью, обворожительность и даже красоту, не говоря уже о ясном уме, которым восхищался влюбленный в нее Кауниц, и не только он один. Она почилла в Бозе шестидесяти трех лет, оставив по себе благодарную память.

Иосиф не мог знать, что Екатерина переживет его мать всего на четыре года — скоропостижная смерть сразит ее шестидесяти семи лет от роду, и будет она лежать в гробу без единой морщины на челе. Не мог он знать и того, что его собственный конец близок: смерть подкараулит его через три года, в сорок девять лет. А Потемкин переживет его на один год, и будет ему в год кончины всего-то пятьдесят два.

Пока же римский император равнодушными глазами глядел на русскую императрицу и в который раз дивился ее непосредственности и пренебрежению условностью. Она была на двенадцать лет старше его, а глядела ровнею. Его поражала ее осанка — осанка молодой женщины, голос — низкий, с легкой хрипотцой и плавными переходами и та властная сила, которая завораживающе действовала на всех, кто с нею соприкасался.

— Господа,— провозгласила Екатерина,— надо ехать, как князь и ни противится этому, обещая безопасное минование порогов и благополучное плавание до Херсона. Мы не можем подвергаться малейшему риску.

Слово «пороги», выпяченное по-русски во французской фразе, смутило одного Иосифа. И он поспешил справиться, что такое есть это грубое слово?

— То, что вы, государь, споткнулись на нем, и есть его значение,— перевела Екатерина.— Это то, что мешает движению — судна ли, кареты, слова, мысли. То, что, к сожалению, будет сопровождать нас во всю жизнь. Тут мы решили их избежать, но, как знать, не встретятся ли они нам на дороге в Херсон.

— Нет, государыня-мать, я предпринял все меры, дабы нигде не произошло никаких случайностей, никаких помех. Я за все в ответе,— поспешил заверить Потемкин.

— В таком случае я спокойна. Впрочем, я была спокойна, когда предпринимала столь протяженное путешествие. Спина князя широка, и за нею мы в полной безопасности,— развеселилась она.

«Вот еще одна черта, о которой я упомяну в воспоминаниях: натуральная непринужденная веселость Екатерины,— заметил про себя Иосиф.— Черта притягательная и привязывающая людей».

— В моей предусмотрительности никто не может усомниться.— Улыбка раздвинула уста Потемкина.— Я готов развеселить вас, господа, некоторыми цифрами. К примеру, я приказал приготовить десять тысяч сажень веревки для вожжей. И все они пришли к делу.

Император потребовал разъяснений. Оказалось, он не знал, что существуют веревочные вожжи: полагал, что они ременные, как в подвластных ему странах.

— Мы еще не так богаты, ваше величество,— отвечал Потемкин.— Вот подкопим денег, будут и ременные.

Все новые и новые экипажи подкатывали к палаточному табору, в центре которого высились шатры сиятельных особ. Невиданное скопище людей и лошадей притянуло к себе толпы поселян, державшихся, впрочем, на почтительном отдалении. Всем им, разумеется, хотелось увидеть царицу. В их представлении она выглядела эдакой сказочной богатыркой, и поначалу Потемкин в парике, возвышавшийся над всеми, был признан за государыню. Недоразумение, однако, вскоре разъяснилось. Помогли солдаты, указавшие на императрицу. Люди отказывались верить, что эта невысокая, скорей даже маленькая, женщина в ничем не примечательном платье, попросту расхаживавшая меж своей свиты, и есть царица. От царицы должно было исходить сияние, и вся она — облачена в золото. И не ходить ей пристало, а парить... Ах, ничего такого не было, зато пышность и богатство мундиров ошеломили.

Табор снимался с места. Экипажи теснились один к другому. Потом они поползли друг за другом, растянувшись на много верст чудовищной змеей. Эскорт всадников сопровождал голову змеи.

Весенняя степь все еще была девственно прекрасна. Она была многоцветной и пахучей. Стойкий густой аромат разнотравья плыл над нею. Дорога вилась лентой и была слабо наезжена. И чем далее караван углублялся в степь, тем нетронутей становилась она.

Звери и птицы не торопились скрыться. А некоторые из них, вскинув головы и раздув ноздри, следили за движением экипажей с достоинством хозяев. Таковы были туры, эти господа степи. Таковы были и табунки диких лошадей, привлеченные видом своих домашних собратьев.

— Здесь первоклассная охота, ваше величество,— заметил Потемкин, обращаясь к Иосифу.

— Я не большой любитель пролития чьей бы то ни было крови,— отозвался тот.— Однако эти ваши земли все еще про-

должают быть нетронутыми, и, судя по количеству зверья, селений близко нет.

— Совершенно верно, пока еще нет,— наклонил голову Потемкин.— Мы зазываем поселенцев отовсюду, отводим им безденежно сколь захотят земли, даем и ссуды на обзаведение, освобождаем от податей на двадцать лет... Сербь, болгарь, немць потекли сюда малым ручейком. А надобна река на сии просторь. Россия велика, а народу в ней по ее пространствам мало. Дабы покрыть издержки по шествию государьни, подушную подать пришлось увеличить на двадцать копеек. И всего-то удалось собрать на два миллиона больше.

Иосиф сделал вид, что понял. В карете государьни их было четверо: двое монархов, Потемкин и Мамонов. Екатерина молчала, на нее нашло умиротворение. Окна кареты были растворены, в них вливались неповторимые запахи степи в цвету.

— Тут как в зоологическом саду, не правда ли, ваше величество? — обратилась она к Иосифу.— Нет, не сад — парк, огромный парк под весенним небом. И заметьте: пыли-то нет. Какое счастье, что мы пустились в путь в эту пору! И все благодаря настояниям князя.— И она бросила благодарный взгляд на Потемкина.— Он обещал нам открыть чудеса и открывает их.

— То ли еще будет! — многозначительно бросил Потемкин.

— А сколько верст до Херсона? — поинтересовался Мамонов.

— Сверх четырехсот,— отвечал Потемкин.

— Кстати, князь, почему ваш город поименован Херсоном? — спросил Иосиф.— Сколько мне известно, Херсон древних греков находился значительно западнее.

— Я отвечу за князя! — воскликнула Екатерина со смешком, похожим на кудахтанье.— Его светлость был введен в заблуждение своими советниками. И произошла путаница: городу, куда мы направляемся, должно называться Севастополем, что означает «высокий город», а Севастополю — Херсоном, ибо Херсон древних греков располагался рядом с ним...

— Это забавно,— улыбнулся Иосиф.

— Ничего забавного не нахожу,— буркнул Потемкин.— Сойдет и так. Когда я закладывал Херсон, обнаружены были на том месте древние камни, останки жилищ и храмов. А на камне одном было начертано греческими письменами: «Дорога в Византию». Я велел тот камень сохранить. А как оттоль, из Херсона, отправлялись суда в Царьград, то и дал я новостроящемуся граду имя Херсон. Ее величество то имя изволили одобрить. Древний Херсонес лежит менее чем в версте от Севастополя. Там несколько десятин занимают руины. Я велел строго-настрого их хранить как есть и, с вашего позволения, когда в Севастополь прибудем, представить на высочайшее обозрение...

— И на высочайшее одобрение и ободрение,— подхватила Екатерина,— ибо я великая сторонница сохранения останков старины.

— Я тоже,— отозвался император

— Одна ваша Италия,— резво смешалась Екатерина,— это ведь истинный музей под голубым небом.

— Но ведь это не коренные наши земли,— нехотя согласился Иосиф.

— Вы же почитаете Рим такою же святыней, как Вену,— с тою же живостью продолжала Екатерина,— а потому и именуется Священной Римской империей германской нации.

— Да, да, но...— И Иосиф неожиданно замолк, то ли затруднясь с ответом, то ли желая прекратить разговор. На все была его воля — воля высокого гостя. Он вообще был малоразговорчив и предпочитал более слушать, чем говорить. Иной раз казалось, что он осторожничает, памятуя, что язык наш — враг наш.

Впрочем, он вел себя достаточно скромно, не уставая повторять, что здесь он всего только граф Фалькенштейн, и просил принимать его соответственно. Но его инкогнито было столь прозрачно, столь повсеместно озвучено, что все в окружении Екатерины относились к нему, как должно относиться к главе могущественного европейского государства.

Он был либерал и хотел добра. Это сказывалось на его обращении с окружающими, простом и свободном. Быв соправителем своей матери Марии-Терезии, он пытался провести некоторые либеральные реформы, тоже в чаянии добра. Мать сочла его поползновения фокусами и причудами от сытости и пресекла их с обычной своей непреклонностью. Он относился к ее воле с принужденным почтением и распрямился только с ее кончиной. Вот тут-то он показал, на что способен: отменил крепостную зависимость, ограничил католическую церковь и осмелился закрыть более 700 монастырей, ввел единый поземельный налог, в том числе и на дворян...

Тогда ему казалось, что союз двух империй впечатлит Европу и устрасит его противников в собственном государстве. Нет, не вышло. Однако он полагал, что время постепенно сгладит все острые углы, непокорные подданные смирятся, и все станет на свои места.

Шесть лет прошло, а державности не прибавилось. Оказалось, мало хотеть добра, надобно уметь его делать. Голос его, призывавший делать добро, гложился в протяженных просторах империи. Были такие углы, куда он не досягал. Он же сидел в своем дворце Хофбург и терпеливо ждал результата.

Ах, как трудно быть монархом! Однажды он сказал об этом Екатерине. Она расхохоталась. Потом, посерьезнев, сказала: поначалу было трудно, не было дня без слез. Но и вол привыкает

к своему ярму, а монарх к короне и подавно. Надо иметь легкое сердце и хороших советников — вот и весь секрет. «У меня есть и то и другое», — сказала она.

Увы, легкого сердца у него не было. Он тяжело переживал каждую свою неудачу на государственном поприще. Бессонница стала его уделом. Старый князь Кауниц пекся о нем, как родной отец. Иосиф прощал ему некую покровительственность — старшего к младшему, ибо Кауниц смягчал все удары с искусством опытного дипломата.

Теперь Иосиф трясся в карете императрицы среди дикой степи и чувствовал нечто вроде умиротворения. Екатерина действовала на него благотворно, похоже, и на других тоже. Ее постоянные ровность, благожелательность и веселость посреди всех обстоятельств заражали и его. Он становился открытей. И на время забыл о неприятностях, поджидавших его в Вене.

Его империю называли лоскутной. Но ведь все империи состоят из эдаких лоскутов. Взять ту же Россию: сколько в ней чужеродных кусков и кусочков, отвоеванных то у Швеции, то у Турции, то у Персии. Другое дело, что те, у кого они взяты с боем, сами некогда отхватили их силою.

Прошел слух, что шведский король Густав III намерен воспользоваться очередной русско-турецкой войной, чтобы в свою очередь объявить войну России и отторгнуть от нее Курляндию, Эстляндию и Лифляндию, завоеванные Петром Великим. Иосиф сказал об этом Екатерине.

— Мальчишка, болтун, — фыркнула она. — Вот увидите, его скинут с престола весьма и весьма скоро. Мне доносят из Стокгольма, что аристократы возмущены его правлением и плетут заговоры.

— Но этому мальчишке, как вы говорите, пошел пятый десяток.

— Ну и что ж? — парировала Екатерина. — Коли Бог сотворил его сумасбродом, то он пребудет им до седых волос.

Иосиф внутренне усмехнулся. Этот сумасброд пришел к власти точно так же, как и Екатерина — устроив переворот на десять лет позднее ее.

— Не опасаетесь ли вы, ваше величество, войны на два фронта?

— У нас в России говорят: Бог не выдаст — свинья не съест, — легкомысленно отмахнулась Екатерина. — Я уже воевала на два фронта: против турок и против самозванца Пугачева. Поверьте мне, самозванец опасней короля шведов. Под его знамена стеклась оголтелая чернь, кипевшая ненавистью против своих господ. Она была готова воевать голыми руками, душить, давить, терзать старых и малых. И что же? Бунт был подавлен, турок поставлен на колени.

Иосиф откинулся на своем сиденье. «Поистине она неустрашима, — думал он. — Ничто не может поколебать ее уверенность

в себе. Но, похоже, это не самоуверенность, а уверенность, прочно стоящая на двух ногах».

За окнами кареты потемнело. С юга наплзли тучи. Они вскоре заволокли все небо, заглотив солнце с его победным сиянием. Где-то вдали проворчал гром, его раскаты приближались. И вот уже огненный пучок молний соединил небо и землю. По крыше кареты забарабанили крупные капли.

Бабах, бабах, бабах! — гремело и рокотало вокруг.

— Салют в вашу часть, государыня-матушка, — сказал Потемкин. — Херсон недалече. Пушки Ильи Пророка громогласней моих.

В самом деле, пора было завершать эту часть шествия — они ехали уже пятые сутки. И хотя никто не глядел утомленным, но все же то было не речное плавание, где версты радовали взор своим разнообразием.

Днепр, сопровождавший их справа во все время пути, потемнел и вздулся: видно, и в верховьях тоже разразился весенний ливень.

— Добрая примета, — подал голос Мамонов. — Старики скажут, дождь в сию пору — к обильному урожаю.

— Вечная примета, — отозвался Потемкин.

Мало-помалу стало светлеть. Пальцы капли барабанили все реже и слабей. Сквозь темную пелену стремительно несшихся туч уже норовило пробиться солнце. И вот наконец оно выглянуло в прогалы и радостно заблестало, словно бы празднуя победу.

Екатерина приказала открыть окна, задвинутые на время ливня. И вовнутрь кареты ворвалась вешняя свежесть ликовавшей степи. Природа праздновала свой праздник, и он оказался общим праздником растений, зверей и людей.

— Эвон и Херсон показался, — кивнул Потемкин.

Вдали, пока еще смутно, забелели первые строения молодого города. Это был Херсон.

СКВОЗЬ МАГИЧЕСКИЙ КРИСТАЛЛ...

В е т в ь д в е н а д ц а т а я: апрель 1453 года

И шли дни. А город и не думал сдаваться.

Султан, да возлюбит его Аллах и да приветствует, выходил из себя. Видя, что пушки, отлитые его мастерами, несовершенней христианских, он повелел отливать новые, с тем чтобы улучшить их мощность. Литейщики старались под угрозой отсечения головы, и через несколько дней пушки были отлиты.

Их установили на высоте над мысом, так чтобы обстреливать корабли неверных, оберегавшие цепь. Второй же выстрел показал, что литейщики справились со своей задачей: ядро угодило прямо в центр галеры, потопив ее.

Султан был доволен: корабли неверных принуждены были отойти подалее, открыв таким образом возможность разрушить проклятую цепь.

Меж тем со стороны Дарданелл к осажденным держали курс суда генуэзцев с оружием и припасами. Сильный северный ветер долго препятствовал им продолжать плавание. Волнение на море перешло в шторм, и корабли христиан вынуждены были переждать в одной из бухт острова Хиос. Но вскоре они смогли продолжить свой путь. Тем более что пролив был свободен: весь турецкий флот сосредоточился у Золотого Рога.

Вскоре корабли генуэзцев вошли в Мраморное море. Там их заметили осажденные. Заметили их и турки и тотчас донесли о том султану. Повелитель правоверных был так обеспокоен этой вестью, что, сев на коня, поскакал к капудан-паше Балтоглу с приказом во что бы то ни стало захватить или потопить суда неверных. Султан пригрозил Балтоглу: если корабли прорвутся в Золотой Рог, ему не сносить головы.

Капудан-паша велел трубить боевую тревогу. Не полагаясь на паруса, он приказал сотням гребцов сесть на весла. На большие транспортные суда погрузились гвардейцы султана, которым было приказано взять корабли неверных на абордаж.

Балтоглу был уверен в победе. Еще бы, против его боевого флота, насчитывавшего десятки больших и малых судов, дерзают выступить каких-то четыре корабля, чья маневренность вдобавок зависит от ветра.

Наконец они сблизились. Но все попытки поджечь христианские суда или взять их на абордаж не имели успеха. Турецкие суда были отличной мишенью для христиан: они низко сидели в воде, меж тем как корабли генуэзцев возвышались над ними подобно горам.

Но вот несчастье, попутный ветер стих, паруса христианских судов повисли, и уже казалось, что вот-вот они станут добычей флотилии турок.

Балтоглу приказал атаковать. Его матросы-кальонджу стали метать факелы с зажженной паклей, пускать стрелы и палить из пушек. Но каждый раз нападение отражалось командами христианских судов. Султан, сидя на коне, следил с берега за действиями своего флота. Он выходил из себя, видя, что они не достигают цели.

— На abordаж! — вскричал он. И казалось, крик повелителя правоверных был услышан. Десятки турецких судов облепили корабли христиан, цепляясь баграми и крючьями.

Но тут подул спасительный ветер. Паруса напряглись, и все четыре корабля вошли в Золотой Рог. Их не преследовали: над бухтой сгустилась тьма.

— Проклятие! — вскричал султан.

Глава двенадцатая

ЧРЕДА ЧРЕЗМЕРНОСТЕЙ

Ни к чему я не имею такого отвращения, как к конфискации имущества виновных, потому что кто на земле может отнять у детей и проч. таких людей наследство, какое получают они от самого Бога?

Екатерина II

Г о л о с а

Мне еще кажется грезой то время, когда, сидя в шестиместной карете, подобной торжественной колеснице, в позолоте и в дорогих камнях, меж двух царственных особ, и разморенный жарой, слышу сквозь дрему их разговор: «У меня 30 миллионов подданных только мужского пола». — «А у меня всего 22 миллиона», — отвечает другой. «Мне необходимо иметь под ружьем самое меньшее 600 тысяч от Камчатки до Риги». — «А мне и половины этого довольно», — отвечает другой.

Принц де Линь

Мы приехали в Херсон. Дитя сие еще не существовало 8 лет тому назад. Сначала проехали каменные казармы шести полков, потом въехали в крепость, которая за себя постоит; внутри крепости военные строения многие окончены... церковь каменная прекрасная. Выехав из крепости, повернули мы в адмиралтейство, в котором все магазины и строения каменные, крыты железом. На стапеле нашли мы готовый 80-пушечный корабль... наименован «Иосиф II».

Екатерина — Еропкину

Императрица пребывает в восторге от увиденного и от мысли о новой ступени славы и могущества, на которую она поднялась вместе с Россией. Князь Потемкин в настоящее время всемогущ, и его чествуют сверх всякой меры. Будь у меня возможность столь близко придвинуться к Берлину да будь пруссаки такие же олухи, как турки, я бы не устоял против желания избавиться от таких соседей.

Иосиф II — Кауницу

Допущен был к Ея Императорскому Величеству на приватную аудиенцию присланный от его величества король обеих Сицилий маркиз де Галло для поздравления с благополучным прибытием к полуденным границам империи, орошаемым водами, прости-

рающимися до королевства Неаполя... Граф Фалькенштейн подводил ко всем господина барона Герберта, римско-императорского интернунция при Порте Оттоманской... Потом, по вступлении Ее Величества в Дворцовую залу, уволенный от управления епархией преосвященный архиепископ Евгений говорил речь на греческом языке...

В сей день всемиловейше пожалованы:

1) Флота Черноморского капитаны первого ранга Николай Мордвинов и граф Марко Войнович в контр-адмиралы; капитаны первого ранга Панайоти Алексиано и Федор Ушаков в капитаны бригадирского чина; капитаны второго ранга Степан Вельяшев, Гаврила Голенкин и Павел Пустошкин в капитаны первого ранга...

2) В воздаяние ревностных трудов по строению города Херсона и по другим порученным делам полковник Николай Корсаков (жалован) в инженер-полковники... ему же из Полоцкой экономии — 450 душ и орден Святого Владимира третьей степени...

*Из Журнала Высочайшего путешествия... в полуденные страны
России*

Огромная толпа, казавшаяся бесформенной, двигалась им навстречу. Похоже, у нее не было головы. Она текла медленно, постепенно сближаясь с царским караваном. Из гула стал постепенно вычленяться бой барабанов и медные возгласы труб.

— Слава тебе, Господи, — перекрестилась Екатерина, — из пушек не бабахают. Хоть уши мои успели привыкнуть к оной пальбе, однако ж не люблю.

Иосиф опасливо оглянулся. И тотчас подался назад. Карета замерла.

— Ну, что там еще?

Выглянул и Потемкин. И, хохотнув, пояснил:

— Выпрягают. Сейчас верноподданные обыватели впрягутся вместо коней. Дабы таким способом оказать любовь и преданность своей государыне и повелительнице.

До них глухо доносились приветственные клики:

— Слава матушке-государыне!

— Слава, слава, слава!

— Великая наша мать!

Толпа начала обтекать карету. Гвардейцы, оцепившие ее, с трудом выдержали напор.

— Ежели бы не солдаты, сейчас подняли бы карету с колес и понесли, — улыбнулся Потемкин — единственный, кто веселился из окружения Екатерины. Все остальные как-то оторопели.

Меж тем карета дрогнула и медленно подалась вперед.

— Повезли! — радостно возгласил Потемкин. — Ты бы, матушка, выглянула, помахала бы кентаврам своим рученькой.

— Довольно с них сего сознания, что государыню свою везут, — откликнулась Екатерина. — Народ надобно содержать в строгости, дабы не позволяли себе лишнего.

Екатерина произнесла это по-русски. И тотчас перевела на французский для Иосифа. Он одобрил:

— Одна из главных заповедей монарха.

Все остальное уже никого не удивляло. Иностранные министры были уверены: народное ликование поставил и загодя отрепетировал сам Потемкин. Потемкин же в свою очередь удивлялся ретивости и усердию местной власти, перещеголявшей все его наставления многомесячной давности.

Однако ж чему было дивиться? В кои-то веки народу доведется увидеть свою императрицу! Божество сошло с небес, его можно лицезреть и, ежели посчастливится, коснуться рукою его платья. Разве не так?

Обыватели, сколько их было, не исключая старых и увечных, высыпали из жилищ своих на улицу, дабы пасть на колена пред явлением государыни. Отчего-то все были убеждены, что отныне жизнь пойдет по-другому, станет лучше прежней, ибо одно появление императрицы способно само по себе все улучшить.

Кому удастся протиснуться поближе к кортежу государыни, станут потом рассказывать, что она ликом светла, сияюща, а облачена вся в золото, на голове же корона, унизанная драгоценными камнями, бриллиантами да лалами, и свет от них во все стороны так и пышет. И дух благочестивый, ладанный, во все стороны исходит.

— Я не обольщаюсь, — Екатерина хотела быть ироничной, но довольством светилось лицо, — это все князь устроил, однако же народ меня если не любит, то почитает, как должно почитать высшую власть.

— Любит, государыня-мать! — откликнулся Потемкин с жаром. — И не я в сем ликовании повинен — оно само собою устроилось, как выражение сердечных чувств. Здешние жители устроены самым достойным образом благодаря матернему попечению своей государыни, даровавшей им многие льготы и привилегии.

Скорей всего, так оно и было. Народ в этих краях был все больше непуганый, в основном новопоселенцы, одним словом — свободный, незакрепощенный. И чувства у здешних обывателей были несколько иные, нежели у обитателей внутренних губерний. Покамest не брали с них ни податей, ни оброка, чиновники не давили поборами. Говорили, что таковая жизнь будет долгой, и многие верили по своему простодушию. Верили, как простой народ верит в чудеса. И пусть грамотеи уверяют, что чудес не бывает. Это у них, у грамотеев, у господ, чудес не бывает. А у

тех, кто прост сердцем и истово верует в Господа своего и в Святую Троицу, у тех чудеса случаются.

Что ж, дай-то Бог, дай-то Бог! Херсон весь всколыхнулся — город для своего ничтожного возраста, можно сказать, вполне устроенный. И весь собрался возле государынина кортежа, а потом и возле дворца, выстроенного по приказу Потемкина к приезду ее величества.

Одни служилые — солдаты да матросы — оставались на своих местах. Тож волновались, но не подавали виду. Впрочем, знали: им по долгу службы предстоит непременно лицезреть государыню, возглашать ей славу, устраивать маневр и палить из пушек — это само собою.

Более всего волновались начальники, ибо им держать ответ за все и про все. Светлейший князь в свое время изрядно пошерстил их, и они более всего опасались его единственного зрячего глаза, который, однако, все видел и во все проникал.

Корабли на рейде и на стапелях адмиралтейских блистали порядком, равно и их экипажи. Им всем была выдана новая амуниция, сиречь одежда, со всеми принадлежностями к ней, то бишь с кивером, ранцем, подсумком и сумою, перевязью, а офицерам — палаши и кортики, опять же пистолеты.

Образцы были представлены на усмотрение и одобрение светлейшего. Он кое-что одобрил, а все лишнее приказал выкинуть, дабы ничего не стесняло воина — в чинах ли он или без оных. Любил повторять свою, однажды высказанную заповедь: наряд солдатский должен быть таков — встал и готов!

Путевой дворец ее величества был воздвигнут на берегу Днепра. Наказ Потемкина был исполнен безупречно: все в нем соответствовало вкусам императрицы. Из Москвы везли хрустальные люстры и зеркала, мраморные каминные и канапе красного сафьяна, ковры и ломберные столики, гардины из зеленой тафты с шелковыми кистями с золочеными ножками... Словом, все то, что в здешних девственных краях напрочь отсутствовало, и исполнителей сих художеств быть не могло. Стены были обиты парчой и голубой тафтой.

— Не могу не отдать должное вашей распорядительности, — обратился Иосиф к Потемкину. — Вы, князь, в некотором роде волшебник. Столь чудным образом оживить эти пустынные края, поставить город со всеми к нему прилежащими службами за каких-то шесть-семь лет, когда обычно города слагаются веками, это ли не волшебство?!

Потемкин любил похвалы, особенно из высоких уст, да и кто их не любит! Он поклонился, улыбка раздвинула его уста, засветился и зрячий глаз.

— Я польщен вашей похвалой, ваше императорское величество, но мои успехи вдохновлены в первую очередь моей госу-

дарыней и ее беспрестанной заботой об умножении славы отечества нашего. Я всего только верный слуга ее величества, готовый служить и вам как нашему союзнику.

Вокруг дворца неведомо как был разбит парк из зрелых деревьев. Многие из них цвели — яблони, абрикосы и миндаль, — роняя на землю цветные лепестки, белые, розовые, красные, словно бы на великосветском балу.

— Но эти деревья, — удивлялся Иосиф, — они же прежде здесь не росли, они насажены уже будучи взрослыми. Как вам это удалось?

— О, ваше величество, тут нет никакого волшебства. Достаточно иметь двух-трех опытных садовников, и деревья будут большими. Таковых садовников я выписал — это одно из моих увлечений. Посему ананасы и смоквы, апельсины и лимоны на вашем столе не привезены из-за моря, а выращены в моих оранжереях. Да, государь, со страстью надо относиться не только к прекрасному полу, но и к не менее прекрасному делу. И тогда жизнь предстанет очам удивительной.

— Волшебник, волшебник, — подхватила Екатерина, и ее голубые глаза светились лаской. — Я опасаясь расточать ему хвалы при моих придворных — будут ревновать. А от ревности до ненависти, как известно, один шаг. Интриги, свары, подсиживания — все это непременная принадлежность придворной жизни, но я изо всех сил стараюсь ее искоренять. От интриганов избавляюсь, от сплетников — тож. Хотя люблю, признаться, слушать сплетни, — неожиданно закончила она. — Мои дамы исправно приносят их ко мне.

— Но от них вы не избавляетесь, надеюсь? — Иосиф выжидательно поглядел на Екатерину.

— Ну что вы, как можно, — пожала она плечами. — Сплетничество — едва ли не главная добродетель женщины. Отнимите его у нее — и она перестанет быть женщиной, жизнь ее тотчас обесцветится.

— Мне как-то об этом трудно судить, хотя... Хотя моя покойная матушка, припоминаю, любила разговоры придворных дам, сидя в их кругу. Но были ли то сплетни? — развел руками Иосиф.

— О, государь, я вас уверяю — непременно были! — с жаром воскликнула Екатерина. — Мне это очень хорошо знакомо. Но, заметьте, есть два рода сплетен: придворные, без коих не обойтись, и межгосударственные — эти обычно разносят дипломаты. Оба рода доставляются мне исправно, и от обоих я получаю некоторое удовольствие. К тому же в них содержатся небесполезные сведения.

— Да, пожалуй, — рассеянно произнес Иосиф. Он испытывал некое раздвоение чувств. С одной стороны, он оказался как бы в плену Екатерины и невольно глядел на все почти что ее глазами.

С другой же, императорская скептичность и критичность пытались побивать этот плен. Увы, далеко не всегда это удавалось.

Вот тот же Херсон. Саксонский посланник Гельбиг призывал не верить глазам своим. Все-де это обман, карточные декорации, намалеванные по приказу Потемкина. Этот Гельбиг пустил меж иностранных министров определение: «потемкинские деревни».

Но деревни, как правило, были деревнями, обжитыми и насколько не богатыми, с глазающими мужиками и бабами, с ревающим скотом. Правда, мужики и бабы были несколько принаряжены. Но большинство — босые. Если что и было внове, то это арки с надписями.

А Херсон, по правде говоря, его просто поразил. Это был вполне устроенный город с добротными домами, сложенными из местного камня, иной же раз из кирпича. Не было никаких декораций, ничего похожего. Ну, те же арки с надписями, прославляющими Екатерину. В этом не усматривалось ничего чрезмерного: посещение монархини во главе первых особ государства есть событие экстраординарное, из ряда вон выходящее. И его следует обставить и встретить экстраординарно, ибо оно случается единый раз во все царствование. Не грех все должным образом вычистить и подновить, изукрасить, елико возможно, а иной раз и понастроить. А как же иначе: со-бы-тие!! В ознаменование его и балы, и подношения, и отличия — все. Ибо пришествие государыни есть праздник для ее подданных.

На следующий день предстояло посещение адмиралтейства и освящение нового корабля.

Дорога от дворца до верфи была гладка, как стол. Она и являла собою присутственный стол гигантской величины: во всю двухсаженную ширину и полуверстную¹ длину она была покрыта зеленым сукном. Удивляться? Возмущаться? Противоречивые чувства раздирали Иосифа. В этой варварской стране все было варварских масштабов.

Екатерина была в нарочито простом наряде: сером просторном платье и черной атласной шапочке. Иосиф облачился в простой же фрак. И лишь виновник торжества Потемкин блистал в фельд-маршальском мундире золотого шитья и при всех звездах.

Восьмидесятипушечный корабль возвышался на стапелях, готовый вот-вот расправить крылья. Горы щепья и стружек окружали его.

— Задержите голову, государь, — бесцеремонно потребовала Екатерина. — Видите?

Да, он видел. К просмоленному деревянному борту была приколочена таблица с надписью кириллицей: «Иосиф II».

¹ С а ж е н ь — 2,1336 м; в е р с т а — 1,0668 км.

Корабль был освящен на стапелях. Священники с причтом обошли его посуху, а потом, кадя и кропя, поднялись на борт.

— Не подняться ли и нам? — предложила Екатерина. — Осмотрим корабль вашего имени и вам посвященный, а затем спустимся тою же дорогой, пока он не окунется в свою стихию.

— Согласен, — отозвался Иосиф, и они в сопровождении свиты поднялись по широкому золоченому трапу на борт. Подъем был довольно крут, но оба самодержца, пыхтя, одолели его.

Нос судна был наклонен к воде, как бы обнюхивая ее своим бушпритом. Палуба блистала свежим навощенным деревом, команда выстроилась вдоль борта и, казалось, не дыша, ела их глазами.

Высоким посетителям были представлены капитаны первого ранга Войнович, Мордвинов, Ушаков и другие, которым предстояло стать знаменитыми флотоводцами. Они были обласканы и награждены.

Иосиф глянул вниз. Там, на пенистой воде, колыхались щепки и доски, как бы ожидающие спуска корабля, чтобы стать его свитой. Прихотливая волна то уносила их, то вновь воротила. Их было много, этих непереманных спутников корабельного строения, и они упорно держались на воде близ верфи.

Пушки в своих портах были готовы к бою. Музыка, неумоимо сопровождавшая их во все время, гремела все так же. Пора было возвращаться: наступал миг спуска корабля на воду — торжественный миг.

— Ах, погодите, ваша милость, — отмахнулась Екатерина. — Здесь так хорошо пахнет. Эти запахи — дерева, смолы, пеньки — отчего-то волнуют меня. Походим еще немного.

И она маленькими шажками продолжала свою прогулку в окружении почтительно молчавших вельмож, едва не наталкиваясь на бухты канатов и якорные цепи, на горки ядер и пакли.

Наконец они сошли вниз и заняли свои места, откуда будет хорошо видно, как деревянный гигант, освобожденный от последних оков, ринется в свою стихию.

— Начинай! — выкрикнул Потемкин, когда сходни были торопливо убраны. И плотники, вооруженные кувалдами, стали выбивать подпорки, удерживавшие корабль на стапелях. Удары отзывались в корпусе — он глухо ворчал, словно от боли.

Но вот последняя подпорка пала вниз, огромное тулово дрогнуло и, сопровождаемое восторженными кликами, стало медленно сползать к воде. Его движение все ускорялось и наконец с шумом и плеском обрушилось в набежавшие волны, будто торопившиеся к нему навстречу.

В тот же момент с борта новорожденного корабля грянули пушки.

— Ура, ура, ура! — гремело вместе с залпами.

— Ура, ура, ура! — отзывалось с земли.

— Слава Екатерине! — возопил кто-то.

— Слава, слава, слава! — тотчас подхватили грубые голоса.

Иосиф невольно поморщился. Все это было непереносимо для его ушей, привычных к чопорной камерности не только придворных манер, но и музыки, и парадов. В Вене все торжества проходили в чинности и благопристойности. И пушечная пальба допускалась только в исключительных случаях, ибо порох надлежало беречь. Здесь же палят не переставая, словно бы идет война. Расточительство, чрезмерность — во всем.

«Иосиф II» покачивался на волнах. На нем уже полоскались паруса. Иосиф II наблюдал с деревянных мостков первые шаги — шаги ли? — своего огромного тезки.

— Каково, ваше величество? — спросил его Потемкин, лицо которого светилось удовольствием. — Отныне вы зачислены в строй российского флота, в его первую линию. И как знать, не пушкам ли вашего тезки доведется дать залп правым бортом по крепостям Царьграда.

Император смутился. Как он торопится, этот Потемкин, нависавший сейчас над ним своим массивным телом, подтолкнуть события вовсе еще не бесспорные. Нет, он не прочь, совсем не прочь, но надо же быть реалистом. И он, помедлив, отвечал:

— Я чрезвычайно польщен, князь. Поверьте, это высокая честь для меня, и я желал бы ее заслужить.

Ответ ни к чему не обязывал. Так должно отвечать монарху, когда ему оказываются почести. Почести — это то, что входит в круг гостеприимства, и здесь Екатерина и ее алтер эго Потемкин оказались на высоте.

Он, Иосиф, был реалистом. Екатерина рвалась вперед, он осторожно ее осаживал. Нет, он был отнюдь не против ее плана. То, что Оттоманская империя, этот колосс на глиняных ногах, подлежит разрушению, было несомненно. Екатерина почему-то думала, что этот колосс падет от их совместного толчка.

Он считал, что она переоценивает свои собственные силы и недооценивает силы турок. Он не напрасно предпринял эту поездку: теперь он имеет представление о том, каковы силы его союзницы. Они приросли с тех пор, как он впервые побывал в России, это несомненно. Но он поостерегся бы делать окончательный вывод. Как знать, не откроется ли нечто неожиданное, о чем намекал Потемкин. Херсон — это из разряда неожиданного, это уже некий плацдарм, правда довольно далеко отстоящий от моря. Но с ним Россия на несколько шагов приблизилась к своему вековечному врагу, к его пределам.

Есть еще Крым, Таврида, как любит говорить князь, великолепная Таврида. Та еще ближе к турецким пределам. Поглядим,

каково устроились там русские. Может статься, придется круто переменить мнение.

Он глянул в сторону императрицы. Она стояла, опираясь на руку своего фаворита. Мамонов был отчего-то бледен и, как обычно, молчалив.

Иосиф перекинулся с ним некоторыми малозначащими фразами. Фаворит отвечал разумно, видно было, что он хорошо воспитан и достаточно образован, так что вовсе не случайно занял свое высокое место. Высокое? Нет, скорее возвышенное. Возвышенность эта непрочна и, поколебавшись, рухнет. Что ж, такова участь всякого фаворита: под ним, как правило, нет фундамента.

Мамонов молод и хорош собою. Все это довольно скоро минует. А с ним минует и его фавор. Иосифу отчего-то захотелось разговорить Мамонова, узнать, что он думает о своем положении. Но это было невозможно: он был приклеен к императрице, возникал вместе с нею, с нею и исчезал. Он был лишен права на самостоятельность, ибо был игрушкой Екатерины, ее вещью, прихотью. И наверняка такое положение тяготило его, не могло не тяготить. Тем более что он был в некотором роде незауряден. Должно быть, он выжидал своего часа, еще как следует не представляя, каким он должен быть.

Если бы граф Фалькенштейн, он ж император Иосиф II, знал, что творится на душе у Мамонова, Дмитриева-Мамонова, Александра Матвеевича, отпрыска не очень древнего дворянского рода, девятого и предпоследнего о ф и ц и а л ь н о г о фаворита императрицы (сколько их было на самом деле, доподлинно неизвестно), то он был бы по меньшей мере заинтригован.

На душе у Мамонова было достаточно мутно. Тщеславие его было уже давно удовлетворено: он якобы владел первой женщиной империи, а то и всей Европы, делил с нею ложе. Но был для нее нечто вроде матраса, пуховика... И он стал все явственней замечать то, что прежде не замечал: дряблое тело своей возлюбленной, отвислый подбородок, а лучше сказать, два подбородка, морщины, дурной запах изо рта... Словом, все, что государыне удавалось скрыть от своего окружения искусным манипулированием мазями и притираниями, омовениями и массажем.

Он словно бы сидел в театре на одном и том же спектакле. И ему мало-помалу открывалась закулисная механика искусства старой женщины. Женщины, которая не желает стариться, несмотря ни на что. Ведь она уже была бабушкой.

Справедливости ради надо сказать, что Екатерина не пыталась скрыть свой истинный возраст. Но благодаря легкости характера и природной веселости она и выглядела моложе своих пятидесяти восьми лет.

Но ему-то, ему приходилось все трудней и трудней маскировать свои открытия. Как он ни старался подавить их, они возникали

непроизвольно. Ему то и дело приходилось актерствовать. Изображать страсть и желание, хотя не было ни того ни другого. Но и актерство стало даваться все с большим трудом. Покамест еще давалось, слава Господу, сил!

Он с замиранием сердца думал о том, что будет дальше. Когда он не сможет более притворяться, как по-человечески ни прекрасна его любовница. И стал исподволь, ловя благоприятные миги, выколачивать из государыни блага. Он получил генеральский чин, поместья, кавалерии. И наконец, возжеленный графский титул.

Это было воздаяние за годы унижительного заточения. А заточение было тяжким. Однажды наследник Павел в ответ на его любезность, кстати от имени императрицы, захотел отдарить его инкрустированной золотой табакеркой. Но государыня разрешила ему пойти за подарком только в сопровождении верной Марьи Саввишны. Цесаревич обиделся (!) и отказался принять его на таких условиях.

Раз Мамонова угораздило принять приглашение графа Сегюра, устраивавшего званый обед. Государыня было решительно воспротивилась, но потом разрешила. Но ее карета демонстративно дефилировала перед окнами посольства до того момента, когда Мамонов наконец понял, что пора немедленно возвращаться.

Золотая клетка... До поры до времени Мамонов дорожил ею. Вот и сейчас ему показалось, что молодой граф Кочубей зарится на нее. Он был пригож, весьма пригож и наделен прекрасными манерами. В Киеве, на одном из балов, государыня отличила его, и Мамонову показалось, что вот-вот ему прикажут освободить место.

Он пустил в ход все свое дипломатическое искусство, все обаяние, пока что действовавшее на государыню. И добился своего: Кочубей получил назначение в российское посольство в Константинополе. Это было представлено как отличие — служба в логове главного врага.

«Надобно держаться,— думал он, готовясь сжать в объятиях свою великую любовницу.— Держаться во что бы то ни стало: еще не все взято, не все получено».

Он оглядывался назад. Ланской, Зорич, Завадовский, Васильчиков, Корсаков, не говоря уж о его благодетеле Потемкине, получили куда больше, нежели он. Счет вели его тайные доброжелатели, они же намеками давали ему понять, что он еще многого может добиться: государыня щедро расплачивалась даже с отставленными фаворитами.

Еще благо, что желание государыни заметно поумерилось. Зеркало, разделявшее их ложа, подымалось все реже и реже: его повелительница изрядно уставала за день, полный движений и впечатлений, и у нее уже не доставало сил на любовные утехы. Похоже, одно присутствие Мамонова за зеркалом и сознание,

что в любой момент она может потребовать его к себе, удовлетворяли ее сполна.

Прежде она управляла разделительным зеркалом для того только, чтобы взглянуть на него и пожелать ему покойной ночи. Последнее же время и этого не было. А зеркало повиновалось только ей — так было устроено.

Что ж, он ничуть не сетовал. Внешне ведь ничего не изменилось. Государыня все так же была к нему внимательна, все так же на людях опиралась на его руку. Он продолжал быть при ней, где бы она ни находилась. И слава Богу!

Но глаза его поневоле скашивались. Особенно тогда, когда в поле зрения появлялись юные фрейлины — одна другой краше. Ему особенно приглянулась княжна Щербатова семнадцати лет от роду, во всем ярком цветении своего девичества. Ему несколько раз посчастливилось обменяться с нею красноречивыми взглядами, и он уловил нечто вроде ответных токов.

В этом девичнике государыни время от времени пасся князь Потемкин, и Мамонов всерьез опасался его мужской победительности. Но посягнет ли он на невинность? В том, что княжна Щербатова до сей поры, как это ни было трудно, сохранила девство, он почему-то не сомневался.

У нее были кроткие глаза, глаза газели. И вся она изяществом походки, всею своею тонкостью и легкостью напоминала ему газель. Вероятно, думал он, ее хранит родовитость, ограждающая пуще любой мегеры. Ведь она — завидная невеста. За нею — тысячи душ крепостных. Статочное ли дело обратить ее в метрески, в любовницы, которую можно бросить, как только она наскучит.

Он еще примеривался к Щербатовой. Пока что только мысленно. Хорошо бы, конечно, обменяться с нею записками. Но это представлялось ему опасным. А ну как она в простоте душевной представит его записку государыне...

Он не знал ни ее намерений, ни характера. А вдруг у нее уже есть жених, что было бы вполне естественно. Ах ты батюшки, до чего он беспомощен в своих желаниях, как связаны руки! Одно слово — золотая клетка. Его повелительница косится, когда он осмеливается заговорить с женщиной из ее окружения. А уж что касается женщины — об этом нечего и думать.

Меж тем думы о Щербатовой становились все навязчивей. И он жадно впивался в нее глазами при редких встречах. Она потупляла свои глаза, но и в этом невинном движении он улавливал благосклонность. Ему так хотелось.

Он был как бы меж молотом и наковальней. Его повелительница, казалось ему, более не испытывала в нем нужды: в Херсоне зеркало не поднялось ни разу. Он терялся в догадках, что было тому причиной, летние ли жары, либо утомленность государыни после дневных трудов. А может, странно сказать, опала?!

На третий день он осмелился: легонько постучал в зеркало. За ним не слышалось никакого отклика. Он постучал еще и еще. Казалось, его не слышат. Он выждал некоторое время, а затем возобновил свои попытки.

Наконец зеркало чуть приподнялось и послышался сонный голос государыни:

— Ну? Чего тебе?

Он опешил. В самом деле, чего ему? Когда у его повелительницы просыпалось желание, она тут же требовала его к себе. И сама распоряжалась им, как хотела. Он только повиновался ее командам.

— Я... Ваше величество... Не угодно ли будет...— растерянно бормотал он.

— Ладно... Иди уж,— все тем же сонным голосом отозвалась государыня. И когда он, уже возбужденный, подкатился к ней и она почувствовала прикосновение его горячей руки, осторожно легшей ей на лоно, голос ее приобрел обычную ясность:

— Только постепенно. Не торопись. Дай-ка я сначала тебя освидетельствую.

И, уже задохнувшись, поторопила:

— Иди же, иди!

СКВОЗЬ МАГИЧЕСКИЙ КРИСТАЛЛ...

В е т в ь т р и н а д ц а т а я: апрель 1453 года

Итак, четыре корабля генуэзцев с воинами и припасами прорвались в Золотой Рог, вызвав ликование осажденных.

Султан пришел в бешенство. Он приказал обезглавить Балтоглу. Если бы не капитаны его судов, засвидетельствовавшие храбрость адмирала, то он был бы казнен. Султан смиловился: приказал побить его палками и лишить всех постов и имущества.

Между тем тысячи турок были заняты прокладкой дороги. Она вела от Босфора через высокую гряду к Долине Источников, расположенной на самом берегу Золотого Рога.

Поначалу осажденные не обращали особого внимания на эти усилия турок. Их замысел до поры до времени оставался тайной. Оставался он тайной и для жителей генуэзской колонии Пера, располагавшейся на противоположном берегу Золотого Рога и формально объявившей о своем нейтралитете. На самом же деле генуэзцы под покровом ночи старались помочь своим единоверцам чем могли.

Дорога тем временем подвигалась все ближе и ближе к заливу. И когда она совсем приблизилась, стал ясен дьявольский план султана. Он приказал изготовить огромные повозки, водрузить на них суда и перетащить их в Золотой Рог.

Когда в городе поняли замысел турок, было уже поздно: турецкие корабли проникли в залив. И предотвратить эту беду не было никакой возможности.

Моряки христианских судов, стоявших на якоре в заливе, обомлели, заслышав бой барабанов и звуки флейт и увидев, как одно за другим движутся посуху турецкие корабли, влекомые упряжками быков. За этой фантастической картиной с трепетом следили осажденные со стен. Паруса были подняты, гребцы мерно двигали веслами по воздуху, словно они уже были в морской стихии.

Защитниками города овладел приступ отчаяния. Если до этого дня все их усилия были сосредоточены на обороне сухопутных стен города, которые методично разрушались осадными пушками турок, то теперь следовало отрядить значительные силы для защиты стен со стороны залива. К тому же султан приказал установить тяжелые пушки в Долине Источников, намереваясь обстреливать суда христиан.

Опасность становилась грозной. И защитники города ломали голову, как бы обезвредить турецкий флот. Выход предложил капитан галеры, венецианец Джакомо Кола. Он вызвался стать

во главе экспедиции, которая бы скрытно, ночью, подошла к турецким кораблям и подожгла их с помощью нефти и смолы. Эту операцию решено было осуществить втайне от генуэзцев Перы, где, как было известно, находилось немало турецких осведомителей.

Однако суда венецианцев не были подготовлены, и операция все откладывалась и откладывалась. Эта отсрочка оказалась роковой: турецкие агенты пронюхали о ней и сообщили туркам. И те были готовы.

В субботний день, незадолго до рассвета, два больших корабля, борта которых были обложены тюками с шерстью для защиты от ядер, и множество гребных судов поменьше с горючими материалами в полной тишине поплыли к турецкому флоту.

В это время на сторожевой башне Перы вспыхнул яркий огонь. И когда корабли христиан приблизились к турецким, прогремел пушечный залп. За ним еще и еще. Галера отважного венецианца пошла ко дну, сам он погиб.

Полтора часа длился бой. Христиане потеряли два корабля, турки — один. Погибло около ста венецианцев и генуэзцев.

Глава тринадцатая

ПАРИЖСКИЕ ТАЙНЫ

Часто задерживают у многих людей платежи: это делают чиновники, заведующие платежами, чтобы заинтересованные подносили им подарки. Для искоренения этого следовало бы поместить в указе число того дня, в который должны производиться платежи, а на случай препятствий со стороны чиновников следовало бы наложить на них пени и удваивать пеню за каждый лишний день...

Екатерина II

Г о л о с а

Туркам и французам вздумалось разбудить спящего кота... и вот кошка будет гоняться за мышами, и вы вскоре что-то увидите, и о нас заговорят, и никто не ожидает звона, который мы поднимем, и турки будут побиты, и с французами будут всюду поступать, как с ними поступили корсиканцы...

Екатерина — Чернышову

Французы теперь увлекаются мною, словно бы новой прической с пером; однако подождем немного — это скоро у них пройдет, как всякая другая мода... Русские дамы, как видно, весьма польщены вниманием и почестями, которые им оказывают в Версале; их мне испортят, и когда они возвратятся, то станут дамами с претензиями... любопытно, что мода приходит с Севера, и еще любопытней, что Север, и в особенности Россия, теперь в почете в Париже. Как! И это после того, что о нем думали, говорили и писали дурного!.. По крайней мере, следует признать, что все это никак не отличается последовательностью...

Екатерина — барону Гримму

Английские подданные находятся под защитой своих консулов... а французы брошены на произвол судьбы и несправедливости и не имеют никакой защиты.

...Большинство из них ювелиры или владельцы модных магазинов. Первые продают русским вельможам довольно бойко свои изделия, но те оставляют изделия у себя, а сами просят зайти на следующий день. Ювелир приходит, но лакеи отвечают ему, что барина нет дома. И лишь после бесконечных хождений ему высылают часть денег, но если он француз и своими просьбами об уплате надоест вельможе, тот велит сказать ему, что прикажет дать полсотни палок... Купец-де должен быть доволен тем, что ему удалось получить... А вообще русское дворянство не отличается

добропорядочностью... Даже офицеры, вплоть до полковников, не считают бесчестным вытащить у вас из кармана золотую табакерку или ваши часы... Поэтому следует останавливать французов, которые вознамерились отправиться в Россию, чтобы открыть там какое-либо дело.

Лонпре, полицейский инспектор, — маркизу де Верженну

Я вижу, что переговоры с курфюрстом баварским не подвигаются вперед из-за его нерешительности, которой, похоже, как семейной болезнью, страдает весь пфальцграфский дом: иные из них не отваживаются написать простого вежливого письма, не посоветовавшись с доброй половиной Европы. Эти предосторожности, думается мне, вызваны теми, кто... посылает в Константинополь инженеров, инструкторов, мастеров, кто мешает судам Вашего Императорского Величества выйти в море, кто советует туркам держать большую армию недалеко от Софии и кто выбивается из сил, чтобы исподтишка вооружать против нас наших врагов...

Екатерина — Иосифу II

— Вам повезло, молодой человек.— У посла был скрипучий голос и седые баки, выбивавшиеся из-под небрежно надетого парика.— Как раз сегодня его величество король делает смотр своей гвардии, и я по долгу службы должен отправиться туда и присутствовать на нем. С чем вы прибыли?

— Его сиятельство граф Александр Андреевич Безбородко доверил мне подарки министрам королевского двора.

И подпрапорщик Измайловского полка Евграф Комаровский стал перечислять, что кому предназначено: министру иностранных дел графу Монморену — перстень с огромным солитером, наследникам предшественника графа, только что скончавшегося графа Вережена, — собрание золотых российских медалей, военному министру графу Сегюру — собольи меха и фельдмаршалу маркизу де Кастри — перстень с солитером.

— А мне?

— Вам пакет его сиятельства.

Лицо Ивана Матвеевича Симолина, министра со всеми полномочиями ее императорского величества при дворе его королевского величества Людовика XVI, выразило откровенное разочарование.

— И более ничего?

Юный подпрапорщик развел руками.

— Его сиятельство уполномочил меня выразить вам его благодарность за усилия по заключению торгового трактата между обеими державами. Полагаю, в сем пакете она выражена на письме.

Симолин вскрыл пакет и впился глазами, которые он предварительно вооружил очками, в плотные листы бумаги с вензелем Екатерины.

— Так-так! Очень хорошо. Не помедлю с ответом. Откуда вы посланы?

— Из Киева, ваше высокопревосходительство. Был при свите ее императорского величества, свершающей шествие в южные пределы империи. Пришлось долго пробыть в дороге из-за путевых неурядиц. Сами знаете — грязь беспросветная, колеса вязнут по ступицу...

— Не знаю, не знаю, ибо в России давненько не довелось быть,— прошамкал Симолин,— все в службе дипломатической, без отлучки несу сию тягость.

С этими словами он позвонил. На зов явился камердинер.

— Хочу представить этого молодого человека нашему персоналу. Да позови Алексея Григорьевича, он небось в бильярдной.

— Советник Петр Алексеев сын Обрезков.

— Первый секретарь Василий Николаев сын Мошков.

— Второй секретарь Егор Петров сын Павлов,— чинно представлялись ему.

Последним не вошел, а вкатился плотный молодой человек с нездоровой желтизной на лице, сунул ему руку и скороговоркой произнес:

— Желаю здравствовать. Граф Алексей Григорьевич Бобринский, нахожусь под надзором его высокопревосходительства, так сказать, вне штата. Как? Евграф? Ха-ха-ха! Евграф будешь граф, Бог шельму метит.

Курьер с любопытством воззрился на графа, тотчас перешедшего с ним на «ты». О нем много толковали в свете. Это был сын государыни и ее первого фаворита (первого ли?), графа Григория Григорьевича Орлова, одного из пяти братьев Орловых, подсаживавших Екатерину на престол. Государыня удалила его подалее от глаз: он был беспутный малый, не делавший ей чести.

Тогда, двадцать пять лет назад, в пору самого угара их любви, когда Орловы казались ей самой надежной опорой трона, Григорий, пользуясь своей властью, настоял на том, чтобы она рожала. Так полагал он привязать ее к себе навсегда и, чего не бывает, самому стать императором всероссийским.

Но вскоре молодая государыня отрезвела. Орлов был добрый малый, не более того, прекрасный любовник, но в супруги ни по какой статье выйти не мог. Ей удалось бескровно освободиться от него, лучше сказать — откупиться. Он погоревал-погоревал и помер. А чадо, свидетель ее греха, живой и невредимый, достиг двадцати пяти годов.

Изначально он носил фамилию Шкурин и воспитывался в семье верного камердинера Екатерины Василия Григорьевича

Шкурина. Но со смертью Орлова императрица решила дать ему другую фамилию. Так появился на свет Божий новый дворянский род Бобринских, ведших свою родословную с 1762 года. Основателю этого рода были щедро жалованы поместья в Курской, Воронежской и других губерниях, дабы он ни в чем не нуждался. Разумеется, происхождение его было тайной за семью печатями, и сам он только смутно о нем догадывался, ибо посвященных было раз, два и обчелся.

В Париже Александр Бобринский, не знавший счет деньгам, вел жизнь беспутную. Дни проводил за карточным столом, вечера и ночи — в кутежах и оргиях. Для сего матушка наградила его темпераментом зажигательным и буйным. Посол его усовещивал, но без результата. Он продолжал кутить и делать долги.

Посол торопил Комаровского: надлежало ехать на королевский смотр. Была заложена парадная карета, в нее многие набились, в том числе и Александр Григорьевич Бобринский.

Равнина Саблон находилась в трех верстах от Парижа. Когда они подъехали, скопление экипажей уже было довольно плотным. Так что в самом выгодном положении оказались те дворяне, которые сопровождали их верхами. Как, например, Александр Петрович Ермолов, недавний фаворит императрицы, тоже ведущий рассеянную жизнь в Париже. Ему с высоты был превосходно виден весь плац с застывшими на нем гвардейскими полками.

На свою беду Ермолову, отличавшемуся щегольством, вздумалось надеть российский мундир инженерных войск — красный с серебром. Каков же был его конфуз, когда он увидел, что гвардейский строй был облачен... Да-да, в красные мундиры с серебряным позументом!

Меж тем он поторопился выехать поближе к строю и дал шпоры своему коню. Конь заплясал под ним и вырвался вперед.

Афронт был полный! Ермолова приняли было за командующего полками графа д'Артуа. Но все быстро разъяснилось, и незадачливый щеголь был вынужден ретироваться.

Его восхождение в спальню государыни было в значительной степени случайным: он приглянулся главной поставщице любовников для царицыной опочивальни графине Прасковье Александровне Брюс, «пробирной палатке» государыни. Ей показалось, что он, блестящий гвардейский офицер, послужит достойной заменой в Бозе усопшему Ланскому, после кончины коего императрица была безутешна.

Мужская статья Ермолова тоже была оценена графиней. Но, увы, он оказался без блеску, мужик мужиком, без должного обхождения.

— Оплошала, матушка,— казнилась графиня,— и на старуху бывает проруха. В постели-то он может...

Ермолов пробыл в случае менее года. Разумеется, за столь короткий срок, покамест искали достойную замену, он не преуспел в награждении: ему досталось менее всех его предшественников. И все же весьма и весьма немало: всего имущества на 550 000 рублей. Вот он и прожигал их в Париже, ибо, в отличие от своего младшего прославившегося братца, никакими достоинствами не обладал. Что касается стати, то она есть и у жеребца — так говорила Екатерина. После Ланского он показался несносен. Оттого государыня довольно быстро согласилась заменить его Мамоновым: этот был умен, изящен, манерен, то бишь полностью светский человек.

Посему и Иван Матвеевич Симолин с некоторым злорадством отнесся к выходке Ермолова.

— Поделом ему. Более не ползет куда не следует. Смекайте, дети мои, каково выходит боком неуместное щегольство и желание покрасоваться.— При этом он выразительно глянул в сторону графа Бобринского.

Грянул фанфарный призыв, и на зеленое поле выехал в блестящем алом с золотом мундире истинный командующий граф Шарль Филипп д'Артуа во всем блеске своих тридцати лет. Никто тогда не мог предречь, что через много-много лет он займет трон французских королей под именем Карла X.

— Родной брат короля Людовика XVI,— вполголоса произнес Симолин.

До них донеслись гортанные звуки команды, красно-серебряный строй дрогнул, колыхнулся и колонна за колонной церемониальным маршем двинулся по полю. Ах, какая это была живописная картина! Вслед за пехотой гарцевали кавалеристы: эскадрон на белых конях, другой — на вороных, третий — на гнедых, четвертый — на соловых, на чалых, на игреневых...

Снова слышалась команда, и строй развернулся. Вскоре он возвратился на исходное место. Прогремел пушечный залп, колонны застыли. Лишь ветер колыхнул плюмажи на их киверах.

На поле выехала золоченая карета на высоких колесах, стекла ее были опущены. Его величество король Людовик XVI и королева Мария-Антуанетта катили вдоль строя. Королева делала ручкой, король выставил ладонь. Их величества принимали парад, не выходя из кареты.

— Боятся, што ль? — буркнул Бобринский.— Экое непотребство!

Симолин погрозил ему пальцем:

— Нехорошо критиковать поведение их величеств, даже скверно-с. У них свои виды-с.

— При вас могу,— отвечал Бобринский.— Полагаю, вы не донесете. Да если и донесете, кой прок от сего будет?!

Он был смел на язык, как видно, понимая свою неуязвимость. Посол смолчал. Он не любил никаких конфликтов, а ежели они возникали, старался тотчас погасить их. Иван Матвеевич был справный исполнительный чиновник, никогда не выходивший из высшей воли. Он действовал строго на основании инструкций своего патрона графа Безбородко, не осмеливаясь на отсебятину. Да и как можно, думал он, в сношениях государей сметь свои суждения иметь.

Он был ревностный служака на дипломатическом поприще, а посему устраивал Петербург и пребывал безвыездно на своем месте вот уже который год. В пакете, который привез Комаровский, содержались очередные инструкции Безбородко и его послание новому министру иностранных дел графу Монморену. Были там письма нынешнего посла короля графа Сегюра своему патрону и дяде — военному министру.

Отношения между российским и французским дворами были давно натянуты. Версаль покровительствовал туркам и исподволь старался умалить Россию. Торговый договор, только что подписанный обеими сторонами, мог лишь незначительно сгладить противоречия. Однако Симолин не мог пожаловаться на недостаток внимания к нему и вообще к русским аристократам, пребывающим в Париже. В ту пору там находились княгиня Наталья Петровна Голицына со всем семейством, камергер ее величества Василий Никитич Зиновьев, известный мистик и масон Родион Александрович Кошелев с супругой и другие лица, о коих уже упомянуто. Все они были с радостью принимаемы в свете и при дворе. Более того, Северная Семирамида, с царственной щедростью покровительствовавшая Вольтеру и Дидро, ведшая регулярную переписку с бароном Гриммом, с аббатом Галиани, вошла в необыкновенную моду. И это несмотря на ставшие достоянием общества ее антифранцузские высказывания.

Обо всем этом Иван Матвеевич докладывал по начальству в своих немногословных донесениях. В них были только факты и ничего более, он почитал неуместным разбавлять их своими комментариями.

Сейчас ему поручалось в осторожных выражениях прощупать возможность дальнейшего сближения с Версальским кабинетом в интересах обеих держав. Александр Андреевич Безбородко доверительно сообщал ему, что государыня переменилась в своем отношении к Франции, что он приписывал влиянию посла Сегюра, и жалуется благосклонным вниманием королевскую чету. Турки-де — ненадежные союзники и торговые партнеры, кроме всего прочего, такая близость врагов креста и Христа с христианнейшей монархией сама по себе противостоит естеству. Обо всем этом он должен говорить при своем свидании с графом Монмореном, равно и с его величеством королем. Важно ослабить связь Франции

с турками, елико возможно, и он, Симолин, призван добиваться этого. В письме Александр Андреевич глухо говорил о возможности войны и о том, что Францию надо предостеречь от активного вмешательства в нее.

Война! О ней давно поговаривали здесь, в Париже. Ясное дело с кем — с турками. Известен здесь был и Греческий проект князя Потемкина, весьма поддерживаемый императрицей. В общих чертах, разумеется, в слухах, ибо никаких официальных подтверждений ему быть не могло. Но слухи были достаточно пугающими. Россия и Австрия раздуются до чудовищных размеров и станут угрозой для всей Европы...

Франция не могла этого допустить. Не из неприязни к российскому двору, а из политических видов, исключительно из них. Иван Матвеевич понимал это. Но что он мог? Всего лишь чиновник, исполнитель высоких и высочайших предначертаний, только и исключительно исполнитель.

Признаться, он с величайшей неохотой испрашивал аудиенции, будь то у министров его величества короля, будь то у самого Людовика. То был для него нож острый. Он вообще предпочитал отсиживаться у себя дома, выталкивая вперед для исполнения дипломатических обязанностей чиновников посольства. Лишь в самых крайних случаях напяливал он мундир и с горестною миной отправлялся в Версаль.

Так было и на этот раз: письмо Безбородко обязывало. Кроме того, ему предстояло вручить презенты, доставленные восемнадцатилетним курьером Евграфом Комаровским, по назначению.

Прежде он обстоятельно расспросил юношу о том, нет ли перемен в придворной иерархии, кто как, кто с кем, кто кого и кто кому. Комаровский был словоохотлив и отвечал подробно, сколь был посвящен.

Фаворитом ее величества оставался по-прежнему его крестный отец Александр Матвеевич Мамонов. Но как он ни добивался встречи с ним, сетовал юноша, он так и не отозвался на просьбу крестника. Князь Потемкин все так же в великой силе, и государыня советуется с ним прежде других по всякому делу. Безбородко — второй человек в ее свите, да, да. Он вызывает всеобщее восхищение и удивление своею памятью и своими познаниями по политической части.

— А как они с князем? — осторожно спросил Симолин. — Ладят ли?

Тут пришел черед Комаровскому осторожничать. Ладят ли? Похоже, светлейший относится к его патрону без какой-либо ревности, он его ценит, хотя государыня порою со смешком говорит, что Александр Андреевич-де на все способен, но ленив. Его любимое занятие — сон.

— Живут дружно, — наконец отвечивал он.

— Ну и слава Богу.— Казалось, Симолин только этого и дожидался.— Стало быть, нету среди персон никаких тренировок?

— Кажись, нет, ваше высокопревосходительство.

— Ну и хорошо, ну и ладно. Теперь я со спокойным сердцем могу испрашивать аудиенции у персон здешних,— со вздохом молвил он.

И, облачившись в мундир, отправился прежде всего к министру графу Монморену, прижимая к груди коробочку с драгоценным перстнем, который, похоже, стоил не менее тысячи золотых ливров.

Граф принял его без проволочек. Рассыпаясь в благодарностях, он принял перстень и послание, подвинул Симолину кресло, просил садиться и чувствовать себя свободно, пока он прочтет письмо любезного и высокочтимого министра Безбородко. Впрочем, фамилия графа давалась ему с трудом, она плохо укладывалась в ложе французского языка.

Прочитав, он отложил бумагу и, почесавши переносицу, спросил Симолина о здоровье его лично, государыни его, князя Потемкина, который, по слухам, подвержен некоему загадочному заболеванию, нечто вроде английского сплина.

— По-русски это называется хандра,— заметил Иван Матвеевич.— Упадок духа.

— Ха-ха-ха, как смешно! — почему-то обрадовался Монморен.— Хан-дра! — со свистом вырвалось у него изо рта.— Что ж, пожелаем князю избавиться от этой самой хан-дры, ибо такому выдающемуся государственному мужу такая хан-дра совершенно ни к чему. Что же касается сближения наших держав, то оно возможно и даже необходимо. Однако при одном условии: если ваша, без сомнения, великая монархиня откажется от своих воинственных планов, от притязаний на раздел Турецкой империи. Ведь такие притязания есть не что иное, как желание перекроить мир. Его величество, мой повелитель, которому в свое время были доложены планы вашей государыни и князя Потемкина, отнесся к ним резко отрицательно. И доселе не изменил своего мнения, хоть и смягчил его. Вот в таком смысле я и отпишу вашему патрону и моему милостивому коллеге. Да, именно коллеге. Полагаю, я смогу отправить мой ответ и мою благодарность с вашим курьером? Как скоро он возвратится?

— Должен вас огорчить, граф. Он пробудет здесь еще довольно долго.

— Ну что ж, дело, как я понимаю, не спешное, можно и подождать.

— Я хотел бы испросить аудиенцию у его величества короля,— вялыми губами исторг Симолин.— Мне поручено передать...

— О, его величество охотно примет вас,— подхватил Монморен.— Но можете мне поверить: я достаточно хорошо знаю его

взгляд на политику европейских держав — изложил ее в беседе с вами, личная встреча ровно ничего не изменит. Я доложу королю о вашем желании, — торопливо прибавил он, — и сообщу вам.

— Высокая воля... Мне поручено, — пробормотал Иван Матвеевич. Ему вовсе не хотелось предстать перед Людовиком, он прекрасно понимал, что это ничего не изменит, и Монморен был совершенно прав. Но что делать, что делать. Он всего лишь невольник...

Аудиенции пришлось дожидаться две недели: король был занят неведомыми делами, ибо дела монархов всегда неведомы и простые смертные представить их себе никак не могут. Симолин же был рад отсрочке, ему никак не хотелось снова влезать в мундир, ставший ему тесным, ибо за годы своего дипломатического поприща он успел располнеть, а мундир остался все тот же и заказывать новый он не собирался, почитая это за лишний расход. Тем более что старый, надевавшийся им редко и только в торжественных случаях, выглядел еще весьма прилично, на нем не было ни одной потертости.

Наконец граф Монморен счел нужным лично навестить его и сообщил о времени королевской аудиенции. Ах ты, Боже мой, надо собираться!

— Парик, парик растрепался, матушка, — торопил он супругу. — Причеши его и припудри. Со мною поедет Петр Алексеевич Обрезков да юный Комаровский. Впрочем, не знаю, допустят ли его до лицезрения особы его королевского величества, но попытаюсь доставить ему таковой случай. Эвон сколько пришлось бедняге испытать в дороге. Похоже, он благодетельный малый. Крестный-то у него какой важный — ближнее лицо государыни, Мамонов. Однако отказался допустить до себя крестника своего. Ахти мне!

— На короткой узде держит его государыня, — прозорливо заметила супруга, — вот и не допустил.

— Небось. — И Иван Матвеевич боком пролез в дверь. Карета была уже подана, выездные лакеи взошли на свои места, Обрезков его дождался.

— С Богом, — сказал Иван Матвеевич и перекрестился. Возрос он в вере лютеранской, ибо был сыном пастора-шведа из Ревеля, но пришлось принять православие, и он ревностно, как исполнительный чиновник, соблюдал все положенные обряды.

Король-солнце Людовик XIV построил Версаль в пятнадцати верстах от Парижа со всем тем великолепием, которое было так свойственно его царствованию. С тех пор он стал обиталищем королей Франции.

Всякий раз, когда Ивану Матвеевичу приходилось бывать в королевских дворцах по долгу службы, он чувствовал себя подавленным. Все в Версале было грандиозно: главный дворец, в

лощенных переходах которого можно было потерять голову среди тамошнего великолепия, парк с его мраморными статуями и блистающими фонтанами, аллеями и благоухающими цветниками, утомляющими взор и обоняние, где можно было часами блуждать и наконец заблудиться, дворцы Большой и Малый Трианон — верх изящества...

— Что делать, что делать,— бормотал Иван Матвеевич, пока карета тащилась по пыльной дороге парижских предместий,— я обязан доложить о свидании с королем, выслушать его суждения, кои мне заранее известны. Однако ж я не волен в своих желаниях...

Он покосился на своих спутников. Оба дремали, привалясь к подушкам, убаюканные мерным покачиванием. Юный Комаровский, как видно, набирается впечатлений за день, устает и не высыпается. А Обрезков-то... Он ведет жизнь покойную, хотя и любит бывать на балах и приемах, кои случаются здесь чуть ли не всякий день.

Наконец они подкатили к воротам с бронзовыми львами, широко разинувшими пасти. Герольдмейстер возгласил:

— Полномочный министр ее величества императрицы России Катрин!

Ворота медленно распахнулись. Карета въехала во двор. Парадное крыльцо охраняли гвардейцы короля. Они походили на раскрашенные статуи.

К ним долго никто не подходил. Наконец появился обер-камергер. Он осведомился, кто жалует к особе его величества, сверился с какой-то бумагой и произнес:

— Господа Симолин и Обрезков, прошу пройти со мною.

— Нельзя ли допустить и нашего секретаря? — заикнулся было Иван Матвеевич, но, услышав суровое «нет», развел руками. Бедняга Комаровский принужден был остаться в карете. А ему так хотелось лицезреть особу короля Франции, дабы потом похвастать перед своими близкими и знакомыми. Ему еще предстоит узнать, что в монарших дворцах существует строгий церемониал.

Меж тем наши дипломаты шествовали по роскошной анфиладе дворцовых зал необычайной протяженности. Их шаги гулко отдавались под сводами. Пол был навощен, и на его гладкой поверхности отражались их фигуры. Шествие возглавил обер-церемониймейстер, сменивший камергера. Подходя к каждой двери, он звучно возглашал:

— Министры ее императорского величества Катрин!

И дверь словно сама собою распахивалась.

У дверей королевского кабинета застыли гвардейцы с обнаженными шпагами.

— Обождите,— сказал царедворец. Прошло несколько томительных минут в мертвенной тишине, прерываемой лишь хриплым

дыханием Ивана Матвеевича. Наконец обер-церемониймейстер воззвал:

— Его величество король Франции ожидает вас.

Король сидел за столом. При их появлении он встал, ответил наклоном головы на низкий поклон и жестом пригласил садиться. У него был усталый вид, желтое лицо, красные набрякшие веки, глаза глядели как-то поверх.

— Я рад приветствовать посланцев великой императрицы,— проговорил он бесцветным голосом,— и надеюсь, что она пребывает в добром здравии. Мое искреннее желание быть с ней в вечной дружбе и приязни. Однако я не могу понять, зачем ей понадобилось предпринимать столь дальнее путешествие, в особенности же к южным границам империи. Это значит дразнить гусей, то есть турок. Они усматривают в этом недружественный выпад, и я могу их понять.

— Осмелюсь возразить вам, ваше королевское величество,— нерешительно начал Симолин.— Моя повелительница предприняла это путешествие исключительно с целью знакомства с новоприобретенными землями...

— Вот-вот,— перебил его король,— это и означает дразнить гусей. Ведь эти земли были отвоеваны у Оттоманской империи, а Крым вообще захвачен несправедливым образом.

— Позвольте возразить, ваше величество: Крым изначально не принадлежал Оттоманской империи, а был всего лишь под ее единоверным влиянием. И согласно договору, скрепленному высокими подписями, был уступлен России последним ханом Шахин-Гиреем и таким образом подпал под протекторат нашей державы.— Симолин говорил, все более воодушевляясь.

— Не знаю, не знаю.— В голосе короля слышалось легкое неудовольствие.— Во всяком случае, турки так не думают и сильно раздражены. Я их понимаю. И хотел бы предостеречь ее величество от подобных шагов. Они могут вызвать непредсказуемую реакцию противостоящей стороны. Легко понять, во что это выльется. Словом, я против необдуманных, а порою и легкомысленных шагов и прошу довести это до сведения ее императорского величества. Нам всем надо думать о мире, а не о войне,— многозначительно добавил он.

— Вполне с вами согласен, ваше величество. Я сделаю все, чтобы моя государыня в точности и полноте уведала ваши суждения.

— Низы охватило брожение,— неожиданно выговорил король.— Франция теряет спокойствие, да. Можете сообщить об этом вашей государыне. Я не хочу ничего скрывать от нее и надеюсь на взаимность...

Симолин и Обрезков со все нарастающим удивлением слушали нечто вроде королевской исповеди, излагавшейся с простодушной доверительностью.

— Я надеялся, что такие финансовые волки, как Тюрго и Неккер, помогут мне избавиться от стомиллионного дефицита, но ни у того, ни у другого ничего не вышло. Крестьяне восстают против налогов, но мы вынуждены их увеличить, иначе не свести концы с концами.— Он пожевал губами и добавил: — А они так и не сводятся. Говорят, что мой двор роскошествует, пожирая большую часть доходов государства. Но не могу же я себя ограничивать, равно и умаливать придворных! Все королевские дворы живут роскошно, в том числе и двор вашей государыни.

Симолин и Обрезков молчали. Да, государыня ни в чем себя не ограничивает, двор пожирает множество денег, расходы на фаворитов превышают все мыслимые размеры. Выходят из положения, печатая ассигнации — ничего не стоящие бумажки.

— Я же люблю охоту и слесарное ремесло,— с прежним простодушием продолжал король.— Вы пробовали когда-нибудь смастерить замок? Простой замок? Или выточить на токарном станке что-нибудь из бронзы? Говорят, ваш царь Петр Великий любил токарить. Ах, как я его понимаю! — Он снова пожевал губами и затем неожиданно произнес: — Благодарю вас, господа. Вы свободны.

Садясь в карету, оба вздохнули и переглянулись: все, что они слышали, было так неожиданно и совсем не по-королевски, что всю обратную дорогу оба провели в молчании.

Юный Комаровский не осмеливался приставать с расспросами. Через несколько дней Симолин вручил ему депеши для Безбородко и Потемкина, а также письмо барона Гримма, адресованное государыне. Была и драгоценная посылочка: несколько античных гемм из кабинета герцога Орлеанского. Барон закупил их по просьбе Екатерины, и предназначались они для государственного Эрмитажа.

Граф Бобринский тщетно добивался его общества: ему нужны были собутельники и игроки его возраста. «Евграф будешь граф», — поддразнивал он Комаровского. И, видя напрасность своих попыток, сочинил другое: «В штанах будешь монах!»

Обрезков увязался ехать с ним в Россию. Но за ним охотились кредиторы, и он тщательно скрывал ото всех свое намерение. Наконец он сел в наемный фиакр и под чужим именем выехал из Парижа.

Далеко за заставой он отпустил фиакр и пересел в экипаж Комаровского. Дорога была свободна!

Однако куда держать путь? Вслед за кортежем государыни или в Петербург?

— Положимся на волю Божию,— сказал Обрезков.

Так и сделали.

СКВОЗЬ МАГИЧЕСКИЙ КРИСТАЛЛ...

В е т в ь ч е т ы р н а д ц а т а я: апрель 1453 года

Итак, когда корабли турок скатились посуху в Золотой Рог, он перестал принадлежать грекам, хотя их суда все еще продолжали охранять заградительную цель. Однако она потеряла свое значение.

И тогда султан повелел построить понтонный мост через залив. На его сооружение пошли бочки, многие сотни бочек. Их связывали попарно, а сверху укладывали настил из бревен и досок. Этот мост мог выдержать движение конной пехоты, а также тяжелых повозок с пушками. Для пушек были устроены и плавучие платформы, которые крепились к мосту. Так под угрозой оказалась стена, выходящая на Золотой Рог.

Но султан не торопился приступить к штурму. Он надеялся взять осажденных измором. Его пушки продолжали день за днем разрушать стену. Осажденные вынуждены были трудиться всю ночь, чтобы заделывать бреши. Это была нелегкая работа. Вдобавок мало-помалу иссякали запасы материалов, годных для этой цели.

Все подходило к концу в осажденном городе: ядра, порох, свинец. И все острее и острее чувствовался недостаток в провианте.

Император Константин был всерьез встревожен. Он приказал взять на учет все припасы и весь немногочисленный скот и учредил особый комитет, который следил за справедливым распределением продовольствия.

Хотя был разгар весны, но многочисленные сады и огороды оставались бесплодны в это время года. Рыбаки выходили в море с опаской — не ровен час, схватят турки. Призрак голода навис над Константинополем, и это более всего, более, чем недостаток в боеприпасах, тревожило императора.

А что же Венеция? Что Генуя? Что Римский Папа? Они все медлили и медлили, все откладывали посылку судов. Венецианский сенат получил призыв о помощи еще 19 февраля. Но все тянул и тянул время в бесплодных словопрениях.

Наконец адмирал Альвизо Лонго получил приказ к отплытию флота — это было лишь 13 апреля. Он должен был бросить якорь у острова Тенедос и оставаться там целый месяц, наблюдая за маневрами турецкого флота. И только когда на соединение с ним придут корабли под командой генерал-капитана Толедано, продолжить путь к Дарданеллам.

В Константинополе ничего об этом не знали. Там жили надеждой на скорую помощь единоверцев. И верой в Промысел Божий. Небесные покровители города не дадут ему погибнуть, нет!

Каждый день над Константинополем несся благовест, сзывая медными голосами на молитву. Архиепископ Леонард, генуэзец по рождению, служил молебны в храме Святой Софии.

— Господи, — взывал он. — Пощади нас в праведном гневе Твоем и избавь от рук врагов Христова имени. Ты видишь, какую мы терпим нужду и какой урон. Пошли же нам скорейшую помощь христолюбивого воинства! И не допусти гибели христианских кораблей, и приведи их сюда, наполненными всяким припасом.

И все молились вместе с ним и ждали облегчения себе и своим близким, и воинам, обороняющим стены великого города, оплот истинной веры.

И собрал император Константин совет вождей. И стали они ему говорить: владыка, тебе надлежит побыстрее покинуть город, ибо здесь ты подвергаешься смертельной опасности. Ты соберешь военные силы христиан и вернешься с ними под стены.

— Нет! — ответил император. — Я призван разделить с вами опасность!

Глава четырнадцатая

ПОДВИГ НЕОБЫКНОВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Уважение общества не есть следствие видной должности или видного места; слабость иного лица унижает место точно так же, как достоинство другого облагораживает его, и никто, без исключения, не бывает вне пересудов, презрения или уважения общества.

Екатерина II

Г о л о с а

От самого Херсона мы везде встречали жилища среди степей, очаровательные своим азиатским великолепием. Я не знал более, где и в каком веке нахожусь. Когда вижу воздымающиеся и словно бы движущиеся горы, то думаю, что это призраки; на поверку оказывается, что это движутся табуны верблюдов.

Не эти ли звери, сказал я сам себе, несли трех владык в их славном паломничестве в Вифлеем?.. При каждой встрече с юными татарскими князьями, в серебре и на конях блистательной белизны, думаю: не во сне ли вижу? Когда вижу их, вооруженных луками и стрелами, то переношусь в древние времена Кира...

Принц де Линь — сестре

Мы так привыкли к тому, что Россия бросается в самые рискованные предприятия и счастье при этом неизменно помогает ей, что вычислить будущие действия этой державы в свете правил дипломатических и политических решительно невозможно.

Граф Сегюр — министру Монморену

Я могу доказать твердо обоснованными доводами, что с 1695 года, когда Петр Великий впервые осадил Азов, и до его последнего часа в 1725 году, на протяжении тридцати лет его царствования, главным его намерением и желанием было отвоевать Константинополь, изгнать басурман, турок и татар, из Европы и возродить таким образом Византийскую монархию.

Фельдмаршал Миних — Екатерине

...Все вижу и слышу, хотя и не бегаю, как император. Он много читал и имеет сведения; но, будучи строг против самого себя, требует от всех неутомимости и невозможного совершенства; не знает русской пословицы: мешать дело с бездельем; двух бунтов сам был причиною. Тяжел в разговорах...

Из Дневника Храповицкого — запись высказывания Екатерины

Наверное, у русской императрицы и ее приближенных вскружилась голова. Она только и мечтает, говорит и думает о том, чтобы захватить Константинополь. Этот бред приводит ее к уверенности, что ее ничтожная эскадра (кое-как вооруженный флот...) наведет ужас на столицу Оттоманской империи, что стоит только ее войскам появиться, как турки обратятся в бегство... что все поработанные греки только и ждут ее помощи, чтобы восстать, и что все эти действия в их совокупности должны в будущем году раздавить турецкого султана и его империю, которой Екатерина в своем воображении уже распоряжается как своей собственной. Я не стану доказывать вам всю нелепость этих мечтаний, по которым можно судить, как не правы те, кто приписывал этой государыне обширные таланты... по нескольким остроумным фразам, по ее ловкому уму, способности к интриге... и ее счастливой звезде...

Сабатье де Кабр, французский дипломат, — герцогу Шуазелю

— Ну что, граф, вы не раскаиваетесь?

— Вы о чем, ваше величество? — наклонив голову, спросил Сегюр.

— В том, что сопровождаете меня в этой поездке, лучше сказать, в этом путешествии?

— Помилуйте, ваше величество, могу ли я раскаиваться в том, что имел честь сопровождать вас! Это была бы величайшая глупость с моей стороны. Благодарность моя безмерна. Я своими глазами увидел подвиг необыкновенной деятельности князя Потемкина.

— Хорошо сказано, граф. А ведь в свете его считают лентяем. — Екатерина была довольна. — Да, да, лентяем. Один из моих воспитанников, не стану называть его имени, с жаром уговаривал меня не вкладывать деньги в новоприобретенные области, так как это будет неразумною тратой, которая обогатит одного лишь князя. А чего его обогащать — он и так достаточно богат. И этот человек был представлен мне князем — такова черная неблагодарность!

Разговор этот происходил в карете государыни, медленно катившейся в сторону Перекопа. Лицо Потемкина оставалось непроницаемым, император слушал с видимым интересом.

— И что же было дальше? — поинтересовался Сегюр.

— Русские говорят: и на старуху бывает проруха. — Последние слова Екатерина со вкусом произнесла по-русски. — Я перевожу очень приблизительно. Так вот, я была склонна прислушиваться к суждениям этого клеветника, став той самой старухой. Но потом мало-помалу прозрела...

— А клеветник,— спросил Иосиф,— приближенный, как я понял, к вашей особе?

Потемкин, молчавший дотоле, неожиданно произнес:

— А государыня с обычной своей незлобивостью и щедростью изволила отпустить его от себя, даровав ему четыре тысячи душ и сто двадцать тыщ довольствия для вояжа за границу.

Речь шла о Ермолове. Потемкин и Перекусихина знали, Сегюр догадывался, а Иосиф остался в неведении.

— Этот клеветник убеждал меня, что татар невозможно приручить, что они так и останутся дикими и будут вредить, сколь в силах. Однако князь блистательно опроверг его домыслы.

— Как вам удалось, князь? — обратился к нему Иосиф.— Говоря о том, что вы совершили подвиг необыкновенной деятельности, граф Сегюр, как я понимаю, имел в виду то, как вам удалось оживить эти пустынные земли, воздвигнуть города, такие, как Херсон и Екатеринослав. А что ваши новые подданные — татары? Они смирились с властью русских?

— Смею думать, что смирились,— отвечал Потемкин.— Я ведь начал с чего? С того, что даровал их мирзам и тайшам дворянские привилегии, всячески их обласкал, оставил в силе всех их чиновников, духовных и светских, всех мулл, кади и имамов, ничего не изменил в их правлении. А когда иные стали проситься к единоверцам в Турцию, я сказал: сделайте милость, скатертью дорога. И ручей этот быстро иссяк. Опять же поощрил создание местного войска...

— Кстати, а какова участь хана Шахин-Гирея? — Сегюр выжидательно глянул на Потемкина, полагая, что наступил на его мозоль.

— Он жил в почете и холе, хотя и вздумал жаловаться на меня государыне. Но как волка ни корми, он все в лес смотрит: хан стал проситься у государыни на волю. И ее величество по сродной ей доброте разрешила ему из Калуги, где он последнее время пребывал, возвратиться к своим единоверцам-туркам. Думаю, они его не ласкою встретили.

— А вы не знаете, какова его судьба?

Потемкин пожал плечами:

— Рано или поздно известимся. Обещаю, граф, сообщить вам. Однако ваши турецкие конфиденты не преминут отписать вам о нем.

— Опять вы корите меня моими турецкими друзьями,— вскинулся Сегюр.— Нет у меня там никаких друзей, а тем паче конфидентов, кроме нашего посла графа Шуазеля. С ним мне приходится переписываться по долгу службы.

Потемкин промолчал. Содержание переписки обоих послов было ему хорошо известно — все письма перлюстрировались, а

иной раз с них снимались копии. Некоторыми из них он располагал.

Это было полезное знание, несмотря на то что Потемкин располагал обширной сетью своих агентов как в Крыму, так и в Турции. Из их донесений он вывел, что турки хотят и боятся войны. Впрочем, он прекрасно понимал, что война неизбежна.

«Отодвинуть бы ее года на три, хотя бы на три,— думал он.— Я успел бы хорошо подготовиться». При всем при том он критически относился к готовности России вести победоносную войну. Армия была слабо вооружена, Черноморский флот все еще строился, а на него возлагалась главная надежда. В центральных губерниях был недород, и потому предвиделся недостаток провианта.

Однако, судя по всему, что было ему доложено, прыщ назрел и должен вот-вот лопнуть.

«Странно,— думал он,— и мы и турки боимся, однако избежать столкновения никак не можем. Почему бы это? Никто не желает уступать? Попятиться бы деликатным образом... Государственный интерес того требует...»

Но пятиться никто не желал и не думал. Греческий проект переполнял кровь и бился во всех жилах. Он стал делом его жизни. Все делалось во имя него, все решительно. Потемкин желал оставить свое имя в истории, как творец Греческого проекта — более всего. В грезах своих он видел себя в Константинополе, среди христианских святынь, российские флаги, полощущиеся на минаретах Святой Софии, коронавание Константина...

Действительность была далека. В окна кареты бился духмяный степной ветер. Разговор увял. Кто подремывал, а кто погрузился в свои мысли. Их сопровождали одинокие деревья, машущие ветвями вслед, тяжелые дрофы, лениво взлетающие при приближении карет, и, конечно, эскорт всадников, время от времени переменявшийся.

Картина была однообразна на десятки верст. И все же в этом однообразии была своя приманчивость. Здешняя земля, не знавшая плуга веками, уже кое-где была распахана и засеяна. Это сделали ее новые хозяева — колонисты.

Вот показался хуторок с оградой из слег, ограждавший разве что от диких табунов, да и то достаточно призрачно, с колодцем, напоминавшим диковинную цаплю. Возле беленого домика, понулив головы, дремала запряжка волов, беспорточные ребятишки, завидев диковинный кортеж, бежали навстречу...

— Жизнь пришла на сии дикие земли,— растроганно произнесла государыня и, выглянув из окошка, помахала им.— Одарить бы их сладостями, но такое не предусмотрели,— огорченно добавила она

— Само ваше явление есть праздник для тех, кто имел счастье лицезреть вас, мадам,— галантно заметил Иосиф.

— О, да вы говорите как искусный царедворец,— со смехом отозвалась Екатерина.

— Чему не выучишься за долгие годы во дворце, где иной раз можно помереть со скуки.

— Многие венценосцы находили себе разнообразные занятия...

— Вы тотчас приведете мне в пример Великого Петра,— поспешно выговорил император.— Знаю-знаю, он приказывал возить за собою токарный станок...

— А еще он был корабельщиком, плотником...

— Ловко орудовал топором,— вставил Иосиф.— Рубил головы...

— Что ж, и это надо уметь,— ничуть не смутилась Екатерина.— Обстоятельства принуждают государей к жестокости, разве не так?

— А вы, мадам, вы были жестоки?

— Наша государыня — образец доброты и кротости,— вмешался Потемкин.— Равно как и ее предшественница Елисавет Петровна, дочь Великого Петра.

— Могу только сказать, что я приказывала отвечать жесткостью на жестокость. Как в случае с самозванцем Пугачом, который предал лютой казни тысячи дворян, по большей части безвинных. Но я не мстительна, нет.

— Неужели вас нельзя ожесточить? — допытывался Иосиф.

— Огорчить, расстроить — да, ожесточить — вряд ли. Не могу вспомнить, чтобы я когда-нибудь была ожесточена.

— О, мадам, вы само совершенство. Я же бываю вспыльчив и в таком состоянии могу прийти в ожесточение,— признался император.

— А я полагала, что вы образец кротости.

— Кроткий монарх в мире жестокости... Помилуйте, мадам. Это противоестественно. И когда князь назвал вас кроткой правительницей, я усомнился. Простите меня, мадам, но я не поверил.

— Я прощаю вас, ибо снисходительна, и это все знают,— добродушно отозвалась Екатерина.— И тем не менее кротость есть одна из моих черт, нравится вам это или нет.

— Нравится,— поспешил заверить ее император.

— В таком случае давайте переменим тему. Что вы скажете, каков Херсон?

Император воздел руки ввысь. Этот жест, по-видимому, означал удивление либо восхищение.

— Вам нужны слова? Но они были произнесены здесь графом Сегюром. Совершить такое за каких-нибудь шесть лет можно только с помощью чуда.— И, оборотясь к Потемкину, добавил: — Не примите это за комплимент, князь, ибо я вообще-то никогда

не делаю комплиментов. Разве что прекрасным дамам, к которым отношу и вас, мадам,— отнесся он к Екатерине.

— Вас, ваше величество, ждут еще многие чудеса,— заверил его Потемкин,— ибо мы находимся в преддверии Тавриды, которая сама по себе есть чудо из чудес, жемчужина, вправленная в корону России.

— Более всего трудами князя,— наклонила голову Екатерина.— И мы отметим их присовокуплением к титулу князя поименования Таврический. Князь Потемкин-Таврический...

— Светлейший князь,— поспешил поправить Сегюр.

— Само собою. По прибытии в Севастополь мы обнародуем указ. Доволен ли ты, князь?

— Доволен — не то слово, матушка-государыня. Счастлив тебе служить, дабы умножить славу и могущество России.

Карета ее величества выехала на берег Днепра. И встала. Ее стал обтекать поток карет, возков, телег — огромный государынин табор. Он привел в смятение все живое в этих почти безлюдных местах. Такого столпотворения — людского и конского — здесь не видывали. «Не война ли началась?» — с опаской думали редкие хуторяне, чье любопытство было возбуждено, но чувство самосохранения держало их подалее.

Широка была здесь река, острова и островки мал мала меньше разлеглись по течению эдакой флотилией. Самый большой, с важной растительностью, назывался Тавань. И утром, когда лагерь стал просыпаться, когда стали снимать шатры и палатки и впрягать только что стреноженных лошадей, готовясь к долгой и трудной переправе, государыня с императором и со свитой уселись в вызолоченную шлюпку, и гребцы налегли на весла.

Река степенно текла в зеленых берегах. Она была живая: утки, цапли, лебеди и другие водоплавающие птицы шныряли в прибрежных зарослях, лодочками качались на волнах, влекомые течением, либо на упругих крыльях проносились над головами.

— Какая здесь охота! — восхитился принц де Линь.

— Да уж. А в плавнях — кабаны,— подтвердил Потемкин.— Да и рыбакам раздолье.

Словно бы желая подтвердить эти слова, большая рыба, блеснув на солнце чешуей, выпрыгнула из воды почти у самого борта лодки.

— Какое богатство жизни! — проговорил император, оглядываясь вокруг.— Это поистине заповедные края. И какая живописность.

Государыня была довольна. В отдалении на воде колыхалась армада судов и плотов. Карета ее величества высилась на одном из них, как большой дом на колесах.

— Хотелось бы погулять по этому острову,— сказала Екатерина, когда шлюпка поравнялась с его оконечностью.— Он, верно, необитаем.

— Как знать, матушка-государыня,— недовольно сморщился Потемкин,— людей-то там нет, но зверье может быть. Сказывали мне, что кабаны на сих островах устраивают свои лежки, еще когда Днепр окован льдом. Лучше объехать его для обозрения.

Так и сделали. Меж тем на противоположном берегу табунился народ, несомненно в ожидании.

— Кто там, князь? — с некоторым сомнением в голосе спросила Екатерина.

Потемкин уверенно отвечал:

— Должно быть, правитель Таврической области Каховский со своими чиновниками да ногайскими тайшами. Встречают.

— Ну ты и шустр, князь,— удовлетворенно протянула Екатерина.— И успели ведь прознать!

— А как же! Праздник величайший есть явление государыни, и все народы текут ему навстречу,— самодовольно отвечал Потемкин.— Мне же надлежит быть распорядительным и все предусмотреть.

В самом деле, повторилось обычное: едва шлюпка пристала к берегу, как тотчас загремела музыка, воздух сотрясали пушечные выстрелы и приветственные клики.

Василий Каховский, действительный статский советник, склонился пред государыней и подошел к ручке. За ним представлялись чиновники. И последним — Махмут-бей, предводитель ногайцев. Его конная орда гарцевала на берегу, готовясь продефилировать перед высокими особами.

Они представляли собою живописное зрелище: в национальных одеждах, с копьями и луками; сбруя многих была украшена серебряными бляхами.

— Господин Каховский, что вы скажете о сих азиатцах? — обратилась Екатерина к правителю Таврической области, не очень доброжелательно косясь на полудиких всадников с раскосыми глазами и выдающимися скулами на полудиких же коньках.

— Если позволите, ваше императорское величество,— отвечал Каховский, краснея от волнения, а может, и от предварительного укрепительного возлияния,— сии ногайцы есть потомки монголов Чингисхана, задержавшихся в сей степи. Их предводителем был внук Чингисхана именем Ногай, весьма воинственный и кровожадный. Таковые качества унаследовало и это племя. Однако же оно добровольно покорилося скипетру вашего императорского величества. В случае открытия военных действий они могут составить вспомогательное войско.

— Беспременно переметнутся к единовѣрным туркам,— убежденно сказала Екатерина.— Нет, на них полагаться не станем. Пусть себе пасутся в сей степи.

— Однако они полны желанія показать вам свое искусство,— объявил Каховскій.

Екатерина согласилась. Дождались кареты, забрались в нее, в это казавшееся надежным убежище средь необозримой степи, в этот удобный дом на колесах, и почувствовали некое облегчение. Вскоре к ним мало-помалу стали присоединяться и остальные.

Тронулись не торопясь. Обочь скакали конные гвардейцы, и в некотором отдалении от них — ногайцы. Вот они с гиком и гортанными выкриками погнали коней в степь и растворились в жаркой дымке.

— Слава Богу,— сказал Сегюр,— что-то не нравятся мне эти азиаты. Ваши азиаты,— поправился он.

— Я охотно преподнесла бы их вам, граф, ибо люблю делать подарки. Но вы же этот подарок не примете.

— Щедрость ваша безмерна,— поклонился Сегюр,— но я просто не готов его принять, этот поистине царскій подарок.

— Глядите, граф, они возвращаются. Берите же их, берите,— насмешливо проговорила Екатерина.

Из пыльного марева возникли фигурки мчавшихся наперерез кортежу всадников. Они неслись прямо на карету с гортанными криками и завываніями, держа наперевес копыя. Казалось, они атакуют...

Император как замороженный не отрывал глаз от скачущей орды. Он был приметно бледен. Насмешливый Сегюр тоже закаменел. Одна Екатерина не потеряла самообладанія. Не потеряла она его и тогда, когда всадники, приблизившись почти вплотную, выпустили тучу стрел из нацеленных поверх кареты луков.

Один Потемкин, казалось, испытывал удовольствіе. Все это было придумано им и свершалось по его воле и плану. Исполнители не отклонялись.

Екатерина стала его разоблачать:

— Признайся, князь, это тоже твои сюрпризы. Эдак ты напугаешь наших гостей.

— Виноват, матушка. Однако прошу согласиться: зрелище весьма эффектное. Ничего подобнаго никому из вас, господа, более не придется испытать. Полагаю, я доставил вам память на всю жизнь.

— Да уж, князь,— согласился Иосиф,— это было эффектно, чересчур эффектно. Однако отчего бы вам не предупредить нас заранее?

— Ах, ваше величество, ежели я предупредил бы вас, то весь эффект пропал бы.

— И все-таки, князь, ты о своих сюрпризах наперед нам говори,— недовольно отнеслась Екатерина.— Мы тут все люди без привычки, таковыя зрелища нам в полную диковину.

И снова окрест, сколько хватал глаз, лежала все еще зеленая, наполненная вешними соками степь. Неширокая, худо наезженная дорога вела к югу по примятым, измочаленным травам. Рожицы да одинокие курганы вставали по сторонам. Случалось, и хутор забелеет вдали под камышовой крышей, похожей на нахлобученную мохнатую шапку-кучму.

— Что за люди обосновались вдали от дорог? — поинтересовалась Екатерина.— Ты должен знать, князь.

Потемкин хмыкнул:

— Как не знать. То беглый народ. От лютости помещиков.

— Как это — беглый?! — вскинулась государыня.— Отчего же им дозволяют здесь селиться, а не возвращают господам?

— Оттого, что насельники тут надобны,— задиристо отвечал Потемкин.— Коли человек нашел в себе силы бежать за тридевять земель да обосноваться, пустить корни, завести хозяйство, стало быть, это человек стоящий и трогать его грех. Пусть обсеменяет сию землю, да пусть она приносит ему плоды. Он стал мирным землепашцем и тем искупил свои грехи. Господь таких благословляет.

— Странно ты рассуждаешь, князь,— не унималась Екатерина.— Есть законы, есть установления, указы о возвращении беглых хозяевам, ибо они есть их полная собственность. А коли все станут бежать? Ты по-прежнему будешь им покровительствовать?

— Все не станут, матушка-государыня, такого быть не может. Эвон быки покорно сносят свое ярмо и не дерзают его сбросить. А я вот что скажу: Господь всегда простирал свою длань над теми, кто спасался в пустыне. Эти тож спасаются, стало быть, они угодны Господу. Угодники они.

— Ты еще скажи — святые. Нет, князь, я велю Каховскому сыскать о каждом да, коли обнаружатся беглые холопы, заковав в железы, возвратить их.

— Тут и законные колонисты есть, матушка,— не сдавался Потемкин.— А потом, казне расход: сколь воинских команд надобно, чтобы водворять беглых-то по местам. Должен признаться: я Каховскому приказал не дознаваться да не трогать. Неужли повеление мое отменено будет?

Екатерина замаялась. С одной стороны, Потемкину была дана полная власть в этих краях, и у нее и в мыслях не было как-то ограничивать ее, тем паче что он этой властью распоряжался во благо. С другой же — нарушение священных прав помещика, что она, первая помещица, допустить никак не могла.

Из затруднения ее вывел император.

— Мне кажется, мадам, что князь поступает благоразумно, — осторожно начал он. — Ваш интерес требует прежде всего, чтобы эти пустынные земли населяли люди предприимчивые и энергичные. А беглые именно таковы. И если они пустили здесь глубокие корни, следует оставить их в покое. Помещики ваши сами виноваты, что доводят своих холопов до такой крайности, когда им ничего не остается, кроме бегства. Собственность, разумеется, священна и неприкосновенна, но есть обстоятельства, которые оправдывают ее изъятие.

— О, золотые слова, ваше величество, — подхватил Потемкин. — Чрезвычайно признателен вам. Дело обстоит именно так.

— Ну, князь, ты нашел себе такого защитника, который принуждает меня уступить, — сдалась Екатерина. — Будь по-твоему: не стану мешаться.

Их разговор прервало появление Каховского со свитой. Он возник в окне кареты в нарушение этикета.

— Чего тебе, Василий? — ворчливо спросил Потемкин.

— Дозвольте обратиться к вашему императорскому величеству, — робея, отвечал Каховский, то ли покрасневшись, то ли покоричневевший от загара.

— Я готова выслушать вас, господин Каховский, — милостиво произнесла Екатерина. — Говорите же.

— Как мы приближаемся к урочищу Каланчак, то там ожидает явления вашего императорского величества генерал-поручик Иловайский с казачьим войском, дабы сопровождать вас далее. Испрашиваю на то вашего повеления.

Екатерина поморщилась. То была невольная гримаса — ей уже успели надоесть изъявления верноподданничества, кои все отличались однообразием. Однако выносливость и терпеливость были в ее характере: положение обязывало. Эти два качества отличали ее смолоду. Они позволили ей снести тиранство матери, затем взбалмошного супруга, немилость его тетки — императрицы Елизаветы и наконец вознестись на вершину власти. То тоже был подвиг выносливости и терпеливости: она ждала-ждала, терпела-терпела и дождалась.

— Что ж, позволяю, генерал, — поправила она свою гримасу улыбкой, которая ей так удавалась. — Только уж пусть не стреляют.

— Повеление ваше будет исполнено.

— Что он хотел? — полюбопытствовал император.

— О, государь, сейчас нам будет представлено зрелище вроде предшествовавшего. С той только разницей, что это будет регулярное казачье войско под командою штатного генерала.

Император оживился:

— Наконец-то! Я давно хотел увидеть этих самых казаков. О них в Европе ходят легенды.

— Ну уж и легенды,— пробормотал князь.— Казак казаку рознь. На их верность не всегда можно положиться. Однако эти, здешние, сколь мне известно, надежны. Иловайский их вымуштровал. Будет конное представление, какое редко где видеть можно.

Казаки вылетели лавою, развернулись и почти мгновенно образовали строй, окружив экипажи императрицы и ее свиты. Подъехал генерал-поручик Иловайский, попросил дозволения представиться их величествам. После того как он был, как уж повелось, обласкан, Иловайский объявил, что будут показаны конные маневры и эволюции.

Князь приказал замедлить ход, а потом и вовсе остановил разросшийся обоз. Следовало убоготворить императора Иосифа и показать ему казачье войско во всем его блеске.

И вот началось. Среди всадников были искусные вольтижеры. Они на всем скаку соскальзывали с крупа под брюхо коня и тотчас снова оказывались в седле.

— Браво, браво! — Император хлопал в ладоши, радуясь зрелищу, прежде невиданному.— Экие молодцы!

Представление продолжалось. Конники соскакивали на галопе и после короткой пробежки снова вскакивали в седло. Иные гарцевали стоя на крупе коня в одиночку и по двое.

— Это непостижимо! — совсем по-детски радовался Иосиф.— Я не мог себе представить такое молодечество.

Император был большим любителем и ценителем лошадей. У него была своя обширная конюшня, насчитывавшая несколько десятков голов.

— Что это за порода? — дивился он, глядя на рослых разномастных казачьих лошадей.— Я бы хотел приобрести несколько для моей конюшни. По-моему, они необычайно выносливы.

— У вас верный глаз, ваше величество,— отозвался Потемкин.— Эти лошади не только выносливы, они еще нетребовательны. Не чета европейским кавалерийским, которые изнежены и которым подавай только отборный овес.

Тем временем казаки демонстрировали рубку и метали копья. Иосиф пришел в полный восторг, когда несколько пар конников показали поединок на саблях. Это было картинно: несущиеся друг другу навстречу всадники с обнаженными саблями, звон клинков, блеск стали, сшибка, воинственные клики. И вот разлетелись как ни в чем не бывало.

Екатерина тоже была довольна. Более всего не зрелищем, а тем, как восторгается ее высокий гость.

— Ничего такого вы в Европах не увидите,— заверила она его.— Это войско есть только у нас.

Генерал Иловайский был награжден. Граф Безбородко вручил ему знаки ордена Святого Георгия, и шествие продолжилось, весьма умножившись.

Впереди лежала знаменитая Перекопская линия. И завтра Иосиф, сманив Сегюра, Кобенцля, де Линя и Фицгерберта, отправился обозревать ее. Государыня еще не просыпалась, утомленная дорогой и всем виденным. Таврида была за холмами. Она влажно дышала в лицо морским ветром, несшим запахи соли и рыбы. Впереди в лиловой дымке лежали горы.

Здесь все было другое, и этот контраст после однообразия плоской степи восхищал взор. В голубых зеркалах соленых озер лежали облака, издалека казалось, что их можно потрогать. Воздух был свеж и по-особому остер, словно его настояли на хвое с йодом.

Все почувствовали волчий аппетит. Они отъехали довольно далеко и остановились у располагавшегося при дороге домика смотрителя при соляных озерах. Оставалось ждать кортежа государыни.

Варщики, черные от солнца и от сажи, дивились на них, как на некое чудо: откуда в эту глухомань свалились чужеземцы. Они не знают ни русского, ни татарского. Правда, граф Сегюр пытался объяснить с помощью несложного набора известных ему слов. Но успеха это не принесло.

Наконец появился смотритель, можно сказать хозяин здешних мест, надворный советник Свербеев. Он знал немного по-немецки, и граф Кобенцль вступил с ним в переговоры. Смотритель всполошился, узнав, что вскоре сама государыня, ее императорское величество, изволит пожаловать сюда. Он послал своих рабочих за рыбой, скрылся в домике и через несколько минут явился перед ними в парадном мундире.

— Добро пожаловать, господа, добро пожаловать, — беспрестанно повторял он. — Сейчас сюда доставят знатных осетров, только что выловленных, и свежей икорки. А что, князь Потемкин с государыней? — осведомился он.

— Как же без него!

— Ох, батюшки, непременно учинит разнос: мало-де соли поставил в казну. Ведь соль-то — наше главное богатство, на нее, видишь, турок зарится. Он отсель ее возит по договору, а стонет — мало-де ему, мало. А мы более не можем.

Издали слышался смутный гул, который можно было бы принять за шум морского прибоя, если бы он не раздавался со стороны степи.

— Едут! — испуганно вскричал Свербеев и скрылся в своем домишке. Было понятно, что его более страшит встреча с князем, нежели с государыней, ибо князь был грозой чиновников.

В самом деле, вдалеке показалась голова обоза. Он медленно надвигался. И вскоре карета государыни поравнялась с ними. Дверца распахнулась, вылез нахохленный Потемкин, протянул руку, Екатерина оперлась на нее и легко соскочила на землю.

— Как приятно размять ноги после долгого сидения,— призналась она.— Господа, я смертельно голодна. Князь, сделай милость, зови моих поваров, иначе я помру.

— И мы тоже,— хором провозгласили министры во главе с императором.— Тут нам обещан свежий осетр с икрою.

— О, какая прелесть! — отозвалась Екатерина и скрылась в доме, куда предварительно вошли Потемкин с Мамоновым.

Помещенье оказалось тесновато, но стол уже был накрыт, и за ним уместились обычные сотрапезники государыни. Взмыленный смотритель не знал, куда себя девать: он был пришиблен столь высокой честью.

— Ну, господин Свербеев, покамест наши повара готовят нам еду, рассказывай, каково ты тут хозяйничаешь,— обратилась к нему Екатерина.

— П-позвольте, ваше императорское величество, принести образцы тринадцати сортов самосадочной соли,— дрожащим голосом вытолкнул смотритель.

— Тринадцать? — усомнилась государыня.— Экая прорва, к чему она?

— Таково соляные озера родят, а некоторые из варниц получаем. Кoi с примесью железа, кои — йода, кои имеют фиалковый аромат.

Екатерина осталась довольна, и смотритель был награжден золотой памятной медалью с ее профилем.

Соль и в самом деле почиталась главным богатством Тавриды. А Таврида уже распростиралась за Гнилым морем — Сивашем.

СКВОЗЬ МАГИЧЕСКИЙ КРИСТАЛЛ...

В е т в ь п я т н а д ц а т а я: апрель 1453 года

Итак, турки продолжали усиливать натиск. И напряжение в городе нарастало.

Генуэзская колония Пера, лежавшая на противоположном берегу Золотого Рога, формально объявила себя нейтральной. Но власти ее смотрели сквозь пальцы на действия своих купцов. А те под покровом ночи переправляли через залив товары, нужные осажденным. Сказать по правде, они наживались на этом.

Император Константин, испытывавший острый недостаток в деньгах, приказал изъять из храмов некоторое количество церковных сосудов из золота и серебра и перечековать их в монету. Этой монетой и расплачивались с генуэзцами.

Но были в Пере и люди, которые тайно служили султану и снабжали его нужными сведениями о положении в городе. Были и другие, особенно среди моряков генуэзских кораблей, которые решили встать в строй защитников города. Они упрекали тех, кто знал о переброске турецких кораблей посуху, за то, что вовремя не оповестили осажденных. Тогда бы не было поражения, случившегося 28 апреля, когда туркам удалось потопить два судна греков.

А за стенами города нарастал конфликт между венецианцами и генуэзцами. Венецианцы обвиняли генуэзцев в том, что это из-за них были потоплены суда. Генуэзцы же в свою очередь нападали на венецианцев за то, что, как только возникает опасность, они отводят свои корабли подальше.

— Ничего подобного,— парировали венецианцы.— Более того, мы сняли со своих кораблей рули и паруса, дабы они не могли уходить от опасности, и снесли их на берег. Вы-то, генуэзцы, так не поступили.

— А у нас в Пере остались семьи, жены и дети,— возражали генуэзцы,— и мы не можем ослабить боевую мощь своих кораблей, так как, быть может, нам придется их защищать.

Ссора разгоралась. Император был в отчаянии. Его союзники могли просто разодраться. А это нанесло бы удар по силам защитников города.

Он призвал к себе глав обеих общин и воззвал к ним:

— Мы в жестокой осаде, война грозит нашим жизням. Не затевайте же войну между собой, не ослабляйте наши силы.

Император обратился к тем генуэзцам, кто был вхож в лагерь султана: нельзя ли откупиться от турок богатыми дарами, дабы султан снял осаду.

Султан оставался непреклонен: только безоговорочная капитуляция. В этом случае он-де гарантирует жителям сохранение жизни и имущества и свободный выход из города. А императору — выезд в Морею со всеми своими близкими и приближенными.

Согласиться было невозможно. Коварство султана вошло в поговорку, он был жесток и кровожаден. Позора капитуляции никто из защитников не мог снести.

Многие приближенные императора продолжали настаивать на его отъезде. Там, среди христиан, он сможет-де собрать мощные силы, нагрузить корабли амуницией и провиантом, посадить на них добровольцев, в которых наверняка не будет недостатка, и вернуться под стены великого города, чтобы разметать осаждавших турок.

— Нет,— отвечал император,— я не покину строй, дабы не допустить раздоров меж вами. И если нужно — умру, защищая Константинополь.

Глава пятнадцатая

ОБОЛЬЩЕНИЯ ТАВРИДЫ

Есть средство помочь тому, чтобы военные таланты не пропадали при продолжительном мире. Посылайте местное дворянство... на службу к воинственным державам, во время войны... вы можете их отозвать. Вы извлечете из того две выгоды: одну — иметь хороших офицеров и опытных генералов, другую — иметь дисциплинированных людей...

Екатерина II

Г о л о с а

...При Алма-Кермене встретила хорунга из лучших мурз, и полковник большой Горич с Таврическими конными дивизионами, составленными из вольновступивших в службу татар; тут отдав честь с преклонением знамен, хорунга и дивизионы разделились по обеим сторонам дороги и препровождали до самого въезда в Бахчисарай. Весь город ввечеру был иллюминирован и по расположению строений на косогорах представлял виды приятные.

...По пути, по которому Ее Величество от Дворца к церкви шествовать изволила, стояли из благородных малолетние греки и албанцы, потом дети мурз татарских и напоследок мальчики и девочки вышедших из Молдавии и Валахии поселенцев, близ Бахчисарая живущих.

Из Журнала Высочайшего путешествия...

Разве позволительно злословить по поводу каких-то имен!.. Следовало ли назвать великого князя А. и великого князя К. Никодимом или Фаддеем? Ведь должны же они были получить по имени? Первый назван в честь патрона того города, где он родился; второй в честь святого, память которого празднуется несколько дней спустя после его рождения; все очень просто. Случайно имени эти звучны, но к чему злословить? Разве это моя вина? Я не отрицаю ничуть, что люблю благозвучные имена; последнее имя воспламенило даже воображение рифмоплетов... Я послала им сказать, чтобы они отправлялись пасти своих гусей, не занимались бы предсказаниями и оставили бы меня в мире, потому что, слава Богу, я держу теперь мир в руках... и не хочу, чтобы лепетали об идеях, которые не имеют никакого смысла.

Екатерина — Гримму

Весьма мало знают цену вещам те, кои с унижением бесславили приобретение сего края. И Херсон, и Таврида со временем не

токмо окупятся, но надеяться можно, что ежели Петербург приносит восьмую часть дохода империи, то помянутые места превзойдут плодами... Кричали противу Крыма, пугали и отсоветовали осмотреть самолично. Сюда приехавши, ищу причины такового предубеждения безрассудного. Слыхала я, что Петр Великий долго временно находил подобные в рассуждении Петербурга, и я помню еще, что этот край никому не нравился. Воистину сей не в пример лутче, тем паче, что с сим приобретением исчезает страх от татар, которых Бахмут, Украйна и Елисаветград поныне еще помнят. С сими мыслями и с немалым утешением написав сие к вам, ложусь спать. Сегодня вижу своими глазами, что я не причинила вреда, а величайшую пользу своей империи.

Екатерина — Еропкину

— Держи! Держи! Охаживай! — надрывались наперебой кучера и Потемкин.

Тяжелая восьмиместная карета императрицы неслась под уклон. Восьмерка лошадей понесла, форейтор тщетно пытался сдерживать их.

Из-под подков летели искры, грохот и треск покрывали крики. Столб пыли понесся над головой, сгущаясь с каждым мгновением.

— Мать вашу! — орал Потемкин, высунувшись из двери. — Мать-перемать! Гвардия, вперед! Скачи, черти, вставай поперек!

Остолбеневшие конники дали шпоры, вырвались вперед и телами своих коней заградили дорогу.

Потемкин выскочил и пошел вперед, не переставая браниться. Упряжные, все в мыле, все еще храпели. Форейтор был бледен как полотно. Кучера пали на колени и мелко крестились.

— Сообразили, мать вашу так! — продолжал яриться светлейший. — Кабы не я, опрокинули бы карету.

— Нехристи наперед нас заскакали, — оправдывался вахмистр.

— Тебе бы не на татар глядеть, а на карету ее величества. Твои люди — ее оборона. А ты — ворона!

Засмеялся нервным смехом, вернулся к карете, легко поднялся по ступенькам, спросил:

— Как ты, государыня-матушка? Чай, испужалась?

— Помилуй, князь, я не из пугливых. Особливо коли ты рядом. А вот наши господа что-то бледны стали. Мнится мне, мы у цели. Эвон сколь минаретов торчит.

В самом деле, карета стояла на спуске к Бахчисарайскому дворцу. Мало-помалу вся обслуга пришла в себя, и кортеж тронулся.

— Велю сменить запряжку, — сказал Потемкин. — Рысаков прочь, степенных взамен. Конь с норовом не для упряжи.

Оцепенение, сковавшее всех, разряжалось словоохотливостью. Говорили все разом, одновременно вертя шеями: обочь тянулись строения ханского дворца.

Думал ли кто-нибудь из них, что когда-либо окажется в самом логове тех, кто исстари наводил страх на русских людей, чьи набеги разоряли села и деревни, а то и города Руси, досягали и до Европы.

Резные деревянные ворота в проездной башне были распахнуты. Карета въехала на дворцовую площадь. Слева и справа шли крытые галереи, левая примыкала к мечети, увенчанной стройным минаретом, с которым соперничали кипарисы. Глаз тщетно искал главное дворцовое здание: казалось, все многочисленные постройки, окружавшие обширный двор, были равноправны, хотя все они разнились друг от друга высотой и убранством фасадов.

Все это было так не похоже на привычные дворцы европейских владык и все по-особому пленительно, что Екатерина захлопала в ладоши.

— Ай да князь! Вижу — все подновил...

— И все велел сохранить во всей первозданности,— подхватил князь.

— Пошли глядеть,— позвала Екатерина спутников.

Постройки были легки, воздушны. За аркадою открывался дворик с фонтаном, весь в благоухании розовых кустов. Цветущие деревья и кусты, казалось, вместе с фонтанами составляли главное убранство дворца.

Всюду царила отрадная прохлада, и все помещения, в которые они входили, были наполнены благоуханием роз: и опустевший гарем, и ханская опочивальня, и приемная зала... Роза была царицею на кладбище с двумя мавзолеями и рядами каменных надгробий.

Неожиданно над дворцом и его садами полетел с одного из минаретов гортанный призыв к молитве:

— Алла иль иллах Мухаммед расуль Алла!

Екатерина и ее спутники остановились, вслушиваясь. Призыв повторился и не раз, и не два.

— Князь, прошу тебя: озаботься приискать человека знающего, который бы все нам тут растолковал. О чем, к примеру, он кричит и как прозывается?

— Прозывается он муэдзин,— отвечал Потемкин, бывший в Бахчисарае прежде,— а крик его означает: нет бога, кроме Аллаха, и Мухаммед — пророк его. Я, матушка, дозволил им отправлять тут все службы, как было при хане, и вообще велел все соблюдать строжайшим образом.

— Что ж, пожалуй, ты поступил разумно. Народный обычай свят, каков бы он ни был. Я хотела бы, однако, знать обо всем

поболее, хотя средь моих подданных и прежде были татары. Но тут, полагаю, все по-иному.

— Есть, есть тут некий имам, знаток всех обычаев мусульманских, который вдобавок изъясняется нехудо по-русски. Он и меня водил и все мне растолковывал. Я велю его тотчас призвать.

— Имам, это кто по-ихнему?

— Навроде богослова,— пояснил Потемкин,— или как наш соборный настоятель. Главный над муллами, то бишь простыми попами.

После обеда был призван имам по имени Юсуф, Иосиф по-нашему, одним словом, тезка императора. Это был старец, весь в пушистой седой бороде, достигавшей почти до пояса, с морщинистым лицом, на котором светились острые маленькие глазки. Он глядел без робости, степенно поклонился и спокойно переводил глаза с одного лица на другое. Его русский язык был далек от совершенства, но понять можно было.

— Первый камень дворца был заложен...— он загнул три пальца,— три века тому назад при почтеннейшем хане Сахиб-Гирее, сыне могущественного Менгли-Гирея, да будет благословенна его память, которого почитали и боялись многие. Бахчисарай означает по-нашему «дворец-сад». Так оно и есть: кроме розовых кустов тут насажены виноградные лозы и деревья, приносящие разнообразные плоды. И все тут созидалось для ублаготворения всех чувств и всех нужд царствовавших владык, что вы изволите видеть: и разнообразные покои, и конюшни, и гарем, и, наконец, место вечного упокоения — кладбище. Строительство велось и при последнем хане, да призовет его Аллах в сады праведников...

— Как? — удивилась Екатерина.— Разве он умер? Ведь я милостиво отпустила его к единоверцам.

— Он с малочисленной свитой перебрался на остров Родос, во владения султана. И там его настиг гнев повелителя правоверных.

— За что же султан прогневался на него? — недоумевала государыня.

— За то, что оказался малодушным и уступил свою власть неверным,— нимало не робея отвечал имам.— Шахин-Гирей предал свою веру и свой народ. И понес заслуженное наказание: великий султан приказал отрубить ему голову.

— Свят, свят,— пробормотала Екатерина и закрестилась.— Тут нет моей вины, он сам полез на рожон.

— И моей вины нет,— пробубнил Потемкин.— Все ему было дадено, слуги и девки, сколь хотел, опять же кони и ружье всякое. И веру свою отправлять мог...

— Как волка ни корми, он все в лес смотрит,— прокомментировала Екатерина.— Шахин-Гирей тот же волк был — вольный

зверь. А воли, что бы ты, князь, ни говорил, ему не было. Все окрест было чужое. Ах, как я его понимаю!

— Отчего же сразу не отпустила на волю, коли понимала? — с необычной безапелляционностью спросил Потемкин. — И казне урону не было бы.

— Да он и не просился. Однако вспомни-ка, князь, ведь это ты настаивал на том, чтобы поместить его сначала в Воронеж, а затем в Калугу, притом под строгий надзор. Мне его жаль.

— А мне нет! — отрубил Потемкин. — Сам напросился на смерть, никто его не гнал. Мог бы догадаться, что султан его не помирует.

Облачко грусти затуманило лицо Екатерины. Ей вспомнился Шахин-Гирей в пору его петербургского сидения. Он был хорош собою, покладист и деликатен, а потому пользовался всеобщей симпатией. Он охотно шел навстречу желаниям императрицы и ее министров. Однако как правитель он был слишком мягок. «Воск,— говорил Потемкин,— все, что хошь, из него вылеплю». Что ж, в ту пору он был слишком молод и неопытен в делах правления. Неудивительно, что ему то и дело приходилось спасаться бегством от более удачливых и заматерелых претендентов на ханский престол и дворец в Бахчисарае. И в 1783 году, когда Потемкин предложил ему подписать отречение от престола, он охотно согласился. Ему в ту пору едва исполнилось двадцать восемь лет, он устал от передраг, от бунтов его подданных, от интриг мулл и происков Порты. А Потемкин сулил ему спокойную жизнь в Херсоне в окружении сторонников, с гаремом и неограниченным числом слуг, с обширной конюшней и двумястами тысячами рублей ежегодной субсидии, притом с дальнейшими видами на Персидское ханство.

Как тут было не согласиться? Он согласился, да. Но зов крови оказался сильнее, да и не было веры посулам князя и его чиновников. И он бежал в Тамань, намереваясь оттуда отплыть в Турцию... Беглец Шахин-Гирей был никудышный, и его быстро настигли и водворили в золотую клетку...

— Сколь ему было? Ты должен знать, князь.

— Тридцать два годочка, матушка. Упокой Аллах его душеньку.

— Глядишь, она сюда явится и станет тут витать,— суеверно произнесла Екатерина.

— Его отчий дом в Адрианополе,— отмахнулся Потемкин,— стало быть, и дух его там обитать будет. А отсюда его столь много раз изгоняли, что он и не захочет сюда воротиться.

Императора занимала судьба последнего крымского хана, и он вступил в разговор.

— Скажите, князь, этот Шахин-Гирей охотно подписал отречение? И что было бы, если он не пожелал бы подписывать?

Князь хмыкнул:

— К тому времени игра была проиграна, и он это понимал. У него не было власти, не было и выхода, мы уже были полновластными хозяевами в Тавриде. Султан, правда, пытался его подбодрить: прислал ему освященный ятаган, чалму и еще что-то, не помню. Мол, ты наш и мы тебе покровительствуем. Но уж было поздно.

— А велик ли был его гарем? — неожиданно поинтересовался Сегюр.

— О, это вопрос истинного француза, — засмеялся Потемкин. — Да нет, граф, всего-то восемнадцать дев при единственной жене. Многие из них постарались улизнуть, когда Шахин-Гирей был водворен в Калуге. Это вам не султанский гарем, откуда не улизнешь: он, сказывают, за тремя воротами и охраняется стражей и свирепыми евнухами.

— На самом ли деле в султанском гареме более трехсот наложниц?

— Не считал, но с удовольствием занялся бы, — хохотнул Потемкин. — Слух такой идет. Да нынешний султан стар и немощен, вряд ли он пользуется сим богатством. Эх, меня бы туда допустили!

— У тебя, князь, и здесь недостатка нет в полюбовницах-то, — поджав губы, заметила Екатерина. — Ты у нас эвон какой кавалерственный.

— Не в осуждение ли, матушка? — с некоторым беспокойством осведомился Потемкин.

— Кто тебя осудит... Не подумай только, что ревную, помилуй Бог. Натуру должно убоготворять, — закончила она ехидно.

Утро застало государыню за письменным столом — за любимым ее занятием. Она сочиняла очередное письмо своему парижскому confidentу барону Гримму.

«Это было превосходное зрелище, — писала она, — окруженные татарами со всех сторон, в открытой телеге, где поместилось 8 персон, мы въехали в Бахчисарай. И вошли прямо в ханский дворец; там мы поместились между мечетями и минаретами, где возглашают, призывают на молитву, поют, вертятся на одной ноге 5 раз каждые 24 часа. Мы все это слышим... О! Какое странное событие — наше пребывание здесь! Кто? И где?»

О том, что кони понесли и карета едва не опрокинулась, она не упомянула. И наказала Храповицкому не заносить сего происшествия на страницу Журнала Высочайшего путешествия, дабы не было перетолковано в ненадлежащем свете в супротивных газетах. Таковой запрет был наложен ею и тогда, когда галера «Днепр» по вине рулевого ткнулась в берег и завязла в глине, откуда ее пришлось долго вызволять.

— К чему давать пищу пустым пересудам, — говорила она. — Скажут еще, что рок меня преследует, хотя всем очевидно, что

я родилась в рубашке. Господь мне покровительствует во всех моих делах.

Необыкновенная приятность была разлита в воздухе Бахчисарая и его окрестностей. Щедрая крымская весна праздновала свой апогей. Сумерки были лиловы и таинственны. Бахчисарай погружался в сон. И лишь хоры соловьев славили праздник весны и обновления. То было какое-то соловьиное царство, которому принадлежал дворец с его садами и фонтанами, каменные кручи, нависшие над ним, с их цепкими, взбирающимися вверх деревьями и кустами.

Все это вдохновило государыню, вызвало у нее пиитический жар. Она сочинила:

Днесь шумят потоки, тихи ветры веют.
И ключи из горок воду бьют;
Прешироки реки вод плескать не смеют,
А струи вод свежих в поле льют,
Сладко напоая землю растворенну,
Естество прекрасно обновят,
Обольщенны очи, зрящи на вселенну,
Нежны чувства там увеселят...

Я куда ни погляжу,
Там утехы нахожу;
Там поют соловьи,
Множа радости мои...

Потемкин, Безбородко, Храповицкий и Мамонов весьма одобрили. Иосиф с иностранными министрами хоть и не могли оценить, но тоже рукоплескали вместе со всеми. Екатерина обещала Сегюру сочинить и французские вирши.

— Ведь я кое-чему выучилась у вас, граф. Прежде я полагала, что настолько тупа, что не могу сочинить и двух рифмованных строк. Но упорство все преодолевает. Я много трудилась, дабы победить в себе этот недостаток. Мне следовало его превозмочь: мои драматические опыты часто требуют рифмы.

— Я слышал, что вы издаете литературный журнал? — полюбопытствовал Иосиф.

— Да, это мои досуги. И перекорство с другими журналами — их в Петербурге весьма немало, и я к сему явлению отношусь поощрительно.

— А как называется ваш журнал? — не унимался Иосиф.

— «Всякая всячина»... — Екатерина прищелкнула пальцами, ища равнозначный перевод, но затем призналась: — Не могу отыскать в памяти ни французского, ни немецкого значения. Это нечто вроде разной мелочи.

Поэтический жар продолжал донимать государыню и в следующие дни. Утром она преподнесла Потемкину листок с четверостишием, ему посвященным:

Лежала я вechор в беседке ханской
В середине бусурман и веру мусульманской.
О, Божьи чудеса! из предков кто моих
Спокоен почивал от орд и ханов их?

— Ну, государыня-матушка! — восхитился Потемкин. — Ты себя превзошла. Воистину выразила то, что всем нам сходно и все мы, Божьи дети, чувствуем. Именно: никто из предков не бывал спокоен от орд и ханов их! Потщиться бы перевести на французский сии вирши.

— Что ж, буду пытаться, — с довольной улыбкой отвечала Екатерина. — Однако мне французское стихоплетение трудно дается. Вот у графа Сегюра это очень хорошо выходит. Он прямо-таки заправский стихотворец. И с такой легкостью истекают у него из-под пера, равно из уст, рифмы, особливо когда затеваем игру в буриме. Тут он прямо король.

— У него легкое перо, — подтвердил Потемкин. — Неудивительно: французов отличает легкость во всем, легкий они народ. И в политике тоже. Иначе бы туркам столь усиленно не потворствовали.

— У них своя выгода есть. И они более всего за нее держатся. Торговый народ. — Екатерина издавна не жаловала французов, с годами, правда, умягчилась: все-таки «обожаемый учитель» Вольтер, Дидро, барон Гримм и некоторые другие тесно связывали ее с Парижем. За время поездки она сблизилась с графом Сегюром и питала к нему симпатию. — Нет, они не так плохи, как я прежде о них думала, нет, нет. Но король... Он так слаб. Доносят мне, что растет брожение в черни, и во что все это выльется, один Бог ведает.

Благорастворенность воздухов тамошних славили все. Государыня время от времени возглашала, что Таврида есть величайшее приобретение и что князь Потемкин есть владыка оной по праву.

Как-то, когда кортеж императрицы пустился обозревать окрестности Бахчисарая, император Иосиф, оставшись с глазу на глаз с графом Сегюром, сказал ему:

— Я отчего-то глубоко убежден, что князь Потемкин готовит себе кресло удельного герцога Таврического. А императрица смотрит на это сквозь пальцы.

— Об этом же писали в наших газетах, сир. Тем более что государыня уже объявила, что подпишет указ о присвоении ему титула Таврического. Это вполне возможно. Но... — И граф пожал плечами. — Я никак не возьму в толк, зачем ему это нужно. Он

ведь и так имеет власть над Тавридой, она только невеликая часть его удела, мимо которого мы проезжали.

— Знаете, в каждом человеке заключен эдакий неукротимый властолюбец. Я это знаю по себе,— неожиданно разоткровенничался Иосиф.— Мне пришлось долго делить власть с моей матушкой, достаточно деспотичной по характеру, так что я, по существу, был скован по рукам и ногам. И, признаюсь, это меня очень тяготило. Очень! Вероятно, и князю хочется освободиться от оков, хотя, как я понял, он наделен неограниченной властью. И государыня ни в чем ему не препятствует.

— Да, это так,— подтвердил Сегюр,— она полностью доверилась ему. И даже не желает расследовать его явные злоупотребления, о которых во весь голос говорят при дворе.

— Что ж, его заслуги неоспоримы, но издержки, полагаю, тоже.

— Князь — владетель самого большого состояния в России,— напомнил Сегюр,— и я вас уверяю, немалая, если не большая его часть перекочевала к нему из казны. Он ею пользуется бесконтрольно. И как мне говорили знающие люди, то и дело запускает руку в государственный карман, ничуть не церемонясь при этом. Он — самодур, вельможа, но весьма и весьма одаренный от природы. И за эту одаренность, за государственный ум государыня прощает ему все.

По тряской каменистой дороге кареты подкатили к Успенскому скальному монастырю.

— Это поразительно! — воскликнул Сегюр.— Это грандиозно!

За поворотом, в теле гигантской каменистой скалы, словно ласточкины гнезда, чернели отверстия келий и молелен. Широкая лестница, вырубленная в камне, уступами вела наверх, на широкую площадку.

Они поднялись. Екатерина пожелала вознести молитву в Успенской церкви, куда надо было подниматься по узкой каменистой лестнице.

Их встретили два монашка и с поклонами проводили наверх. Монастырь пустовал. Его насельники покинули эти места вместе с христианами, жителями этих мест, девять лет назад, отправившись в российские пределы.

Монахи взялись удовлетворить любопытство высоких гостей. По преданиям, монастырь был основан тысячу лет назад христианами, спасавшимися от гонений.

— Неужели их не преследовали татары? — удивилась Екатерина.— Как же такое могло быть?

— Нет, госпожа великая,— отвечал один из монашков,— сей монастырь пребывал под покровительством ханов, весь православный народ стекался сюда на молебствия. Более того, татары

отпускали сюда рабов своих из числа христиан, захваченных ими во время набегов.

— Преудивительно! Вот уж никогда не могла подумать! А ведь сказывали мне, что татары обращали силою христиан в свою веру.

— Да, и так бывало,— подтвердил монашек.— Но сан священнический и одежды монашеские уважали.

— Места сии редчайшей живописности,— Екатерина не скрывала своего восхищения,— и соблюсть их в неприкосновенности святой долг твой, князь Григорий. Я гляжу и дивуюсь: экую красоту сотворила природа. И как люди ее дива себе на пользу не обратили! Сюда народ будет ездить, яко на паломничество, здешней красотой любоваться и чрез сто, и чрез тыщу лет.

— Там, впереди, ваше величество, еще много удивительного есть,— сообщил их проводник имам.— Там еврейский город — Чуфут-Кале. Очень древний город.

— А что, он обитаем? — поинтересовался Иосиф.

— Совсем мало людей осталось, все старые люди, уйти некуда. А молодые, те уходят, тесно им.

Кареты катились по узкому ущелью, и это разносило окрест цокот подков эскорта и шум колес. Каменные стены мало-помалу раздвигались, открывая лощинки с чудом прилепившимися на камне деревцами. И это тоже казалось удивительным: дожди, по утверждению имама, в этих местах редки.

— Роса их питает. И камень. Корни постепенно въедаются в него.

— Вот редкий пример выживаемости,— заметил Сегюр.— Не так ли и человек, подвергнутый лишениям...

— Один выживает, а другой погибает,— подхватила Екатерина.

Еще один поворот, и перед ними открылась крепость — создание природы. На огромном скальном массиве с почти отвесными склонами лепились дома, словно птичьи гнезда.

— Чуфут-Кале,— сказал имам.— Здесь есть дорога, которая ведет наверх, возле нее сторожевой пост. Но кареты туда не въедут — узко.

— Пойдем пешком,— решительно произнесла Екатерина.— Пешком, и только пешком!

— Матушка-государыня, ты утомишься,— забеспокоился Потемкин.— Там круто. Да и не пристало императрице всероссийской лезть невесть куда.

— Я еще не так дряхла, князь, да и интересу не потеряла,— оборвала его государыня.— По крайности людей кликну — снесут.

С трудом взобрались, стоя наверху, долго не могли отдышаться. Тем временем их окружили десятка два местных жителей, разглядывавших пришельцев во все глаза. Еще бы: чужаки здесь не бывали, а таких тем более сроду не видывали.

Нашелся толмач из бывших рабов. У него брызнули слезы, когда услышал полузабытые звуки родной речи. Каялся: был беглый, попал в полон к татарам, продавали его из рук в руки. А вот год назад за старостью прижился здесь, у караимов. Люди хорошие, токмо иудейской веры. Однако она тоже справедливая, учит милосердию. И бог у них един — Яхве. Церква их называется кенасса, тут их четыре. А еще есть мечеть. Живут все разноверцы в согласии, распрей никаких не бывает.

По узкой дороге, выбитой в камне колесами повозок, отправились осматривать это человеческое гнездо, высоко взнесенное над зелеными долинами.

Зашли в главную кенассу, обрамленную аркадой, обнажили головы — оказалось, впрочем, что этого делать не следовало. С потолка свисали медные люстры, всюду были ковры. И простые скамьи, обитые кожей. В резных шкафах на возвышении хранились священные сосуды и свитки Торы.

Город все еще жил: в отдалении звенело железо под молотом кузнеца, на оградах сушились кожи, сапожник расположился прямо на улице, тачая сапог. Все приходило в ошеломление при виде иноземного пришествия.

Старый раввин из кенассы был, как выяснилось, знатоком истории города. Он сказал, что ему больше тысячи лет, а его предки пришли сюда пятьсот лет назад и обновили город. Что мавзолей, который они видели, — гробница дочери Тохтамыш-хана Джанике-ханум, которая, по преданию, была предводительницей тысячи воинов. Сто лет назад татары устроили здесь тюрьму для знатных пленников. В ней, слыхано было, томились и русские — князь Ромодановский, воевода Василий Шереметев, боярин Айтемиров, послы либо пленники.

— А мы блюдем закон Моисея, как заповедал нам основатель нашей общины ребе Аман. Нас становится все меньше, молодые покидают Чуфут-Кале в поисках лучшей доли. Но вы видели детей, бежавших за вами, их все еще много. Значит, у нас есть будущее. А прошлое... Сойдите вниз, в Иосафатову долину, чье имя дал ей святой город Иерусалим. Вы увидите могилы наших дедов и прадедов — множество могил. Последние из нас тоже сойдут туда. И тогда город умрет. Когда это будет? Кто знает... Ни мы не вечны, ни дела наши. От нас останутся только камни и полустертые надписи на них. Их мало кто сможет прочесть. А потом и они исчезнут. И исчезнет память о нас. А разве не такова и ваша участь? Все смертны, и Бог един над нами.

— Я устала, — неожиданно объявила Екатерина, и легкая тучка напозла на ее лицо. Все знали: государыня не любила напоминаний о смерти. Она еще была в том возрасте, когда человек чувствует себя ближе к жизни, но и смерть уже напоминает о

себе. И это напоминание с каждым годом становится все чувствительней.

Раввин продолжал стоять у входа в кенассу. Концы полосатого шарфа, обвивавшего его жилистую шею, развевались по ветру. Ветер, налетевший откуда-то снизу, взвихрил и одежды Екатерины и ее свиты, столбики пыли заплясали на дороге.

Имам предложил посетить Иосафатову долину.

— Великой госпоже стоило бы со вниманием обозреть другой знаменитый город на самой высокой горе, именуемой Мангуп. Там, на ее плоской вершине, стояла некогда неприступная столица княжества Феодоро. Путь туда лежит как раз через долину. Правда, люди почти все ушли оттуда.

— Нет,— отрезала Екатерина,— хватит с меня неприступных городов и всяких других древностей. Все это красиво, даже необыкновенно, но я всего только слабая женщина, и силы мои на исходе. Одно я поняла: мы успели вовремя присовокупить Тавриду, сей дивный край, к российской короне. Охотников на него было и есть более чем достаточно. И не в последнюю очередь именно потому, что тут столь много неприступных городов.

С этими словами она без посторонней помощи поднялась по ступенькам кареты, оставшейся ее главным способом передвижения. А ведь некогда была она отважной наездницей, и конь был покорен малейшим натяжениям ее поводьев.

СКВОЗЬ МАГИЧЕСКИЙ КРИСТАЛЛ...

В е т в ь ш е с т н а д ц а т а я: май 1453 года

Итак, на рассвете 5 мая турецкие пушки открыли стрельбу по кораблям христиан, которые выстроились вдоль цепи. Хумбараджи были не очень искусны: ядра по большей части шлепались в воду. А одно угодило в генуэзский корабль с грузом дорогого шелка, стоявший на рейде Перы. Ядро было массивное, и корабль затонул.

Власти Перы направили жалобу султану. Груз принадлежал купцу, жившему в колонии, и он был близок к разорению. Между тем колония соблюдала нейтралитет, который был в интересах султана. Его приближенные ссылались на то, что пушкари не могли знать, кому принадлежит корабль. В конце концов султан ответил так: когда город будет взят, тогда можно рассмотреть эту жалобу и, если она справедлива, удовлетворить ее из захваченного имущества.

Огромная пушка Урбана, это огнедышащее чудовище, была повреждена и в первые дни мая молчала. Но 6-го она снова стала изрыгать ядра, и вместе с ней ее младшие сестры.

Стена Месотихиона стала обрушиваться, в ней образовались проходы. И тогда 7 мая, спустя четыре часа после захода солнца, турки бросились на приступ. Их было великое множество. В руках они тащили приставные лестницы, за поясом — крючья. Истошными криками «Алла, Алла!» они подбадривали себя.

К тому времени им удалось засыпать ров. И они почти беспрепятственно достигли разрушенной стены. Но не тут-то было: защитники успели наспех ее заделать. Греки показывали чудеса храбрости при отражении атаки. И хоть их ряды были малочисленны, но им удалось постоять за себя. Приступ был отражен, турки откатились.

В ту ночь ожидали и атаки турецких кораблей на суда венецианцев, стоявшие на якоре у греческого берега. Но после неуклюжих маневров, турки так и не решились напасть. Положение, однако, представлялось опасным, и венецианцы принялись разгружать свои корабли и все военное снаряжение переносить в императорский арсенал. Закончив эту операцию, они из предосторожности решили переправить свои суда в небольшую бухту Просфорианос, расположенную с внешней стороны цепи, под Акрополем. Команды же кораблей были затем влиты в ряды защитников города, туда, где стена была уязвима. Это был Влахернский квартал, подвергшийся наибольшему разрушению. И матросы принялись за починку стены.

Стоило им помедлить, и опасность стала бы весомой. В ту же ночь турки предприняли еще одну попытку штурма в надежде на то, что стена еще не восстановлена. Но венецианские моряки успели заделать брешу. Турки упрямо карабкались по обломкам, но защитники сбрасывали их, кололи копьями, разили выстрелами из мушкетов. И спустя несколько часов приступ удалось отбить с немалыми потерями для турок.

Султан выходил из себя. К тому времени ему было известно, что город защищает малое число воинов, в сотни раз меньшее, нежели его армия. Он призвал своих везиров, своих военачальников и чиновников. Глаза его метали молнии. Он кричал:

— Вы никчемные псы, трусливые шакалы, долго ли мне терпеть вашу лень и вашу трусость! Против нас горстка неверных, спрятавшихся за стеной! Неужели мы не можем их оттуда выкурить?! Думайте, думайте, бездельники, ищите способ захватить город. Не то я прикажу отсечь вам головы. Все равно они пусты, как бутылочные тыквы!

Султанские псы разошлись, бледные от потрясшей их речи. И стали думать.

Глава шестнадцатая

СЕВАСТОПОЛЬ, СЕВАСТОПОЛЬ!

Одарена довольной красотой, умна, обходительна, великодушна и сострадательна по системе, славолюбива, трудолюбива по славолюбию, бережлива, предприятельна и некое чтение имеющая. Впрочем, мораль ее состоит на основании новых философов, то есть неутвержденная на твердом камени закона Божия, а потому как на колеблющихся светских главностях есть основана, с ними обще колебаниям подвержена. Напротив же того, ее пороки суть: любострастна и совсем вверяющаяся своим любимцам; исполнена пышности во всех вещах, самолюбива до бесконечности и немогущая себя принудить к таким делам, которые ей могут скуку наводить; принимая все на себя, не имеет попечения о исполнении, а наконец, толь переменчива, что редко и один месяц одинокая у ней система в рассуждении правления бывает.

Князь Михаил Щербатов

Г о л о с а

Севастополь — красивейший порт, какой я когда-либо видел. В нем могут удобно поместиться 150 кораблей, в совершеннейшей безопасности от всяких случайностей: и от бушующего моря, и от нашествия неприятеля, который, впрочем, не рискнет проникнуть в бухту, защищенную тремя батареями. Выходить из бухты в море можно при трех ветрах. Есть особая гавань для торговых судов, другая — карантинная и третья — для ремонта...

Настроено уже много магазинов и казарм, и если работы будут продолжаться с такой интенсивностью три года, то, конечно, этот город будет процветать. Все это не по нутру французскому министру (Сегюру), он чрезвычайно озадачен увиденным... Обыкновенное плавание отсюда в Константинополь совершается в двое суток, а иногда занимает и полторы... Судите же, мой любезный маршал, на какие неприятные размышления все это наводит моего собрата — турецкого султана...

Император Иосиф — фельдмаршалу графу Ласси

Ваше величество загладили тяжкое воспоминание о Прутском мире. Запорожских разбойников превратили в полезных подданных и подчинили татар, прежних поработителей России. Основанием Севастополя вы довершили то, о чем мечтал царь Петр и что он совершил на севере.

Сегюр — Екатерине

Проехав залив, мы пристали к подножию горы, на которой полукружием возвышался Севастополь. Несколько зданий для склада товаров, адмиралтейство, городские укрепления, четыреста домов, толпы рабочих, сильный гарнизон, госпиталь, верфи, пристани торговые и карантинные, все придавало Севастополю вид довольно значительного города. Нам казалось непостижимым, каким образом в 2000 верстах от столицы, в недавно приобретенном крае, Потемкин нашел возможным воздвигнуть такие здания, соорудить город, создать флот, утвердить порт и поселить столько жителей. Это действительно был подвиг необыкновенной деятельности.

Сегюр — Монморену

Несмотря, что, по случаю бытности ее императорского величества в Тавриде, его светлость поднялся гораздо выше, остались люди, которые роют подкопы, да и будут рыть, доколе партия, противуборствующая его светлости, не истребится...

Гарновский, управляющий Потемкина, — Попову

Несколько примечательных записей в Журнале Высочайшего путешествия:

«В 10-м часу утра Ее Императорское Величество и граф Фалькенштейн (мы помним, что под этим псевдонимом скрывался император Иосиф. — Р. Г.) изволили выехать из Бахчисарая... После обеда доехав до пристани, Всемиловитейшая Государыня благоволила сесть на шлюпку с графом Фалькенштейном и в сопровождении свиты... продолжила шествие водою к городу Севастополю. Приближаясь ко флоту, поднят был штандарт на шлюпке Ее Величества, и вдруг корабли и фрегаты, спустя свои флаги, юйзы (гюйсы) и вымпелы, салютовали из всех пушек; а матросы, стоявшие по реям, вантам и борту, кричали «ура!». Потом, когда шлюпка с штандартом поравнялась против флагманского корабля, то каждое судно сделало 31 выстрел при вторичном восклицании матросов, и тогда же производилась пушечная пальба с транспортных и купеческих судов, с берега Севастополя и с 4-х батарей, при входе в гавань расположенных».

То был приснопамятный день!

Обед был устроен на террасе путевого дворца, воздвигнутого на плоской вершине Инкермана. Стол накрыли на пятьдесят кварталов. В некотором отдалении расположился оркестр князя Потемкина, специально истребованный им для сего случая из Екатеринослава при композиторе и капельмейстере Джузеппе, а порусски Иосифе, Сартти. Он наигрывал нежные мелодии в итальянском штиле, сочиненные самим господином Сарттием.

Ветер, всегда перхавший среди камней и древних руин Инкермана, колыхал занавеси, ограждавшие трапезовавших от солнца. Император, сидевший по правую руку государыни (по левую поместился Мамонов, князь же Потемкин — прямо напротив обоих монархов), наклонился к ней и сказал:

— Мадам, сегодня день вашего торжества.

— Разве только сегодня? А в Херсоне? И не только тогда, когда на воду был спущен корабль «Иосиф II», нет, не только. Я полагаю, и вас удивил город, поднявшийся как по волшебству за несколько лет. Город, где стоят корабли и выделывают шелковые чулки такой тонины, что они помещаются в скорлупе ореха. Впрочем, вон он, истинный виновник. — И она кивнула в сторону Потемкина.

— Да, но вы всячески потворствовали ему.

— Да, когда я вижу плоды неустанных трудов, я потворствую садовнику, взрастившему их.

Лакеи стали разносить шампанское, выписанное для сего случая из Парижа. Это тоже была затея Потемкина, стоившая великих денег. Вообще все окрест стоило великих денег, о размере которых опасались упоминать. Да и зачем? Стоило увеличить подушную подать хотя бы на какой-нибудь рублишко, и все непомерные расходы тотчас окупятся. Рубль с души, подумаешь?! Небось народ не разорится. Эвон, какой он народ — справный. Сколь ни проезжали сел да деревень, все глядят сыты да нарядны. Да и как обожают свою государыню. Повсеместно всеобщее обожание! Ради такой столь пресветлой монархини готовы рублишко лишний с души оторвать. Как есть — оторвать.

Кому — первое слово для тоста? Само собою — высокому гостю императрицы. Будем именовать его в собрании особ графом Фалькенштейном.

Иосиф поднялся, оборотился к Екатерине, бокалы зазвенели, и он провозгласил:

— Счастливы должны быть подданные, имеющие столь возвышенную и деятельную государыню. И счастлива должна быть государыня, имеющая столь преданных подданных. Мадам, позвольте — за вас!

Все были подогреты — ясным и жарким крымским солнцем, присутствием императора и императрицы, мелодичною музыкой и хором певчих, торжественностью минуты. И потому громогласное «Слава!» прогремело почти в унисон, заглушив мелодичный звон бокалов.

Екатерина была тронута. Она поднялась и кланялась направо и налево. Похоже, и глаза у нее увлажнились.

Наступил черед князя. Он встал, и все оборотились на него. За этим столом у него было больше завистников и тайных недругов, нежели доброжелателей. Были такие, кто коллекционировал его

промахи, издержки, самодурство, непомерные траты и даже казнокрадство, дабы потом предъявить свою коллекцию... Кому? Государыне? Суду истории? Опять же впадал в хандру, бивал чиновников, унижал высоких особ... За ним много чего водилось такого-эдакого, недостойного, непристойного. Святость брачных уз ни во что не ставил, к примеру — жен почтенных мужей обращал в своих метресок.

Но ныне князь был на вершине. То был апофеоз его славы.

— Всемиловитейшая государыня, великая и мудрейшая наша благодетельница, позволь мне преподнести к твоим ногам плод моего рвения, моих повседневных трудов и трудов всех твоих верноподданных во славу России.

С этими словами Потемкин перегнулся через стол, чокнулся с императрицей и одним глотком осушил бокал. Высоко подняв его в руке, он с силой шмякнул им об пол. Осколки жалобно зазвенели.

Это стало сигналом. Занавеси тотчас раздвинулись. И восхищенным взорам с высоты открылась живописная бухта в обрамлении зеленых берегов, протянувшаяся едва ли не на полтора десятка верст. Татарские всадники с двух сторон образовали как бы живую раму. Они гарцевали в своих красочных одеяниях с воздетыми клинками.

А на голубой глади бухты в боевом порядке выстроилась эскадра из двадцати пяти кораблей. Белые дымки курились вдоль бортов: корабли салютовали пушечными выстрелами. Но звук канонады едва долетал до ушей тех, в чью честь ее производили.

— Ну, князь, ну, волшебник, эго устроил...— раздавалось со всех концов единодушное от друзей и недругов.

— Скоро Андресвский флаг будет реять над Константинополем,— громогласно провозгласил Потемкин, все так же стоя и наслаждаясь эффектом устроенного им представления.

— Да здесь сама природа повелела устроить первоклассный порт,— сказал Иосиф. Он был сдержан: увиденное поразило его.— У вас, князь, прекрасный глаз, вы с первого взгляда сумели оценить великие преимущества, даваемые подарком природы. Это истинный дар.

— Дар, дар,— пробормотал Потемкин недовольно,— ничто не дается даром. Сейчас мы спустимся в залив, и я покажу вам, как устроился сей дар, сколь много труда вложено в него. Ведь флот, представший вашим взорам, был строен под моим надзором за два года.

Прежде чем окончилась трапеза, Екатерине был представлен российский поверенный в делах на Мальте капитан флота Таро. Он доставил сувениры от гроссмейстера Мальтийского ордена ее величеству: золотую пальмовую ветвь, всяко украшенную. И из-

ваяние богини победы Ники в знак того, что было осуществлено победоносное, но бескровное обретение Тавриды.

— Эту ветвь я обязана вручить нашему генерал-фельдмаршалу, светлейшему князю Григорию Александровичу Потемкину, — почти пропела растроганная Екатерина, — яко основателю Севастополя и устроителю флота его. Сей его подвиг будет славен в веках.

Потемкин в свою очередь был растроган. Весь этот день вылился в его триумф. Быть может, впервые он почувствовал всю великую значимость содеянного им; безвестная татарская деревушка Ахтиар вливалась в столетия городом российской славы Севастополем. Мысленно он предчувствовал грядущую славу основанного им порта, столь счастливо устроенного для нее природой.

Он поднял подношение Мальты двумя руками ввысь, над своей головой, дабы все видели этот драгоценный подарок, и произнес:

— В сей высокаторжественный день я позволю себе передать эту драгоценность на флагманский корабль Черноморского флота, носящий имя «Слава Екатерины».

— А ежели его турок потопит? — изволила пошутить государыня, и шутка эта почему-то показалась всем неуместной.

— Он призван славным именем своим турка топить, — ответил князь, нимало не медля. — И так будет.

— Все-таки имена, думаю, надо бы сменить, — вполголоса заметила Екатерина. — Не столь турки опасны, сколь стихии морские. А ежели потопнут корабли со столь высокими именами, сие станет дурным предзнаменованием.

С этими словами она встала из-за стола, и это послужило знаком для всех. Предстояла прогулка по заливу и обозрение его укреплений и береговых строений с моря. Наверняка князь приготовил очередной сюрприз.

Сюрприз был: раззолоченный каик — точная копия султанского, — заказанный Потемкиным в Константинополе! Деньги были заплачены немалые, однако эффект того стоил. На корме поместились гребцы и оркестр.

Монархиня под звуки музыки проследовала на нос; их величеств сопровождали Потемкин, Мамонов, Сегюр, Кобенцль, Безбородко и Протасова. Остальные поместились на других шлюпках.

— Все-таки этот залив — удивительное создание природы, — восхищалась Екатерина. — Он словно бы создан для укрытия флота — так глубокий и просторный.

— Здесь не один флот может укрыться — приемлю смелость поправить вас, мадам, — заметил Иосиф, — а по крайней мере три.

— И притом, остается свобода для маневра, — вставил Потемкин.

С кораблей, стоявших на рейде, заметили малую флотилию, а лучше сказать, следили за ее передвижением. И как только она

поравнялась с флагманским кораблем «Слава Екатерины», на нем взвился кейсер-флаг, флагами расцвелились и остальные суда. И одновременно загремел пушечный салют.

— Князь, ну хоть когда-нибудь можно обойтись без этого грохота,— поморщилась Екатерина.— Ведь ушам же больно. И расход пороху напрасный.

— Никак нельзя, матушка,— с серьезным видом ответствовал Потемкин,— таков есть обычай при явлении монархов, освященный морской традицией.

Каик торопливо плыл вдоль строя кораблей, с которых неслось матросское «ура!».

— А так бы хотелось, чтоб окрест царила полная тишина,— неожиданно призналась государыня,— и было слышно, как кричат чайки.

— Шествие обожаемой монархини происходит при восхищенных кликах ее верноподданных,— подал голос обычно молчавший Безбородко.

— Граф сказал сущую истину,— тотчас поддержал его князь.

— Это же все суть театр, господа,— махнула рукой Екатерина,— восторги по приказу, а всамделишных-то чувств никаких нет, кроме ротозейства. Неужто вы думаете, что меня можно провести?

— Никак нет,— отвечал князь,— ибо сердца наши полны любви и благодарности, сходно с нами и простой народ восчувствует.

— Помолчал бы,— раздраженно прервала его Екатерина.

Малая флотилия приближалась к адмиралтейской пристани. Дюжие руки мгновенно закрепили чалки. Задрав головы, все озирались. Над входом в залив поместились крепостные батареи, массивные стволы грозно торчали из амбразур.

Город распростерся полукружьем. Он уже глядел городом, хоть было ему от роду всего года четыре. Все тут было, что приличествует городу: склады и госпиталь, казармы и присутственные места. Чувствовалось, что место это особо опекаемо и любимо Потемкиным. Он и сам признавался, что видит его великое будущее, прозревает его славу, а потому не жалеет денег на дальнейшее устройство Севастополя.

На пристани государыне представился российский посол в Константинополе Яков Иванович Булгаков. Она, признаться, удивилась. Но это был один из сюрпризов князя: он известил посла о том, что ему надлежит прибыть в Севастополь для доклада государыне о том, каковы ноне турки.

— Не ожидала, Яков Иваныч, однако ж будешь полезен. Вот мы тут походим-поглядим, а потом посидим с тобою и с князем и потрактуем обо всем, что обсудить надлежит.

Государыни хватило на час. Потом она стала жаловаться на усталость.

— Господа, прошу простить меня, но уж я долее не могу: ноги не держат. При всем с полным основанием объявляю: Севастополь есть подвиг князя и великое приобретение государства нашего. Нимало не льщу тебе, князь Григорий Александрович: то, что тебе удалось здесь создать в столь краткое время, подвигу подобно, койй зачтется в веках.

Потемкин, что с ним бывало редко, можно даже сказать, вовсе не бывало, потупился и, подойдя к Екатерине, склонился к ее руке. Все это молча, что тоже было необычно.

Таковые слова государыни, быть может, думал он, замкнут уста великого множества его недоброхотов, отслеживающих каждый его шаг, разносящих каждый промах, возводящих на него многие клеветы. Да, он многое себе позволял, что можно было и осудить, а можно и причислить к причудам, он был независим и решительно ни с кем не считался — порой даже с государыней, если полагал, что она в чем-то не права; он нередко перечил ей, что, впрочем, она с кротостью сносила. Но он возвел интерес государства выше собственного, труждался порою без отдыха и сна, и никто не мог отнять у него содеянного. Оно было перед глазами.

Яков Иванович Булгаков молча следовал за Екатериной в ее свите. Он ждал своего часа и знал, что час этот не скоро наступит: государыня захочет отдохнуть. Знал он, что тотчас после доклада ему будет приказано возвратиться без промедления: отношения с Портой держались на тонкой нитке, которая могла вот-вот оборваться, и даже его отсутствие не ко времени.

Он был университетским товарищем князя. Вместе с ним учились Фонвизин и Богданович, автор нашумевшей «Душеньки». Как-то так получилось, что по окончании пошел он по дипломатическому ведомству. Поначалу посылаем он был курьером в европейские столицы. А потом милостивец его князь Репнин взял в свое посольство в звании маршала. Полтыщи человек было в том посольстве, а поручено ему дело великой важности: подписать мирный договор с самим турецким султаном Абдул-Хамидом. Лицезреть султана тогда довелось единожды, и было это за великую милость. А переговоры велись с великим везиром.

Упорный был торг. Однако получили, чего хотели: независимость Крыма. Тогда послом был Стахиев. Так его чуть не растерзала константинопольская чернь, которую науськали муллы да имамы, и все из-за Крыма.

Вот уже шесть лет, как он сидит в турецком логове в звании чрезвычайного и полномочного министра при Порте Оттоманской. Пуган был не единожды, натерпелся лиха, однако выдержал, устоял и линию, предписанную ему от ее величества и первого по иностранным делам министра графа Безбородко, блюл неуклонно. Ни на пядь от интереса государственного не отступил,

хотя претерпел от интрижества французского, голландского и английского.

Но все превозмог. И когда обе державы балансировали на грани войны из-за Крыма, он действовал с величайшей энергией и стойкостью. Государыня тогда написала ему: «Ваша твердость, деятельность и ум предотвратили войну». А Потемкин приписал: «Турки были бы побеждены, но русская кровь тоже потекла бы».

В Петербурге им были довольны. Награжден был кавалериею Святой Анны первой степени за то, что добился признания власти России над Таманью и землями по реке Кубани. И вот теперь, в предвидении некоего поворота в политике, должен был получить новые инструкции. Гадал: не к ужесточению ли дело идет? Более требовать от турка ничего нельзя — он и так кипит как янычарный котел на огне, вот-вот изольется наружу. И так он в одиночку ездить опасается и своим людям не велит из-за того, что фанатики мечут камни. Опасен стал Константинополь для русских людей.

Что ж, он готов все вынести, и эту с каждым днем накаляющуюся злобность. Только вот за детей боязно. Надо бы их отправить в Россию, пристроить получше. Князь Григорий обещал, и придется ему нынче напомнить.

Словно бы не вовремя он сюда явился. Государыня занята императором Иосифом, иностранными министрами, всей этой суетой, коя окружает шествие. Но ведь не напрасно его сюда истребовали. Стало быть, нечто важное задумано. Иначе с курьером бы бумагу прислали.

И стал Яков Иванович дожидаться, когда же наконец дойдет и до него черед. Случилось это нескоро. И день, и два, и три минули, а ее величество все была занята императором. И разговорами, и прогулками, и катанием по заливу, чье лоно приманчиво голубело и было покойно.

Ждал-ждал, а всего-то разговору было на полчаса.

— Какое твое мнение, Яков Иваныч, — обратилась к нему государыня, — замышляет турок противу нас нечто злостное?

— Беспременно замышляет, ваше величество. Жаждет отмщения за все свои протори. Более всего духовенство ихнее злобствует, простой народ распаляет. Крым-де был мусульманский, а стал христианский. Сколь я ни старался доказать их везирам, что Крым все едино в татарах, что их осталось более всего, не хотят и слушать. Порушили-де мы их веру и закон, исконную землю пророка захватили и сего терпеть они долее не могут.

— Как ты думаешь, пойдут они на нас войною?

— Могут, всемилостивая государыня, простой народ шумит, бунтует, худо ему живется, вот муллы и винят во всем русских, неверных. А народ по своей темноте верит: святые люди не могут-де обмануть.

Екатерина поморщилась. Надо во что бы то ни стало повременить с войной. Сейчас. Хотя быть ей неизбежно. Однако еще рано, рано, повременить бы год-другой. Самая малость осталась — довооружить войско, флот, собрать в казне поболее денег... В победе над турком она, как женщина, нимало не сомневалась. При таковых-то полководцах, как Потемкин, как Румянцев-Задунайский, как Суворов, как Репнин, как Кутузов... мудрено не одержать генеральную викторию над вековым врагом креста и Христа.

— Потщись, Яков Иваныч, умирить турка,— сказала она.— Нам не время еще воевать. Надобно со всех сторон быть готову, дабы крови христианской поменее пролилось. Год-другой миру надобен. Мы рескрипт тебе дадим со многими мирными и увещательными словами. Авось подействует.

— Бельмо у них на глазу — Крым. Только и талдычат: Крым-де обманом заполучили, невозможно ему быть под Россией. Ежели бы не Крым, уgomонились бы на время. Остальное — мелочишка. А так очень им досадительно. Опять же француз баламутит.

— Только ли?

— Нет, всемилостивая государыня, там комплот сплелся: Франция, Голландия да Англия. Не ведаю, кто еще к оным прилепится, но охочие есть. Опасаются могущества России, весьма опасаются.

— Ты, Яков Иваныч, всю свою мочь приложи, дабы отворотить войну. Коли надобны дачи везиру и министрам его деньгами, мягкой ли рухлядью либо еще чем, князь тебе выделит сверх уже отпущенного. Жалеть ничего не станем: жадность дороже обойдется.

— Дачи потребны, верно — ихние первые люди да и сам султан весьма любят мошну набивать. Ни одно дело без сего не обходится. Все продают: должности, людей, землю, суд. Лихоимство, можно сказать, у чиновного турка в крови. Малый — по-малому, большой — по-большому.

— Не жалей, а коли не достанет, посули еще, мы отошлем. Понял?

— Понял, милостивица наша,— склонился Булгаков, ломая спину.

— Ну, спасибо тебе за службу, награждение не заставит ждать.— И Екатерина протянула ему пухлую белую руку, к которой он благоговейно приложился.— Езжай с Богом, важно, чтобы ты у турка под рукой был и все его замыслы вовремя проницал. И нам отписывал почаще.

Булгаков вышел с Потемкиным.

— Ты, Григорий, сулил мне о ребятишках моих позаботиться: боязно мне их тамо при себе держать.

— Будь покоен, Яша, определю их в кадетский корпус, когда придут. А ты, как сказано, за турком надзирай, подкупай чи-

новников, мне пиши особо. Войны, вестимо, не миновать, но, как наказала государыня, отдалить ее надобно хотя на год-полтора. Старайся.

— Ужо постараюсь, князь Григорий.

Севастополь произвел на всех огромное впечатление. К нему присовокупилось все увиденное в Екатеринославе, Херсоне, Бахчисарае. Потемкина славил на все лады. Заслуги его были неоспоримы. Даже скупившийся на похвалы император Иосиф нашел нужным восславить князя.

— Севастополь — это великое приобретение России на вечные времена. Поздравляю вас, князь, вы сделали государству поистине царский подарок. Отныне он будет навечно связан с вашим именем.

«Топтать будут мое имя,— с горечью подумал Потемкин.— Топтать и всяко изничтожать — так уж у нас ведется. Либо вовсе забудут, изгладят из памяти. По мне, Бог с ним, со славою, лишь бы возрос мой посев, лишь бы дал плоды, коими и я успел сполна насладиться. Небось не захиреют они после меня. А там — Бог с ним, там уж мне все едино. В рай не сподоблюсь, а в ад... Много грехов на мне, верно, не отмолить. Но и добро должно зачестся, было его немало».

Промолчал, ничего не сказал, лишь наклонил голову в знак благодарности. С трудом подавил в себе желание бежать от этой суеты, забиться в один из своих углов и предаться мучительным казням. «Покаяния отверзи ми двери...» Кто ведал доподлинно, что с ним бывало во дни приступов хандры? Каялся истово за все свои прегрешения, бил поклоны пред чтимыми иконами, случалось, всерьез подумывал о пострижении... И все затем, чтобы с новой силой предаться греху.

Оглядывался округ себя: а кто чист перед Господом? Не было таких в его кругу. Он был как все, но только куда выше — выше натурою, а следовательно, и желаниями. Жил на широчайшую ногу, вокруг него крутились сотни слуг, певчих, музыкантов. Музыка была его отрадой, отдохновением. Были и другие прихоти — по женской части. Кто осудит? Земной человек, Господь вложил в желания иной, раз сверх меры. Ему надобно было разряжаться, он и разряжался с благословения Божия.

Но зато и служил, не щадя себя! И власть ему нужна была более для дела, нежели ради собственной прихоти. Кто поймет, кто оценит, но не пустою хвалой, развеваемой, яко дым? Разве что государыня? Да, она знает ему истинную цену, только она...

На этой мысли умягчился. Отошло!

На северной стороне с великой поспешностью строили деревянную крепость. Участь ее была заранее predetermined: она должна была пасть под бомбами и ядрами учебной атаки. К приезду

государынина кортежа полагалось ей быть готовою, но хлопотались, завозились и теперь поспешали.

Для обозрения картины штурма князь предназначил флагманский корабль «Слава Екатерины», так пока и не переименованный. С его высокого борта все будет видно, как на ладони. А для штурмования крепости, с общего согласия морских чинов, отвели фрегат «Страшный». Его команда, как сказывали, была всех искусней в стрельбах.

Дни стояли на диво ясные, по утрам легкая сиреневая дымка окутывала горы, воздух был живителен и чист. Вода в заливе была той же голубизны, что и небо, а когда на солнце напоздали облака, она темнела.

— Экая благодать! — сощурилась Екатерина, блаженно потягиваясь на солнце. — И угораздило же тебя, князь, в такую-то погоду устраивать грохотанье и штурмованье. Не думаю, что картина эта станет тешить взоры.

— Никак нельзя сего экзерциса миновать. Флоту надлежит быть в полной готовности, благо турок вот он, под носом.

Князь имел в виду Очаков, где швартовался турецкий флот и угрожающе маневрировал близ крымских берегов. Очаков был бельмом на глазу. Агенты доносили: турки усиливают гарнизон, укрепляют крепостные сооружения.

С другой стороны Днепровского лимана, на Кинбурнской косе, стоял Суворов со своими чудо-богатырями. Турки то и дело покушались на этот клочок земли. Он представлял собою зримую опасность для Очакова. Они ждали вылазки. И сами норовили напасть. Противостояние это напрягалось, грозя сорваться. И всем флотским было ясно, что вот именно здесь начнется, и равновесие рухнет.

А Потемкин неистовствовал: Очаков был ему ненавистен. Если бы он мог, то разгрыз бы его зубами. Турки устроились под носом, под самым носом, и ничего нельзя было поделать. В случае войны Очакову должно было пасть первым. И он представлял себе, что вот эта деревянная крепостца — прообраз Очакова. На его глазах она будет сокрушена.

Избранные взошли на борт «Славы Екатерины». Взвился кейсер-флаг. Корабль при частично распущенных парусах медленно выплыл на середину залива и бросил якорь.

Благословенная тишина стояла над водами. Чайки безмятежно покачивались на волне. Иная из них, пронзительно вскрикнув, вспархивала и, держа в клюве рыбешку, уносилась куда-то за холмы.

Вдалеке показался фрегат. Он плыл неторопливо, на зарифленых парусах, медленно приближаясь к крепостце. И казалось, так же медленно минует ее и удалится восвояси, не решившись нарушить эту благостную тишину.

Но нет. Вдруг громыхнул правый борт, белые дымки повисли над кораблем, и в тот же миг ядра с грохотом расщепили бревна. Еще один залп, на этот раз брандкутелями, и дерево занялось. Пламя сначала нерешительно, а потом все жадней и жадней начало пожирать крепостцу.

Фрегат продолжал палить. Горящие бревна с треском рушились. Иные из них скатывались в залив и с шипением гасли.

— А где же князь? — неожиданно спохватился Иосиф.

Екатерина усмехнулась:

— Попросил дозволения быть на фрегате. Воистину «Страшный». Эк разметал. Молодцы артиллеристы! Небось и князь не удержался — самолично наводил да пальник прикладывал. Мнил перед собою Очаков, знаю я его.

Крепость обратилась в груды горящих бревен. Пушки фрегата замолкли, и слышен был лишь треск горящего дерева. На борт флагмана поднялись новоиспеченные контр-адмиралы Ушаков, Мордвинов и граф Войнович — они были на «Страшном». Явился и князь: как видно, он разрядился на фрегате, вид у него был довольный.

— Благодарю вас, господа, — обратилась к ним Екатерина, — вы стреляли метко, наверно, князь Потемкин немало тому способствовал.

— А как же, — вразнобой откликнулись моряки, — самолично наводил и стрелял, даже прислуга была довольна.

— А? Что я вам говорила! — торжествующе воскликнула Екатерина. — Разве ж он устоит? — И после паузы прибавила: — А ежели бы крепость не молчала, а отвечала? Да столь же метко, сколь и вы? — И, видя, что моряки замялись, с чисто женским лукавством закончила: — Тогда я бы, опасаясь за вас, направила мой корабль вам на помощь. Не то турок вас зажег. И остались бы от вашего фрегата одни головешки. Как от этой крепости.

СКВОЗЬ МАГИЧЕСКИЙ КРИСТАЛЛ...

В е т в ь с е м н а д ц а т а я: май 1453 года

Итак, 14 мая султан повелел перебросить батареи через наплавной мост к Влахернской стене, решив, что его флот, столь хитроумно проникший в Золотой Рог, находится в безопасности и более не нуждается в защите. Участок же стены, поднимавшийся на холм, казался ему уязвимым.

Турецкие хумбараджи открыли яростную пальбу. Они обстреливали этот участок стены на протяжении двух дней. Но разрушения были незначительны.

Султан гневался. Усилия его артиллеристов ни к чему не приводили. И он не мог их винить. И тогда он решил сосредоточить огневую мощь своих пушек на участке стены у реки Ликоса. К тому времени он был разрушен более всего и наспех заделан защитниками великого города.

Теперь обстрел начался с удвоенной силой. Он возобновлялся с первыми лучами солнца и длился от зари до зари. Чудовищная пушка Урбана могла стрелять с большими перерывами, нужными для того, чтобы ее зарядить. Зато массивные ядра ее наносили наибольшие разрушения.

Однако неустомимые защитники напряженно трудились каждую ночь. И к утру успевали заделать бреши. Так что туркам приходилось начинать все сначала.

В один из дней султану пришла в голову мысль подвести подкоп под одну из стен. Он приказал отыскать опытных землекопов и такой участок, где земля была податливей.

Землекопы нашлись. Это были сербы из серебряных рудников. После долгих проб, которые велись по ночам, выбрали участок возле Харисийских ворот. Работа была адова — ее пришлось начать издалека, ход подвигался медленно, казалось, его никогда не окончить. В конце концов подкоп пришлось бросить: цель все еще была слишком далека.

Заганос-паша, правая рука султана, решил возобновить попытку на другом участке, близ Калигарийских ворот. Там стена была одинарной. И подкоп стал продвигаться быстрее.

Когда туркам казалось, что они уже близки к цели, греки обнаружили их тайную работу. Немедля сыскали специалиста-рудокопа. Его звали Иоганн Грант, он был из немцев. С его помощью удалось прорыть контрподкоп. И днем, когда турки спали после ночной работы, Грант зажег деревянные стойки, подпиравшие кровлю. Земля обвалилась, похоронив под собой спавших турецких землекопов.

Однако турки не оставляли своих попыток. Еще и еще раз подрывались они под стену у тех же Калигарийских ворот. Но теперь защитники были уже бдительны. Они обнаруживали подкопы с помощью мастера Гранта, умевшего, как он говорил, «слушать землю». Они выкуривали турок дымом и огнем из их нор, заливали водою из цистерн, предназначенных для заполнения рва.

Меж тем, видя, что все их попытки проникнуть в город с суши не приводят к успеху, турки предприняли новую атаку с моря. 16-го и 17 мая главные силы флота атаковали заградительную цепь в надежде разрушить ее. С кораблей был поднят оглушительный шум: гремели барабаны, хрипло ревели трубы, палили пушки.

В стане защитников города поднялся переполох. Забили во все колокола. По тревоге поднялись все те, кто оборонял цепь с моря и с суши. И атака была отбита.

Глава семнадцатая

ИЗ ЦЕПКИХ ОБЪЯТИЙ КРЫМА

Афанасий Нагой был послом в Крыму и многое претерпевал от наглостей Крымских, хотя выби-
ваем был Ханом из Крыма, чувствуя нужду его
пребывания в сем полуострове, объявил, что он
разве связанный будет выведен из Крыма, а без
того не поедет, хотя бы ему смерть претерпеть.

Князь Щербатов

Г о л о с а

— Я не соглашусь на новые завоевания. Достаточно Крыма. Я не допущу Екатерину утвердиться в Константинополе: для меня безопасней иметь соседей в чалмах, нежели в шапках. Этот замысел, возникший в пламенном воображении Екатерины, — короновать внука Константина в Константинополе — неосуществим.

— Это не устраивает и Францию. Но я вижу опасность в распространении России до Днестра.

— Вот тут, пожалуй, туркам придется уступить.

— Здесь более блеска, чем прочности. За все берутся, но ничего не завершают. Потемкин увлекается и бросает. Я знаю Потемкина: занавес опустится — и все исчезнет.

Диалог Иосиф — Сегюр

Я твердо убеждена, имея безграничное доверие к Вашему Императорскому Величеству, что, если бы наши удачи в этой войне дали нам возможность освободить Европу от врагов рода христианского, изгнав их из Константинополя, Ваше Императорское Величество не отказали бы мне в содействии для восстановления древней греческой монархии на развалинах варварского правительства, господствующего там теперь, с неперменным условием с моей стороны сохранить этой обновленной монархии полную независимость от моей и возвести на ее престол моего младшего внука, великого князя Константина.

Екатерина — Иосифу

Всемиловитейшая государыня благоволили выехать из Севастополя... Граф Фалькенштейн был в Балаклаве и, оттуда возвратившись, встретил Ея Величество на дороге к Скели... потом, продолжая путь в одном экипаже, проехали долину Байдарскую, где каждый шаг являл зрению различные виды, составленные из живых картин в приятном смешении высоких гор, обиталищ, плодоносных дерев и неподражаемых неравноностей местоположе-

ния. При окончании сей долины в урочище Скели, принадлежащем генерал-фельдмаршалу князю Григорию Александровичу Потемкину, Всемиловитивейшая Государыня и граф Фалькенштейн изволили иметь обед и осматривали ближняя окрестности текущей тут речки Биюк-Узень, изображающей водоскат в крутом падении на камни.

Из Журнала Высочайшего путешествия...

Согласитесь, что 12 тысяч татар могли запросто наделать переполоху на всю Европу: пленить Екатерину и Иосифа, посадить на суда и увезти в Константинополь к Абдул-Хамиду.

Принц де Линь — Потемкину

Потемкин желает овладеть Очаковым; очевидно, существуют самые широкие планы относительно Турции, и эти планы доходят до таких размеров, что императрице приходится сдерживать пылкое воображение Потемкина...

Харрис — английский дипломат, из донесения своему двору

Крым обладал некоей магнитной силой. От него трудно было оторваться. Он был переменчив и разнообразен. На этом малом пространстве земли странным образом уместились горы и доли, леса и степи, солончаки и болота — словом, здесь было все, чем разнообразится земная твердь.

И здесь было море! Море! Тоже разнообразное в своих проявлениях: нежное и гневное, теплое и холодное, соленое и пресное...

Передвигались не торопясь. Жаль было торопиться в эту лучшую пору года. Вспоминался дождливый и холодный Петербург — столица Российской империи, далекая от гостеприимства, куда в конце концов придется возвращаться.

С сожалением покинули Севастополь. Он был вершиною шествия се императорского величества и его императорского величества, монархини и монарха. От Севастополя, который привел всех в неподдельный восторг своим местоположением, начался счет обратных верст.

В предвидении скорого расставания Екатерина и Иосиф старались наговориться всласть, дабы меж них не осталось ничего недосказанного. Наступило короткое время освобождения для ближних. Для графа Александра Андреевича Безбородко, ведавшего иностранными делами, для личного секретаря государыни Александра Васильевича Храповицкого и для других приближенных особ.

Так получилось, что Безбородко и Храповицкий оказались в одной коляске. Оба были в давней приязни, близки домами, хоть

граф Александр Андреевич был холост и, следовательно, бездетен. И оба были в государынинных шорах, а потому не могли всласть наговориться.

И вот ведь как прекрасно очутиться наконец вдвоем, без послухов, на живописной дороге, время от времени принуждающей к созерцанию: ведь уже более не придется побывать в этих палестинах и надо бы запечатлеть их в памяти.

Однако что может быть прекрасней дружеского тет-а-тет, к тому же столь редко выпадаемого в свите государыни, где, как правило, день забит поручениями и проходит на людях.

Оба наслаждались с откровенностью и откровенностью. Редкая возможность перемыть косточки императору, находясь от него в непосредственной близости.

— Так что вы думаете, граф? Можно ли доверять нашему союзнику?

Александр Андреевич был тончайший дипломат. Откуда это в нем — один Бог ведает. Казацкого роду, из малороссийской старшины, он, можно сказать, обтесался сам по себе, будучи необычайно переимчив и схватывая все на лету. За эту переимчивость и памятьливость его заметил и приблизил к себе Петр Александрович Румянцев-Задунайский, а затем уж государыня. Она его способности сполна оценила и поставила в секретарской должности. А уж потом удостоила чести утвердить ежедневным докладчиком, плененная ясностью суждений и выразительностью слога.

Вот на слоге оба Александра, можно сказать, и сошлись, ибо по воле государыни, оценившей их способности, стали главными сочинителями государственных бумаг, а граф — актов с иностранными державами. Екатерина вполне надеялась на него, знала: не даст промашки и непременно явит пункты к выгоде России. Он был холодно расчетлив и трезв в этих случаях, и ничто не могло сбить его с позиции.

— Можно ли доверять нашему союзнику? — переспросил граф. — Сказать по правде, я бы не стал. У него свое на уме. Но, увы, наша государыня им весьма обнадежена и слушать не хочет об умеренности чувств. Знай твердит свое: у него глаза орла. Эти глаза не способны-де двоедушничать. Очень даже способны. У него свой интерес, и он станет жестко его отстаивать. И нас предаст.

— У нашей государыни пылкая натура, — заметил Храповицкий, — она склонна чувствовать сердцем.

— Да, да, именно сердцем. А в политике сердцу решительно нету места. В политике надобен жесткий расчет и никаких сантиментов. Боже от них упаси! — Безбородко был саркастичен и непреклонен. — Между нами говоря, я убежден, что женщине в политике делать нечего. Даже такой мозговитой, как наша госу-

дарыня. Разве что ежли ее плотно обступят советники и не дадут ходу. Так ведь выдернется и начнет воротить по-своему.

— Тотчас видно, граф, что вы холосты и не жалуете женский пол,— с улыбкой подкольнул Храповицкий.

— Э, мое счастье! Свобода, друг мой, ничем заменима быть не может. Я на том стою.

Кортеж тем временем приблизился к Судаку. Дорога шла по-над морем. Далекий парус, словно парящая чайка, недвижимо стоял у границы моря и неба. А впереди подобно сказочному видению высился утес, обрамленный крепостными стенами. На самой его вершине гордо утвердился замок.

— Экая красота! — воскликнул Храповицкий.— Кто же сие соорудил? Ну не татары же, в самом деле!

— Ну уж верно, нет. Сколько мне известно, сей замок сочинен генуэзцами, торговыми людьми, для охранения товаров, кои они ввозили и вывозили. Благо разбойных племен тут во все времена хватало. Ныне, как я понимаю, он вряд ли обитаем и чему-нибудь служит. Впрочем, мы сможем вскоре все доподлинно вызнать.

— Сколько много в Тавриде достопримечательностей и живописных мест! — восхищенно заметил Храповицкий.— И как все располагались! Сам Господь позаботился об их неприступности: княжество Феодоро, Чембало тех же генуэзцев, Чуфут-Кале... А мы, как говорят, много чего миновали.

— Всюду не побываешь, всего не переглядишь,— философски изрек Безбородко.— Как можно было понять, татары не строили, а все больше разрушали.

Генуэзцев, как можно было предположить, и след простыл. А слава Генуи давным-давно умалилась. Остались лишь крепости-фабрики на побережье и на торговых реках — Дону, Днепре и Днестре — свидетелями ее бывшего могущества.

— Государыня возложила на меня поручение вызнать все касательно начала, а особливо конца Византийской империи,— сказал Безбородко.— И, сверх того, о проникновении христиан на берега Черного моря, какова была их власть и когда она скончалась. Узнал я, что города генуэзцев были богаты и процветали: Кафа, ныне Феодосия, Боспоро, ныне Керчь, Солдайя, ныне Судак, Чембало, ныне Балаклава; были и другие, помельче. Они стали хиреть, как только турок сокрушил Византию и ее столицу Константинополь. А потом наступил и их черед, они пали под ударами турок и татар. Да и не могло быть иначе: пал оплот христианства, пали и его города. Тому уж как триста с лишним лет.

Разговаривая, они медленно поднимались вдоль крепостной стены. Широкая тропа шла в гору. Она была протоптана множеством ног.

— Свято место пусто не бывает: эвон, мечеть ихняя,— кивнул Храповицкий.

Они вошли в прохладный полумрак, надевши шляпы — так было положено по мусульманскому закону. Их встретил мулла. В его глазах читалось удивление. Мечеть была пуста; верно, час неурочный — решили оба.

— Что угодно беям в доме Аллаха?

— Не скажет ли почтеннейший мулла, кто содержит сейчас эту крепость? И мечеть?

— Прежде здесь, по ту сторону моря, стоял гарнизон наших единоверцев, сильный гарнизон. Теперь же за порядком следят двенадцать воинов Аллаха. Прихожане несут мне, муэдзину и службе сколько могут еды. Вот и все.

— А деньги?

— А зачем нам деньги, если вдоволь еды? У нас бедный приход, совсем мало молящихся. Власть ханов пришла к концу, и народ стал разбредаться, кто куда. Те, кто прикован к земле по ту сторону стены, остались. Но там у них своя мечеть и свой мулла. Слава Аллаху и его пророку — они не допустили разрушения уклада: люди по-старому трудятся на земле и пять раз в день встают на молитву, почитают законы шариата. Русский закон — закон другой веры, он нам не годится.

— Но почему? — удивился Безбородко. — Разве в нашем законе есть что-нибудь противоречащее вашему? Наши законы так же гласят: не укради, не убий, не прелюбодействуй, не обманывай...

Мулла замотал головой:

— Нет, нет, нет, так же, как луна не упадет на землю, так же, как звездам не сойти с небосвода, так и нашей вере не сойтись с вашей. У нас есть законы, они созданы только для тех, кто уверовал в Аллаха, и уверовавшие чтут их. Аллах, творец всего сущего, создал всех людей разными. И так будет до скончания веку. Мы не приживемся на вашей земле, а вы...

— Договаривай, святой человек. А мы — на вашей? Так?

— С соизволения Аллаха, — наклонил голову мулла.

Они вышли. После прохладного сумрака день показался им ослепительным. Неспешно побрели наверх, туда, где, по словам муллы, обитал святой человек — дервиш. Под ногами хрустело пересохшее былье.

— Вот видите, — сказал Храповицкий, — они фанатики, они упорны в своих заблуждениях, и переделать их невозможно.

— Кто знает, заблуждения ли это, — отозвался Безбородко. — Не нам судить об этом. Кто может сказать, чей бог истинней?

— Я могу! — смело заявил Храповицкий. — Тот, кто старше, тот и истинный. Исламская религия появилась спустя шестьсот лет после Рождества Христова.

— Пустое, друг мой, — усмехнулся Безбородко. — Еврейский бог Яхве существовал задолго до Христа. Да и до него были пред-

шественники. Нам бы сойтись на том, что бог един. Да разве с ними столкнешься!

— Вот и я о чем! — горячо произнес Храповицкий. — Нам с этими фанатиками не по дороге. Это непокорное стадо, ему надобен железный пастух.

— Это какой же? Граф Румянцев-Задунайский? — Безбородко хихикнул. — Либо Потемкин, князь Тавриды? Государыня, слышно, собирается увенчать его этим титулом.

— Было говорено. Мол, по возвращении надобно будет сочинить указ Сенату, дабы увенчали Потемкина титулом светлейшего князя Тавриды во ознаменование его великих заслуг по присоединению сего благословенного края, равно и по управлению Новороссию.

— О Господи! — Безбородко широко зевнул и мелко-мелко перекрестил рот. — На все Твоя воля, и Ты един истину веси. Вразуми же рабов своих.

Храповицкий промолчал, не решаясь спросить, кого именно должен вразумить Господь. Впрочем, человечество во все времена было неразумно, и Всевышний, как видно, отчаялся: все его попытки вразумить его оставались безуспешны.

Неспешно шагая, они взошли на самый гребень холма, на который за много веков до них вползла крепостная стена генуэзцев. Она топорщилась там как гребень исполинского ящера, угрожая невидимому супостату.

С высоты открывалось море. Синее внизу, оно выцветало к горизонту и там совершенно сливалось с небом. Море было пустынно. Ни паруса, ни лодки рыбака. Эту величественную тишину и пустоту нарушали лишь чайки своими немолчными криками. Она оказалась бездонной и безграничной. Где-то там, за сотни верст, лежала противная страна, желавшая во что бы то ни стало вернуть себе то, что ей некогда принадлежало. Не по праву наследственности, а по праву силы. Но дряхлеют государства точно так же, как люди, ибо государство тоже живое существо, оно бывает молодо, потом старится и наконец умирает, чтобы на обломках своих дать жизнь новому образованию. И некогда грозная и великая Оттоманская империя истощила свои жизненные силы, одряхлела, как и ее султан, и жизнь ее подвигалась к закату.

Жизнь человека измеряется годами и десятилетиями, жизнь же государства — веками и тысячелетиями. Страны-хищники умирают быстрее: известно, что и в природе век хищников недолог. Сколько осталось жить каждой из двух империй? Никто из них не пытался заглянуть за край неведомого и невидимого — ни Храповицкий, ни Безбородко. Хотя сейчас, когда они стояли на краю голубой бездны, им в головы поневоле стучались мысли о вечном и бесконечном.

— Если плыть отсюда все время на юг,— нарушил молчание Безбородко,— то через полтора суток окажешься в Царьграде.

— Через двое,— поправил его Храповицкий.

— Таврический князь говорил о тридцати часах.

— На самом-то деле все не так просто.

— Вот с этим я согласен,— кивнул Безбородко.— Море иной раз страшной целой армии. И с ним нету сладу. Между тем князь в своих безумных планах уповает на мощный флот. Но без сухопутного войска виктории не одержишь. А ему не двое суток — ему месяцы, а может, годы шагать и шагать. Чрез горы и доли.

— Государыня, однако, всецело на стороне князя в его завоевательных планах. Она его поддерживает.

— Знаю,— наклонил голову Безбородко,— знаю и все-таки уповаю на ее всегдашнее благодушие. Она трезва, а князь хмелен.

— Не навестить ли нам дервиша? — предложил Храповицкий.

— Пожалуй,— согласился Безбородко,— хотя я не особый охотник до юродивых.

С этими словами он оглянулся. По пологому склону, приминая травы, словно овцы бродили придворные.

— Экое стадо,— заметил он.— Однако челядь уж потекла к экипажам. Где он, этот убогий?

— Как видно, вон в той сторожевой либо дозорной башне.

Когда-то вход в башню преграждала массивная железная дверь. Теперь она валялась на земле, продырявленная ржавчиной, и сквозь ее дыры проросла трава и мелкий кустарничек. Они беспрепятственно вошли внутрь. И, поднявшись по полутора десяткам ступеней, очутились на смотровой площадке.

Там на ворохе сухой травы возлежал волосатый грязный человек, закутанный в овечью шкуру. Он не повернул головы в их сторону.

Они потоптались возле, наконец Безбородко, потеряв терпение, воскликнул:

— Эй, святой человек!

Дервиш повернул голову и уставил на них красные, воспаленные глаза безумного.

— У-у-у...— завыл он.— Ау-ау-ау...

То был голос зверя и вид у него был скорей зверя, нежели человека.

Храповицкий махнул рукой:

— Напрасно мы сюда пришли.

— Надо возвращаться,— согласился Безбородко.— Он дик и безумен. Однако его не забывают. Эвон лепешки и кувшин с водой.

И когда они вышли, он продолжил:

— Нет, сударь, мы вовсе не напрасно посетили святого человека. Вся его святость в том, что он непонятен простонародью.

И в его вое людям чудится голос высшей силы. Вот с таким народом нам и придется иметь дело — с народом темным и фанатичным, для которого этот дервиш — святой человек.

— Но ведь и у нас на Руси исстари почитали юродивых.

— Скорей не почитали, а жалели, как убогеньких, то есть обделенных Богом. Все-таки наш русский холоп здраворассудителен.

— А что мы знаем о холопе турецком? Да ничего. Может, он тоже здрав и рассудителен, — возразил Храповицкий, и это был голос трезвого человека, который хочет быть справедливым.

Они стали медленно спускаться к выходу. Из-за стены доносился конский топот и ржание, говор людей, гул от движения экипажей. Огромный кортеж готовился тронуться в дальнейший путь после недолгой проминки. Любопытство было удовлетворено.

Снова потянулись версты, на этот раз вдоль берега моря. Глаз уставал не от однообразия, а, напротив, от разнородных видов. Все было прекрасно, но ни у одного из Александров — Безбородко и Храповицкого — не было столь протяженного опыта походной, бивачной жизни. Оба чувствовали утомление. Оба хотели наконец привычной оседлости. Чтобы можно было справить нужду по-человечески, а не по-солдатски либо, того хуже, по-собачьи.

Но до окончания пути было ох как далеко. А оба любили жизнь лежащую, оба были лежебоки, дороже всего ценили свой кабинет, кресла, канапе, книжные шкапы, письменный стол, собрание бумаг... Да, когда же, когда удастся обрести все это? Того не ведает в точности ни Бог, ни сама государыня, обуянная бесом странствий.

Слава Господу, легли на обратный путь. Потемкин бы возил да возил, будь его воля, по всем здешним палестинам. Благо было много такого, должно признать, что было достойно обозрения. Они не посетили судакские виноградники, к примеру, а между тем их почитают лучшими в Крыму. Ибо, как сказывал толмач, Судак у татар, Солдайя у генуэзцев, а Сурож у русских суть самое сиянное солнцем место Тавриды. Оттого и виноград там сладчайший и ароматнейший.

Храповицкий был призван к исполнению своих обязанностей. Государыня продиктовала ему несколько писем, велела заточить поболее перьев для своих эпистолярных и прочих письменных упражнений, которых она не оставляла, несмотря на походные неудобства. И кое-что изволила высказать, что показалось ему весьма примечательным. И как только он был отпущен — дело клонилось к вечеру, — Александр Васильевич поспешил записать сии высказывания, дабы не изгладились они втуне.

«Говорено с жаром о Тавриде. Приобретение сие важно: предки дорого бы заплатили за то; но есть люди мнения противного, которые жалеют еще о бородах, Петром выбритых. Александр

Матвеевич Мамонов молод и не знает тех выгод, кои чрез несколько лет явны будут. Граф Фалькенштейн (Иосиф II) видит другими глазами. Фицгерберт следует английским правилам, которые довели Великобританию до нынешнего ее худого состояния. Граф Сегюр понимает, сколь сильна Россия; но министерство его, обманутое своими эmissарами, тому не верит и воображает мнимую силу Порты. Полезнее для Франции было бы не интриговать... Сегюр, кроме нашего двора, нигде министром быть не хочет».

Отписано было и великокняжеской чете со внуками, разумеется, с похвалою о Тавриде тож, панегирик Севастополю и климату.

«В доказательство привязанности татар сказывали, что в Бахчисарае молились целую ночь о благополучном совершении путешествия... Переписал стихи, начатые в Бахчисарае, в похвалу князя Потемкина...»

Государыня при всей прозорливости ума бывает проста: взяла за чистую монету преданность татар. А они, как доносят некоторые из их же единоверцев, ждут не дождутся, когда русские оставят их в покое и уберутся из их земли. Князь же Потемкин всюду нагородил арок с таковыми надписями: «Возродительнице сих стран», «Предпосла страх и принесла мир», «Благодетельнице народов» и все в таком роде. А кто их честь-то станет, когда более всего в Тавриде татар — их сочли 33 тысячи, а новопоселенцев всего семь тысяч. И грамотных средь всех их по пальцам обеих рук перечесть можно. Государыне и так довольно славы и почестей.

Сорок тыщ всего-то насельников. Конечно, вскорости притекут в эти благословенные края отовсюду, более всего из Молдавского да Валашского княжеств, где народ утеснен своими боярами да турками — меж молота и наковальни. К этому торопился записать сказанное Екатериной: «Есть такие переметчики из молдаван, что вывернул голову меж плахи и топора». Однако приказано принимать: единоверные-де народы.

Драгоценную тетрадь, в которую Александр Васильевич заносил речения государыни и свой собственный комментарий, он берег как зеницу ока и тщательнейшим образом прятал от нескромных глаз. Никто и не подозревал об ее существовании, даже самые близкие люди. Упаси Бог, прознает государыня, потребует к себе, а что потом — страшился и помыслить. И так она косилась на его литературные занятия. А раз прямо спросила: «Не записываешь ли ты за мной?» Он невольно потупился, и, наверно, у нее закралось подозрение. Она изволила часто повторять: «Ты ведь у меня сочинитель. Новиков тебя в своем Словаре поместил, яко важную птицу».

В самом деле, Николай Иванович Новиков включил Храповицкого в свой «Опыт Исторического Словаря о Российских Пи-

сателях». Написал весьма лестно: «Молодой и острый человек, любитель словесных наук. Писал много разных стихотворений и был похвален письмом г. Сумарокова. Он сочинил трагедию «Идамант» в 5 действиях, которая уже и на театр отдана... Есть некоторые его переводы, напечатанные особливými книжками в Санкт-Петербурге, которые все за чистоту слога, а сочинение также и за остроту знающими людьми весьма похваляются...»

Был известен государыне и отзыв о Храповицком знаменитого драматического писателя Александра Сумарокова: «Я радуюсь, видя в вас достойного питомца Муз...»

С легкой руки Новикова запорхала о Храповицком слава изрядного знатока российской словесности. Многие просили его в наставники, в том числе и Александр Радищев. А государыне Храповицкий был рекомендован генерал-прокурором князем Вяземским за легкий и приятный слог в канцелярных делах. Храповицкий был обер-секретарем Сената, где одно время служил вместе с любимцем муз Гаврилой Державиным. Сей ему написал:

Товарищ давний, вновь сосед,
Приятный, острый Храповицкий!
Ты умный мне даешь совет,
Чтобы владычице Киргизской
Я песни пел
И лирой ей хвалы гремел.

И в самом деле гремел. Одою «Фелице» и иными, где восславлялась «богоподобная царица Киргиз-Кайсацкия орды, которой мудрость несравненна открыла верные следы...».

Тетрадь была основательной толщины, вровень с его тучностью, над которой подтрунивала государыня. Увы, он был чревоугодник и любил поспать, однако же легок в движениях, как и в слоге.

— Сказывают, Феодосия не за горами,— сообщил Храповицкий Безбородко, вернувшись от государыни,— и вскорости прибудем. Охота преклонить голову.

— Ох! — Александр Андреевич выдохнул из себя и более не произнес ни слова: так все было ясно. Груз путевых впечатлений и таких же неудобств давил равно обоих. Странствие чрезмерно затянулось. И как всякая чрезмерность, оно становилось невыносимо. А выхода не было, и одно это сознание угнетало. Получалась позлащенная неволя.

— Государыня наша редкой выносливости,— обронил наконец Безбородко.

— О да,— согласился Храповицкий,— хотя ей пуховики подкладывают, дабы нисколько жесткости не испытывала. Надобно признать, что путешествующим дамам приходится куда как хуже,

хуже нашего. Ихние туалеты отяготительны да и соблюдение себя в чистоте и пристойности требует немалых издержек.

Дам было в самом деле жаль. Жара выплавляла из них весь лоск и всю косметику, все эти румяна, белила и всевозможные притирания. Солнце и ветер огрубили и обветрили нежную кожу. Защитить ее было почти невозможно. Парасоли, то бишь солнцезащитные зонтики, слабо помогали.

Дам было немало. В основном — в штате государыни. Остальные же были наперечет, можно сказать — случайные. Безбородко — он и в самом деле был без бородки — дам не жаловал как убежденный холостяк, а потому им не сострадал и не пытался вникнуть в их положение.

— А кто войдет в мое положение? — сетовал он. — Я выдран из пенатов и обращен в просвещенного цыгана, в кочевника, меж тем как есмь человек страдательный, нежный, деликатного обращения взыскующий.

— Не приведи Господь, услышит государыня ваши речи, — испугался Храповицкий.

— Она меня поймет и простит, — убежденно произнес Безбородко. — Ибо сама страдает, однако в силу характера виду не подает. Опять же высокий гость, император стесняет. Сколь же можно?! Вот теперь предстоит действо в Феодосии, которая прежде Кафа...

И Кафа-Феодосия открылась весьма скоро. Древностей в ней, свидетелей славного прошлого, осталось мало, почти даже ничего. Волею светлейшего князя кое-что было построено. Но восстановить то, что было разрушено турками, не представлялось возможным.

Безбородко принимал курьеров от Булгакова. С радостной миной делился:

— У турка-то, у турка народ бунтует. На Крите возмущение, на Родосе тож. Турецких бейлербеев, то бишь губернаторов, в море потопили. Убивцам нашего Шахин-Гирея отлилось. Хотя сам виноват — нечего было ему бежать на Родос. Знал ведь, отлично знал, что его ожидает.

Да, турки изрядно похозяйничали в Кафе. Начать с того, что они дали ей свое имя в ряду прежних имен — Керим-Стамбули. Правда, оно быстро забылось. Оставили после себя руины храмов, дворцов, портовых сооружений.

Князь основал в Феодосии монетный двор. К посещению высоких особ все было готово. Загодя вырезаны штампы, уведомлен день, когда оба величества соблаговолят осчастливить своим присутствием чеканщиков.

И как только Екатерина и Иосиф переступили порог, загрохотали штампы, и светлейший князь, предвкушая изумление, пре-

поднес им золотые медали с означением года, месяца и дня — дня! — когда их величества изволили посетить монетный двор.

Как тут не восхититься! Иосиф, наклонясь, сказал государыне:

— У князя твердая воля, пылкое воображение и деятельный ум, и он не только полезен вам, мадам, но просто необходим.

Сегюр поддержал. Только что он был ошеломлен нечаянной встречей. Он нос к носу столкнулся с молодой женщиной в татарском одеянии и ахнул: она была двойником, или, лучше сказать, двойницей, его собственной супруги.

Он поспешил поделиться своим открытием с Потемкиным.

— Неужто так похожа? — удивился князь.

— Невероятно, просто невероятно, — твердил обомлевший граф.

— Кажется, я знаю, о которой речь. Это черкешенка. Она обещана мне. Когда прибудем в Петербург, я вам ее подарю.

— Ну что вы, князь, как можно, — смутился Сегюр. — И что скажет моя жена, когда в доме появится ее точная копия. Стоит вам только представить возможную сцену, как вы тотчас откажетесь от своего намерения.

Потемкин расхохотался:

— В самом деле, граф. Я навсегда расстроил бы вашу семейную жизнь. В таком случае презентую вам калмычонка. Уж он-то ни в коей мере не вызовет ревности вашей супруги. А она ревнива?

— Как все жены, князь. — И, желая поддеть Потемкина, с невинным видом обронил: — По счастью, вам не пришлось испытать сцен ревности. Вы-то холосты.

— Вот тут вы ошибаетесь, граф. Иным холостякам приходится испытывать наскоки ревнивых женщин более жестокие, нежели женатым, уверяю вас. — И, понизив голос, закончил: — Я из таких.

СКВОЗЬ МАГИЧЕСКИЙ КРИСТАЛЛ...

В е т в ь в о с е м н а д ц а т а я : м а й 1453 г о д а

Итак, наступило утро 18 мая. Сквозь рассветную дымку осажденные с трепетом увидели медленно движущуюся к стене Месотихиона чудовищную башню на колесах.

У нее был устрашающий вид. Деревянное тулово казалось огромным зверем оттого, что было обтянуто верблюжьими и волчьими шкурами.

Осадный зверь двигался медленно, но неотвратно. Вскоре можно было разглядеть приставные лестницы и крючья, сложенные на его площадке. А она была вровень с высотой стены.

Наконец башня почти придвинулась к стене. Защитники ждали, когда на площадке появятся турки, чтобы дать им жестокий отпор. Но они не появлялись.

Только тогда стал ясен хитроумный план турок. Под прикрытием башни они стали лихорадочно засыпать ров, который был серьезным препятствием для штурма. Был выбран участок стены, всего больше разрушенный ядрами. Ее обломки обрушились в ров и таким образом осаждающим была облегчена их задача.

Турецкие солдаты трудились весь день. И как ни старались греки воспрепятствовать им со стены, башня на колесах надежно защищала их от камней, стрел и пуль.

Наступил вечер, на землю пала темнота. Ров — главное препятствие — был забросан землею, хворостом, камнями. Казалось, султан мог торжествовать. Он повелел придвинуть башню поближе к стене для того, чтобы испытать, надежен ли проход через ров.

Башня устояла. И поутру турки намеревались приступить к решительному штурму. Но не тут-то было!

Ночь выдалась кромешная. И под прикрытием ее смельчак грек подкатил под башню бочонок пороху, вставил в него фитиль и поджег его.

Раздался оглушительный грохот. Башня рухнула, и ее охватило пламя. Погибли и сторожившие ее турки.

Воспользовавшись паникой в стане врага, осажденные под покровом темноты успели расчистить ров и заделать разрушенный участок стены.

Султан, однако, не был обескуражен. Им двигала холодная решимость во что бы то ни стало осуществить штурм. Он приказал изготовить еще несколько подобных осадных башен — турусов.

Но защитники великого города уже обрели опыт. Часть турусов была сожжена, часть разрушена. Оставшиеся же турки увезли

подальше в надежде, что придет день, когда они сослужат свою службу.

Успех воодушевил осажденных. Город ликовал. В церквах служили благодарственные молебны, возжигали свечи пред образами Богородицы Влахернской, Панкратора-Вседержителя, Спаса Нерукотворного, Софии Премудрой...

Через пять дней — новая радость. Был обнаружен подкоп, который тайно вели турки под Влахернскую стену. Через контр-подкоп греки ворвались в подземелье и захватили землекопов во главе с их начальником.

Это был важный успех. Начальник землекопов под пыткой показал, где ведутся остальные подкопы. Они были вовремя обезврежены. Последний из них был искусно замаскирован большим турусом, так что его едва ли удалось бы обнаружить, если бы не сведения, которые дал начальник землекопов. Так был взорван последний турецкий подкоп.

После этого турки уже не возобновляли рытье подкопов.

Глава восемнадцатая

ВЫСОКИЕ МЕЧТАНИЯ ШВЕДСКОГО КОРОЛЯ

...Можно сказать, что каждый любовник, хотя уже и коротко их время было, каким-нибудь пороком за взятые миллионы одолжил Россию (окроме Васильчикова, который ни худа ни добра не сделал): Зорич ввел в обычай непомерно великую игру; Потемкин — властолюбие, пышность, подбострастие ко всем своим хотениям, обжорливость и следственно роскошь в столе, лесть, сребролюбие, хватчивость и, можно сказать, все другие, знаемые в свете пороки, которыми или сам преисполнен, или преисполняет окружающих, и тако далее в Империи. Завадовский ввел в чины подлых малороссиян; Корсаков преумножил безстыдство любострастия в женах; Ланской жестокосердие поставил быть в чести; Ермолов не успел сделать ничего, а Мамонов вводит деспотичество в раздаяние чинов и пристрастие к своим родственникам.

Князь Щербатов

Г о л о с а

Чего вы хотите? Эта женщина (Екатерина) в исступлении, вы это видите сами; надо, чтобы турки уступили ей во всем. У России множество войска, выносливого и неутомимого. С ним можно сделать все, что угодно, а вам известно, как низко ценят здесь человеческую жизнь. Солдаты прокладывают дороги, устраивают порты в семистах милях от столицы без жалования, не имея даже крыши над головой, и не ропщут. Императрица — единственный монарх в Европе действительно богатый. Она тратит много и без оглядки и ничего никому не должна; ее бумажные деньги стоят столько, сколько она пожелает.

Иосиф — Сегюру

Мне кажется, что война неизбежна для России, так как ее желает государыня, несмотря на умеренные и миролюбивые ответы Порты. Она настаивает на своей цели и хочет наполнить газеты вестью о бомбардировании Константинополя. Она говорит у себя за столом, что скоро потеряет терпение и покажет туркам, что так же легко войти к ним в столицу, как и совершить путешествие в Крым. Она даже обвиняет иногда князя Потемкина в том, что он по недостатку доброй воли не довершил ее намерения, потому что ему стоило только захотеть.

Граф Федор Ростопчин — графу С. Воронцову, послу в Лондоне

Когда Румянцев имел счастье заключить Кайнарджийский мир с Турцией, то, как теперь известно, у него было с собой только 13 000 наличного войска против армии более чем в 100 000 человек. Такая игра судьбы не повторяется два раза в течение века.

Монморен — Сегюру

В этой стране учреждают слишком многое за раз, и беспорядок, связанный с поспешностью выполнения, убивает большую часть выдающихся начинаний. В одно и то же время хотят образовать третье сословие, развить иностранную торговлю, основать разнообразные фабрики, распространить земледелие, напечатать новые ассигнации и поднять их цену, заложить новые города, заселить пустыни, заполнить Черное море новым флотом, завоевать северную страну и поработить другую и распространить свое влияние на всю Европу. Не слишком ли много?

Сегюр — Монморену

— О, гордый Ваза! Разорвав оковы,
Бежал ты из темницы,
чтобы снова
Свободу возвратить. И Швеции родной
Стать сильной независимой страной!

У короля Густава III в этот момент был и в самом деле величественный вид: голова откинута назад, волосы рассыпались по плечам, глаза источали искры.

Первым захопал барон Армфельдт. Он подал знак остальным — Эрику Рууту и Юхану Толлю.

— Браво, ваше величество, браво! Вы достойны увенчать созвездие шведских поэтов. Ваша драма должна быть немедленно поставлена на сцене Королевского драматического театра. Его счастливое основание благодаря вашей щедрости должно быть ознаменовано этой постановкой. Я позабочусь об этом.

— Вы мне льстите, Мауриц,— вяло произнес король.— Я-то отлично понимаю, что это незрелое сочинение, нуждающееся в прикосновении опытной руки. Я попрошу Чельгрена.

— Неужели вы усомнились в моей искренности?! — воскликнул барон.

— Но не в преданности,— поспешил успокоить его Густав.— Преданность часто поступает искренностью из самых лучших побуждений. Опять же в ваших лучших побуждениях я нимало не сомневаюсь.

Король проговорил это слабым голосом. Похоже, он израсходовал его на выпренную декламацию своей драмы. И вообще он как-то сник, что было вовсе на него не похоже. Обычно он

являл собою образец офицерской выправки, унаследованной от его отца, весьма воинственного короля Адольфа-Фредерика.

Воинственность была наследственной чертой Гольштейн-Готторпской династии, которую открыл отец Густава. Смешно сказать, но, будучи ставленником российской императрицы Елизаветы Петровны, он вдруг перестал добиваться союза с Россией, хотя и осуждал «маленькую войну», затеянную его предшественниками у власти и очень быстро проигранную России.

Увы, отец Густава, несмотря на свой воинственный талант, был слабым королем. Он стал игрушкой в межпартийных распрях. И сын-кронпринц дал себе слово возвысить королевскую власть, елико возможно.

Ожидание власти было нестерпимым. Казалось, быть ему вечным кронпринцем, наследником, которому не суждено унаследовать престол.

Густаву исполнилось двадцать пять. Он справил в Париже свое двадцатипятилетие, когда пришла весть о кончине отца. Он тотчас собрался и поскакал в Гавр. Там он взошел на шведский фрегат и вскоре высадился в Стокгольме.

Мать, королева Ловиза Ульрика, была в трауре. Она благословила его. Сестра Фридриха Великого прусского, она обладала стойкостью и железным характером своего брата.

— Сын мой, ты должен искоренить смуту и править железной рукой.— Когда она произносила эту фразу, глаза ее были сухи.

— Да, матушка, я заручился поддержкой короля Людовика и знаю, как действовать. Ведь я первый природный принц после Карла XII, а это что-нибудь да значит. Я сокрушу все эти партии.

Но, быстро присмотревшись, он взял себе в союзники дворянскую «партию шляп». И с ее помощью стал готовить переворот. Герцог Якоб Магнус Спренгтопporten предложил ему свой план. Он успел наберечь сторонников, все больше офицеров. Среди них был младший брат молодого короля герцог Карл, а также способный аристократ Карл Фредерик Шеффер — ему принадлежала идея новой конституции.

Восемнадцатого августа 1772 года Стокгольм был взбужден. Всюду мелькали люди с белой повязкой на левой руке. То был опознавательный знак сторонников короля. Сам Густав скакал по городу верхом на белом коне. Сигнал был дан: противники короля были арестованы и препровождены в старый королевский замок на острове Стаден.

Шеффер напомнил Густаву: ровно десять лет назад так же, опираясь на поддержку гвардии, пришла к власти Екатерина, ставшая ныне во главе могущественной монархии. Она тоже совершила переворот, скача на коне среди своих сторонников.

С тех пор прошло пятнадцать лет. Можно подводить некоторые итоги. Главный — королевская власть незыблема. Ригсдаг поко-

рен ей. Густав искусно маневрировал: когда дворяне потребовали непомерной платы за свои услуги, в новую конституцию было включено положение, что отныне при назначениях будут приниматься во внимание только умение и опыт, а вовсе не сословная принадлежность.

Король ограничил власть чиновников, успешно провел денежную реформу, ввел государственную монополию на винокурение. Ригсдаг по его настоянию издал постановление о свободе вероисповедания, равно облегчавшее положение евреев.

Да, он мог обозреть эти пятнадцать лет с чувством известного самодовольства. Как расцвели при нем литература и искусство! Он покровительствовал поэтам не только потому, что сам время от времени увлекался сочинительством, — нет, они были цветом страны и воспевали ее. И его иной раз тоже. Он основал Королевскую музыкальную академию, Королевский оперный театр, Шведскую академию, в искусстве интерьера возобладали новый стиль, элегантный и утонченный, который назовут «густавианским».

Так было в первые годы царствования, когда страна была под ним, а его руки покоились на ее горле, готовые в любой момент сжать его. Но год от года хватка слабела. Да и можно ли все время быть в напряжении? Охота и расслабиться, и полиберальничать. Недоставало зоркости и слуха — за оппозицией нелегко уследить.

Взрыв произошел год назад, на сессии ригсдага. Король был обвинен в безудержном мотовстве, в беспардонном вмешательстве в дела, лежащие далеко от его интересов. Финансовая политика была провалена, страну год за годом постигал недород.

Король нервничал. Он уединился в своем дворце. Не в том, который начали строить без малого сто лет назад, в 1697 году, и все еще продолжали неторопливо доделывать. А в старом, на острове, который был, по существу, замком, могущим выдержать долговременную осаду.

Он предавался охоте и размышлениям. Обычно его сопровождал верный друг Густав Мауриц Армфельдт. Пришпоривая коней, они неслись по полям и лесам в окружении егерей и доезжачих, за неистово лающей сворой гончаков.

Затравив оленя, они довольствовались охотничьим трофеем и возвращались в замок. Пока повара свежевали тушу и раздвигали ее, оба по гулким переходам направлялись в пиршественную залу. Там их уже ждали собеседники и сотрапезники.

Это уже были не те, кто помогал Густаву совершить переворот. Король, как большинство владык, не отличался постоянством. И теперь он приблизил к себе тех, кому не был обязан, но кто был обязан ему. С годами он стал подозрителен — умеренно,

правда. И перестал доверять тем, кто составлял некогда его окружение.

Ну, во-первых, они уже изжили себя, это были люди в возрасте. Они были заражены либеральными идеями, иной раз чрезмерно. Знаете, эти старцы, которые хотят, чтобы все плясало под их дудку: они-де пожилы, за ними опыт.

Он был строптив, как положено королю. Не надо забывать, что Густав вошел в пору зрелости: нынче ему исполнился сорок один год. В этом возрасте не прислушиваются к советам — их дают. Он был уверен в себе, а стал самоуверен: от первых лет правления его отделяла огромная дистанция.

Густав уже не любил, когда его называли «молодой король». Да, он, разумеется, молод еще, но зрелость — его главное качество. Все-таки зрелость! Не забывайте об этом, господа!

Войдя в залу, он приветствовал своих сотрапезников поднятием руки. Слуги проворно подкатили тяжелое дубовое кресло, увенчанное короной и королевским вензелем. Густав тяжело плюхнулся в него: последнее время он стал уставать от скачки в седле. Часы, да, многие часы азартной погони летели незаметно, но после вдруг оказывалось, что нестерпимо болит спина, ноют все кости.

Он пододвинул к себе кружку с пивом и стал жадно пить. Потом поднял ее и провозгласил на немецкий манер:

— Прозит! И не забывайте, что я ваш король, господа!

— Виват, наш король, виват! — нестройно воскликнули все.

На огромных подносах внесли дымящееся жаркое.

— Накладывайте сами, — распорядился Густав. — Вы заждались, и у вас должен быть прекрасный аппетит.

Виночерпий наполнил кубки. Тосты один другого цветистей сменяли друг друга. Пили за здоровье короля, еще раз за здоровье короля и снова за здоровье короля, за процветание Швеции, за гибель ее врагов.

Языки развязались. Эрик Руут поднялся первым и произнес:

— У Швеции много врагов. Но пусть они трепещут: наш король смел и деятелен. Он не даст им спуска. Вот Дания...

Он отхлебнул из кружки и поперхнулся.

— Граф Бернсторф не дремлет! — захохотал Армфельдт. — Он почуял, что ты сейчас изрыгнешь хулу на Данию и на него.

— Да, именно так, — поправился Руут. — Этот чертов граф стоит во главе заговора против Швеции вместе со своим королем Христианом. Король пляшет под его дудку. Но недолго им торжествовать!

— Вот тут ты прав, Эрик, — спокойно сказал король. — Мы не дадим им торжествовать. Швеция всегда была выше Дании во всех отношениях...

— Даешь Данию! — прокричал Руут, довольный, что король его поддержал.

— Ты, как всегда, торопишься, Эрик, — остановил его Густав. — Час еще не настал. Но он придет. Пока граф Бернсторф управляет внешней политикой Дании, мы не можем оставаться спокойны. Он нацелил ее против нас.

— Не только он, — вмешался Юхан Толль. — Есть еще русская царица.

— Россия — давний враг Швеции, — поддержал его Армфельдт.

— А что поделявает эта женщина, которую зовут великой? Екатерина великая, ха! На самом-то деле она карлица, — раскатывался Руут. Он приметно захмелел и уже не мог остановиться. — Что она поделявает, с кем спит теперь? Ха-ха!

— Она путешествует, — сказал король. — А с кем спит, это несущественно. Все мы с кем-нибудь спим, не так ли, Эрик?

— Сов-вершенно справед-ливо, ваше величество, — заплетающимся языком произнес Руут. — Все мы спим и будем спать. Но мы ведь мужчины, и это наш, так сказать, долг перед природой. А она...

— А она женщина, — рассмеялся король, — и к тому же на вершине власти. Так что никто ей не указ. Как, впрочем, и мне. Отчего бы ей не менять любовников, как и мне — любовниц?! Альковные приключения монархов касаются только их, Эрик, заруби это себе на носу. Что пишет наш посланник?

— Он описывает торжество Потемкина, — отвечал Армфельдт. — Россия отвоевала у турок богатейшие земли. Один Крым чего стоит. Рассказывают, будто это необычайно плодоносная земля, где родятся виноград и другие южные плоды. Но важнее всего побережье Черного моря. Россия наконец получила возможность завести там свой флот и грозить туркам на море, чего прежде не было и о чем мечтал царь Петр.

— Неужто вы полагаете, что султан смирится с потерей такой жемчужины? — иронически спросил король. — Нет, господа, я совершенно уверен, что не за горами война. Война России и Турции.

— Но, государь, турки сравнительно недавно получили жестокий урок от русских, — засомневался Толль. — Осмелятся ли они снова ввергнуть страну в пучину войны?

— За их спиной — Франция, думаю, не она одна, — задумчиво произнес король. Видимо, мысль Толля навела его на сомнения. — Конечно, Россия — грозный соперник. Но мы должны помнить, что не так страшен черт, как его малюют. Некоторые наши конфиденцы доносят, что русская армия пребывает в расстройстве, что она плохо вооружена, наконец, что казна Екатерины пуста и бумажные деньги, которые она печатает без всякого стеснения, вконец расстроили всю ее денежную систему. Деньги потеряли свою стоимость, вот что. Это и нас постигло, как вы знаете.

— Судя по тому, что нам пишут, Екатерина способна на безрассудные поступки. Она может начать, — сказал Армфельдт.

— Э нет, у нее есть достаточно трезвые советники, — возразил король. — Они не дадут ей сделать опрометчивый шаг. Вы, барон, плохо информированы, это меня удивляет. Сколько мы знаем, Россия в настоящее время непрочна стоит на ногах. Ей не хватает не то что пушек, но и зерна. Как, впрочем, и нам, — поправился он. — А зерно есть такое же оружие во время войны, как и пушки.

— Золотые слова, государь, — подхватил барон.

— Но что же предпринять нам? — Король вопросительно обвел пирующих глазами. — Задавая этот вопрос, я предлагаю вам подумать над ответом. Основательно подумать. Вы знаете, в каком положении мы оказались. Разброд принял опасные формы. Покушения на королевскую власть становятся все более частыми. Зловредный дух идет от стортинга. Он попросту смердит. В армии все больше недовольных, особенно среди офицерства. Вы думаете, что я пребываю в неведении? Напрасно, господа! У меня достаточно доброжелателей и всюду есть глаза и уши. Но как быть? Я не хотел бы прибегать к арестам — это время прошло...

— Государь, надо как можно быстрее изолировать недовольных, — заявил Толль.

— Нет, это не годится, — отрезал король. — Начнется ропот, который может обратиться в бунт. Аресты — запальная искра, она вызовет взрыв. А его последствия трудно исчислить. Нет, нужен надежный громоотвод... Каким он должен быть, вот вопрос?

— Самый надежный громоотвод, государь, вам известен. Это война. Но с кем? Полагаю, что сейчас мы вовсе не готовы воевать с кем бы то ни было.

— Вот в том-то и дело, барон. — Король заметно оживился. — Война разрядила бы напряжение в стране, вызвать всплеск патриотизма. И на этой волне мы могли бы разделаться со своими противниками без особых опасений. Я имею в виду наших внутренних противников.

— Мы понимаем, государь.

— А внутренний враг порою опасней, нежели внешний, — продолжал Густав. — Однако мы пока не готовы, вы совершенно правы, дорогой барон. Надо собрать все силы в кулак. И ждать, ждать, ждать благоприятного момента. Я уверен — он наступит. Какой-нибудь из наших внешних врагов ослабнет. У нас есть сильный союзник — Франция короля Людовика...

— Но, боюсь, французы не станут ввязываться, — резонно заметил Армфельдт, — они предложат нам так же, как туркам, помощь своими офицерами-инструкторами. А мы в них не нуждаемся, у нас достаточно организованная армия, притом хорошо вооруженная.

— Они помогут нам деньгами,— объявил король с уверенностью.— А этого вполне достаточно. Деньги — артерия войны, как не уставал повторять русский царь Петр. А уж он-то знал толк в военном деле.

— Вот еще противник — Россия. Вековечный противник,— вздохнул барон.— Она прямо под боком. Да ведь не укусишь.

— Все в свое время, милейший барон, все в свое время.

Король был явно доволен направлением беседы. Да, порою за столом рождаются прекрасные мысли. И они дали направление его дальнейшим размышлениям. Они становились все углубленней, не давая ему покоя. Мало-помалу в голове созрел план. До поры до времени он решил никого не посвящать в него. Пусть он окончательно вызреет, тогда... Тогда он развернет деятельную подготовку, посвятит единомышленников, тех, на которых можно положиться, и станет вербовать новых. Один в поле не воин. Вокруг него должны сплотиться тысячи людей. Вот тогда можно надеяться на успех.

«Народ должен видеть своего короля,— вдруг спохватился он.— Дворцовые увеселения, королевские охоты, появление в театральной ложе — все это для узкого круга. Нет, следует ввести в обычай торжественное появление на улицах Стокгольма. В пышном мундире, источающем блеск. Или нет — в простом армейском мундире. А то и в гражданском платье. Пусть видят, что король прост и доступен...»

Он стал мысленно развивать эту идею. Надо появляться в окружении пышной свиты. Или, напротив, достаточно десятка королевских гвардейцев?

Пышную свиту он отверг. Он — впереди и непременно верхом, а за ним десяток всадников. Нет, не так. Впереди герольд, за ним два трубача: кто-то должен оповещать народ, что едет король...

Мысль показалась ему удачной. И он порешил привести ее в исполнение как можно быстрее, пожалуй, и завтра. Мундир капитана гвардии показался ему наиболее подходящим: армия, прежде всего армия должна видеть в нем своего человека. Того, кто в нужде поведет ее за собой.

Первой, кого он оповестил о своем решении, была королева. Болезненная, никогда не мешавшаяся в дела своего венценосного супруга, всецело занятая детьми, она была благодарной слушательницей и безоговорочно одобряла его, подчас даже в выборе очередной фаворитки.

— Вызови королевского портного,— сказал он ей,— и пусть он отберет один из моих мундиров, который попроще. Однако он должен выглядеть на мне достаточно эффектно. А ты одобришь или отвергнешь.

Портной не заставил себя ждать. Он явился с двумя подмастерьями и целым ворохом мундиров из гардеробной короля.

— Какой прикажете примерить, ваше величество? — с поклоном спросил портной. И, не ожидая ответа, безо всякой церемонии, которой от него следовало ожидать, продолжил: — Я бы порекомендовал вот этот, парадный. Он более всего соответствует вашему высокому положению.

— А в каком обычно появлялся победоносный Карл? — Густав имел в виду, разумеется, Карла XII, остававшегося народным кумиром, несмотря на поражение под Полтавой от русского царя Петра и долгое сидение как бы в заточении среди диких турок у Бендер, под стенами крепости.

— О, он был необычайно прост и не любил пышных мундиров, — объявил портной. — Я-то, конечно, не имел счастья лицезреть его, но мой дед много о нем рассказывал. Он ведь воевал под его знаменами и был в том злополучном сражении под Полтавой. А потом последовал за королем в турецкие пределы, — словоохотливо рассказывал портной.

Как видно, это был его любимый конек, и, сев на него, он не торопился слезать. Но король прервал его самым бесцеремонным, то есть королевским, образом:

— Отбери мне мундир попроще, более всего похожий на тот, который носил Карл. И приготовь его к завтрашнему утру, дабы я мог его надеть и показаться ее величеству.

Портной удивился. Отвергнуть парадный мундир? Статочное ли дело? Монарх обязан ослеплять подданных своею пышностью. Он рассуждал как простолюдин, ибо простолюдином и оставался, несмотря на свою близость к королевским телесам. Однако удивление свое при себе и оставил, памятуя о том, что его повелитель вспыльчив и не терпит никакой противности.

На следующее утро мундир был готов, оставалось лишь нацепить на него капитанские регалии. Отчего-то королю более всего пришелся по душе именно этот чин. В этом заключалось нечто вроде знамения, о чем он вспомнит позже.

— Ну как? — спросил он королеву, вертясь перед нею подобно манекену. — Как ты находишь, достаточно ли он скромн и вместе с тем выразителен?

Портной стоял в стороне с угодливо-восторженным выражением — на этот раз он, само собой разумеется, всецело одобрял выбор своего монарха. Оба подмастерья стояли рядом с ним и ели глазами его величество в капитанском мундире.

— Да, он прекрасно сидит на тебе, — одобрила и королева, — ты в нем выглядишь мужественным и стройным. Как в молодости, — некстати добавила она.

Густав фыркнул:

— Ты находишь, что я уже стар? Не рано ли?

— Ну что ты, что ты! — перепугалась королева. — Неужели ты мог так подумать! Я просто хотела подчеркнуть, что ты, напротив, ничуть не утратил стройности и изящества молодых лет.

— То-то же, — смягчился Густав. — Итак, ты одобряешь?

— Несомненно, мой дорогой. В таком виде ты смело можешь возглавить торжественный выезд.

— Да, ваше величество, ее величество совершенно права, — позволил себе подать голос портной. — И вы выглядите как истинный повелитель шведского народа и его воинства.

— Пусть церемониймейстер распорядится.

Все поняли. Церемониймейстер вырос словно из-под земли. Королевская эстафета понеслась с должной быстротой. Вскоре выезд был готов в соответствии с предначертаниями Густава: впереди герольд, за ним два трубача и так далее.

Утро, к сожалению, не соответствовало ожиданиям Густава. Оно выдалось хмурым — обычное стокгольмское утро. Правда, в облаках кое-где появились просветы, но они быстро затянулись; похоже, дело шло к дождю.

Армфельдт, наблюдавший за сборами, озабоченно сказал королю:

— Боюсь, государь, прольется дождь, и тогда эффект пойдет насмарку. Надо отложить выезд, так я полагаю. Быть может, в середине дня развиднеется...

Но королю не терпелось показаться народу, и он приказал подать коня.

На конюшне у него было два любимца: гнедой жеребец Аргус и белая как снег кобыла Магна. Густав некоторое время колебался, на ком остановить выбор.

— В такой пасмурный день, государь, предпочтительней была бы Магна. Она будет лучше смотреться, — посоветовал Армфельдт.

— Пожалуй, ты прав, — согласился король, и к парадному крыльцу подвели Магну.

Он без посторонней помощи вскочил в седло — Густав продолжал быть в хорошей форме, это было предметом его постоянных забот: король обязан быть сильным, ловким, подвижным, дабы подданные могли им любоваться без принуждения и угодливости. И небольшая кавалькада выехала из ворот дворца.

По счастью, дождь медлил пролиться. И при звуках труб, призывавших подданных полюбоваться своим королем, Густав горделиво гарцевал по улицам столицы, предполагая выехать на главную. Магна шла степенной рысью, грациозно перебирая точеными ногами. Справа рысил неизменный Армфельдт на своем караковом Гунте, слева — Эрик Руут, позади — дюжина гвардейцев на вороных конях.

Звуки труб, как и предполагалось, привлекли обывателей. Они высыпали на улицу. И наконец послышались долгожданные клики:

— Да здравствует король!

— Густав с нами!

Кричали вяло. Король наклонился и сказал Армфельдту:

— Следовало подготовить крикунов.

— Да, государь, этого мы не предусмотрели.

— Народное ликование всегда следует направлять,— поучительно заметил Густав.— А уж потом оно само начнет литься. Глупо надеяться на то, что все произойдет само собой. Впереди стада должны быть бараны.

— Козлы,— поправил Руут.

Дождь все еще медлил. И слава Богу. Король входил во вкус. Он приветственно махал рукой собиравшимся обывателям. Собирались они медленней, чем хотелось королю, и потому он заметил:

— Двух трубачей, как видно, мало. Нужны по меньшей мере пятеро.

— А отчего бы не оркестр? — удивился Армфельдт.

Король не согласился:

— Оркестр пристоен для шествия. А тут — выезд короля. Простой выезд, без чрезмерной пышности. Идея — король с народом, он в гуще народа.

Все было как обычно. Впереди бежали мальчишки, распялив рты в восторженном крике. Крестьянские повозки торопливо съезжали на обочины. Людей по обеим сторонам улицы становилось все больше, и это радовало короля и его спутников. Народ, по всей видимости, простодушно радовался ему, своему королю.

Неожиданно ему в голову пришла мысль, простая, как камни мостовой под копытами их коней: будь сейчас на его месте другой повелитель, его приветствовали с таким же восторгом и так же жадно глазели на него. Для обывателей это было всего лишь неожиданным развлечением. Они, скорей всего, и не знают, как выглядит король...

Раздвигая людей, вперед протиснулся человек почти в таком же мундире, как он. Правда, мундир был не столь щегольской: он был изрядно потерт и поношен. Но это был капитанский мундир.

Король не мог оторвать от него глаз. Капитан резким движением выхватил из-за пояса пистолет, вскинул его и нажал курок.

«В меня? Неужто в меня?» — мимолетно подумал Густав. Эта мысль показалась ему нелепой.

Хлопок выстрела, свист пули над самым ухом — все это промелькнуло как бы мимо его сознания. В то же мгновение очнувшаяся от оцепенения стража наскочила на стрелявшего, смяла его конями и потащила куда-то.

— Его величество невредим! — вскричал бледный от испуга Армфельдт.— Слава Богу, он невредим! Козни врагов!

Толпу обывателей как ветром сдуло. На улице осталась только кучка всадников, сгрудившихся вокруг короля.

— Мы возвращаемся,— вялыми губами произнес Густав. Он так и не успел испугаться, им более всего владело недоумение. И еще огорчение: рухнула идея единения с народом. Оказалось, что такое единение может таить в себе неожиданную опасность.

— Мы заставим негодяя говорить! — возбужденно восклицал Эрик Руут.— Он несомненно чей-то агент. Датчан? Русских?

— У меня немало врагов и внутри королевства,— пробормотал Густав,— и вам это известно не хуже, чем мне. Недовольство зреет среди дворян.

— Наш государь слишком самостоятелен,— продолжал свое Руут,— и это не может нравиться русской царице и датскому королю.

— В любом случае надо принимать меры,— подхватил Армфельдт.

— О каких мерах ты говоришь? — полюбопытствовал король.

— О самых разных, государь. Внутри и вовне.

— Внутри ты имеешь в виду аресты оппозиции в риксдаге?

— И это. Следует действовать решительно. Железной рукой.

— А вовне?

— Мы уже говорили. Война разрядит напряжение, возникшее в обществе.

— Я думал об этом.— Густав был серьезен.— И буду продолжать думать. Война — это крайнее средство. Но радикальное. Она требует жертв. И денег. С жертвами ради высокой идеи я не посчитаюсь. Но где взять деньги?

— Подтянем пояса! — бодро воскликнул Армфельдт.— Поддержим нашего короля!

Одиночный выстрел на улице словно бы поставил точку в размышлениях короля. Теперь он уже все настойчивей и определенной думал о войне, которая только и могла спасти его пошатнувшийся трон.

Война! Но с кем? Несомненно с Россией. Ее столица была в нескольких десятках верст. Надо только выждать. Посол в Константинополе в своих депешах был категоричен: считанные месяцы отделяют Порту от войны с Россией.

Выждать! Россия увязнет в войне с турками. Она будет ослаблена. И тогда Петербург станет легкой добычей. Он будет поражен с двух сторон. Екатерина запросит мира. Его акции в народе необычайно возвысятся. Он станет национальным героем подобно Карлу XII. И тогда никто не посмеет покуситься на него!

Король забыл про Полтаву. И стал ждать.

СКВОЗЬ МАГИЧЕСКИЙ КРИСТАЛЛ...

В е т в ь д е в я т н а д ц а т а я: май 1453 года

И было ликование, и козни турок разрушились: их подкопы взорваны, а попытка штурма отражена.

Дозорный со стены заметил корабль, приближавшийся со стороны Мраморного моря. Одинокий, он был преследуем турецкими кораблями.

Надежда вспыхнула с новой силой. Это несомненно был передовой корабль христианского флота. Флота, спешащего на помощь великому городу.

Императору поднесли зрительную трубку. Он долго всматривался в приближавшийся корабль, а потом, отложив трубку, устало произнес:

— Это наша бригантина. Ее мы посылали за помощью.

Спустя двадцать дней она возвратилась. Но с чем? И сможет ли уйти от погони?

Судно легко скользило по волнам на всех парусах. Оно успело отдалиться от преследователей и под покровом ночи проскользнуть в залив.

Капитан поднялся на башню, где его уже ждал император и его приближенные. Они надеялись на добрую весть. Но капитан бригантинны грустно сказал:

— Мы обошли все острова Эгейского моря — погода нам благоприятствовала. Но нигде не нашли ни одного христианского корабля. Венецианцы нас обманули. Они не послали свой флот на выручку. Мне удалось подавить бунт на бригантине: многие матросы не хотели возвращаться, уверяя, что город уже захвачен. Но я выполнил свой долг.

— Раз единоверцы отвернулись от нас, — с горечью произнес император, — положимся на небесную помощь, на помощь Иисуса Христа и Богоматери Владычицы. — И при этих словах невольные слезы брызнули у него из глаз.

И невольно память защитников великого города обратилась к предсказаниям. Они гласили: первым императором Византии был Константин, сын Елены, Константину быть и последним. Было и еще предсказание: Константинополь не может пасть в ночь прибылой луны. Но в ночь полнолуния произошло лунное затмение и воцарилась кромешная тьма.

Это окончательно подкосило дух осажденных. «Богоматерь нас спасет, вознесем молитвы Богоматери!» — раздавались возгласы во всех концах города.

Стихийно возник крестный ход. На носилки водрузили наиболее почитаемую икону Влахернской Богоматери и двинулись к храму Святой Софии.

Но в это время произошло непредвиденное: икона вдруг обрушилась с носилок. Бросились ее поднимать, но — о чудо! — она оказалась тяжелее свинца. Это было сочтено за зловещее предзнаменование.

Если бы только оно! С большим трудом крестный ход возобновился. Но над городом неожиданно сгустились тяжелые тучи. И вдруг заблистали молнии, загрохотал гром и на землю пал крупный град. Люди бросились укрывать детей и пытались укрыться сами. В довершение всего разразился ливень небывалой силы.

Зловещие знамения продолжались и на следующий день. С утра на город опустился туман, чего никогда не бывало в это время года. А когда туман наконец рассеялся, над куполом храма Святой Софии появилось странное сияние...

Глава девятнадцатая

НАКАЗАТЬ ЗЛО!

Также князь А. А. Вяземский Генерал/ал/ Прокурор, человек неблистательного ума, но глубокого рассуждения, имевший в руках своих доходы государственные, искуснейший способ для лишения употребил. Притворился быть глупым, представлял совершенное благоустройство государства под властью ея, и говоря, что он, быв глуп, все едиными ея наставлениями и быв побуждаем духом ея делает, и иногда премудрость ея не токмо ровнял, но и превышал над Божией, а сим самым учинился властитель над нею. Безбородко, ея секретарь, ныне уже Граф, член иностранной Коллегии, Гофмейстер, Генерал Почт-Директор и все в рассуждении правительства, за правило имеет никогда противу ея не говорить, но, похваляя, исполнять все ея веления и за сие непомерныя награждения получил.

Князь Щербатов

Г о л о с а

От Ея Величества пожалованы денежные дачи духовенству, находящемуся при флоте в Севастополе, греческому духовенству в Феодосии и в Бахчисарае, на мечеть в Карасу-базаре, на мечеть и дервишам в Бахчисарае, на училище в области Таврической, нижним чинам всех войск, в Тавриде расположенных, по 1 рублю... також на бедных и увечных, что вообще составило знатную сумму...

Кавалериею Святого Владимира IV степени пожалованы капитан Андрей Шостаф и секунд-майор Эммануил де Рибас, а Второй степени — Действительный Статский Советник Правитель области Каховский...

Из Журнала Высочайшего путешествия...

Я никогда не находила, что у меня был творческий ум; я встречала множество людей, которых безо всякой зависти признавала гораздо умнее себя. Руководить мною было всегда очень легко: чтобы добиться этого, следовало только представить мне несравненно лучшие и более основательные идеи, нежели мои: тогда я становилась послушной, как ягненок. Причина этого — в страстном желании, никогда не оставлявшем меня, чтобы свершилось благо моего государства... У меня были несчастья — из-за ошибок, которым я не была причиной; быть может, они и произошли из-за того, что я не проверила, исполнены ли в точности мои указания... Я никого не стесняла в мнениях, но при случае твердо держалась своего. Спорить я не люблю, потому что убеж-

дена: каждый остается при своем мнении... Я никогда не помню зла. Провидение столь возвысило меня, что я не могу быть злопамятной к кому бы то ни было, ибо, по справедливости, мы окажемся в неравном положении. Я вообще люблю справедливость...

Екатерина — Сенак де Мейлану, французскому дипломату

Вашему Императорскому Величеству благоугодно было Комиссариатский департамент при войсках начальства моего поручить моему попечению и распоряжению. Вследствие чего старался я все то наблюдать, что к выгоде людей, пользе службы и сбережению казны служить могло. Но к достижению совершенного в том успеха нужно, чтоб на все войска, здесь находящиеся, положенные суммы совсем отделены были в мое ведомство. Я докажу тогда дешевизну и способность в довольствии войск, которые ныне, в ожидании всего потребного из Москвы, крайне нуждаются, а паче, посылая туда команды, умножают расход и через то нередко людей теряют, теряет много и казна в перевозке, а учредя здесь заготовление вещей, мастерства умножатся, работники же, будучи на дешевом хлебе, дешевле и работать будут.

Потемкин — Екатерине

Все было как всегда: верноподданные восторги, пушечная пальба, приношения именитых граждан, гарцующие казаки и татары — вперемешку...

И прощание с морем. С теплым, приветливым, то зеленым, то голубым, ни разу не остервенившимся при виде государыни и ее свиты.

Граф Фалькенштейн, он же император Иосиф II, имел в своем владении теплые моря, вплоть до Средиземного, у государыни же отныне было только Черное, ежели не считать Азовского; все же остальные были холодны и неприятны.

Было прощание с морем, оставленным в Феодосии, назревало прощание с императором. «У него глаза орла», — любила повторять Екатерина. «А характер? — допытывался Потемкин, когда они на короткое время остались одни. — Каков у него характер, матушка?»

Екатерина смешалась. Она не знала ответа — боялась ошибиться. Порою ей казалось, что характер у него неустойчивый. Но он был единственным союзником России, на которого можно твердо полагаться на случай войны с турком. Война же неизбежна, до нее рукой подать — это она твердо знала. Важно было убедить Иосифа в том, что Порта — зло. Давнее, неизменное, каменное, воинственное, упорное зло. И пока она не будет разрушена, справедливость не восторжествует в мире. Себя же она почитала во-

ительницей за справедливость, а саму справедливость — одною из своих добродетелей. Притом едва ли не важнейшею.

Она чувствовала в своем высоком госте некую раздвоенность, даже нерешительность, сомнение. Следовало употребить все красноречие, присущее ей, чтобы в нем появилась определенность.

— Он, матушка, живет с оглядкою на всю Европу. А того не чувствует, что Порты есть мировое зло,— обронил Потемкин.

— Его тоже можно понять: взят в кольцо недоброхотами, империя его — бродильный чан,— защищала императора Екатерина.

— Он более нас боится, нежели турка,— усмехнулся Потемкин.— Скоро мы подыдем над всею Европой. Да все они этого боятся, потому и навредить стараются.

Екатерина поджала губы: знак, что она против.

— Ты, Григорий Александрович, злопыхатель. Во всех видишь контры. Меж тем как его величество с нами заодно. А знаешь почему? Потому что ему крупный куш отвалится, ежели мы турка сокрушим. Ты помнить должен: его империя от Порты Оттоманской весьма много претерпела. И под стенами Вены турок стоял, и многих земель империя сия лишилась...

— Все так, матушка-государыня, но уж больно он нерешителен.— Потемкин был неуступчив.

— А кто тебя светлейшим-то почтил,— напомнила ему Екатерина.— Ты ему благодарен быть должен.

Потемкин фыркнул:

— Он не мне, а тебе, матушка, удовольствие сделал. Ты его о том просила.

Это было сущей правдой, и Екатерина приумолкла. Впрочем, что бы там ни говорил ее любимец, она верила в Иосифа. Основания были. Их связывала давняя приязнь. И тайный договор, заключенный еще шесть с лишком лет тому назад, о разделе Оттоманской империи. Правда, ход Екатерины и Потемкина с присоединением Крыма стал для него неожиданным и, откровенно говоря, неприятным сюрпризом. Но пришлось промолчать...

Она все-таки завлекла Иосифа в свои тенета и чувствовала себя победительницей. По ее зову он вторично прикатил в российские владения. Уж теперь ему не отвертеться! Она видела: Таврида вызвала у него некое подобие зависти. Хотя чего уж там завидовать: столь же благословенных земель в его владениях было предостаточно.

Огромный обоз государыни снова выкатился в степь, все более удаляясь от моря. Солнце уже успело высушить травы, и их немолчный шелест и шуршание стало заменю плеска морского прибоя. Да и сама степь была как море. Прежде зеленое, оно изрядно покоричневело, и над ним вихрилась пыль.

Все чувствовали усталость. Еще бы, едва ли не полгода странствовали они вдали от дома. И дом под хмурым небом казался многим необыкновенно уютным и желанным. И даже тамошние холода и вечная сырость казались предпочтительней здешних жаров, от которых иной раз падали лошади.

Путь лежал в Берислав, где монархи решили расстаться. Небольшое тихое местечко на берегу Днепра должно было окончательно закрепить их союз. Ему предназначалось стать неким символом их единения, как прежде — Могилев.

Екатерина помнила, что написал Иосиф из Могилева своему старому наставнику Кауницу, — она никогда не теряла бдительности, особенно когда дело шло о высоких персонах и надлежало выяснить меру их искренности. А написал он вот что: «Надо знать, что имеешь дело с женщиной, которая заботится только о себе и так же мало думает о России, как и обо мне...»

На императорского фельдъегеря было инсценировано нападение разбойников, он был оглушен, связан, секретный пакет отобран и вскрыт, один из «разбойников» списал письмо Иосифа, затем пакет был снова запечатан, словно бы и не вскрывался, у посланца для виду были изъяты перстень, часы и некоторая часть денег. Затем его посадили на коня... Он был счастлив, что легко отделался. А «разбойники» были довольны, что в точности справились с поручением. Опыта такого рода доставало...

Нынче Иосиф был сердечней и казался расположенней. Казался... Екатерина-то знала, что кроется за внешней сердечностью и расположенностью. Кто-кто, а монарх обязан владеть искусством лицедейства. Это есть политическое искусство. Она владела им в полной мере. Истинные чувства скрывала под маской. Маска была почти что несменяемой: ровность и благорасположенность. Все находили, что у государыни ангельский характер. Но чего это стоило при ее-то темпераменте!

Днепр опал в берегах и гляделся смиренней. Предусмотрительный Потемкин озаботился выстроить в Бериславе не дворец, но уютный дом, достаточно просторный и удобный, дабы потом местная власть могла бы приспособить его под присутственные места. В нем могли разместиться государыня и ее высокий гость с челядью, министры российские и иностранные. У Потемкина были особые апартаменты.

Убедить Иосифа! Екатерине казалось, что она в достаточной мере владеет искусством убеждения в равной мере с искусством притворства. Но за внешней мягкостью Иосифа таился крепкий орешек, и она нередко обламывала зубы об его скорлупу.

Но где взять другого союзника с таким интересом, как у императора? Такого не было и не предвиделось, стало быть, этого следовало привязать к себе веревками — нет, приковать цепью!

Цепь следовало выковать из чистого золота, как приличествовало императору самой протяженной в Европе империи.

День прошел в разговорах. Они гуляли по берегу Днепра, свита следовала на почтительном отдалении.

Травы шуршали под их ногами, исторгая пыль, разбрасывая семена. То там, то сям посвистывали суслики. Они возникали столбиками возле своих норок и с любопытством разглядывали пришельцев. Природа жила своей жизнью и пела на разные голоса, неведомые человеку. А двое говорили о войне, о смертоубийстве, словно бы о добродетельном деле.

— Наш тайный договор остается в силе! — утверждала Екатерина. — И ничто, никакая сила не в состоянии его нарушить. Надеюсь, что и вы, государь, с тою же твердостью, что и я, придерживаетесь такого мнения.

Иосиф кивнул. И, понимая, что этого жеста недостаточно, сказал:

— Само собой разумеется, мадам.

— Наказать зло! Наказать зло — это доблестная цель. Зло, которое торжествовало более трех столетий, которое утверждало свое владычество на чужих землях, порабощало целые народы, притом совершенно безнаказанно. Христианство было растоптано, его святыни поруганы. Как можно смириться с этим! Я верю, что наш небесный покровитель в это мгновение слышит меня и одобряет.

О, Екатерина умела блистать красноречием, когда хотела убедить собеседника, приковать его к себе прочными узами. Она, пожалуй, смогла бы склонить на свою сторону бронзовую статую, а не то что живого императора. Иосиф с улыбкой сказал ей это. В ответ она еще более воодушевилась:

— Три с половиной века тому назад османы захватили Византию. Великая христианская империя исчезла с лица земли. Но они не остановились. Под их ударами одно за другим пали христианские государства Восточной Европы: Сербия и Болгария, Молдавия и Валахия, Моревя и Венгрия, Трансильвания и Босния... В их руках оказалась святыня христианства — Иерусалим и вся святая земля. Я уже не говорю о государствах Африки и Азии.

«Она прекрасно подготовилась, эта удивительная женщина, — думал тем временем Иосиф. — Как видно, у нее были знающие наставники. Впрочем, как выяснилось, она достаточно начитанна. Не исключено, что все эти знания она почерпнула из книг преимущественно французских авторов. Я бы не удивился, если бы она села на коня, как истая амазонка, и повела за собой войско на Константинополь, предмет ее вождельных мечтаний. Видимо, она, эта неистовая бабушка, обожает своих внуков и жаждет обеспечить их будущее. Константину уготован Константинополь, Александру же...»

Тут его мысль затормозилась, ибо будущее Александра, который, по словам Екатерины, был ее любимцем, представлялось ему неясным. Быть может, он унаследует империю?..

Екатерина продолжала с прежним жаром:

— Разве же не священный долг всех христианских государей, всего христианского мира вернуть то, что было вероломно захвачено?! Разве перед этой угрозой мы все не должны объединиться? Труссы! Где они, прежние паладины христианства?! Где рыцари, бесстрашно отправлявшиеся в крестовый поход, дабы освободить Святую землю?! Их нет, они вымерли. Вымер дух рыцарства, государи Европы более всего озабочены сохранностью своего трона. Остались мы с вами, государь. И мы обязаны идти до конца в нашем стремлении восстановить поруганную справедливость, честь и славу Христа и Богоматери!

— Ваша страстность делает вам честь, мадам,— наклонил голову Иосиф.— Я разделяю ваши чувства, я понимаю их. Я подтверждаю незыблемость нашего союза. Но...

«Вот оно — «но»! Вечное «но»,— с горечью подумала Екатерина.— Эти католики — люди с холодным сердцем. Ими движет собственный интерес, они все время боятся промахнуться. И все мои попытки возжечь пламень веры в его сердце ни к чему не приведут. Пламень веры, пламень отмищения — вот чем должны гореть сердца. И души. И все естество».

«Но» Иосифа повисло в воздухе. Екатерина напомнила:

— Я жду, государь.

— Но весь остальной мир станет противиться. И вы это прекрасно знаете. Нас никто не поддержит, как бы далеко не увлекло вас ваше красноречие. Увы, это реальность наших дней.

— Пусть! — тряхнула головой Екатерина.— Мы увлечем нашим примером остальных государей!

— И вы верите в это? — улыбнулся Иосиф.

— Верю! — с прежним упорством произнесла Екатерина.— Обе наши державы — великая сила. Сила, которой нет равных в Европе. Главное — самым точным образом нанести удар. Не промахнуться. Рассчитать все. Сокрушить без промаха. Если нам удастся это, все те, кто стоял в стороне, поддержат нас. Уверяю вас.

— Возможно, вы и правы,— вяло согласился Иосиф.— Но где гарантия, что мы сумеем нанести верный удар? Что мы не встретим неожиданно сильного сопротивления, которое разрушит наши планы? Вы забываете, мадам, что турки располагают огромной армией, что их ресурсы неисчерпаемы, что они поднимут подневольные народы против нас, наконец, что человеческая жизнь для них — ничто.

«Он холоден как лед.— Разочарование все сильнее и сильнее охватывало Екатерину.— Я выдвигаю все доводы «за», он — «против». Он рассудочен, слишком рассудочен. И мне его не победить,

а тем более не зажечь. Я горю, он чадит. Они все такие — эти европейцы.— На мгновение она забыла, что тоже принадлежит к этому племени.— Остается надеяться только на себя! Готовить войско — денно и нощно, готовить оружие и амунизию, провиант. Флот должен господствовать в Черном море, он должен быть сильнейшим. Не менее ста тысяч под ружьем. Да нет, пожалуй, все полтораста тысяч». В эти минуты она рассуждала как полководец, совершенно уверенный, что одержит викторию, она рвалась в бой...

А бескрайная степь дышала миром. И от императора Иосифа тоже исходили мирные токи. И Екатерина вдруг ощутила и это очарование степи с ее запахами и звуками, и тщетность своих усилий под этим небом.

«Быть может,— решила она,— я достучусь до него, когда мы будем в четырех стенах...»

— Пора обедать, государь,— объявила она.— Мы возвращаемся.

И они повернули назад. Свита нерешительно затопталась на месте, не зная, дожидаться ли либо тоже повернуть.

После обеда, прошедшего в чинном молчании, к государыне напросился Потемкин. Он знал, о чем шла речь меж Екатериной и Иосифом, и горел любопытством узнать, каков результат.

— А тот же самый,— отвечала Екатерина.— Не мычит и не телится. Верен союзу, но верность эта формальная.

— Стало быть, на Иосифа надейся, а сам не плошай? — ухмыльнулся князь.

— Ты правильно понял, Гриша, Григорий Александрович. Однако при всем при том помнить должен, что у нас нету более крепкого союзника. И упаси тебя Господь пренебрегать им.

— Это, матушка, я согласен помнить.

— Не ослабляй укрепление войска и флота...

— Не токмо не ослаблю, но и усиливать буду, елико возможно.

— Беречь казну надо...

— К сему всеми силами стремлюсь. Рапорт подал...

— Весьма одобрила. Действуй все в том же духе. Я на тебя всецело полагаюсь. Надобно нам быть в полной готовности.

— Деньги, деньги и деньги. Великий Петр многожды именовал их артериею войны...

— Казна пуста, Григорий Александрович. Придется печатать ассигнации. Не раз тебе о том говорила. Но князь Вяземский, старый пень, говорит, что это опасный путь. Что деньги-де от их изобилия падут в цене. Похоже, он прав.

— Прав он либо нет, но деньги надобны позарез. Без них — ни шагу...

— Это мне ведомо. И я казною тебя не обижу. Войне, вестимо, быть, но, как я уже говорила, хорошо бы ее отдалить года на полтора, на два...

— Я сам о том пекусь, но то не в моих силах. Турок может выскочить. И как доносит Яков Булгаков, непременно выскочит. Улещать его надо, хоть и противно сие нраву моему.

— И моему тож. Да только прикажи ему стараться, Якову-то. Пусть не жалеет ни левков, ни мехов на подкупы министров — ему уж говорено было. Дошли ему еще злата да мягкой рухляди, дабы щедрей был.

— Не все от везиров их зависит. Султана следует опасаться.

— Будто султан неподкупен.

— Трудно, матушка. Яше до него не достичь. Слишком высоко.

— Пусть ход ищет. Не может того быть, что хода к султану нету.

— Он изворотлив, сам знает, где что лежит, что в действо привести.

— Как думаешь, граф Петр Александрович Румянцев, герой Кагула и Ларги, еще в силе?

— Устарел он, матушка. Я так думаю — из ума выжил. Тиранит своих дворовых, за пустяк приказывает в смерть запороть. Много душ погубил зазря. А что касается Кагула да Ларги... Бог да случай выручили.

— Неужли? Не одними теми викториями славен. Задунайский ведь.

— Так-то оно так. Однако с того времени без малого двадцать годков минуло. На крайний случай можно испробовать. Есть воины покрепче.

— Кто ж такие?

— Один Суворов Александр Васильич многого стоит. Будто тебе неведомо!

— Знаю, славен. А еще кто?

— Князь Репнин, Голенищев Михайла...

— Это который? Кутузов, что ли?

— Он самый.

— Мало, князь Григорий, мало.

— Поскребем по сусекам, еще отыщем. Флот зато талантами богат.

— Это кто же? Кого числишь в талантах?

— Ушаков Федор Федорович — главная моя надежда. Там еще немало: граф Войнович, Дерибас, Мордвинов, молодой Сенявин...

— Людей надобно готовить, офицерский корпус. В них главная сила.

— Не оплошаю, государыня-матушка. Сам понимаю, где ключ лежит.

— Ох, боюсь, боюсь, — вздохнула государыня. — За семью печатями тот ключ. Доберешься ли?

— Ты мне поможешь, матушка, никто, кроме тебя, не в силах...

На том разошлись. Оставались последние часы до отбытия графа Фалькенштейна. Он настоятельно просил не устраивать

торжественных проводов. Более того, он собирался отбыть незаметно, как бы не насовсем, дабы круг провожающих был как можно уже.

Екатерина лучше поняла императора в этот его приезд, она стала трезвей его оценивать. Однако понимала: он и в этот раз всего лишь приоткрылся. Подходила к нему и так, и эдак, прошупывала то с одного боку, то с другого. И все-таки чувствовала: нет меж ними полного единения, он сам по себе, а она сама по себе. Союзничество было шатким, а ей хотелось прочности и незыблемости.

Приступила к нему с последним разговором. Все о том же, что у нее наболело. Сознает ли император, что война вот-вот разразится? Да, он сознавал. И даже полагал, что никак не позже, чем в будущем году.

— Мир меж нас с турком держится на нитке. Она вот-вот порвется,— сказала она, стараясь говорить спокойно,— и в этот раз мною владеет решимость закончить войну в Константинополе. Да, только так. Вот это будет высшая справедливость. То, что было некогда захвачено разбойником, будет у него отобрано силой. Вы, государь, разделяете ли мое мнение?

Иосиф молчал. Эта женщина с ее напористостью хочет во что бы то ни стало добиться своего. Она не понимает: у нее будет не один противник в этой войне, не только турок. Но и француз, пруссак, англичанин и еще много других. Как внушить ей это?

— Я разделяю ваше мнение в той его части, которая касается справедливости. Да, справедливо отнять у разбойника его добычу. Особенно если он отдает ее без сопротивления. Но если он ожесточенно сопротивляется, считая ее по истечении веков своей законной добычей, если, наконец, не он один так полагает, а целое сообщество, в данном случае сообщество европейских народов, то цель ваша становится едва ли достижимой. Я желаю, мадам, чтобы мы оба трезво смотрели на вещи и обстоятельства. Я не отказываюсь и никогда не откажусь от моих союзнических обязательств. Но я призываю вас: трезвость, трезвость и еще раз трезвость!

— Вы считаете, что я слишком увлечена, что во мне говорит идеалистка, обуреваемая навязчивой идеей? — Екатерина впиалась глазами в своего собеседника, они источали пламя, токи неведомой силы.

Он попробовал отшутиться:

— Да, вы увлечены, мадам. Но это естественно: ведь вы все-таки женщина и ничто женское вам не должно быть чуждо. А увлеченность — черта всякой женщины.

— Но я все-таки буду в Константинополе! И при мне на храмах воздымут святые кресты вместо ненавистных полумесяцев. Кресты

будут возвышаться там, где они стояли прежде! Это будет акт величайшей справедливости. А справедливость должна торжествовать в этом мире насилия! — Екатерина произнесла этот монолог, рубя краем ладони по ломберному столику, отчего он стал шататься.

Иосиф никогда не видел ее столь возбужденной. И его обычная уравновешенность тоже пошатнулась. Он сказал:

— Успокойтесь, мадам. И помните: я всегда на вашей стороне, как бы ни развивались события.

— То-то же! — победоносно произнесла Екатерина. — Не все вам класть женщин на обе лопатки. Иной раз и женщина способна взять верх. — И потом примирительно добавила: — Весь этот разговор к тому, ваше величество, что и вам надо готовиться к войне, как делаем это мы. Самым энергическим образом. Полагаю, война разразится раньше, нежели предрекали вы, ибо нить до предела натянута, и я чувствую это натяжение. Роковое натяжение. Я, как вы поняли, настроена весьма решительно: эта война должна стать последней меж нашими империями и Оттоманской Турцией. Мы должны разбить ее на куски, которые будут существовать самостоятельно, как и было когда-то. Оттоманская империя не будет больше никому угрожать, этот вселенский разбойник должен прекратить свое существование. Народы Европы будут нам только благодарны, они увидят в нас своих избавителей.

На лице Иосифа застыло напряженное выражение. Он понял, что возражать Екатерине бессмысленно, что она одушевлена своей идеей и никакая сила не способна ее поколебать. «Надо попроситься по-хорошему, — думал он. — Она непоколебима, и, быть может, таким и должен быть истинный монарх в своем стремлении достигать цели. Но мы — в разных условиях и обстоятельствах. Она — повелительница полудиких народов, я же стою на вершине государства, народы которого представляют старейшие цивилизации. Екатерина не может постичь этой разницы».

Он достал из кармана панталон луковицу часов, щелкнул крышкой, раздался едва уловимый звон — напоминание. Иосиф поднялся и, стараясь придать своему голосу как можно больше теплоты, произнес:

— Мадам, мне пора. Я не могу в полной мере выразить вам все чувства признательности, благодарности и удовольствия, которые я имел счастье испытать, общаясь с вами на протяжении многих дней. Они осветили мне вас, повелительницу огромной и мощной империи, ярким светом. Я многое понял и прочувствовал. Прошу вас не сомневаться во мне. Прошу также передать мою благодарность всем тем, кто сопровождал меня в этом путешествии.

Карета, запряженная шестерней, давно дожидалась у заднего крыльца. Там же находился спешенный казачий эскадрон: почет-

ный эскорт и надежный охранитель. Провожающие были заранее оповещены: Потемкин, Безбородко, Сегюр, Кобенцль, де Линь и некоторые другие, числом не более десятка.

— Будет дождь,— сказал Потемкин, взглянув на небо. Там, медленно сгущаясь, ползли стаи кучевых облаков, уже затемняя солнце.— Это счастливая примета, граф Фалькенштейн, ваше величество.

— Нас сопровождало множество счастливых примет,— торопливо отвечал Иосиф.— Я вижу в этом не случайность, а закономерность: счастливое царствование всегда сопровождается счастливыми приметами. Прощайте, господа, и да пребудет над вами Всевышний.

Он уже занес ногу на ступеньку кареты, как вдруг, словно спохватившись, стукнул себя по лбу, резво повернулся и в несколько шагов очутился возле Екатерины. Взяв ее руки в свои, он прижал их к сердцу, а затем к губам.

— Еще раз прощайте, мадам. Я никогда не забуду дней, проведенных с вами!

Екатерина приподнялась и поцеловала его в лоб. Глаза ее увлажнились. Это была уже не решительная монархиня, а чувствительная женщина, всего только.

Два экипажа в сопровождении казачьего эскорта выкатились в степь. Небо над нею все понижалось и понижалось, словно бы желая слиться. Пыльные смерчки вихрились по сторонам дороги. И сразу в двух местах на землю пали огненные языки молний. Отдаленный гром проворчал и умолк. Это все еще была прелюдия. Но вот первые крупные капли застучали по сухому былью, принося пыль. Их подхватил ветер и унесся вместе с ними. И тотчас с небес сорвались потоки, перед которыми ветер был бессилен. Они занавесили даль, в которой исчезла кавалькада, уносившая императора Священной Римской империи германской нации Иосифа II.

Провожавшие тотчас укрылись под крышей. Князь Потемкин, ничуть не заботившийся о приличии, бросил:

— Слава Богу, император с возу... Легче будет, право слово.

Екатерина погрозила ему пальцем. Она тоже почувствовала нечто вроде облегчения. Все меж них было сказано, заверения были даны, оставалось ждать развития событий и надеяться на лучшее. Что уж там говорить: присутствие императора сковывало и налагало обязательства даже на Екатерину, не говоря уже о всех прочих.

Потоки затопили степь. Днепр вздулся и понес на своей волне вымытые с корнем ветлы, островки рогоза, разный мусор и вместе с ним не успевших переправиться тарпанов и зверей помельче.

Небо постепенно разряжалось. И вскоре в мрачной серой пелене замелькали просветы. Они росли и ширились. Ливень недолго

ярился, теперь он проливался степенным дождем. А спустя три часа из-за рваных закраин нерешительно выглянуло солнце. И все живое, обрадовавшись ему, тоже стало выглядывать из своих укрытий.

Дороги размокли. Пришлось ждать, когда их подсушит солнце. Нетерпение, таившееся до поры до времени, с отъездом императора бурно вырвалось наружу. «Ехать, ехать, ехать!» — в один голос твердили все, не исключая и самой государыни. Но как ехать, когда колеса вязнут в раскисшей земле...

— Не попытать ли по целине? — озадачил всех Безбородко. — Она ровно гать выдержит экипажи.

Решено было испробовать. Ожившие травы переплелись корнями и держали. Движение было медленным — кони пробивали копытами девственную дернину, однако же тянули.

Солнце меж тем усердствовало. Оно выпаривало землю. Оно словно бы разделяло нетерпение измученных долгой ездой людей.

Наконец-то началась дорога к дому, к покою, к привычному быту. Сколько ж можно колесить!

СКВОЗЬ МАГИЧЕСКИЙ КРИСТАЛЛ...

В е т в ь д в а д ц а т а я: май 1453 года

Итак, зловещие предвестья омрачили дух защитников великого города. Меж них все больше и сильнее воцарялось уныние.

И тогда все знатные люди Константинополя подступили к императору. Они в самых решительных выражениях потребовали от него, чтобы он покинул город и отправился к христианским государям за помощью. Лишь тогда, когда он предстанет перед ними своею особой, тогда у них откроются глаза на грозную опасность, которая нависла не только над Константинополем, над Византией, но и над всем христианским миром. Ибо ненасытные турки не удовольствуются одною только Византией. Их воинственные полчища начнут движение все дальше и дальше на запад.

Император пребывал в великом смятении. Потрясение его было столь велико, что он на мгновение лишился сознания. А когда наконец пришел в себя, то дух его воспарил.

— Нет,— промолвил он.— Нет и еще раз нет! Я не покину город. И если враг ворвется в него, от чего спаси Господь, то я умру вместе со всеми, защищая его.

Пали духом не только греки, но и турки. Шел к концу второй месяц осады, а город, взятый в кольцо, с его ничтожным гарнизоном продолжал мужественно сопротивляться. И все усилия огромной султанской армии и флота были пока тщетны: ни один турецкий солдат не проник за стены Константинополя.

Меж тем султану доносили, что венецианский флот уже готов к отплытию. И что авангард его уже укрылся в бухте острова Хиос, откуда он вот-вот направится к Золотому Рогу.

В турецкий лагерь прибыли послы правителя Венгерского королевства Яноша Хуньяди. Он был великий воитель, а потому султан имел основание его опасаться и заключил с ним договор о трехлетнем перемирии. Так вот, послы объявили, что их повелитель расторг договор и отныне считает свои руки развязанными.

— Я предупреждал тебя, о великий падишах,— осмелился напомнить султану Мехмеду старый везир Халил.— Тебе не следовало начинать эту войну. Теперь ты видишь, что она неугодна Аллаху. Против нас может ополчиться весь мир неверных. И что тогда?

Султан молчал. Он вовсе не желал отступать: Константинополь должен принадлежать ему! Что бы ни произошло, он добьется своего!

Мехмед решил отправить в город нового парламентаря с условиями сдачи. Его выбор пал на сына вассального князя Синопа, в прошлом грека-ренегата, по имени Измаил.

Этот Измаил хорошо говорил по-гречески, к тому же у него были друзья за стенами города. Он употребил все свое красноречие на то, чтобы убедить императора и горожан принять условия султана.

— Каковы же эти условия? — спросил император.

— Я не знаю, — чистосердечно отвечал Измаил. — Великий султан ждет знатного переговорщика для того, чтобы сообщить ему их. Но я знаю лишь одно: город должен добровольно пасть к ногам повелителя правоверных.

Император и его советники долго колебались. Они помнили, какова была участь греков-парламентеров: султан предавал их мучительной смерти. Но все-таки они отправили одного добровольца.

Вопреки ожиданиям, султан обошелся с ним довольно милостиво. На этот раз его условия были таковы: ежегодная дань в сто тысяч золотых византинов либо выход из города всех его жителей с их имуществом и отдача его туркам...

Глава двадцатая

ВИДЕНИЕ ПОЛТАВЫ

Грубость нравов уменьшилась, но оставленное ею место лестью и самством наполнилось; отсюда произошло раболепство, презрение истины, оболечение Государя и прочие зла, которые днесь при дворе царствуют и которые в домах вельможей возгнездились...

Так урезание суеверий и на самыя основательныя части веры вред произвело: уменьшились суеверия, но уменьшилась и вера, исчезла рабская боязнь ада, но исчезла и любовь к Богу и к святому его закону; и нравы за недостатком другого просвещения, исправляемыя верою, потеряв сию подпору, в разврат стали приходить.

Князь Щербатов

Г о л о с а

Я там (во Франции) с восторгом опишу все те чудные картины, которые вы представили нашим взорам: коммерцию, завлеченную в Херсон, несмотря ни на зависть, ни на болота; флот, построенный в два лишь года каким-то чудом в Севастополе, ваш Бахчисарай, напоминающий Тысячу и одну ночь, вашу Темпейскую (Байдарскую) долину, ваши празднества, почти баснословные, в Карасу-базаре, ваш Екатеринослав, где вы собрали в три года более монументов, нежели иные столицы в три века; эти пороги, которые вы подчинили своей власти в ущерб авторитету историков, географов и журналистов. И ту гордую Полтаву, на полях которой вы отвечали подвигом своих семидесяти эскадронов на критики, которые невежество и зависть клеветали на вашу администрацию и опытность вашей армии. Если мне не поверят — вы в том виноваты: зачем сотворили столь много чудес в столь малое время и не гордились ими перед всеми, пока не показали их нам все вдруг.

Сегюр — Потемкину

Приехав сюда, надо забыть представление, сложившееся о финансовых операциях в других странах. В государствах Европы монарх управляет только делами, но не общественным мнением; здесь же и общественное мнение подчинено императрице; масса банковых билетов, явная невозможность обеспечить их капиталом, подделка денег, вследствие чего золотые и серебряные монеты потеряли половину своей стоимости. Одним словом, все, что в другом государстве неминуемо вызвало бы банкротство и самую гибельную революцию, не возбуждает здесь даже тревоги и не

подрывает доверия, и я убежден, что императрица могла бы заставить людей принимать вместо монет кусочки кожи, стоило бы только ей повелеть.

Сегюр — графу Верженну

Знаете ли вы, почему я боюсь визитов королей? Потому что они обыкновенно очень скучные и несносные люди, с которыми надо держаться чинно и строго. Знаменитости, однако, еще внушают мне уважение. Мне хочется быть с ними умной за четырех. Но иногда мне приходится употреблять этот свой ум за четырех на то, чтобы слушать их, а так как я люблю болтать, то молчание мне изрядно надоедает.

Екатерина — Гримму

Здесь хватаются жадно и не разбирая дела за все, что может дать новую победу государству и царствованию Екатерины II. Здесь находят излишним считаться со средствами: начинают с того, что все приводят в движение...

Маркиз де Верак — графу Верженну

Все то же небо с прихотливо плывущими облаками, подобными лебяжьему каравану, раскинулось над караваном земным, все та же степь с редкими островками деревьев стелилась под копытами сотен лошадей.

Караван императрицы держал путь к Полтаве. Там ее и ее спутников ждал сюрприз. Его автор, объявив о сюрпризе, ограничился загадочным молчанием. Его содержания, как можно было понять, он не раскрыл даже самой государыне.

Сюрпризы светлейшего князя бывали, как всегда, ошеломительны. Уж на что император Иосиф был искушен в разного рода торжествах и сюрпризах, но и он не мог поверить тому, что город Алешки, против Херсона, был по велению Потемкина выстроен и населен малороссиянами за три месяца до их приезда, что Черноморский флот был создан за два года, что шелковая фабрика в Херсоне производит столь тонкие чулки, что пара помещается в скорлупе грецкого ореха... Можно сказать, что удивление было главным чувством Иосифа. Даже таких фейерверков и огненных потех ему не довелось видывать, и он расспрашивал главного фейерверкера, как их изготавливают.

Сам князь ускакал вперед, дабы должным образом распорядиться. Его сопровождали казаки и слуги, а кроме того, хор певчих, который постоянно находился в обозе и по призыву князя услаждал его слух духовными песнопениями. Он был неистощимым меломаном. И музыканты и музыка сопровождали его всегда.

Князь приговаривал: у всякого человека есть свои слабости, отчего бы и мне их не иметь, коли мошна дозволяет?

— Там небось любимец светлейшего капельмейстер Сартти готовит нам музыкальное представление, — предположил Безбородко. — И, конечно, быть ему грандиозным, как все у князя.

Но Потемкин готовил нечто большее, чем музыкальное представление. И, разумеется, должное затмить все предшествующие действия.

Июньские дни приближали 78-ю годовщину Полтавской баталии, и князь решил воссоздать ее в точности на тех же полях. Дабы ведали потомки о несравненной виктории российского воинства под водительством Петра Великого и птенцов его гнезда: Меншикова, Шереметева, Волконского, Боура... Полковник Келлин с четырьмя тысячами солдат держал тогда оборону против шведов, осаждавших Полтавскую крепость. Ее доблестный гарнизон отразил все приступы знаменитого на всю Европу воинства. Но это была лишь прелюдия битвы.

Генеральная баталия созрела тогда, когда на выручку гарнизону подошли главные силы россиян во главе с Петром. Он повелел разбить укрепленный лагерь в пяти верстах от Полтавы, дабы надменный Карл ведал, что русские готовы сразиться и вызывают его на бой...

Светлейший князь присоединился к обозу императрицы, когда он приближался к знаменитому месту. Он велел каретам, возкам и телегам расположиться кучно и сам показал поле, где им надлежало стать. С одной стороны оно было оторочено рощей густолиственных деревьев, с другой — протекала небольшая речушка. Вода была свежа и вкусна.

К рощице прилепилась небольшая деревенька. Хатенки ее были глинобитными, крытыми соломой. Бедность сквозила из-за всех плетней. Крестьянки, завидев диковинное скопление людей и лошадей, не заробели. Они тотчас явились с крынками молока и яйцами в подолах и были щедро вознаграждены.

Тем временем князю подали коня, и он, легко перемахнув через речку, поскакал по широкой луговине, открытой взорам, и вскоре растворился вдали.

Воцарилась напряженная тишина. Ее время от времени прерывало лишь лошадиное ржание, да изредка доносилось веселое петушье пение. Все взоры были устремлены на луговину. Она протянулась во все стороны по меньшей мере версты на три и с одной стороны упиралась в темную гряду леса, с другой же — в возвышенность, поросшую кудрявым кустарником.

— Что-то будет, — вполголоса проговорил Безбородко.

— Известно что — грохот будет, столь любимый князем, — прозорливо заметила государыня. — Копия Полтавской баталии будет.

И в самом деле, из-за леса вынеслась конница. Она была одета в шведские мундиры. Всадники потрясали обнаженными шпагами. А им навстречу уже неслись русские кирасиры, держа в руках сабли. Тотчас с обеих сторон загрохотали пушки, и поле заволочло дымом...

Картина была впечатляющей. Их были тысячи — шведов и русских. Казалось, они всерьез готовы уничтожить друг друга. Звон клинков смешался с воинственными кликами. Вот уже немало всадников обрушилось на землю, а обезумевшие кони понесли к лесу, казавшемуся им спасительным.

Всадники унеслись столь же быстро, как и появились. На поле вступили колонны войск. Шведы несли на носилках Карла — изображавший его капитан был облачен в точно такой же мундир, который был на шведском короле в злополучный для него день Полтавской битвы.

Вспышки ружейных выстрелов, победное русское «ура!» — и шведы начали в беспорядке отступать. О, это было захватывающее зрелище! Все напряженно следили за исходом рукопашных схваток. А их участники, надо признать, увлеклись и уже действовали всерьез.

— Ну князь, ну удивил! — Екатерина захлопала в ладоши. — Натуральная баталия!

— Игра, — пробурчал Безбородко, — шумство.

— Не ворчи, Александр Андреич, — осадил его Екатерина, — сие есть экзерциции, то бишь маневры.

— А где Мазепа? Где царь Петр? — раздалось со всех сторон, когда в расположении государыни появился Потемкин.

— Мазепа бежал, — отшутился князь, — а под фигуру его царского величества никого не нашлось. Мелковаты.

— Сам бы представил, — укорила его Екатерина. — Вымахал дай Боже.

— Мне нельзя, я распорядитель.

— А где шведские фельдмаршалы — Реншильд, Шлиппенбах?

— Где-где! В портновской мастерской, вот где. Мундиров не хватило, — огрызнулся Потемкин. — И так расход непомерен.

Пока на поле битвы подбирали «раненых» и «убитых», князя забросали вопросами. И главный из них: доподлинно ли представлена картина Полтавской баталии?

— В полной мере представить ее было невозможно, — отвечал князь, — ведь тогда поле битвы распростиралось на несколько десятков верст, российского воинства было сорок две тыщи при семидесяти двух пушках, шведов с казаками Мазепы — сверх тридцати тыщ. А у меня для сего представления было всего двенадцать тыщ на оба лагеря. Тогда только в полон попало шведов восемнадцать тыщ да побито было сверх девяти тыщ.

— А насколько достоверно можно было представить картину? — поинтересовался Мамонов.

— Попался мне старый старичина, девяноста трех лет, из здешних, — словоохотливо объяснял князь, видимо довольный интересом, — был он тогда выюнош семнадцати годков и призван в казачье ополчение. На его глазах все и происходило. Что в младых летах человеку довелось пережить, то крепчайше в память врезалось. Хоть и напуган он был, а запомнил, где кто стоял, кто как двигался. Великое посрамление шведу было тогда. Карл с Мазепой бегом бежали к турку в объятия. Укрылись под стенами Бендерской крепости. Долго победоносный Карл не решался отсюда вылезть. Покамест турок войну не затеял да царя нашего чуть в полон не захватил: подвели Петра Алексеича союзнички. Кабы нас нынче тож не подвели, — закончил он и со значением глянул на государыню. Она поняла и промолчала.

«Военное счастье переменчиво, — думала она. — Эвон, великий Петр после Полтавской-то виктории спустя всего два года и в самом деле едва ноги унес от Прута. А все потому та жестокая конфузия вышла, что положился царь на посулы своих союзников. В решительный же момент они все в кусты убрались. Ныне мы на генеральный приступ уповаем, на конечную войну с турком. Ан все может повернуться не в ту сторону. Гладко выходит на таких вот маневрах, но война не игра....» Она окинула взором мощную фигуру Потемкина, обрядившегося в фельдмаршальский мундир, и успокоенно подумала: «С ним не страшно. От него веет уверенностью и силой. Он природный полководец».

И все-таки... Надо бы испросить у Якова Булгакова, как он оценивает воинскую силу турок. Сколько они выставят войска? Каков их флот, сколь сильна их артиллерия? Все это было известно в общих чертах и от Булгакова, и от конфиденентов. Однако же сейчас, когда Россия приблизилась к войне чуть ли не на вершок, все должно знать в точности. Средства для сего есть.

Потемкин успокаивал: у турок-де нет регулярного войска, французы сколь ни тужатся, а привести его в регулярство не могут. Опять же минувшая война явила их немощность. Что там ни говори, а Петр Александрович Румянцев устроил им погромы под Журжей, при Рябой Могиле и Ларге. А чего стоила одна Кагульская битва. Она вошла во все учебники военного искусства. В самом деле: у Румянцева было 35 тысяч, а объединенные силы турок и крымских татар насчитывали 230 тысяч. И были разбиты в пух и прах!

И все-таки война уже дышала в самое лицо. И сколь ни храбриться, а все ж дотошное обозрение военной силы неутешительно. Казалось, отодвинуть бы неминуемое бедство на год-другой, поправились бы, собрали бы кулак. Э-э-э, недаром говорят: перед

смертью не надышишься. Как ни готовься к войне, а все едино многое упустишь.

Екатерина размышляла об этом по-женски, с благоразумием и предусмотрительностью — в отличие от мужиков, которые кидались в сечу без оглядки, очертя голову. Вдобавок природа наделила ее оптимизмом и веселостью. И, думая о грядущей войне, взвешивая все «за» и «против», она верила, что и на этот раз фортуна окажется на ее стороне. Ведь за все четверть века царствования счастье ей не изменяло. Она и взаправду родилась в сорочке.

Так должно быть и теперь. Она верила в свою звезду, и эту веру ничто не могло поколебать. И войско и флот под водительством Потемкина достигнут до Константинополя. Ему тоже все удавалось, он тоже счастливее. Солдаты в нем души не чают: эх он их облегчил! Стянул полки на юг — ближе к возможному театру войны, наполнил воинские склады и магазины. Все разумно, все предусмотрительно, без ее подсказки. Так бы и она поступила.

— Эх, кабы вот так, стройно да ладно, и турка побить,— вздохнула Екатерина.

— Не сомневайся, матушка, побьем,— уверил Потемкин. Он глядел победителем.— С нами Бог и крестная сила!

И она перестала сомневаться.

День выдался легкий и светлый. Солнце глядело сквозь облака, и жар его застревал в них. Крестьянское молоко было густым и пахучим. Все разнежилось после увиденного, наступило время беспечного отдыха. Однако ж годовщина Полтавской баталии обязывала помянуть ее героев молитвою.

Преосвященный Амвросий, архиепископ Екатеринославский и Херсонеса Таврического — так он теперь именовался в духовной иерархии,— приступил к ее величеству с покорнейшею просьбою прибыть в Крестовоздвиженский монастырь, дабы отслужить молебен в память достославного события.

Ох и не хотелось двигаться — насидели место. Мягкая теплынь, духовитая роща, шелковая трава, радушные крестьяне-поселяне.

— Нет, делать нечего, придется раскатать обоз,— сказал Безбородко.

— Монастырь недалече, стоит ли? — отвечал преосвященный.— Достигнуть можно пешим хождением.

Сам же, однако, сел в коляску и покатыл вперед. Яко хозяин и распорядитель.

Когда государыня со свитою прибыла к Святым воротам монастыря, ее уже встречал Амвросий с причтом.

— Гряди, владычица,— возгласил хор,— гряди, голубица!

Чинно и благолепно двигалась процессия. В храме струился ладанный дух и было прохладно. Началась долгая служба.

Храм был беден, как большинство деревенских храмов, где, как правило, нет богатых вкладчиков и жертвователей. Иконы были по большей части любительского письма. Таков был и иконостас с царскими вратами. Да и откуда взяться в этой глуши иному! Нет здесь ни именитого купечества, ни чиновного люда, столицы Бог знает в какой дали. Все держится на истовости прихожан, бедных селян, для которых церковь и ее служители — утешение и надежда. Да еще на боголюбивом труде чернецов, корпеющих на ниве да на бахче и в монастырском саду.

Великое было стечение народа, ибо великое же событие спустилось как бы с небес на эту землю: сама императрица с ближними своими людьми осчастливила сей бедный приход. Прихожане потели от возбуждения, становились на цыпочки, желая получше разглядеть государыню и вельмож, давились в тесноте и плотности. И через каких-нибудь полчаса у высоких гостей дыхание сперло.

Преосвященный же Амвросий служил добросовестно: как же иначе — достославная годовщина, занесенная во все календари, несравненная победа над заносчивым шведом, событие в память Великого Петра, которого особо чтит государыня, объявляющая себя его наследницей.

— Господи Боже милостивый, услыши мя, смиренного и недостойного раба твоего, — возглашал Амвросий, — и укрепи державнейшую и святую мою самодержицу десною твоею рукою и с нею идущих верные рабы твоей и слуги. И подаждь ей мирное и немятежное царство и укрепи ее непоборимою твоею и непобедимой силою: воинства же сего укрепи везде, и разруши вражды, и распри восстающих на державу ея...

Слова были много раз слышимы, но была в них некая трогательность, отлагавшаяся в душе. И рождалась надежда, что исполнится просимое, что высшая сила внемлет молению, столь трогательно и чистосердечно возносимому.

Светлейший князь Григорий Александрович Потемкин был богомолен от детских лет. Но то была богомольность вовсе не обыкновенная. Она то отпускала, то снова находила на него с исступленною истовостью. Когда отпускала, он предавался разнообразному греху — плотскому и духовному. Каков плотский грех, всему миру известно — то блудодеяние и чревоугодие. Духовный же выражался в чтении и одобрении сочинений богохульных авторов, таких, как, например, любимец государыни господин Вольтер, призывавший в писаниях и устно «раздавить гадину», то есть Церковь и ее слуг.

Правда, согрешив, Григорий Александрович предавался покаянию, бил поклоны пред иконами, просил отпущения грехов у своего духовного пастыря. Но это длилось недолго: призывали дела государственные, и он отдавался им с крайним рвением. А в промежутках — смачно грешил.

И сейчас в храме он со страстью бил поклоны и подпевал церковному хору, ибо знал многие песнопения наизусть, равно и помнил многие службы. Память у него была необыкновенная. И не только на литургические тексты, но и на светские тож.

— Единными усты и единым сердцем прославим тя чудес Бога, — умиленно подпевал князь. — Ты бо еси Царь мира и Спас душ наших и Тебе славу воссылаем, Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне, и присно, и во веки веков, аминь!

Слова о даровании мира его не трогали, ибо не мир был в его душе. Полтава возбудила в нем воинственные помыслы с новой силой.

Был ли он человек военный? По воспитанию — да. Отец его, рано умерший, был отставной майор, сын его с шестнадцати лет был записан в рейтары конной гвардии и уж в царствование Петра III вышел в вахмистры.

А гражданская карьера не задалась: из Московского университета выставили, как было сказано, «за нехождение». Правда, был на некоторое время сделан помощником обер-прокурора Священного Синода, а затем пожалован камергером при императрице Екатерине. Однако же война с турком призвала его под свои знамена: волонтер Потемкин отличился под Хотинном, при Фокшанах, Ларге и Кагуле, разгромил турок у Ольты — словом, показал себя храбрецом. И вскоре был произведен в генерал-поручики, генерал-адъютанты, подполковники гвардии Преображенского полка...

При всем при том душа его более прилежала карьере государственной, созидательной. Вдохнуть жизнь в пустыни, устроить города и села, фабрики и верфи — все это увлекало его безмерно, но не могло не идти одновременно с закладкой крепостей, флота, формированием гарнизонов и новых воинских полков. Он чувствовал себя творцом, увлекался, хватал далеко и широко, многое успел. Хотел все объять, но рук не хватало. Сколь много было зачинов и задумок, но куда меньше свершений и окончаний.

Но вот сейчас, стоя в церкви и внимая службе, он снова ощутил себя более военным человеком, наследником заветов Великого Петра. Государь мечтал выйти на черноморский берег и крепчайше утвердиться на нем, дабы продолжить шествие далее и далее. Вплоть до Царьграда. Ибо он от основания своего был столицей христианской и таковой должен пребыть в веках.

Он чувствовал в себе силы свершить этот подвиг. И мысль о нем становилась все более навязчивой. Порой видения Константинополя возникали во снах, хоть ему никогда не приходилось бывать в тех краях. То были смутные видения, навеянные прочитанным, а также рассказами Булгакова, его однокоштника по университету: Святая София, Семибашенный замок, ипподром...

Великий государь требовал отмщения за жестокую конфузию на Пруте. Князю казалось, что он вопиял из гроба — Потемкин был увлекаем своим воображением до такой степени, что ему иной раз чаялось, что он слышит загробные голоса. Он следовал за своим воображением, уходя от действительности. И когда оно властно захватывало его, когда он оказывался всецело в его плену, то на несколько дней как бы выпадал из жизни.

И вот тогда он приказывал ни о ком не докладывать, никого не принимал, немытый и нечесанный валялся в постели — его забирала хандра, о которой столь много трубила молва. Тогда и богомольность его достигала апогея.

Святитель Николай Мирликийский был им особо почитаем. И дабы утвердить ему земной памятник, он основал град Николаев. И завещал быть похороненным там: его небесный покровитель упокоит-де его прах и оправдает его земное существование.

Литургическое молебствие утвердило его в стремлении исполнить то, о чем не переставал думать, что выстроилось в мыслях и не давало покоя с давних пор. То был святой долг перед Россией, перед предками, перед памятью Петра Великого. Наконец, перед обожаемой им государыней императрицей. Она целиком и полностью разделяла его идеи и благословила его на подвиг во имя их претворения.

Здесь возглашена вечная память Великому Петру и его победоносному воинству, здесь же провозглашена слава генерал-фельдмаршалу и кавалеру, светлейшему князю Григорию Александровичу Потемкину.

По окончании молебствия Екатерина, возбужденная всем увиденным, особенно же воссозданною сценой Полтавской битвы, призвала Храповицкого.

— Пиши, Александр Васильич, предписание Сенату, — воодушевленно произнесла она. — Пусть заготовят похвальную грамоту с означением подвигов генерал-фельдмаршала светлейшего князя Потемкина в успешном заведении хозяйственной части и населении губернии Екатеринославской, в строении городов и умножении морских сил на Черном море с прибавлением ему именования Т а в р и ч е с к о г о. Отныне он Потемкин-Таврический и таковым пребудет в памяти потомства, — закончила она.

Покосилась на своего секретаря — каково выражение, с коим исполняет ее волю. Лицо его оставалось невозмутимым. И тогда она на всякий случай спросила:

— Не находишь ли ты, что сие чрезмерно?

— Ни в коей мере, — откликнулся Храповицкий, не помедлив. — Заслуги князя велики, и мы имели счастье их лицезреть.

— Однако ты покамест никому ни слова о сем. И князю тож. Вот когда сенатская грамота будет заготовлена, тогда всему обществу от Сената станет известно.

— А кого князь благодарить-то будет? — не удержался Храповицкий. — Сенат или ваше величество?

Екатерина усмехнулась:

— Что в том? Все едино он к моей руке приложится. Ибо ведает, откуда ветер дует. Без моей воли и Сенат ничего не предпримет — это ему и так хорошо известно.

«Сама проговорится», — подумал секретарь, заготавливая повеление и скрепляя его печаткой для вручения курьеру — одному из многих.

Курьеры были в его распоряжении. Они находились всегда под рукой: шла оживленная переписка с Петербургом, с Москвою, с другими городами, и всякий день их отправлялось несколько, равно и прибывало до десятка.

«Таврический, — повторял он про себя, перекатывая звучное словцо, — не ровен час, станет повелителем всея Руси, он от этого недалеко, и так власть его беспредельна».

Ни зависти, ни злобы — ничего такого в нем не завелось. Он, Александр Васильевич Храповицкий, был просто нужный человек, лицо, приближенное к ее величеству и служающее ей по мере сил. На большее не рассчитывал и не претендовал — не в его натуре. Он старался держаться в тени, не высказывал своего мнения, ежели его не спрашивали, но при том все в себя впитывал, примечал и, не полагаясь на память, записывал. Он вообще был человек письменный, и это сближало его с государыней, которая тож была письменная и изводила ежедневно стопу бумаги и десятков гусиных перьев.

Потемкин стремительно восходил на его глазах. Ныне он всемогущ и всемогущ. Выше только в цари, в потентаты. Теперь он Таврический, не станет ли называться царем и великим князем Таврическим и всея Екатеринославской губернии? «Нет, — поправился он, — всея Новороссии. Государыня души в нем не чает. Но так далеко в своей привязанности она не зайдет и короновать его не станет. Да и он достаточно умен, чтобы ни на что такое не посягать. Он бескорыстен в своей любви к государыне и России. А что до того, что чрезмерен, что много себе позволяет, то с него много и спрашивается. Повыдал всех своих племянниц замуж, а держит их при себе без мужей своими любовницами. И все это открыто, ничуть не опасаясь молвы, даже пренебрегая ею. Он вообще всем и вся пренебрегает — бесстрашный человек и единственный в империи вельможа, который ничего и никого не боится».

Верно, так надо. Для успеха дела. Без оглядки на кого бы то ни было, без опасения, что осудят. Такой восхищения достоин — несмотря ни на что. Грехи же отмолит либо отпустят, сколько бы их не висло гроздьями».

Велик был соблазн поделиться с Александром Андреичем Безбородко примечательною новостью, посудачить, да удержался: кабы не впасть в опалу за длинный язык. Тем паче был предупрежден.

Долго крепился — целых два дня. Но можно ли выдержать?! Тем более что их связывали дружеские отношения. Выждал момент, когда они остались одни, приложил палец к губам, предварительно повертев головою во все стороны, и открылся.

Александр Андреич пожевал губами, что было у него признаком неудовольствия, и затем ворчливо заметил:

— Государыня наша чрезмерно добра, а потому не чает последствий. А они могут быть...

Тут он замолк, как видно обдумывая, что за последствия. Храповицкий терпеливо ждал продолжения. Наконец Безбородко разомкнул уста:

— Посягнет на власть ее величества, вот что. Станет диктовать свое. Князь безмерно самовит и пределов не ведает. Сия приставка может подвигнуть его на многое.

— Позволю себе не согласиться. Во власти он меру знает и будет ее соблюдать. Он пред государыней преклоняется — это мне доподлинно известно.

— Э, голубчик, не то, не то. Князь давненько закусил удила и несется, не разбирая дороги. Не могу отрицать: он — муж истинно государственный, размах у него широк. Однако меры не знает и пределов тож. Я с ним в приязни, однако, как говаривали древние, истина дороже.

— Так-то оно так, однако князь из берегов не выйдет, — убежденно проговорил Храповицкий. — Умен ведь, незаурядно умен.

— Умен, а уж сейчас занесся. Что далее будет — предсказать не берусь, я не сивилла, не пророк.

— А далее, бесспорно, война.

— Это и я отчетливо понимаю. Чему быть, того не избыть. Турок первый полезет: шествие государыни в новоприобретенные земли его раздражило сверх всякой меры. И снести сего он не может. Да и князь рвется в бой. Боюсь только, что он захочет возглавить армию. А какой он главнокомандующий? В лучшем случае генерал-поручик для дивизии. Вот мое главное опасение.

— Тут я, пожалуй, соглашусь. Храбрости одной маловато, надобен опыт, а у него он мал, — наклонил голову Храповицкий.

— Опасаюсь и другого, — продолжал Безбородко, — он вперед себя никого не пропустит, все на себя возмет. Ревнив больно. А у нас есть полководцы испытанные. Взять того же Румянцева. Турок пред одним его именем трепещет.

— Устарел он, друг мой, как сказывают, отсиживается в своем имении — немощи-де одолели.

Безбородко вздохнул. Отчего-то стало тревожно. Не то чтобы турок был страшен: исход войны казался ему заранее предрешенным — Россия возьмет верх. Но у Порты под ружьем многие сотни тысяч, она и придавит своею тяжестью. И потери будут чрезмерны.

Он высказал это свое опасение Храповицкому. Тот был настроен победительно.

— Этого никак не может быть. Не может — и все тут!

— Дай-то Бог, Александр Васильич, дай-то Бог.

Безмятежное небо глядело на них с высоты. Оно казалось близким, а затерявшиеся в нем облачка — клочками пуха. Люди текли из-за монастырской ограды с просветленными лицами, и этот поток казался неиссякаемым.

Екатерина шла в окружении духовных: невысокая женщина в светлом платье в кольце черноризцев. Иные несли хоругви, в руках других были иконы. Хор неумоимо распевал стихиры, и кто мог, тот подпевал.

Впереди была дорога. И Потемкин, возвышавшийся над всеми, еще не ведавший, что он Таврический, отдавал распоряжения военным чинам, одновременно сверля своим зрячим глазом окружение императрицы. Похоже, он был недоволен тем, что все перемешалось в этом потоке, и те, кто должен был оберегать государыню, оказались оттеснены толпой. Толпа меж тем сжималась все тесней, норовя не только приблизиться к ее величеству, но и коснуться ее платья, заглянуть в ее лицо. Это были все простодушные поселяне, не ведавшие, что такое этикет, да и не менее простодушные духовные.

Екатерина медленно продвигалась в этой толпе. На ее лице застыла принужденная улыбка. Она привыкла к определенному порядку, к тому, что между толпой и ею всегда было значительное расстояние. Но тут все было нарушено, и она чувствовала нечто вроде умаления. И все ждала, что порядок будет восстановлен.

Потемкину удалось пробиться к ней, раздвинуть поток, и, вняв его призыву, государыню тотчас окружили гвардейцы, статс-дамы и фрейлины.

Умиленный Амвросий, бормоча «светлый праздник, великий праздник», осенил государыню крестом.

— В добрый путь! — возгласил он.

СКВОЗЬ МАГИЧЕСКИЙ КРИСТАЛЛ...

В е т в ь д в а д ц а т ь п е р в а я : м а й 1453 г о д а

И повелел богоподобный султан Мехмед своим приближенным явиться на совет. И ждал их разумных речей, зажав свое терпение в кулак, ибо оно уже подходило к концу.

И поднялся старый везир Халил, долго и верно служивший и отцу султана и теперь продолжавший служить его сыну. Он почитался воплощением мудрости и благоразумия.

Халил сказал:

— Не следовало правоверным начинать эту войну, ибо с самого начала было ясно, что она обречена на неудачу. Когда орел бросается из поднебесья на свою добычу и она минует его когти, он больше не преследует ее. Мы ничего не добились. Больше того, неудачи преследовали нас. Со дня на день под стенами города появится флот неверных, и что тогда? Я предлагаю снять осаду. Мы убедились: Аллах не покровительствует нам.

Старый Халил бросил взгляд на своего повелителя: султан гневно сдвинул брови. Нет, не такой речи ждал он от своего везира.

Нашелся, однако, человек, который произнес то, что хотел услышать повелитель правоверных. Это был Заганос-паша, военачальник и правая рука султана.

— Мы начали осаду, и мы должны взять этот проклятый город во что бы то ни стало. Кораблей христиан не видно, слава Аллаху, и они не приплывут, я уверен. Среди неверных нет единства, они трусливы и не хотят рисковать. Я выходил к воинам и спросил их, как поступить. Они в один голос воскликнули: идти на штурм и взять богатую добычу.

Халил остался в одиночестве: все военачальники поддержали Заганос-пашу, и особенно рьяно глава башибузуков Махмуд. Оба они были ренегатами, то есть изменили своей христианской вере, как, впрочем, и многие другие перевертыши из числа христиан, искавшие себе выгоды.

Султан остался доволен, старого Халила ожидала опала. Но в турецком лагере не было полного единства. Были и такие, кто сочувствовал грекам. Они известили их о решении султана идти на штурм простым способом: ночью, когда лагерь спал, они пустили за стены несколько стрел с письменными сообщениями.

Город готовился. Были заделаны бреши в стенах, расчищен ров. Но и турки не бездействовали. Они усилили бомбардировку. И по ночам, при свете костров, солдаты старались как можно основательней завалить ров землей и обломками.

Решение совета воодушевило султана. 27 мая он стал объезжать войска. При звуках труб и барабанной дроби глашатаи вопили: «Повелитель правоверных решил штурмовать стены города! Было знамение свыше: Константинополь будет отдан сынам Аллаха! И тогда его воины получат богатую добычу. Три дня он будет в их власти!»

Султан произнес великую клятву именем Аллаха и пророка Мухаммеда, а также именами четырех тысяч пророков, памятью его отца и жизнью детей, что богатейшая добыча будет распределена по справедливости между всеми воинами ислама. Восторженные клики были ответом на эти слова. «Аллах акбар!» — «Аллах велик!» — гремело со всех сторон. И, слыша это ликование, защитники города содрогались.

Турки с удвоенным рвением принялись готовиться к штурму. Теперь по ночам они разводили костры и при их свете заваливали рвы. Их воодушевляли звуки дудок и флейт, барабанный бой. И возгласы мулл.

Глава двадцать первая

ЩЕДРОЙ РУКОЮ

Но за неоспоримую истину должно принять, что развратное сердце влечет за собою развратный разум, который во всех делах того чувствителен бывает... Порочного сердца человек выбирал порочных людей для исправления разных должностей; те не на пользу общественную, но на свои прибытки взирая, также порочных людей ободряли, отчего множество тогда же произошло злоупотреблений...

Князь Щербатов

Г о л о с а

За неделю перед тем в городе (Харькове) уже не было угла свободного: жили в палатках, шалашах, сараях, где кто мог и успел приютиться; весь народ губернии, казалось, стекся в одно место... Показался на Холодной горе царский поезд — настал праздник праздников; тысячи голосов громогласно воскликнули: «Шествует!» — и все смолкло. Неподвижно, как вкопанные, в тишине благоговейной все смотрели и ожидали: божество явилось. У городских ворот встретил государыню наместник Чертков и правитель губернии Норов, оба военные, генерал-поручики, но оба в губернаторском мундире. От ворот до дворца императрица... ехала шагом и из кареты по обе стороны кланялась, слышен был только звон с колоколен... От дворца по площади к собору постлано было алое сукно, по которому Ее Величество изволила пешком идти в собор, где слушала молебен...

Сенатор Федор Лубяновский — из записок

Таково двойное волшебство самодержавной власти и пассивного послушания в России: здесь никто не ропщет, хотя и нуждается во всем, и все идет своим чередом, несмотря на то, что никто ничего не предвидит и не заготавливает вовремя...

Сегюр — Монморену

Надо быть веселой. Только это помогает нам все превозмочь и перенести. Говорю вам по опыту, потому что я многое превозмогла и перенесла в жизни. Но я все-таки смеялась, когда могла, и клянусь вам, что и в настоящее время, когда я несу на себе всю тяжесть своего положения, я от души играю, когда представится случай, в жмурки с внуками... Мы придумываем для этого предлог, говорим: «Это полезно для здоровья», но, между нами будь сказано, делаем это — просто чтобы подурачиться.

Екатерина — г-же Бьельке, подруге своей матери

Прежде всего я была страшно поражена, увидев, что она очень маленького роста: я представляла ее необыкновенно высокой, столь же великой, как ее слава. Она была очень полна, но ее лицо было еще красиво: белые взбитые волосы служили ему чудесным обрамлением. На ее широком и очень высоком лбу лежала печать гениальности; глаза у нее добрые и умные, нос совершенно греческий, цвет ее оживленного лица свеж, и все оно необычайно подвижно... Я сказала, что она маленького роста, но во время парадных выходов, с высоко поднятой головой, орлиным взором и с осанкой владычицы, она была исполнена такого величия, что казалась мне царицей мира. На одном из празднеств она была в трех орденовских лентах, но костюм ее был прост и благороден...

Элизабет Виже-Лебрен, французская художница, о Екатерине

Ах, что было, что было!

Столпотворение вавилонское!

Весь Харьков поднялся и высыпал на улицы. Да что Харьков — вся губерния притекла!

Всюду бывали триумфы, всюду навстречу шествию шли все — и стар и млад. Но чтоб столь великая плотность... Улицы — живой коридор — стеснили проезжую часть. Конные гвардейцы еле сдерживали толпу, напиравшую со всех сторон. Иной раз кортеж останавливался — невозможно было продолжать движение.

Государыня улыбалась и сквозь опущенные стекла помахивала руками то направо, то налево. Хотя она и говорила, что и на медведя народ толпами собирается, да все-таки ей льстило это проявление народной любви, граничившей с обожанием.

Любили, да. А за что? Порой она задумывалась над этим без обольщений. И выходило: только за то, что она вознесена в поднебесную высоту и оттуда не видна народу. А раз столь высока, значит, подобна божеству. Божество же всегда любимо.

Да, она хотела добра и старалась творить добро. Кое-что ей удалось, кое в чем облегчила народную долю. Но это была такая малость, такая малость. Ну упразднила слово «раб» в обращении к ней, заменив его «верноподданным». Ну пресекала жестокосердие помещиков, запарывавших своих крепостных... Ежели начать перечислять, наберется вовсе не так много. В основном же — послабления дворянству. Вот оно-то и должно быть ею довольным.

Все сходились на том, что правление ее — мягкое. Не было ни казней, ни жестоких преследований. Однако Шешковский по-прежнему возглавлял Тайную канцелярию, и оттуда не доносилось ни звука: никому не ведомо было, что там творилось.

Зато ближние, фавориты, чиновники одарялись щедрою рукой. Они-то восславляли государыню. Пели ей дифирамбы в стихах

и прозе, восхваляли ее в речах и в церковных проповедях. Редкие критические голоса тонули в хвалебном хоре.

Едина ты лишь не обидишь,
Не оскорбляешь никого,
Дурачества сквозь пальцы видишь,
Лишь зла не терпишь одного...
Ты здраво о заслугах мыслишь,
Достойным воздаешь ты честь,
Пророком ты того не числишь,
Кто только может рифмы плесть...—

слагал Гавриил Державин оду «Фелице» — Екатерине.
Хвалы его были истинны и искренны:

Мурзам твоим не подражая,
Почасту ходишь ты пешком,
И пища самая простая,
Бывает за твоим столом...

Державин создал монолог и для главного из мурз — Потемкина:

То стрелы к туркам обращаю;
То, возмечтав, что я султан,
Вселенну устрашаю взглядом;
То вдруг, прельщаяся нарядом,
Скачу к портному по кафтан.
Или в пиру я пребогатом,
Где праздник для меня дают,
Где блещет стол серебром и золотом,
Где тысячи различных блюд...
Где все мне роскошь представляет,
К утехам мысли уловляет,
Томит и оживляет кровь;
На бархатном диване лежа,
Младой девицы чувства нежа,
Вливаю в сердце ей любовь.

Простота и неприхотливость государыни противопоставлялась непомерным изыскам мурзы, а лучше сказать мурз, потому что поэтические стрелы летели и в графа Алексея Орлова, и в другого графа — Петра Панина, и в князя Андрея Вяземского, и в других вельмож.

Многие из стариков, встречавших восторженными кликами императрицу, помнили еще царствование Анны Иоанновны и злобного ее любовника Бирона, кровавое злодейское царствование — контраст был резок. И даже правление дочери Петра Елисавет

Петровны, бывшее довольно кротким, казалось им грубым в сравнении с нынешним.

В памяти обывателей прошлое всегда окрашено в розовый цвет. Все-де в старину было куда исправней и благостней. Но нынешнее царствование чувствовалось очень многими мягким и доброжелательным.

— Благодарствую, благодарствую,— раскланивалась Екатерина во все стороны,— я очень тронута. Очень!

Кортеж с трудом пробился сквозь восторженную толпу к губернаторскому дворцу. Государыня выглядела довольной, но усталой. Ей, говоря откровенно, хотелось бы преклонить голову. Но это было никак не возможно. Предстояли церемонии, долгие и утомительные: поднесение адреса и представление дворянства, благодарственный молебен.

И напоследок прощание с князем Григорием Александровичем Потемкиным, главным мурзою Новороссии и Тавриды. Он отбывал к войскам. И не только: всюду требовался его глаз, единственный зрячий, но проницающий, его распорядительность и понукание, равно и здравый смысл, которого так не хватало на просторах отечества. То должно быть не простое прощание, а напутное — с обеих сторон.

Князь глядел озабоченно и был рассеян: собирался мыслию. Предстоял разговор о деньгах, коих вечно не доставало. Ограничивать себя он не думал: нужды его были законом, хотя и далеко не законным. Государыня, впрочем, смотрела на них сквозь пальцы: князь на многом выгадывал для казны, и она знала, что лишнего он не потребует. Устройство же края, как ей казалось, велось разумно, с должным размахом. Она своими глазами убедилась в этом.

Новороссия и Таврида поедали непомерно много казенных денег. Но она видела: они стоили того.

После недолгого отдыха и короткой трапезы Екатерина вышла в залу. Боже, какая пестрота дамских платьев, мундиров в звездах и лентах предстала ей. Гул голосов при ее появлении мгновенно стих.

Капельмейстер на хорах взмахнул рукой, и полилась нежная музыка. Это было некстати: предводитель дворянства готовился произнести речь. Наместник Чертков послал на хоры своего правителя канцелярии, дабы он отменил музыку.

— Великая государыня, мать Отечества,— начал он, как только оркестр смолк,— сколь много мы осчастливлены благополучным прибытием вашим в пределы нашей губернии. Сколь это великий праздник и торжество наше.

И пошло, и поехало. Екатерина слушала с благосклонной улыбкой, но пропускала содержание мимо ушей. Все это было так

знакомо! Казалось, все сговорились и выражали свои восторги одними и теми же словами, стершимися, как медная полушка.

— Господа, я не намерена быть помехою вашему веселью. Позвольте мне немного побыть среди вас, а затем удалиться.

На возвышении меж колонн, где обычно восседал распорядитель, было поставлено кресло. Государыня воссела. Улыбка не сходила с ее уст. Возле нее расположились придворные дамы, Храповицкий, Безбородко и Мамонов.

Оркестр заиграл снова. Вначале робко, а затем все смелей и смелей пары заскользили по навощенному полу в полонезе. Неожиданно в строй танцующих ворвался Потемкин. Он увлек хорошенькую девицу из числа местных завидных невест, совершенно потерявшуюся от такой чести. Князь возвышался над нею словно гора.

Все взоры устремились на эту пару. Ах, как она была колоритна! Казалось, кукольных дел мастер вывел напоказ одну из своих кукол: тоненькую, изящную, с пылающими щеками и губами, наведенными кармином.

— Bravo, bravo! — раздались возгласы.

Князь был величествен в своем фельдмаршальском мундире с орденскими лентами и звездами. Он держал голову прямо, не обращая внимания на свою даму, и почти не умерял шага, словно бы был на смотре.

Сделав два круга, Потемкин с тем же невозмутимым видом отвел девицу к ее обомлевшей маменьке и с поклоном усадил на стул.

— Менуэт, менуэт! — потребовал кто-то, как видно, надеясь, что Потемкин снова вступит в круг танцующих. Но князь подошел к государыне и, наклонясь к ней, сказал что-то вполголоса.

По-видимому, все решили, что князь вздумал пригласить ее величество на танец. Середина зала осталась пустой. И хотя оркестр заиграл менуэт, не произошло никакого движения. Ждали!

Каково же было разочарование, когда князь, поклонившись, удалился в сопровождении двух своих адъютантов. Вскоре поднялась и государыня. Оркестр тотчас умолк.

— Продолжайте, господа, — звучным голосом произнесла Екатерина. — Благодарю вас за доставленное удовольствие и желаю вам хорошо повеселиться.

Потемкин собрался отбыть ввечеру, получив высочайшее напутствие. Оно было важно для обоих. Все уж было напряжено. Внешних примет этого напряжения не замечалось, однако те, кто был близок к власти, остро чувствовали его. Дипломатические агенты, конфидененты слали с курьерами депеши, содержание которых было схоже, хотя они и поступали из разных стран: война вот-вот разразится.

Солнце садилось в тучу, и это предвещало непогоду. Последний раз на западе блеснула лимонная полоса и погасла. Наступил тот сумеречный час, когда открывается душа и начинают приглушенно звучать ее самые чувствительные струны.

Екатерина и Потемкин остались вдвоем. Разговор был важен и чужд посторонних ушей. Оба были откровенны, как некогда, как всегда, когда оставались вдвоем, с глазу на глаз.

— Ты напрасно затеял столь поздний отъезд. Я буду тревожиться,— начала Екатерина.

— Э, матушка, мне не впервой колесить по ночам. Езжены не токмо торные, но и не торные дороги, прямиком по целине. И ништо, цел остался.

— Бог с тобой...

— И Николай Угодник,— подхватил князь.— Он меня не оставит своим призрением.

— Надеюсь. Полагаю вот что: все наличные полки надобно двинуть без промедления к Херсону и Севастополю.

— Беспременно. Скороспешно строю казармы и склады к тем, что там есть. Бельмо на глазу — единственном — Очаков. С него стремлюся начать...

— Нет, Гриша, прошу тебя: дождись турка. Первый не начинай — неполитично. Да он и не удержится — я тебя уверяю. А нам бы, как ты знаешь, хорошо воздержаться как можно долее.

— Знаю, как не знать. Дак ведь не все в нашей воле.

— Размахался ты, взял слишком широко...

— Верно, матушка, натура такова, не мог с нею совладать. Людей бы мне, людей! Звал — не дозволялся. Рук недостает, ох как недостает!

— Людей взять неоткуда. Жди, когда колонисты притекут. А и притекут, пользы от них не скоро дождемся. Рекрут надо поболее, набор слабо идет.

— Ты вот дворян жалуешь, а они своих людишек норовят от набора укрыть,— сказал жестко, словно не государыне императрице, а супруге своей.

— С губернаторов спрос будет. С губернских предводителей дворянства,— не замечая этой жесткости, спокойно отвечала Екатерина.

— На строение флота худое дерево губернаторы твои сплавляют,— продолжал в том же тоне Потемкин.

— Разгон им учиню. Непременно.

— Кораблей поболее надо. Втрое-вчетверо против турка. Флот неодолимой армадой войдет в Босфор и осадит Константинополь.

— Дай-то Бог.— И Екатерина трижды перекрестилась.— На строение флота щедрою рукой отпущено будет.

— Пушек корабельных на уральских заводах мало льют. Повели усилить.

— Вестимо. И ты поручи генерал-фельдцейхмейстеру за сим наблюдение иметь. Ты ведь у нас президент военной коллегии, — язвительно напомнила она.

— Что мы все о делах! — неожиданно произнес Потемкин помягчевшим тоном. — Иной раз все это мне в тягость — и президентство мое, и правление... Вернуться бы на... — он остановился, подсчитывая, — на тринадцать лет назад. — И продолжал мечтательно: — То были мои самые счастливые, блаженные годы. Господи, один ты знаешь, как я был счастлив!

Ему было тогда тридцать пять лет. Он был в самой вершинной мужской поре. Екатерина была на десять лет его старше, но все еще неистощима как женщина. Но он принуждал ее к капитуляции: был намного сильнее в своей страсти — сильнее до жестокости. В конце концов она принуждена была сдаться. Она продолжала любить его, но разделять с ним ложе было выше ее сил.

А в его памяти она осталась единственной, в полном смысле слова Великой. Сердце его было навсегда занято ею. Женщины приходили и уходили — совсем юные и уже опытные, дивно прекрасные и непримечательные, — каждая из них оставляла слабый след, который вскоре стирался следующей. Его мужское естество не убывало, оно требовало все новых и новых жертв. Но Екатерина пребывала вечно — и в сердце, и, главное, в душе.

В комнате сгустился мрак. Князь предавался воспоминаниям. Екатерина не прерывала его. В эти мгновения корона императрицы словно бы спала с ее головы, она была просто женщиной, женщиной с неугасшей любовью, хотя и потускневшей с годами.

И сейчас, когда князь вспоминал два года их ни с чем не сравнимой близости, их жаркой чувственности, их пылкой любви, она не останавливала его. Потому что в ней слишком многое всколыхнулось, она снова становилась женщиной.

Но в конце концов разум взял верх над чувством, над воспоминаниями: он, разум, с некоторых пор главенствовал. И она сказала — в голосе прорвалась хрипотца, знак все еще не остывшего волнения:

— Князь Григорий Александрович, довольно сидеть в темноте, она кружит тебе голову. Я прикажу зажечь свечи.

Она дернула сонетку, через несколько секунд дверь приоткрылась и дежурный камердинер Зотов спросил:

— Что прикажете, ваше величество?

— Сделай милость, внеси шандал.

— Не гневайся, матушка, — торопливо проговорил Потемкин, — ради Бога прости: забылся. Сердце возговорило. Его не уймешь.

— Не гневаюсь, сердце не камень. Пора тебе ехать, друг мой. Господь с тобою, будь благополучен. Я тебя не оставляю.

И она протянула князю обе руки. Он бухнулся на колена и впился в них губами.

— Полно тебе, Григорий Александрович, полно, ну будет, будет...

— Жизнь свою положу за тебя, матушка-государыня, — умиленно бормотал Потемкин, не отпуская ее руки, — до последней капли крови, до последнего вздоха...

— Встань, князь светлейший, будет тебе в ногах валяться. Езжай. Буду ждать от тебя доношений. Береги себя, ты мне во всякое время надобен.

Потемкин встал и в три шага очутился возле двери. Отстранив камердинера, несшего зажженный канделябр, он вышел. У крыльца его уже ждал экипаж, запряженный восьмеркой, адъютанты и казачий эскорт.

— Боур, пошли разъезд вперед разведывать дорогу, — сказал он адъютанту, — я попробую вздремнуть, не слишком бы трясло только.

— Ах, ваша светлость, не зима ведь, трясти будет.

— Укачает, — отвечал Потемкин, — на рессорах-то. Жаль, отпустил из Полтавы Суворова Александра Васильича, теперь он мне позарез надобен.

— В Херсоне его найдем, там он обосновался, — убежденно отозвался адъютант.

— Ну да ладно. Гони!

По счастью, из-за редких облаков выкатилась полная луна. В ее холодном свете все казалось призрачным. И неширокий наезженный проселок светился влажной колеей после недавнего дождя. Светлейший спал, причмокивая губами, ровно дитя.

От Харькова до Херсона путь не ближний: верст эдак шестьсот. Дороги петляли точно так, как петляли реки. Останавливались в Екатеринославе, распесочили подрядчиков, пополнили возок со снедью, безотлучно следовавший за князем: вяленой стерлядью, огурчиками солеными да хрусткой квашеной капустой, до которой Потемкин был великий охотник.

На седьмой день не слишком торопкой езды прибыли в Херсон. Первым делом Потемкин пожелал обозреть адмиралтейство и верфи. На стапелях высились остовы двух кораблей. Земля была устлана щепой, и князь с наслаждением вдохнул в себя запах распятого дерева, возбуждающе смолистый.

— Хорошо! — бормотнул он и, подозвав к себе главного корабельщика, спросил: — Жаловаться будешь?

— Буду, ваша светлость.

— Ну так торопись, покамест я здесь.

— Киев худое дерево сплавляет. Намоклое, долго сохнет. Дуба на рангоуты мало.

— Еще что?

— Плотников бы поболе. Опять же мяса говяжьего на рацион провиантмейстер не поставляет.

— Плотников выписал, должны приехать при команде. Провиантского чиновника прикажу выпороть. Мясо будет, людей надобно кормить отменно, дабы столь же отменно трудились. Ты за тем следи и, ежели что не так, докладывай без робости.

— Премного благодарны, ваша светлость.

Подошел к плотникам, задрав голову, крикнул:

— Здорово, молодцы! Всем довольны?

Бородатый верзила, воткнув топор в дерево, отвечал смело:

— Николи, ваша милость, работник всем доволен не бывает. Харчем обижены.

— Я уж приказал. Буду спрашивать за худой харч. Старайтесь, я вас не оставлю.

— Ужо постараемся, ваша милость.

Объехал казармы, склады, потребовал к себе воинских начальников и выслушал их претензии. И лишь после этого отправился в свою резиденцию, приказав отыскать Суворова и просить его к себе.

Сухонький, быстрый и востроглазый, с подпрыгивающей походкой, напоминавший драчливого петуха, явился Александр Васильевич. Потемкин торопливо пошел ему навстречу, обнял — Суворов утонул в его объятиях, как тонет кукла в объятиях ребенка.

— Благодетель, как есть благодетель, — скороговоркой выпалил Суворов. — Душевно рад явлению вашей светлости в здешних палестинах.

Потемкин добродушно усмехнулся: странности генерал-поручика ему были ведомы. Сказал:

— Государыня просила сердечно благодарить за прекрасную выучку войска при инсценировании Полтавской баталии.

— Драгоценную табакерку получил, чего ж еще?

— А еще, драгоценнейший Александр Васильич, велела поздравить чином генерал-аншефа.

— Экая благодать! — непритворно обрадовался Суворов. — Впрочем, жалею, весьма жалею.

Потемкин пожал плечами:

— О чем это, неужто о производстве?

— Никак нет-с. О том, что не объявлено было там, в Полтаве. Бросился бы в ноги государыне, облобызал бы белую ручку, дарующую блага.

— Ну, милейший, это пустяк.

— Однако ж генерал-майор Голенищев-Кутузов остался без награждения, а сие вовсе не пустяк. Егеря же его блеснули.

— Согласен. Ему тож недолго ждать производства, я о сем постараюсь. Позвал же я тебя, Александр Васильич, будучи оза-

бочен: грядут события. Из Царьграда доносят: турок собирается в поход. Начнет Очаков. Каково там? Считано ли, мерено?

— Вестимо, коли Очаков под самым носом у Кинбурна. Скажу на память: фрегат сорокапушечный, три корабля шестидесятипушечных, шесть шебек, о десяти пушках каждая, шесть фелюг и некоторое число мелких судов. Гарнизона же близ трех тыщ да конных албанцев сотен пять. Не больно много.

— Жди пополнения. Эту малость без особого труда сокрушить можно.

— Паша очаковский не злонамерен. Посылал к нам за солью.

— Придет время и всыплем ему соли,— усмехнулся Потемкин,— время это близится.

— Ему тоже это ведомо: крепостное строение продолжает. Однако же работного народу маловато.

— Как думаешь, где начнут?

— Драчку-то? Вестимо, с Очакова. На Кинбурнский наш гарнизон навалятся, сбросить его в море захотят.

— Очаков сокрушить надобно в первую голову.

— Точно так. Ибо он есть турецкий клин, воткнутый в наше тело. Полагаю, однако, и с других сторон пойдут на нас походом. Сильная крепость Аккерман, другая столь же сильная — Бендеры, опять же Измаил. Оттуда скакнут. От Дуная везирская армия начнет движение в наши пределы.

— Ты, чай, слышал из уст императора римского обещания. Боюсь, обещаниями они и пребудут.

— Не впервой с турком биться. Побьем,— пообещал Суворов с обычной своею непоколебимой уверенностью.

— Я тоже так полагаю. И государыню в том заверил. Но должно нам создать превосходство притом. А сего я не вижу.

— Помилуй Бог, ваша светлость. И я не вижу. Но время еще не упущено — можем наверстать.

— Нету времени,— уныло произнес Потемкин.— Я мыслил сию войну решительною, последнею и закончить ее в Царьграде.

— Было бы славно, ей-ей,— отозвался Суворов,— да ведь не дотянемся в этот раз. Не вижу для сей решительной кампании силы. Турка мы сокрушим и можем потеснить изрядно. Но не до Царьграда.

Князь повесил голову. Он был удручен, что бывало с ним редко. Обычную его победительность как рукой сняло. Мыслью обнимал он сейчас все подвластные ему пространства, всю Южную Россию, прозревая все полки, все дивизии и корпуса, военный флот, и убеждался — мало! Пригонят тысяч полтораста рекрут — их учить и учить, а выучатся ли, Бог весть. Старослужащие прошли чрез многие годы, прежде чем стали надежною силой.

Упустил! За строением городов, портов, кораблей, крепостей, за бешеной скачкой во все концы упустил главное: создание мощ-

ной армии, способной претворить в действительность его заветную мечту. Считал, считал и не рассчитал. Как-то вдруг прозрел и пригорюнился: не накопил силы. Не озаботился хотя бы лет за пять подготовкой рекрут, изготовлением амуниции, литьем пушек. Были мечтания о Греческом проекте, не поставленные на ноги...

Теперь уж не успеть. И эта кампания не станет решительной, прав Суворов, у него трезвый взгляд.

После... Даст ли Бог веку. Сорок восемь лет набежало. Немало, но еще не старость. Эвон, Александр-то Васильич на целый десяток лет его старше, ровесник государыни, между прочим, а каким петушком скачет, как молодо глядят его голубые глаза, сколь задорно вздернут нос да и седой хохолок... Дурашлив нарочито, любит прикинуться простачком, а ведь солдаты в нем души не чают, за ним куда хочешь пойдут, стоит ему слово сказать...

— Александр Васильич, окажи милость, поедem со мною, покамест затишье, — неожиданно предложил он. — Хоть на недельку. Устал я, от всего устал, мотаюсь туда-сюда без роздыху какой уж месяц. Да что месяц — год за годом.

— Почту за честь быть слугою вашей светлости, — наклонил голову Суворов. А когда глянул — в глазах скакали бесы. — А куда, позвольте вас спросить?

— Есть у меня именъице в Тавриде неописанной красоты.

— Извольте, последую.

— Надобен мне совет твой, ибо убежден: никто другой столь разумного совета не даст.

— Польщен, помилуй Бог, польщен. А ведь я по части политесу темен, аки мурин.

— Ха-ха! Мы без политесу, мы запросто, — развеселился князь. — Мы со всех сторон войну оглядим, каковой ей быть да откуда кого ждать.

— Ах, ваша светлость, дак я беден как церковная мышь, — смешался Суворов. — Опять же опасаясь корпус оставить: турок на носу воссел, вдруг начнет шалить. Я же его шалости пресекать умею.

— Не беда, — рубанул ребром ладони князь. — Едем!

СКВОЗЬ МАГИЧЕСКИЙ КРИСТАЛЛ...

В е т в ь д в а д ц а т ь в т о р а я: май 1453 года

Итак, ночь на 28 мая, как и предыдущая, была озарена огнем турецких костров, трескотней барабанов и визгливым посвистом дудок и флейт. Муллы подбадривали солдат словами молитвы. Турки засыпали ров, подтаскивали поближе к стенам осадные орудия, стенобитные тараны. По всему было видно: шла подготовка к штурму.

Глядя на эту муравьиную работу, осажденные приуныли. Вскоре доброжелатели в турецком лагере ухитрились известить их: султан назначил на вторник решительный штурм.

Однако наступил понедельник, а вместе с ним неожиданное затишье. Не гремели пушки, не стреляли мушкеты, не свистели стрелы. Турецкий лагерь молчал. А когда пали сумерки, ни один огонь — ни костра, ни факела — не загорелся в нем.

В сердцах осажденных вспыхнула надежда: быть может, враг отступился, быть может, он изверился в своих силах...

Им было неизвестно, что султан объявил понедельник днем молитв и покаяния. «Нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммед — пророк его!» — возглашали муллы. И коленопреклоненные солдаты вторили: «Аллах велик!»

— Оплот неверных будет сокрушен! — предрекал духовный глава турок шейх-уль-ислам. И слова его передавались из уст в уста. — Такова воля Аллаха. Так повелел великий султан, творец высшей воли. Принявший смерть во время штурма попадет прямоком в рай, в сады блаженных, и сорок тысяч гурий будут служить ему.

Сам султан во главе своих приближенных устроил последний смотр перед штурмом. Он приказал адмиралу Хамзе-бею прорваться сквозь цепь со своими кораблями и пришвартовать их против стен, выходящих на Мраморное море. У матросов должны быть приставные лестницы. Пусть они взберутся на стену или хотя бы устрашат ее защитников.

Затем он приказал вызвать к нему главных лиц генуэзской колонии Перы. Когда они явились, он сказал:

— Мне известно, что вы тайно помогаете людям императора Константина, хотя и обязались соблюдать нейтралитет. Знайте же, я не намерен дольше это терпеть. Если мне доложат, что ваши люди по-прежнему сообщаются с осажденным городом, я предприму суровые меры.

Султан продолжал объезжать свои войска. При виде его солдаты падали ниц. Он обращался к ним со словами воодушевления, убеждая, что решительный час близок, что все силы неба на

стороне правоверных и что за стенами города их ждут несметные богатства, а кроме того, каждому достанется столько рабов, сколько он сможет увести.

К концу дня везирам и военачальникам было повелено собраться в шатре султана на последний совет.

Султан произнес вдохновенную речь:

— Столица неверных на Востоке завещана нам свыше. Наши предки не раз пытались вернуть ее в лоно ислама, ибо ислам — единственная победительная религия, которой должен подчиниться подлунный мир. Мы проникли далеко на восток и на запад, но в нашем сердце остался Константинополь. Мы должны его взять! Силы неверных, обороняющие город, слабы и истощены. И завтра, с восходом солнца, мы начнем штурм.

Город падет к нашим ногам!

Глава двадцать вторая

АПОФЕОЗ

Сама Императрица, яко самолюбивая женщина, не только примерами своими, но и самым ободрением пороков является — желает их силу умножить; она славолюбива и пышна, то любит лести и подобострастие; из окружающих ее Бецкой, человек малого разума, но довольно пронырлив, чтоб ее обмануть; зная ея склонность к славолюбию, многия учреждения сделал, яко сиропитательный дома, девичий монастырь, на новом основании Кадетской Сухопутный Корпус и Академию художеств, Ссудную и Сиротскую казну... имя его, яко первого основателя, является... сам повсюду начальником и деспотом был до падения его кредиту.

Князь Щербатов

Г о л о с а

Вашей светлости дело — сооружать людям благодетельство; возводить и восстанавливать нища и убога и соделывать благополучие ищущему вашей милости, в чем опыты великих щедрот, сияющих повсеместно к неувядаемой славе, истину сию доказывают... Милости ваши превосходят всячески мои силы, позвольте посвятить остатки моей жизни к прославлению толь беспредельных благодеяний...

Суворов — Потемкину

В заключение сего я требую, дабы обучать людей с терпением и ясно толковать способы к лучшему исполнению. Унтер-офицерам и капралам отнюдь не позволять наказывать побоями, а понуждать ленивых палкою, наиболее отличать прилежных и доброго поведения солдат, отчего родится похвальное честолюбие, а с ним и храбрость. Всякое принуждение, как-то: вытяжки в стоянии, крепкие удары в приемах ружейных — должны быть истреблены, но вводить добрый вид при свободном держании корпуса. Наблюдать опрятность, столь нужную к сохранению здоровья, содержание в чистоте амуниции, платья и обуви. Доставлять добрую пищу и лудить почаще котлы. Таковыми попечениями полковой командир может отличаться, ибо я на сие буду взирать, а не на вредное щегольство, удручающее тело.

Потемкин — из Наставления воинским начальникам

...вступя в путь, (государыня) изволила прибыть к тому месту... где кончается губерния Курская и начинается наместничество Орловское. Тут при триумфальных воротах, от дворянства соо-

руженных, была круглая площадь, украшенная обелисками с поставленными гербами уездных городов и аллегорическими изображениями, относящимися к шествию Всемилоостивейшей Государыни...

У триумфальных ворот на площади, от купечества построенных, играла музыка и была встреча Орловского магистрата с хлебом-солью... При Доме народного училища, мимо которого Ее Величество проезжать изволила, стояли учителя и все ученики, усыпавшие путь цветами.

...Пополудни в 6 часов Ее Императорское Величество изволила приехать в генерал-губернаторский дом, где собравшиеся дамы допущены были к руке... И тут на поставленном феатре играли благородные в высочайшем присутствии комедию «Солиман Второй», на российский язык переведенную, и комическую оперу «Ворожея». По окончании того пели сочиненный хор для радостного прибытия Ее Императорского Величества и открылся бал.

Из Журнала Высочайшего путешествия...

— Ох, Александр Васильевич, надоели мне все эти триумфы, каждения, фимиами, восторги верноподданничества! Все это едина пустая лесть! — На лице Екатерины выразилась болезненная гримаса. — Более не могу выносить, скажи обер-шталмейстеру: пусть поторапливает обозных, дабы мимо и быстрее. Устала невероятно...

Храповицкий понимающе кивнул и выскользнул за дверь с неприсущей ему грацией. Отдал распоряжение и возвратился.

— Слава Богу, Москва не за горами. И дорога накатана. Тебе небось тоже в тягость стало?

— В тягость, ваше величество. Полгода в дороге — как не в тягость. Великое долготерпение явили вы, монархам несвойственное. Статочное ли дело, повелительнице величайшей в свете империи прожить на колесах более полугода!

Морщины на лице Екатерины разгладились, губы раздвинулись в улыбке.

— Чем я не кочевница, чем не Чингисханша?! В самом деле, кто из европейских монархов столь долгое время провел в пути? К тому ж я женщина, не стоит об этом забывать. Но, как говорят французы, игра стоит свеч. Стоила... Тавриду повидала, уверилась, что она есть величайшее приобретение наше. Оттуда грядем за море, сам знаешь куда.

— Знаю, само собою.

— От долгого пути и характер стал портиться, — продолжала Екатерина, — и морщин прибавилось. Прибавилось ведь? — И она вопросительно взглянула на Храповицкого.

— Не наблюдаю. Все то же благолепие лика.

— Ну, ты известный льстец и хитрованец! — И она ударила его по руке веером. — Зеркало не лжет и не льстит, я все вижу. Но все ж для моих лет я гляжусь весьма недурно. Правда?

— Сущая правда, государыня, — выпалил, нимало не медля, Храповицкий, получилось как бы само собой, и Екатерина, пронищавшая душевные движения тех, кто с нею рядом, оценила и осталась довольна.

Нет, он не льстил. В пятьдесят восемь лет она сохранила свежий цвет лица, почти что девичий, прямую осанку и гордый постанов головы. Две-три прибавившихся морщинки в углах рта ничего не меняли в облике, а благосклонная улыбка, почти не сходявшая с уст, обнажала прекрасно сохранившиеся зубы. Не было лишь сладу с двойным подбородком, быть может, потому, что природа наградила ее подбородком острым, и его дополнение было особенно заметно. Правда, она уже не могла обходиться без очков при чтении и письме, да и слух несколько притупился, особенно в тех случаях, когда речь собеседника была невнятной или плохо артикулированной.

Притом государыня, по словам ее служниц, почти не прибегала к косметическим ухищрениям: теплая вода для полоскания рта и лед для протирания лица — вот что входило в ее утренний туалет.

Время от времени, особенно после худо проведенной ночи, она прибегала к румянам, однако же не злоупотребляя ими...

— Пора заняться делами. Перья очинены?

— Само собою, государыня.

— Что ж, в таком случае можешь быть свободен. Ежели что — покличу.

Храповицкий отправился к себе, достал заветную тетрадь, торопясь записать примечательные высказывания своей повелительницы. С некоторых пор он перестал надеяться на память и старался записывать по свежим следам, когда это удавалось. Ибо хотел буквальности.

«С крайним удивлением услышала я, вышедши из-за стола, — торопливо, так что из-под пера летели брызги, записывал он, — что вы положили с Кречетниковым (наместник в Туле) сегодня еще быть комедии. Подобное положение, не доложась мне, не подобает делать, понеже о том, что мне угодно или не угодно, никто знать не может, а я в опекунстве ни в чьем быть не желаю».

Разумеется, оплошали. Ее величество отнюдь не желает задерживаться из-за какой-то комедии, нетерпение ее велико: в Москве ждут любимые внуки, Саша и Костик — Александр и Константин. Александру нынче будет десять, Костику — восемь.

Если есть у императрицы отрада, так это внуки, в особенности старший.

«В голове этого мальчика,— писала она Гримму,— зарождаются удивительно глубокие мысли, и притом он очень весел; поэтому я стараюсь ни к чему не принуждать его: он делает что хочет, и ему не дают только причинять вред себе и другим».

Венценосная бабка занялась сочинением наставлений для своих внуков, то были своего рода учебники, где за азбукой следовали нравоучительные сказки. Воспитательный пыл заключился написанием нравственного катехизиса «О должностях человека и гражданина». Она писала Гримму: «Все, видевшие этот сборник, чрезвычайно хвалят его, говоря, что он пригоден как для малых, так и для больших. С первых строк дитя узнает, что оно появилось на свет беспомощным голышом, что такими рождаются дети равно богатых и бедных, так что по рождению все люди равны; если их что и отличает, так это знания и умение, приобретенные воспитанием и прилежанием». И с удовольствием прибавляла, что в первые две недели по выходе сборника разошлось почти 20 000 экземпляров. Это ли не успех!

«Истинное благополучие,— утверждалось в сборнике,— есть в нас самих. Когда душа наша хороша, от беспорядочных желаний свободна и тело наше здорово, тогда человек благополучен...»

Вот эту истину и вкладывала в голову своих внуков их любящая бабушка. Долгая разлука с ними была для нее тягостна. Потому и негодовала она, что вздорные прихоти тульского наместника (ишь ты, комедию захотел представить государыне, будто она и не видывала, не насмотрелась всяческих комедий!) отдаляли желанное свидание с внуками.

— Запрягать не мешкая! — объявила она сердито. — Ехать в ночь, с факельщиками и более нигде не задерживаться. Государыня не заморский зверь, неча на нее пялиться.

Была раздражена, устала от долгого странствования, а такой ее давно не видывали. Брюзжала:

— Народу надобно являться как можно реже, дабы не зрил в своем государе смертного человека, а воображал его себе в мечтаниях необыкновенным. Государь должен подданным своим являться в указах, ибо в них содержится его облик. Образ же его, писанный искусными изографами, пристойно вывешивать в присутственных местах.

Это была новая программа, и Храповицкий поторопился ее запечатлеть.

Лейб-медик государыни Роджерсон сказал ему:

— Здоровье ее величества подорвано долгой ездой. Мыслимое ли дело подвергать женщину весьма зрелого возраста такому испытанию. Не только она, но и многие дамы из ее свиты занемогли и нуждаются в лечении. На недомогание жаловался и граф Александр Андреевич, и принц де Линь. Я постоянно потчую их целительными пилюлями.

— Все мы изнемогли, любезный доктор, статочное ли дело быть в кочевниках. У каждого есть дом и близкие его...

И у него был дом, разлука с которым была тягостна. Он не раз представлял в мыслях свидание с супругою, с детишками, с матушкой, торопил этот миг, но торопил напрасно. А потому старался думать о нем поменее и пореже. Да и занятия, возложенные на него государыней, оставляли все меньше и меньше времени. Она возложила на него деловую переписку. И если прежде кое-какие письма не чуралась писать собственной своею рукой, то ныне призывала его, и он писал под ее диктовку. А иной раз заставляла перебелять свои черновики, попутно внося исправления в слог.

Слава Богу, Москва недалече. А там уж и Петербург — по наезженной дороге. Медлить уж нигде не будут: все-все видано-смотрено. И сейчас приказала гнать, хоть и тряско будет, несмотря на рессоры.

Дурное расположение государыни усугубилось после получения рапорта Еропкина: летнею июньскою ночью на Москве случился пожар. Горело Замоскворечье, занялось на Ордынке и Пятницкой, и все окрест выгорело. Огонь пожрал 86 каменных и деревянных домов да 98 лавок. Убыток велик, погорельцы маются без крова. Благо не зима. Из казны кое-какое вспомоществование велено назначить. Однако запомнала ее величество, что казну весьма опустошило шествие со щедрыми дачами. Не говоря уж и о самих расходах на него: генерал-прокурор Вяземский, благодетельствовавший его, Храповицкого, исчислял их в три миллиона рублей. Три миллиона — огромные, можно сказать, необъятные деньги! На них можно было бы выстроить не один десяток городов, вооружить всю армию...

Но кому могло прийти в голову считать расходы?! Сочли, сколько потребно было лошадей на все время шествия. Вышло 40 000. Сорок тысяч сменных упряжных! Кавалерийские не в счет. Поначалу князь Вяземский за голову хватался, но потом попривык, благо был печатный станок, и ассигнации выручали. Порча же монеты тоже выручала: с пуда меди можно было начеканить больше, чем прежде, на несколько рублей. Выкручивались — одно слово.

Все подобное крутилось в голове, карета скрипела и стонала, как живое существо. Храповицкий дремал, пробуждаясь от толчков и снова погружаясь в неглубокий сон. Да и мог ли он быть глубок в тряском экипаже?! А он так любил поспать. Прежде удавалось улучшить часок-другой для дневного сна, но тут пришлось забыть об этом. Никакой отрады! Вот ужо дома, дома...

Ах, эти иллюзии о домашнем покое! Не будет его. Никто не даст отдохновения — ни домашние, ни государыня. А так хочется уединения! Хоть неделю принадлежать самому себе, всего одну

неделю. Без обязанностей пред кем бы то ни было, только перед самим собой. Вволю спать, вволю размышлять, вволю сочинять. И не переводы — свое. Все литературское честолюбие далеко не было удовлетворено, в голове роился замысел трагедии и комедии, зрели стихотворные строфы... И все это проваливалось в суету повседневности. А ведь и Сумароков, и Новиков, и Державин весьма одобрительно, а порой и лестно отзывались о его талантах, государыня его хвалила и всецело доверяла и его слогу, и его вкусу. Даже сенатские, где он некогда служил, доселе выхваляли его штиль, запечатленный в бумагах.

Суета сует и томление духа — вспомнилось ему из библейского Екклесиаста, сиречь Проповедника. Царь Соломон, коему прописывают это сочинение, был прав. Суета сует поглотила его жизнь, почти не оставив свободного места. Иногда он преисполнялся жалостью к себе самому, жалел свое упитанное тело, подвергавшееся столь великим испытаниям, а порою и лишениям; несвобода тяготила его чувствительную натуру.

Говоря откровенно, это было некое рабство. И государыня была с ним доверительна, что было весьма лестно, ибо он чувствовал себя на недостигаемой высоте, хотя он владел сокровенными тайнами, иной раз недоступными первым лицам империи, все-таки был невольник.

Желал ли он освободиться, скинуть свое ярмо? Редко-редко. Любочестие всегда побеждало. Добровольно пасть вниз с той высоты, на коей он пребывал? Ни в коем случае! Все готов был стерпеть — унижение, разносы, даже пощечины, лишь бы быть при ее величестве императрице и глядеть на остальных сверху вниз. Про себя, внутри себя, случалось, бунтовал, да. И бунт этот внутри его и гаснул, так и не вырвавшись наружу.

Государыня порешила остановиться в Коломенском, там же должны пребывать их высочества великие князья Александр десяти лет, еще, разумеется, не ведавший о своей великой судьбе, о том, что его ждет корона, что он, победитель Наполеона, перед которым трепетала вся Европа, будет поименован Благословенным; и младший Константин, в будущем личность вполне бесцветная, несостоявшийся император несостоявшейся новой Византийской империи либо хоть даже Дакии, в которую вошли бы Молдавия и Валахия.

Екатерина любила Коломенское, нередко останавливалась там. Приказав разобрать обветшавший деревянный дворец царя Алексея Михайловича, сооружение весьма затейливое, чудо, можно сказать, плотницкого искусства, она повелела построить на его месте четырехэтажный дворец: два первых этажа каменных, два верхних деревянных.

— Александр Васильич, приготовь-ка все о Коломенском, — сказала за завтраком, — дабы внуки доподлинно знали про славу его.

Легко сказать — приготовь. Благо был запаслив и загодя расчислил, где будет остановка. Слава здесь была. Стоял в Коломенском князь Дмитрий Донской после одоления татар на Куликовом поле, сказывают, и храм велел возвести во имя Георгия Победоносца, да только не уцелел он. Облюбовал место это великий князь Московский Василий III Иванович, обороняя православных от нашествия татар крымского хана. Живал здесь царь Иван Грозный, выстроил Потешный дворец, пошел отсюда Казань воевать. Великий Петр провел здесь свои детские годы, да и потом любил сюда наезжать...

Но истинное чудо — храм Вознесения: вельми дивен высотой, красою и светлостью.

«Поглядят, и ежели в них душа трепетна, то станут восхищаться, а ежели еще по-мальчишески пустопорожня, то государыня изволит втолковать,— решил он.— Небось подросли, омыслились».

Он виделся с ними в Царском Селе и не разделял восторгов их царственной бабки, находившей особенно старшего, ее любимца, необыкновенным ребенком. Ничего необыкновенного он в нем не видел. Правда, в их играх и занятиях он не участвовал, меж тем как ее величество изволила резвиться с мальчиками и впадать в детство: играла с ними в горелки, в жгуты и в прятки.

Мелькали деревни, поля, перелески. Все было покрыто зеленью, которая скрашивала убогость крестьянского жилья. Убогость эта казалась даже картинной, декоративной, особенно тогда, когда взор не успевал задержаться. Близость большого города уже чувствовалась: он притягивал к себе деревеньки и села, они теснились, нежилых пространств становилось все меньше.

И вот они — врата, ведущие в Коломенское. Ветер пробегает по деревьям, колышет ветками — приветно. Аллея разбегается в стороны. И вот он — дворец. И дивная церковь Вознесения, вознесенная в небо трудами безымянных зодчих и каменных дел мастеров.

Тишина и покой остаются ненарушимы. Государыня распорядилась весь обоз с челядинцами расквартировать в селе Коломенском — оно осталось за вратами.

А высокородные мальчики за щитом гувернеров и нянек уже топчутся у крыльца — ждут.

— Ее величество бабушка приехала! Бабушка, бабушка! Ура! — радуются совсем по-детски, бросаются к карете, повисают на государыне. Этикет нарушен, благолепие нарушено. Свита несколько шокирована. А ее величество — нет. Она поочередно обнимает и целует внуков. И они в обнимку направляются в покои.

— Ну, рассказывайте, как вы без меня жили? — обращается она к ним.— Ты, Сашенька, старший, тебе и первое слово.

— Скушно жили,— морщась, отвечает мальчик,— без вашего величества скушно.

— Бабушкинского величества,— вставляет Костя, и Екатерина смеется.

— А с кем вы играли?

— С Голицыным и Рибопьером. Но они скушные.

— Без вашего величества бабушки,— опять вставил Костя.

— Нам не разрешали шалить,— пожаловался Саша.— Мы говорили: ее величество бабушка любит, когда мы шалим, а нам отвечали, что ваше величество может все любить и разрешать в своем присутствии, а когда вас нет, то возбраняется.

Екатерина снова смеется. От этой детской болтовни повеяло домовитостью и уютом. И той добродушной искренностью чувств, недостаток которой она постоянно ощущала.

— Мы пробудем тут несколько дней, а потом поедem домой,— говорит она.

«Домой»! У нее невольно вырвалось это. «Домой» — означало Царское Село, в крайности Зимний дворец.

— А мсье Лагарп говорит, что у нас всюду дом, где бы мы ни находились, потому что мы царствующая фамилия,— выпаливает Саша.

— Он по-своему прав. Но все-таки, мальчики мои, рассудите сами, где вам лучше всего.— Улыбка не сходит с лица Екатерины, она довольна, а может быть, и счастлива.

— В Павловске,— отвечает Саша.

— В Гатчине,— говорит Костя.

Саша морщит лоб и поправляется:

— А еще — в Царском Селе.

— Правда, правда! — радуется Костя.

— Ну вот, так мы добрались до истины. Стало быть, дом там, где мы чувствуем себя лучше всего. Вот и я после долгих странствий соскучилась по своему дому — Царскому Селу, хотя всюду мне старались угодить изо всех сил.

— Ну да, ведь вы царствующая особа, императорское величество,— рассудительно говорит Саша.— Перед вами все трепещут. Только мы радуемся вам.

Екатерина заливисто хохочет, привлекает к себе Сашу и целует — в лоб и в щеки.

— Ах ты мой голубок! — растроганно говорит она.— Отчего ты решил, что передо мной все трепещут?

— Так говорят. Даже, говорят, сам светлейший князь Потемкин, хоть он такой высокий и сильный. Он тоже трепещет.

— Это все мои подданные,— отсмеявшись, отвечает Екатерина.— А подданные обязаны уважать своего повелителя, трепетно относиться к законам, которые он издает, к его повелениям и указам. Трепетать — это не всегда означает бояться.

— Мы так хотели поехать вместе с вашим величеством! — с некоторой грустью говорит Саша.

— Но мы немножко болели, совсем немножко, — вставляет Костя. — И нас не пустили.

— И я очень хотела этого. Но доктора не разрешили...

— Доктора все такие противные. Я бы хотел обходиться без них, но нам вечно их навязывают, — признается Саша.

— Ну нет, мои дорогие, без докторов нам никак нельзя, — назидательно говорит Екатерина. — И вы должны их слушаться так же, как и меня и родителей. Доктора знают то, чего не знаем мы: они знают, как уберечься от болезней и как от них избавляться.

— Я тоже знаю, — отважно произносит Костик. — Нельзя ходить босиком по холодному полу.

— Ха-ха-ха! А ведь ты совершенно прав, Костинька, — радуется Екатерина. — Как мне славно с вами, мои мальчики. Как хорошо, что вас привезли сюда! Если люди думают, что государю всегда и везде хорошо, то они жестоко ошибаются. Ему хорошо только с самыми близкими, а бабушке — с внуками.

Ей в самом деле было необыкновенно легко. Внутреннее напряжение, никогда не покидавшее ее, то ослабевавшее, то вновь нараставшее, помогли разрядить ее внучата с их непосредственностью и простотою чувств.

— Я немного отдохну, а потом мы отправимся гулять. И я расскажу вам о том, где я побывала и что успела повидать.

— Конечно, конечно! — Оба захлопали в ладоши.

Желанный час настал. Бабушка и внуки отправились на прогулку. Костя нашел, что храм Вознесения похож на бонну Луизу Максимовну. Саша выдал тайну братца:

— Он говорит, что, когда вырастет, женится на Луизе Максимовне.

Екатерина продолжала веселиться. И щебетанье, и вопросы внуков, и их бесхитростность радовали и умиляли ее. Они еще не успели влезть в шкуру великих князей, они пока еще пребывали далеко от величия, в простом мальчишестве с его интересами.

— Вот эти дубы, должно быть, посажены при царе Алексее Михайловиче. — И она гладила морщинистый ствол. — А вот этот великан мог видеть другого царя — Иоанна Васильевича Грозного.

Им уже были знакомы эти имена и вехи российской истории. Они стали наперебой выкладывать свои знания.

— А знакомы ль вам имена — Игорь, Олег, Владимир, Святослав?

— Знакомы, ваше величество бабушка, — отвечали согласно.

Выяснилось, однако, что знакомство это было беглым. Как жаль, что внуки не могли вместе с нею проделать путь из варяг в греки, а рассказ о нем обречен быть лишенным красок. Можно

ли в словах воссоздать мощь Днестра, вздувшегося от вешних вод и теснившего берега, грозно ревущего в порогах... А Киев?..

— Ваше величество бабушка, а почему Киев — мать городов русских, когда он должен быть отец?

И опять Екатерина возвеселилась. В самом деле — почему? Она не сразу нашлась с ответом.

— Наверно, так писано в древних летописях, дети,— предположила она.

— А что было за порогами?

— А за порогами были новые города, которые построил князь Потемкин: Херсон, Екатеринослав, Николаев... А потом мы отправились в Тавриду. Мы двигались по следам Игоря, Олега, Святослава и Владимира.

— Как? Неужели они оставили там такие вздутые следы? — удивились оба.

— Вздутые! Ха-ха! Да, мои дорогие, они оставили именно-именно вздутые следы, но в истории российской. Я стояла среди руин древнегреческого города Херсонеса — Корсуня по-славянски. Там некогда был святой Владимир, великий князь Киевский. Он приплыл туда из-за моря, где был гостем в Царьграде, столице великой православной империи — Византии. Он привез оттуда веру в истинного Бога...

— Бабушка ваше величество,— перебил ее Саша,— это не он приплыл из-за моря, а его отец, князь Святослав. Тот, который прибил свой щит на воротах Царьграда, великий воин.

— Ах ты умник, исправил бабушку. Верно, не он приплыл, а его невеста, сестра византийского императора, Анна. Там, в Корсуни, он принял святое крещение. А затем крестил Киевскую Русь.

— И побросал идолов в Днепр! — воскликнул Костя.— И они поплыли в море!

— Верно! Раньше киевляне молились этим идолам — они пребывали в язычестве. А святой Владимир принес им истинную веру в единого Бога...

— И в Святую Троицу, в Иисуса Христа,— радостно объявил Костя.— Я все знаю. И молюсь тому же Богу, которому и святой Владимир молился.

— А почему он сразу отказался от старых богов? Мне это непонятно и никто так и не объяснил,— недоумевал Саша.

В самом деле, такой вопрос должен был возникнуть в детских головах. Взял и ни с того ни с сего побросал богов в Днепр.

Почему он решил, что новая вера лучше старой? Екатерина на мгновение замялась.

— В Корсуни были тогда православные храмы,— наконец произнесла она,— и Владимиру пришелся по душе молитвенный обряд и лики святых. И тогда его невеста Анна сказала ему: «Если

ты берешь меня в жены, то прими и мою веру. Иначе я не пойду за тебя. Так повелел мой брат, император Василий». Пришлось Владимиру согласиться. Священники ввели новобрачных в храм и свершили над ними обряд венчания.

— Идолы-то были деревянные и грубые. Только усы у них были позолоченные.— Костя был определенно горд своими познаниями.

— Ну конечно.— Екатерина потрепала его по щеке.

— Идолов было много, как у меня солдатиков. Но ведь и святых очень много.— Последние слова он произнес с недоумением.— Я всех и не упомяну...

— Отец Николай говорил тебе, что святые — это люди благочестивого жития,— назидательно поправил его Саша,— совершившие подвиги во славу веры.

— Я тоже совершу подвиг, когда вырасту. И стану святой.

— Молодец, Костинька!

Екатерина окончательно развеселилась. Во все время шествия ей не удавалось так душевно веселиться, как сейчас, с внуками. «Отчего это,— думала она,— люди, вырастая, не могут сохранить непосредственность и чистоту детских лет? Куда все это девается? Неужто груз жизни непреодолимо давит и крутильная сила его такова, что искажает и портит натуру?» Вот ей удалось сохранить и пронести сквозь годы природную веселость. Другим и это не удается.

— А теперь, мальчики, давайте войдем в храм Божий.— И первой стала подниматься по ступенькам на гульбище.

Храм был светел и гулок, возносясь в немыслимую высоту, куда с трудом досягал взор. Их тотчас же охватило молитвенное благоговение. И захотелось затеплить свечи, и произнести какие-то особенные, идущие из глубин слова. Они были, разумеется, у каждого свои. У мальчиков бесхитростные, у Екатерины — политичные.

Она сказала с чувством:

— Давайте помолимся Николаю Угоднику — попросим его, чтобы он покровительством своим осенил наше воинство. И чтобы им удалось прибить российский щит на воротах Царьграда подобно нашему великому предку князю Святославу. Ибо город этот, святой для каждого православного, захватили нечестивые агаряне и надругались над святыми храмами, обратив их в свои капища. Ваша чистая молитва, мои дорогие мальчики, дойдет до наших небесных покровителей.

Они постояли возле царских врат, беззвучно шевеля губами. А позади медленно копилась толпа, опознавшая государыню и ее внуков, великих князей. Шушуканье разрасталось, и Екатерина уже пожалела, что не успела распорядиться насчет охраны. Торжественность минуты была сломана.

«Не дадут ведь спокойно покинуть храм,— подумала она.— И откуда здесь народ взялся? Просила ведь оградить сие место от постороннего люда. Чего доброго, начнут в ноги кидаться, одежды лобызать. Любовь простонародья обременительна».

Именно этой обременительной любви она и опасалась более всего. Она была связана с нечистым дыханием, с фанатическим блеском в глазах, с кликушечьими вскриками. Несколько раз Екатерине пришлось столкнуться с ее проявлениями, и она сохранила о них тягостные воспоминания.

Екатерина оглянулась в надежде обрести некий охранительный щит. И увидела — да, увидела с облегчением, что у выхода табунется десятка два гвардейцев во главе с премьер-майором. Все-таки за нею надзирали, несмотря на ее запрет.

«Все благо,— подумала она,— да и можно ли оставлять без призора главу империи! Мало ли что... Хоть я и противилась сему: возможно ли снести, коли с тебя не спускают глаз и следят за каждым твоим шагом, но, ежели сего не желаешь, сам возьми предосторожность».

Она сделала знак майору приблизиться и, когда он, prodравшись сквозь толпу, склонился перед нею, сказала вполголоса:

— Сделайте милость — выведите нас отсюда.

Солдаты мигом взяли их в кольцо и, оттеснив молящихся, вывели государыню со внуками из церкви.

— Что ж, мы неплохо погуляли, правда, мальчики?

— Можно бы дольше,— заикнулся Саша.

— Ах, милые мои, я ведь подневольная бабушка — меня ждут государственные дела. И потом, мы скоро тронемся в путь — на Москву и далее — домой. Помните, что я говорила вам о доме?

— Помним, ваше величество бабушка,— отозвались внуки.

Во дворце ее подкарауливал Безбородко.

— Случилось что, Александр Андреич? — воззрилась она.

— Прибыл курьер от Якова...

Она не сразу поняла: все еще была во власти внуков.

— От Булгакова из Царьграда,— пояснил сообразительный Безбородко.— Везир приступил к нему с ультиматумом, но он все отвергает и просит дать ему время, дабы снестись с Петербургом. Всю наличность, что у него была, равно и мягкую рухлядь он извел на взятки верховному везиру, рейс-эфенди, кяхье и некоторым пашам. Однако полагает, судя по тону везирскому, что сей испытывает давление — то ли шейх-уль-ислама, то ли самого султана, то ли янычар, кои в очередной раз бунтуют.

— Послать к нему немедленно через светлейшего князя золотых дукатов и соболей. Отписать же в том смысле, что мы твердо держимся мирного трактата, однако пойдем на переговоры об уступках. Важно выиграть время. Войны не избежать, однако на-

добно отодвинуть ее хотя на год. Пусть турок думает, что мы готовы уступить.

Безбородко с сомнением покачал головой:

— Уж ежели что ихний духовный глава замыслил, то непременно джихад — священную войну против неверных. Я так полагаю, что им надобно выпустить пар: народ бедствует и ропщет. Война как раз для сего и существует.

— Чему быть, того не миновать, — оборонилась Екатерина излюбленной фразой. — Делай, как сказала. Иного выхода у нас нету.

На следующий день Храповицкий записывал:

«Высочайшее шествие началось поутру... Препровождали Ее Императорское Величество и Их Императорских Высочеств до городской дачи, ехал возле кареты московский генерал-губернатор и кавалер князь Лопухин, а перед каретою Московской округи земский исправник со своими заседателями и драгунами; за ними следовали почт-директор, действительный статский советник и кавалер Пестель со своими офицерами и почтальонами верхами; потом конвойная губернская команда и, наконец... выбранные от дворянства почетные дворяне. По прибытии к городской даче встретили Ее Императорское Величество г-н главнокомандующий, генерал-аншеф, сенатор и разных орденов кавалер Петр Дмитриевич Еропкин с господами, находящимися в Москве у разных должностей... и генералами».

СКВОЗЬ МАГИЧЕСКИЙ КРИСТАЛЛ...

В е т в ь д в а д ц а т ь т р е т ь я: май 1453 года

Итак, за стенами великого города в турецком лагере воцарилась тишина. Иным она казалась странной, но объяснимой: турки-де решили снять осаду. Но большая часть защитников готовилась к худшему. Они понимали: это зловещее затишье перед бурей.

Нервное напряжение выливалось в ссоры и склоки. Греки и венецианцы сходились в одном: генуэзцам доверять нельзя — за свой нейтралитет они готовы пожертвовать великим городом, а самим укрыться в Пере. Генуэзцы же, обороняясь, говорили, что венецианцы обуреваемы гордыней и воображают себя спасителями Константинополя.

Глава венецианцев Миотто был человеком деятельным и властным. Его соплеменники в мастерских своего квартала изготовили заградительные щиты для заделки брешей в стенах, а доставить их на место он приказал грекам. Те объявили: не отнесем, пока нам не заплатят.

— Уместна ли столь великая жадность в такой момент! — возмутились венецианцы.

— Нам нечем платить за еду для наших семей, — оборонялись греки, — наши женщины и дети голодают.

Ссоры вспыхивали и меж военачальников. Джустиниани, оборонявший участок стены у Месотихиона, против которого были сосредоточены отборные силы турок и который подвергается наиболее ожесточенным атакам, потребовал перебросить ему пушки, стоявшие на стене, обращенной к Золотому Рогу. Лука Нотарас, возглавлявший оборону этой стены, воспротивился: это-де уязвимый участок. Императору Константину, измученному напряжением последних дней, с трудом удалось примирить их.

Но мало-помалу все прониклось сознанием смертной угрозы, перед которой меркнут споры и раздоры. Греки-православные подали руку итальянцам-латинянам. Колокольный звон церквей созвал и объединил всех верующих. Люди шли по улицам, неся в руках чтимые иконы.

— Кирие элейсон! Господи, помилуй! — несло со всех сторон.

Православные и католики в едином порыве повторяли этот призыв. Господь не должен оставить великий город, его благодать простерта над ним.

Шествия с иконами шли вдоль стен, останавливаясь в тех местах, которые могли стать уязвимыми для врага. И освящали их в надежде на святое заступление. Дым кадила возносился к небу. Возносились к небу и слова молитв, и пение псалмов.

В соборе Святой Софии служили литургию. Кардинал Леонард, непримиримый враг православия, объединился с православными епископами в общем молении о небесном заступлении. Огромное пространство собора было заполнено до отказа. Огоньки свечей отражались в золоченых ликах святых на мозаиках. Казалось, Христос и все небесное воинство благословляют молящихся на подвиг во имя торжества истинной веры.

Император Константин присоединился к молящимся. По окончании литургии он с военачальниками и знатными горожанами направился во дворец. Он произнес перед ними проникновенную речь.

— Я готов умереть, защищая великий город, оплот христианства на Востоке,— провозгласил он.— И все, от мала до велика, должны не щадить себя во имя торжества правой веры. Поклянитесь же вместе со мной.

— Клянемся! — был стоустый ответ.

Глава двадцать третья

КАМНЕПАД

К коликому разврату нравов женских и всей стыдливости — пример ея множества имения любовников, сдин другому часто наследующих, а равно почетных и корыстями снабженных, обнаруживая через сие причину их щастия, подал другим женщинам. Видя храм, сему пороку сооруженный в сердце Императрицы, едва ли за порок себе щитают ей подражать; но паче мною почитает каждая себе в добродетель, что еще столько любовников не переменяла.

Князь Щербатов

Г о л о с а

Друг мой сердешной, князь Григорий Александрович. Третьего дни окончили мы свое 6000-верстное путешествие, приехав на сию станцию (в Царское Село) в совершенном здоровье, а с того часу упражняемся в рассказах о прелестном положении мест, вам вверенных губерний и областей, о трудах, успехах, радении, усердии, попечении и порядке, вами устроенном повсюду. И так, друг мой, разговоры наши почти непрестанные замыкают в себя либо прямо, либо сбоку твое имя либо твою работу.

Екатерина — Потемкину

Мы здесь чванимся ездою и Тавридою, и тамошнего генерал-губернатора распоряжениями, кои добры без конца и во всех частях. Тебя и службу твою, исходящую из чистого сердца и усердия, весьма, весьма люблю, и сам ты безценной. Сие я говорю и думаю ежедневно... Ей-Богу, ты молодец редкой, всем проповедую.

Екатерина — Потемкину

Матушка-государыня! Я получил Ваше милостивое послание из Твери. Сколь мне чувствительны оногo изъяснения, то Богу известно. Ты мне паче родной матери, ибо попечение твое о благосостоянии моем есть движение, по избранию учиненное. Тут не слепой жребий. Сколько я тебе должен, сколь много ты сделала мне отличностей; как далеко ты простерла свои милости на принадлежащих мне, но всего больше, что никогда злоба и зависть не могли мне причинить у тебя зла и все коварства не могли иметь успеха. Вот что редко на свете: непоколебимость такой степени тебе одной предоставлена. Здешний край не забудет твоего щастия. Он тебя зрит присно у себя, ибо почитает себя

твоею вотчиною и крепко надеется на твою милость... Прости, моя благотворительница и мать; дай Боже мне возможность доказать всему свету, сколько я тебе обязан, будучи по смерти вернейший раб...

Потемкин — Екатерине, из Кременчуга

Милостивое письмо Вашей Светлости... получил и повеления Вашей Светлости усердно выполнять потщусь. Больные мне наибольшая забота. Несказанная милость, что изволили уволить от работ, и караулы уменьшу.

...Между Збурьевска и Кинбурна у Александровского редута приставали вооруженные турки на лодке из камышей и побрались с казаками. Генерал-майор Рек их ласково отпустил. Очаковский Паша обещал Розену, при сем отправленному, которого принял ласково и потчевал, впредь своих посылать с билетами (пропусками), как и за солью, ежели случитца. Очаковское крепостное строение продолжается, работников мало, Розен подробнее донесет Вашей Светлости...

...Вашей Светлости нижайший слуга Александр Суворов

Громкий стук в ворота заставил всех насторожиться. После короткой паузы он повторился с еще большей требовательностью. Кто-то барабанил кулаками, а затем чем-то металлическим.

— Выгляни, Христофор, кого черт принес,— попросил Булгаков драгомана Панайдороса.— С утра покою нету. Небось турок какой-нибудь: нахально барабанит. Коли так, спроси, чего ему надо.

Панайдорос неторопливо спустился вниз. Послышалась горланная речь, больше похожая на перебранку. Через минуту он возвратился вместе с носатым турком в высоком тюрбане, короткой курточке и в шальварах, перепоясанных широченным красным кушаком, за которым торчал ятаган.

— Он говорит, что вашу милость вместе с господином Кочубеем немедленно требует к себе сам садразам, великий везир. И лошадей ихних прислал с охраною.

Булгаков заметно встревожился при упоминании о лошадях и охране. Прежде такого не бывало — ездили на своих лошадях, да и без охраны.

— Стряслось у них там что? Ты спроси его, отчего такая срочность.

Панайдорос забормотал по-турецки и, выслушав ответ, пояснил:

— Он ничего толком не знает, но говорит, что случилось что-то чрезвычайное, Порта-де переполошена, чиновники бегают туда-сюда, сам садразам сердит.

— Не нравится мне это,— пробормотал Булгаков,— ох не нравится. Только третьего дня отвез министрам дачи...

Долгожданный тюк с деньгами и мехами ехал в Константинополь долго — не ехал, впрочем, а плыл на российском военном корабле, который подвергся строгому против обычного досмотру. Капитан сказал, турки-де сильно осерчали, не хотели пущать, была долгая перебранка, наконец уступили, узнав, что груз для посла и везира.

Всех чиновников основательно подмазали, почти ничего не оставили на крайний случай: садразам получил связку отборных соболей, рейс-эфенди, его заместитель, ведавший иностранными делами,— кошель с дукатами, по-турецки мешок, кяхья-бей, правая рука великого везира,— куньи меха, остальным чиновникам Порты по малости, но тож солидно.

Получили и медали, отчеканенные по случаю шествия. На одной был профиль государыни, карта шествия и надпись: «Путь на пользу». На другой — тож Екатерина и текст: «В 25 лето царствования, 1787 году». Не обошлось и без медали в честь Потемкина. Тож профиль и по окружности: «Князь Г. А. Потемкин-Таврический». В этом «Таврический» и была вся суть.

— Медаль — что! Государыня пожаловала ему сто тысяч рублей,— не без зависти сказал Булгаков,— пишет мне о неизреченной к нему милости. И опять напоминает, дабы старался изо всех сил умаслить верхушку, война-де сейчас не ко времени. А когда она ко времени? У него, однако, своя мерка: даешь Царьград — и все тут.

Турок прислонился к притолоке и, как видно, решил ждать.

— Скажи ему, что мы приведем себя в порядок и скоро спустимся, пусть дожидается там,— повернулся Булгаков к драгоману. И затем, оборотясь к Кочубею, повторил: — Придется ехать, Виктор Павлыч, однако предчувствую некий подвох от турок.

— Беспременно подвох,— согласился Кочубей,— иначе свою стражу не послали бы.

Надо было облачаться в мундиры со звездами, как того требовал этикет, а это была канительная процедура — они в своей резиденции хаживали в исподнем, ибо стояла одуряющая жара.

Наконец они были готовы и стали неторопливо спускаться вниз. В посольском дворе ожидали их две оседланные лошади и четверо конных сипахи при полном вооружении: с кремневыми ружьями за спиной и ятаганами за поясом.

— Ишь ты, какие строгости,— заметил Булгаков.— Худо наше дело.

— Бог не выдаст — свинья не съест,— отозвался Кочубей.— Не робей, Яков Иванович, наш-то Бог ихнего одолеет.

— Кабы так, да не больно-то я на Бога надеюсь. Бог-то Бог, а сам не будь плох.

Оба взгромоздились на лошадей и тронулись шагом. Двое стражей ехали впереди, двое позади. Булгаков и Кочубей быстро взмокли в своих мундирах. Улицы были узки и завалены нечистотами, в которых копались единственные санитары — бродячие псы.

Конвоиры перешли было на рысь, но потом осадили коней, оскользавшихся все чаще и чаще — они не были подкованы. Наконец они подъехали к зданию Высокой Порты — турецкому кабинету министров.

Сипахи приняли у них лошадей и повели за собой в том же порядке — двое впереди, двое позади. Великий везир — садразам Коджа Юсуф-паша пребывал в ожидании. Он был не один: по левую руку сидел рейс-эфенди.

Булгаков и Кочубей поклонились ниже обычного и прижали руку к сердцу в знак полного почтения. Они приготовились к худшему, но начало его не предвещало. Их пригласили сесть и подкатили столик с шербетом и дымящимся кофеем. Драгоман его высокопревосходительства позволил себе пошутить: при таком солнце звезды на их груди могут запроситься в небеса.

Многосмысленная шутка? Что за ней последует? Напряженность не оставляла обоих, нечто неопределенное и непонятное как бы повисло над ними. Можно ли ждать чего-нибудь доброго? Ни в коем разе! Стало быть, надобно готовиться к худому. Насколько оно будет худо и неожиданно, вот вопрос.

Последовали традиционные осведомления о здоровье. Детей? Жен? Что сообщают из Петербурга? Каково здоровье императрицы?

— Ее величество возвратилась из своего путешествия, — буркнул Булгаков, обозлясь про себя: чего тянут, заговорили бы о деле! Притворяются, будто не знают о возвращении государыни. Все они знают, все им известно.

— Довольна ли императрица? Приглянулись ли ей те места, которые она посетила? — продолжали выпрашивать хозяева.

— Обо всем этом в газетах писано, — почти огрызнулся Яков Иванович. Вот азиаты чертовы, прямо-таки издеваются!

— Мы ваших газет не читаем, — отвечал садразам. — Вы нам своими словами скажите.

— Должно быть, довольна. Мы на сей счет никаких сведений не имеем.

— Как не имеете? — осклабился везир. — Известно нам, что князь Потемкин состоит с вами в переписке.

Яков Иванович едва не взорвался. Ну азиаты, ну изверги!

— Переписка эта деловая, — сдержав себя, ответил он, — и чувствований государыни она не касается.

— Не всегда деловая, не всегда, — продолжал испытывать его на этот раз рейс-эфенди.

«Как же так? — лихорадочно соображал Булгаков. — Ведь не почтою — дипломатическим курьером доставляются письма. Неужто его отлавливают и вскрывают пакеты? Да нет, не может того быть. Я каждый раз освидетельствую печати самым тщательным образом. Волос в печать заделан, снять ее нельзя, его не повредив. Все бывает цело... Смутить меня хотят, шантажируют. Не поддамся!»

И, стараясь казаться совершенно равнодушным, небрежно отвечал:

— Мы с князем в одном заведении наукам обучались, потому у нас общий интерес есть, давнее дружество то есть.

— А Крым? Понравился ли ей Крым? — продолжал допытываться везир.

Яков Иванович отвечал смело:

— Не мог не понравиться. Благословенный край.

— Нам известно, что ты там был. — Садразам всем, даже иностранным, министрам, говорил «ты».

— Был и того не скрываю. Остался доволен. Прекрасная земля.

— То-то что прекрасная. И эта прекрасная земля исстари принадлежала правоверным. Вы ее незаконно захватили, и мы не можем этого стерпеть.

— Позвольте, ваше высокопревосходительство, — вступился наконец дотоле молчавший Кочубей, — но вы выразили свое согласие в фермане, подписанном его султанским величеством.

— Повелитель правоверных отозвал свою подпись, — сухо отвечал везир. — И мы требуем возврата Крыма его законным хозяевам — Гиреям, династия которых не угасла.

«Вот оно что, — подумал Булгаков, — наконец-то добрались до дела. Интересно, для формы сей разговор ведется, как прежде бывало, или на этот раз всерьез? С другой же стороны, было ведь только что немалое подмазывание, и оба в полной мере свою долю получили. Ежели бы для формы, тогда возобновили бы чрез месяцы, а тут еще, можно сказать, карман оттопыривается... Нет, за этим что-то стоит. Похоже, дело серьезно». И он как можно мягче произнес:

— Сей предмет, увы, не в нашей воле, а всецело зависит от высочайшей воли. Позвольте, ваше высокопревосходительство, снестись с ее величеством, дабы испросить державного решения.

— Мы много раз позволяли, но теперь наше терпение иссякло, — уже не скрывая раздражения, проговорил Коджа Юсуф-паша. — Долее позволять мы не намерены. Теперь правительство его султанского величества, выражая его волю, намерено предъявить вам ультиматум.

«Эко слово — ультиматум, — поежился Яков Иванович, — прямо татарское какое-то. Кабы удалось вывернуться, как в прошлые

разы. Жестко говорит везир, выходит, зря мы потратились. Ах, жалость-то какая!»

— Извольте, ваше высокопревосходительство.— Тон Булгакова сделался робко-просительным, почти униженным.— Мы всепокорнейше доложим ее императорскому величеству сей ультиматум в самых решительных выражениях, в надежде получить незамедлительный ответ. Полагаю, он сможет удовлетворить его султанское величество и лично вас...

«Надо во что бы то ни стало протянуть время,— лихорадочно пронеслось у него в мозгу,— похоже, на этот раз не одни слова. За ними могут последовать действия. Ясно какие...»

Он помнил напутствия государыни и Потемкина и до этого дня действовал вполне в их духе. Казалось, все удавалось. Но, видно, коса нашла на камень.

Крым, однако, был главным, но далеко не единственным камнем. За ним следовали другие, впрочем известные по прежним требованиям. Тогда они были достаточно вялыми и в конце концов глохли.

Верховный везир был непреклонен. Он изложил семь главных требований. Россия должна отказаться от видов на Грузию и от покровительства царю Ираклию, не вмешиваться в грузинские дела и вывести оттуда свое войско. Выдать беглого господаря Маврокордато и сменить своего вице-консула в Яссах Селунского, способствовавшего его побегу. Передать Порте 39 солеварен на Кинбурнской косе. Принять ее консулов в Крыму и других местах. Разрешить безусловный досмотр купеческих судов, коим отныне воспрещается вывозить кофе, оливковое масло и рис. Наконец, установить минимальные пошлины на турецкие товары.

«Что он, сбрендил, что ли? — морщился Яков Иванович.— Было уж не единожды сказано, что молдавского господаря у нас нет, он подался не то во Францию, не то в Швецию — нам сие неведомо. Досмотр торговых судов есть мера, противоречащая всем международным установлениям... Ежели не вывозить кофий, оливковое масло и рис, то что же? Это будет ущерб прежде всего самим турецким торговцам. И отчего же такое послабление ихним товарам? Ясное дело: дошли до края, хотят войны, не иначе».

— Его султанское величество согласен ждать ответа из Петербурга месяц. Один месяц. И если этот ответ удовлетворит, то мы согласимся продлить мирный трактат. Если же нет, то...— везир многозначительно помедлил,— то пеняйте на себя.

— Хорошо, хорошо, ваше высокопревосходительство,— с торопливой покорностью выговорил Булгаков. «За месяц многое может измениться,— подумал он,— народ взбунтуется, непокорные бейлербеи поднимутся, страсти охладятся...»

— Один месяц,— повторил садразам,— всего месяц. Сегодня у нас по европейскому календарю 15 июля. 15 августа мы потребуем окончательного ответа.

Везир и рейс-эфенди поднялись, давая знак, что аудиенция окончена. Булгаков и Кочубей торопливо откланялись и, пятась, удалились. Оба были мокрехоньки — потели не только от жары, но и от напряжения. Лошади их дожидались, но конвоир на этот раз был один.

— Как думаешь, Виктор Павлыч, серьезно это? — на всякий случай спросил Булгаков. Кочубей был человеком мыслительным и всему давал разумное объяснение.

— Полагаю, на сей раз серьезно. У них за спиною Франция, Англия, Голландия да Пруссия. Как не хорохориться?! Европа с нашим усилением стала нас более бояться, нежели турок. Ну и хотят чужими-то руками жар загрести.

— Государыня шествием своим сильно турка раздражила,— пробормотал Яков Иванович,— то была последняя капля в ихней чаше терпения.

— Совершенно верно. Опять же Ахтияр, Херсон и прочие города-крепости бельмом у них на глазу. Очаков свой, слышно, сильно укрепляют.

— Крым более всего досадил. Эдакая потеря! Мощный клин в теле России был. А ныне вышли мы на Черное море, утвердились, крепкий флот завели... Войны хотят, войны. И мы с тобой зря потратились,— еще раз пожалел Яков Иванович. Он был человеком бережливым, лишней копейки не истратит, а тут вон какой расход — и все напрасно.

— Поди знай, Яков Иваныч, как все дело-то обернется. Прежде мы им рты затыкали и ненасытность их ублагивали.

— Да, придется доложить ее величеству,— уныло повесил голову Булгаков.— Очень она уповала, что удастся нам уболтать турка. А он, вишь, взбеленился форменным образом.

Замолчали. Жара и нечистые испарения принудили их замолчать. Языки прилипли к гортани. Хотелось пить. Они выехали на площадь Ипподрома — турки называли ее Атмейдан, с ее величественными памятниками византийского времени — обелиском Феодосия Великого из розового гранита, змеиной колонной, колонной Константина Порфирородного, наконец, колонной Константина Великого. Чуть поодаль виднелась громада Святой Софии с пристроенными к ней четырьмя минаретами. Новые владельцы еще при султани Ахмеди II сорвали с нее крест, заменив его полумесяцем...

Все еще не угасло славное христианское прошлое, все напоминало о нем, несмотря на турецкое обновление с великолепными мечетями, поднятыми Синапом — выдающимся зодчим, а некогда греческим мальчиком из тех, что были отняты у родителей и

обращены в ислам. Ехали по улице Диван-йолу, которая некогда называлась Меси-Средней, мимо форума Феодосия, справа от которого виднелся купол церкви Святой Ирины, свернули на Аксарай, некогда Триумфальную дорогу...

Разговор увял. Каждый думал о своем, быть может, и о далеком прошлом великого города, колыбели православия, с его поруганными святынями, будившими память.

Хотелось поскорей укрыться в тени, пусть это была бы тень корявых платанов во дворе их резиденции, платанов, напоминавших то молящихся, то проклинающих, с их бугристыми стволами, менявшими кожу. Кипарисы, мимо которых пролегал их путь, выглядели величественно, но почти не давали тени.

Однако их вожатый сипахи-конногвардеец ехал шагом, не подозревая о мучениях гяуров и, казалось, испытывая некое удовольствие от такой езды. Мальчишки, выскочившие из кривого проулка, выкрикивали бранные турецкие слова и метали в них камнями, но он и ухом не повел. И лишь когда один из камней угодил в круп его лошади, повернул голову и погрозил им пальцем.

Наконец-то они достигли цели, домоправитель после упорного стука открыл ворота, Булгаков и Кочубей свалились с лошадей, медлительный сипахи взял их под уздцы и наконец выехал прочь, провожаемый крепко посолёнными русскими ругательствами.

— Господи, вот муки-то египетские, — простонал Яков Иванович, — скорей квасу! — И одновременно стал сбрасывать с себя потемневший от пота мундир.

Надлежало немедленно сочинить депешу на имя государыни об ультиматуме великого везира, но мозги, казалось, тоже пропитались потом, и сквозь него не пробивалось ни одной осмысленной фразы.

Яков Иванович порешил дать себе роздыху час, дабы привести себя в осмысленное состояние, велел камердинеру образовать курьера для дальнего пути и, охнув, рухнул в постель.

Проспал он как-то незаметно два часа с четвертью и после этого ощутил прилив сил, правда невеликих. Призвавши Виктора Павловича, который был докой по части дипломатических выражений, приступили к сочинению депеши.

— Выражения должны быть весьма решительные, дабы его величество почувствовала наконец крайность положения, — высказался Яков Иванович.

— Те самые, кои произносил везир. Они и есть крайность, — отвечивал Кочубей. — Упомянем, что и дачи не возымели действия. А это верный сигнал о крайности.

— Надо бы призвать австрийского интернунция Губерта для совету, — приложившись к кружке с квасом, предположил Яков Иванович.

— Гм, не думаю, — скептически отозвался Кочубей, уже скрипя пером с каким-то странным ожесточением.

Виктор Павлович рассусоливать не стал. Он обрисовал положение в выражениях сжатых и энергичных. И покорнейше просил ответить без малейшего промедления, как быть дальше. Ибо промедление опасно.

Яков Иванович, прочитав, одобрил, вставив только выражения «припадая к освященным стопам Вашего Императорского Величества» и «сугубая отчаянность положения понуждает нас»...

Дали перебелить письмоводителю, потом долго заделывали пакет, наложив пять сургучных печатей особым образом. Курьер уж был наготове со своим сменщиком и сменными же лошадьми.

— С Богом, — напутствовали их все члены посольства, собравшиеся на крыльце. У каждого было свое приватное поручение, а то и письмецо, весьма краткое: времени на написание было в обрез.

Ежели повезет, в Галате сядут на российский корабль и он доставит их в Кафу-Феодосию, а то и в Херсон, ежели не очень — то на любой купеческий корабль, направляющийся в Россию, разумеется за немалую плату. Все было предусмотрено — деньги, и немалые, у них были. Было и драгоценное предписание со все открывающими словами: «Курьер Ее Императорского Величества». Была и бумага с печатью великого везира — для турецких властей.

Отправивши курьера, велели сварить кофий, к которому весьма пристрастились, живучи среди турок. И, прихлебывая его малыми глоточками, предались ленивым рассуждениям. Тема была задана Яковом Ивановичем, а лучше сказать светлейшим князем, его однокашником. Яков Иванович имел с ним доверительные разговоры, будучи в Севастополе. Потемкин сказал ему тогда, что надеется чрез года три-четыре водрузить осьмиконечный крест на Святой Софии.

«Ты, Яша, вполне возможно, станешь тому свидетелем», — заверил князь его.

— Пустая игра воображения, — отозвался трезвомысленный Виктор Павлович. — Можно ль завоевать самый большой город в подлунной? Здесь же мильон народу.

— Мильон-то мильон, а турок чуть более половины, — возразил Яков Иванович, — и тебе то ведомо. Греки, армяне, евреи станут ли оборонять его? Непременно разбегутся. Греческие стены обвалились и не починаются. Ежели действовать с моря да с суши, то не составит труда разбить турка наголову, как некогда Румянцев-Задунайский.

— Скоро сказка сказывается, да нескоро дело делается...

— Эвон янычары бунтуют, котлы опрокинули, чернь ропщет, хлеб вздорожал — недород...

— У нас тож недород...

— Ты, Виктор Павлыч, любишь все поперек молвить,— рассердился Яков Иванович.— Князь, должно, все взвесил. Сколь его знаю, был всегда упорный и своего добивался. И кем стал? Первым человеком после государыни. Ему Царьград в голову запал, и ее величество с ним заодно.

— Ты же знаешь, Яков Иваныч,— в свою очередь рассердился Кочубей, обычно уравновешенный,— что не в одних турках дело. Европейские монархии у нас в супротивниках. И что из сего может произойти, предвидеть невозможно.

— Император Иосиф с нами заодно,— не сдавался Булгаков.— Не можешь ты отрицать, что за ним знаменитая сила.

— Не верю я никому. Коль дело дойдет до драчки, все прячутся в кусты.

— Зря, что ли, император заладил с государыней встречаться? У него свой интерес есть, и немалый. Он от него не отступится.

Разговор перекинулся на турок и подвластные им народы. Века владычества отложились на них, и слой этот был густ. Греки, болгары, валахи, молдаване, сербы и другие носили сходную одежду, языки впитали великое множество турецких слов и понятий, мелодика песен и напевов ощутимо отуречилась, да и в обычаях и нравах появилось нечто турецкое.

— Не могло быть иначе,— сказал Кочубей.— Кабы прошли десятилетия, а то века... Века непрестанного давления...

Их разговор неожиданно прервало появление гостя. Он тоже был в некотором роде неожиданным. Это был Мари-Габриель-Флоран-Огюст Шуазель граф Гуфье, французский посол, представитель, так сказать, противоборствующей державы. Впрочем, все иностранные послы в Константинополе в основном держались друг друга, несмотря на противоречия держав, которые они представляли.

Оба относились к французу с уважением. Тому была отнюдь не дипломатическая причина: граф был известный ученый, страстный археолог, а посему свои прямые обязанности как бы отодвинул на второй план. Кроме того, он был занимательный собеседник и не часто, но все-таки время от времени бывал у них, равно и они бывали в его резиденции.

— Граф, какими судьбами! — воскликнули оба, не сговариваясь. В томительном однообразии их жизни каждая разрядка была желанной.— Располагайтесь же и чувствуйте себя как дома.— Это была обязательная формула для всех визитеров, и избежать ее значило бы нарушить этикет.

Яков Иванович захлопал в ладоши, вызывая мажордома, и, когда тот явился, приказал подать кофе, шербет и все остальное, приличествовавшее в таких случаях. А покуда стол готовился, стали наперебой жаловаться графу на жесткий ультиматум везира.

— Вот это-то и привело меня к вам,— озабоченно произнес Шуазель.— Не скрою, господа, я решительный противник войны между вашими империями. Об этом я писал своему министру. Он настроен несколько иначе, вам это известно, известна и причина. Я же реалист, даже суровый реалист, и понимаю одно: война окончится крахом для турок, несмотря на наше усиленное наставничество. А этот крах косвенным образом отзовется и на Франции. Я, как представитель союзной державы, был поставлен в известность о только что состоявшемся заседании султанского дивана. Война решена, господа. Я совершенно откровенно выразил Кодже-Юсуф-паше свои опасения. Но он настроен весьма воинственно, ибо сам султан, этот слабоумный старец, стоит за войну. А противиться ему — значит остаться без головы, это вам тоже известно.

— Как же так,— растерянно пробормотал Булгаков,— мы только что отправили курьера в Петербург и теперь ждем ответа...

— Вряд ли ваша государыня пойдет на уступки,— отвечал граф уверенно,— ибо уступки требуются весьма основательные — это вам тоже известно. Так что войны не избежать, какие бы усилия вы ни прикладывали.

— Что же нам делать, дорогой граф? Что вы посоветуете?

— Укладывать имущество. Жечь секретные бумаги — эта мера никогда не повредит. Турки, как вам известно, не придерживаются никаких международных правил и способны на все. Они могут, например, натравить на вас чернь, и она разгромит вашу резиденцию и растерзает всех, кого застанет здесь.

— Да, такие случаи бывали,— уныло согласился Яков Иванович.— Примите нашу сердечную благодарность. Мы последуем вашему совету.

— Следовать благоразумным советам — долг каждого благоразумного человека,— пошутил Шуазель.

— Скажите, любезнейший граф,— осторожно подступил Кочубей,— а назван ли срок объявления войны?

— В том-то и дело, что мне он не был объявлен. Полагаю, что уйдет некоторое время на окончательную подготовку. После этого вас известят. Я уже отправил депешу моему министерству, в которой сообщаю о решении дивана и рекомендую предостеречь турок от поспешных решений. Но, признаться, я совершенно не уверен, примут ли во внимание мои доводы.

Некоторое время все молчали, размышляя каждый о своем. Никто не притронулся ни к яствам, ни к напиткам. Шуазель открыл было рот, желая что-то сказать, но тотчас замаялся. Наконец, решившись, он отомкнул уста:

— Я осмелюсь задать вам вопрос, на который вы вправе не отвечать. Но для меня ответ на него важен, ибо он просветит мою мысль и мои доводы, которые я изложил в депеше. Скажите,

как вы оцениваете военную мощь своего отечества? Считаете ли, что российское войско одержит победу? Повторяю, можете не отвечать...

Яков Иванович с горячностью, которую вызвал не только слепой патриотизм, но и трезвая убежденность, ответил:

— Безусловно, граф, в этом не может быть никаких сомнений. Победа останется за нами. И это показал опыт прошлых русско-турецких войн. Турки ничему не научились и урока не извлекли.

— Всего одна кампания в нынешнем веке была проиграна,— поддержал его Кочубей,— я говорю о Прутском походе императора Петра Великого.

— Что ж, им снова придется расплачиваться за свое безрассудство,— с невольным вздохом произнес француз.— Вопрос только в том, сколь велика будет эта плата. Я умываю руки. Как говорят в таких случаях: «Ты этого хотел, Жорж Данден».

— Кого это вы процитировали? — полюбопытствовал Кочубей.

— Одного из героев Мольера — нашего выдающегося, а лучше сказать, великого драматического писателя. Турки захотели в очередной раз проиграть войну, и никто не в силах стать поперек их желания. Пусть свершится то, что должно свершиться.

— Дорогой граф, мы у вас в неоплатном долгу,— с чувством произнес Яков Иванович.— Вы поступили как истинно благородный человек.

Шуазель поклонился и поспешно вышел, как видно, опасаясь нежеланных свидетелей его визита к русским.

— Надо торопиться.— Булгаков суетливо кинулся в свой кабинет.— Виктор Павлыч, распорядись-ка, чтобы люди укладывали вещи, да и сам пожги ненужные бумаги.

Поднялось великое смятение, как бывает тогда, когда обрушивается нечто неожиданное и грозное. Два дня из труб резиденции вился серый дым вперемешку с легчайшим серым пеплом.

Ждали. Ожидание становилось томительным: прошло более полумесяца со дня визита Шуазеля. Вещи были упакованы, срочный курьер с сообщением о неожиданном повороте событий отправлен. Все было готово к отъезду: в том, что им придется поспешно покинуть резиденцию в случае объявления войны, не было никаких сомнений. Конюхам приказано держать лошадей в упряжи, дабы отвратить канитель.

В один из первых дней августа резиденция была окружена целой ордой янычар.

— Господи, ужо стряслось! — выдохнул испуганный Булгаков.

Ворота сотрясались от властных ударов. На пороге появился янычарский ага. Со злорадной усмешкой он объявил:

— Великий везир повелел доставить вас в Еди-куле без промедления. Без промедления,— повторил он.

— Не может того быть! — вскрикнул обескураженный Булгаков.— Особа иностранного министра, посла неприкосновенна у всех народов.

— Я исполняю приказ,— отвечал ага.— И не мое дело вникать в какие-то там неприкасаемости.

Вперед выступил драгоман. Его речь была полна иезуитского изящества. В заключение он сказал:

— Особа вашего превосходительства отныне именуется мусафиром, то есть гостем. И весь персонал посольства, препровождаемый в Семибашенный замок, тоже. Там вам будут предоставлены вполне удобные помещения. Вас будут снабжать едой и питьем, как почетных гостей.

— Ничего себе гости,— пробормотал возмущенный Булгаков.— В тюрьме, среди преступников, великий почет. Я принесу жалобу его величеству султану.

— Его милость великий везир исполняет повеление солнца вселенной падишаха, владыки всех мусульман,— невозмутимо сообщил драгоман.

— Ее императорское величество наша государыня не оставит нас в узилище. Все монархи Европы будут возмущены таковым своеволием,— не унимался Яков Иванович.

— Вы и ваши люди— гости, мусафиры,— с прежней невозмутимостью продолжал драгоман.

Кочубей неожиданно вспомнил одно из турецких слов, известных ему, и выпалил:

— Мы не мусафиры, мы музахиры — з а л о ж н и к и!

СКВОЗЬ МАГИЧЕСКИЙ КРИСТАЛЛ...

В е т в ь д в а д ц а т ь ч е т в е р т а я: май 1453 года

Итак, клятва была произнесена. Знатные люди великого города во главе с императором исповедовались и причастились. Затем все заняли свои посты.

Сумерки быстро сгустились, и наступила летняя южная ночь. Небо было усеяно звездами, они переливались, словно сказочный самоцветный ковер. В турецком стане была слышна глухая возня, не предвещавшая, впрочем, ничего устрашающего.

Итальянцы и греки проследовали на внешний участок стены, подвергавшийся наиболее ожесточенным атакам, и их предводитель Джустиниани приказал закрыть ворота внутренней стены. Путь к отступлению был таким образом отрезан.

Император Константин бодрствовал. Он исповедовался и причащался вместе со всеми и у всех просил прощения, если кто-нибудь почитал себя обиженным. Он молил Господа простить ему все прегрешения — вольные и невольные, ибо каждый христианин должен чувствовать свою вину перед Богом.

Затем он сел на своего белого скакуна и отправился во дворец, где его появления с нетерпением ожидали приближенные и домочадцы. И у них он смиренно просил прощения за причиненные обиды.

— Примите мое покаяние, и да будет с вами милость Господня. Быть может, мне суждено погибнуть в утро наступающего дня. И в таком случае поминайте меня в своих молитвах, ибо я исполнил свой долг перед Богом и моим народом.

Затем он обнял своих близких и принял их прощальное целование, равно и утер их слезы, сам пролив слез немало.

Наступила полночь. К императору подвели коня. Он вздел ногу в стремя и позвал:

— Франдзис, тебе придется сопровождать меня. Мы в последний раз должны убедиться, что все готовы отразить штурм.

Этот беспримерный ночной смотр длился долго: император и его спутник объезжали все сухопутные стены. Все ли ворота и калитки на запоре, бодрствуют ли часовые, не осталось ли где-либо неукрепленных участков.

Оба напряженно вглядывались в темноту за стенами. Там время от времени вспыхивали огни, тускло светились головешки загасших костров да доносился слабый шум каких-то работ.

Возвратившись к Калигарийским воротам, император и Франдзис спешили и поднялись на башню, замыкавшую выступ Вла-

хернской стены. С этой высоты открывался обзор во всех направлениях — в сторону Золотого Рога и Месотихиона.

Часовые, дежурившие на башне, доложили: сразу после захода солнца турецкие артиллеристы принялись перетаскивать свои пушки ближе к стене через засыпанный солдатами ров. А турецкие корабли, судя по бортовым огням, начали движение к стенам со стороны Золотого Рога и Мраморного моря.

Не оставалось никаких сомнений: турки готовятся к решающему штурму. И понедельник 28 мая станет тем днем, когда защитникам великого города придется выдержать ожесточенный натиск непримиримого врага.

— Прощай, дорогой Франдзис! — Император обнял своего верного секретаря. — Быть может, нам уже не суждено будет увидаться. Езжай домой и отдохни немного перед решительным сражением.

Отпустив Франдзиса, император еще долго всматривался и вслушивался в темноту ночи. Ему было не до сна.

Глава двадцать четвертая

ВОЙНА, ВОЙНА!

Дошедшая до такой степени лесть при дворе, и от людей, в дела употребленных, начали другими образами льстить. Построит ли кто дом, на данные от нея отчасти деньги или на наворованные, зовет ее на новоселье, где на люминации пишет: «Твоя от твоих тебе приносимая»; или подписывают на доме: «щедротами Великия Екатерины», забывая приполнить, но «разорением России»; или давая праздники ей, делают сады, нечаянные представления, декорации, везде лесть и подобострастие изъясляющия.

Князь Щербатов

Г о л о с а

Ордер Вашей Светлости от 24-го числа (августа) об открытии с турецкой стороны военных действий их морскими силами против бота и фрегата российского я получить имел счастье сего дни. Нет никого в здешнем корпусе, который бы сего неровного сражения и по обстоятельствам его столь важного для флага российского не почитал справедливым предзнаменованием усугубления славы знамен российских, Вами одушевляемых....

Сего дни соединился я с Херсонским и Александрийским легкоконными полками, последний нашел в наилучшем состоянии, лошади бодры и сбережены, в первом же лошади требуют великого поправления... Сей час получил от ольвиопольского коменданта повторение, что из противоположащего турецкого селения уехали жители в Очаков, убоясь приближения наших войск...

Кутузов — Потемкину

Вчера поутру я был на броне Кинбурнской косы, на пушечный выстрел. Варвары были в глубокомыслии и спокойны. Против полден обратился сюда (в Херсон). Здесь сказано мне, будто рано там стреляли, но сего не было... Накануне разрыва Очаковский паша нашего из Кинбурна присланного принимал ласково, сказывал, что наш посланник арестован (Булгаков) и замкнут в титле Стамбульского кабальника...

Суворов — Потемкину

Вы велики, Ваша Светлость! Вижу ясно, как обстоят дела. Будущее управляет настоящим... Виды красивы здесь, под Херсоном и Кинбурном, но для любителей вахт-парадов: все в обо-

роне, актеры нехороши, да и все они люди... Ну, пусть-ка варвары сунутся. Сколько их наберется? Тысяч пять — девять, если пустят в ход все морские силы. Чем далее они углубятся, тем скорее мы татар отрежем — вот они и безоружны. На Лимане под Очаковым имеют они четверть своих сил или около того, да еще кое-что под Трапезундом, Варной, Суджуком. Могли бы более иметь, да не могут обнажить Дарданеллы. Разбить их поскорее под Очаковым? Ежели станут они драться, не дожидаясь подкрепления, и храбрость выкажут, мы с ними славно позабавимся, с теми, кто уцелеет...

Суворов — Потемкину (по-французски)

Все турецкие у наших берегов в Тавриде находящиеся суда ваше превосходительство прикажите тотчас удержать, не позволяя им никак оттуда удаляться и сколько таковых будет удержано, мне рапортовать.

Ордер Потемкина правителю Тавриды Каховскому

Получив известие, что один из слуг Ваших заточен в Семибашенный замок в Константинополе, я, другой слуга Ваш, посылаю против мусульман всю мою армию.

Иосиф — Екатерине

Война!

Война!!

Война!!!

Всего пять букв, но сколь грозное предвестие скрыто в них, в этом коротком слове.

Турок объявил войну 13 августа. Ее императорское величество Екатерина Алексеевна изволили подписать манифест о войне 7 сентября. Перед этим было спрошено у Александра Васильевича Храповицкого, какие реки составляют границу России с Турциею. Он сего не помнил, но справился с картою, и отвечал: Буг и Синюха.

Набросок манифеста сочинила сама государыня, а отделку его поручила Александру Андреевичу Безбородко. Манифест получился несколько многословным, но таков был дух восемнадцатого столетия — «столетия безумна и мудра», как оценил его неукротимый строптивец Радищев.

Царскосельский дворец дышал равномерно, как всегда. Государыня была ровна и тверда, война ее нимало не озаботила. Она ждала ее — и дождалась. Полюбопытствовала только: что говорят в Петербурге о войне?

Храповицкий отвечал, что люди спокойны, скорей даже равнодушны. Слишком далеко она от северной столицы, эхо ее едва

слышно. Уныния нету, и все спрошенные военные готовы тотчас же выступить.

— Ну да, иного не может быть,— сказала Екатерина, выслушав его,— теперь мы куда лучше изготавились, нежели в прошлую кампанию. В две недели войска могут быть на своих местах. Князь Григорий Александрович,— подчеркнуто твердо произнесла она его имя,— не даст промашки. Он ее, войну, ожидал, как и я. Но она против ожидания поспешила. Что ж, встретим ее как должно.

Александру Васильевичу Храповицкому прибавилось работы: государыня чаще, чем обычно, требовала справок и бумаг. Удивляться ли сему? Какова, например, пространственная протяженность империи? Подал записку: 165 градусов долготы, от островов Эзеля и Даго до Чукотского носа. Тако ж 32 градуса широты, считая от Терека до Северного Ледовитого океана.

Потом зачем-то понадобился строго секретный проект, сочиненный князем несколько лет назад, чтобы, воспользовавшись персидскими неустройствами, занять Дербент и Баку и, присоединя к ним Шилянъ, поименовать Албаниею для будущего наследия великого князя Константина Павловича. Да, было и такое, и быльем поросло. А ведь император Петр Великий, да пребудет с ним вечная слава, собственной рукою присоединил сии города и земли к России. Да только потомки не сумели удержать: слабехоньки были руки.

— Мы против прежнего преуспели,— заметила государыня,— да только всего не достигли, что нам сей великий государь завещал. Авось война эта кое в чем поможет.

Сказала и трижды перекрестилась.

— Да пребудет с нами милость Господня! Верю: Всевышний не оставит нас в сей войне, как не оставил в минувшей. Как мыслишь?

— Бессомненно, ваше величество,— без запинки отвечал Храповицкий. Ничуть не кривил душой: сила была на стороне союзных держав. Император Иосиф 30 августа направил письмо, в котором, выразив негодование вероломством турок, подтверждал свою союзническую верность и выражал готовность действовать в соответствии с пожеланиями ее императорского величества. О, ежели бы это случилось в Севастополе! Он готов бы был вместе с Черноморским флотом осадить дворец султана и собственно-ручно палить по нему из пушки.

Государыня немало смеялась таковой горячности. Потом сказала:

— Сними-ка копии да пошлем в Сенат и светлейшему князю. Пусть позабавятся.

Меж тем Потемкин известил государыню, что, как только получил он известие об объявлении войны, тотчас приказал вой-

скам занять диспозиции. По его расчету, все части будут на местах к 6 сентября. Стало быть, они уже в полной готовности сражаться.

— Да, я счастливица: за двадцать пять лет царствования завоевала доверие подданных,— откинув голову, произнесла Екатерина.— Мои генералы, офицеры и солдаты без колебаний пойдут в бой за Россию и государыню. Свою государыню,— прибавила она.— Оттого я бодра духом.

В самом деле, распорядок ее жизни ничуть не изменился. Она по-прежнему просыпалась в шесть часов утра со звоном дворцового колокола и после короткого туалета пила свой утренний, притом крепчайший, кофе, затем, после прогулки с Марьей Саввишной и в сопровождении целого выводка левреток, возвращалась в кабинет. В девять — время приема и подписи бумаг. Первым докладывал обер-полицмейстер о событиях в столице. Затем наступала очередь Безбородко и других сановников. Все это время в кабинете находился Храповицкий, записывая поручения государыни под ее диктовку.

То и дело она осведомлялась, есть ли курьер от Потемкина с театра военных действий. Театр не торопился раздвигать свой занавес: и русские, и турки все еще топтались, приготавливаясь.

Но вот — началось! Курьеры прибывали один за другим. Кинбурн — Кыл-бурун, по-турецки «острый нос». Этот нос нацелился на турецкий Очаков. Турки такого не стерпели и первым делом атаковали его десятком своих судов.

Все смешалось: бой морской, бой штыковой. Турок числом, русский — умением. Кабы не Суворов и суворовский дух, пришлось бы худо.

Турки высадили десант, многотысячный, как всегда; окопались, нацелили пушки на крепостцу и открыли оголтелый огонь.

Суворов молился. Святое — молитва! Звуки боя не помешали ему отстоять обедню. Адъютант и ординарец с конем в поводу его дожидались.

— С Богом, братцы!

Поднял солдат, бросились на турка, покололи, порубили неслучайно, потопили в море. И все, можно сказать, на виду у очаковского паши.

Паша боялся русских. Но более всего боялся гнева султана: повелитель правоверных посулил отрубить ему голову, если он не возьмет Кинбурн.

Легко сказать — взять Кинбурн, коли там сам Суворов. Где Суворов, там одоление и победа.

Очаковский паша отрядил все корабли, уцелевшие от первой атаки на Кинбурн, в новый бросок. Приблизились. Их встретил пушечный шквал замаскированных батарей.

Но пуще всего отличилась галера «Десна». Да, да, та самая, на которой государыня совершала свое плавание по Днепру. Императорская галера!

Ею командовал мичман Ломбард, родом с Мальты. И было ему двадцать пять лет. Он знал родословную галеры и гордился ею. Во что бы то ни стало желал отличиться. И чтобы слух о «Десне» и ее капитане достиг ушей ее величества.

Два турецких фрегата и четыре галеры шли на сближение с «Десной». Она казалась им легкой добычей. Просчитались! Когда приблизились — оторопели. Им показалось, что перед ними брандер, зажигательное судно. Брандеров же они панически боялись.

«Десна» открыла огонь. Пушечный. Неравный бой длился почти три часа. Турки ретировались.

Адмирал Мордвинов, командовавший соединением российских кораблей, приказал отдать мичмана Ломбарда под суд за самовольство. Сам он и пальцем не пошевелил в виду турецкой эскадры. Суворов написал Потемкину:

«Шевалье Ломбард атаковал весь турецкий флот до линейных кораблей; бился со всеми судами из пушек и ружей... и по учинению варварскому флоту знатного вреда сей герой стоит ныне благополучно под кинбурнскими стенами».

Ломбард продолжал «самовольничать». Когда турецкий флот вновь устремился на Кинбурн, он отделился от флотилии без приказа и смело атаковал суда противника. «Десна» вновь вышла победительницей из боя, подвиг ее командира был оценен Георгиевским крестом и чином лейтенанта.

Обо всем этом было доложено государыне. Она и радовалась и печалилась. «Плакали», — односложно занес в свой потаенный дневник Храповицкий.

Затем пришло донесение о дальнейших действиях полков и эскадронов под командою Суворова. Под ним убило лошадь, он был ранен, да не единожды, терял сознание и вновь вставал в строй и вел за собой солдат.

«Рассказывано об отбитии турок от Кинбурна, — заносил в дневник Храповицкий, — Суворов два раза ранен и не хотел перевязываться до конца дела. Похвалена храбрость его. Турок побито больше 4000».

— Кавалериею святого Андрея Первозванного отличаю сего храбреца, высшим отличием, ибо всех нас он поставил на колена, — сказала она Храповицкому. — А Ломбарда произвестъ в капитан-лейтенанты. Всех наградить, кто был представлен твоим тезкою Александром Васильевичем, — закончила она.

Екатерина была неколебимо уверена: е е Г р и ш а, ее Потемкин не оплошает и победоносно завершит эту кампанию. Она

всячески ободряла его. «Будь уверен, что не подчиню тебя н и-к о м у, кроме меня», — писала она ему.

Однако до нее то и дело доходили вести, что е е к н я з ь потерялся, пал духом и впал в хандру. Вести то были верные, да и сам он в своих письмах то подтвердил. Он — статочное ли дело! — просил отставки, а главнокомандование поручить старому фельдмаршалу Румянцеву. Более того: готов был сдать Крым! А Румянцеву писал, будучи в полном упадке: «Ведь моя карьера кончена... Я почти с ума сошел... Ей-Богу, я не знаю что делать, болезни угнетают, ума нет».

Ничего подобного Екатерина не допускала. Она писала ему: «Всего лучше, что Бог вливает силы в наших солдат, тамо да и здесь не уныли, а публика лжет в свою пользу и города берет, и морские бои и баталии складывает, и Царьград бомбардирует Войновичем. Я слышу все сие с молчанием, а у себе на уме думаю: был бы мой князь здоров, то все будет благополучно и поправлено, естли бы где и вырвалось что неприятное. Усердие А. В. Суворова, которое ты так живо описываешь, меня весьма обрадовало: ты знаешь, что ничем так на меня не можно угодить, как отдавая справедливость трудам, рвению и способности...

Молю Бога, чтоб тебе дал силы и здоровье и унял ипохондрию. Как ты все сам делаешь, то тебе и покою нет; для чего не берешь себе генерала... скажи, кто тебе надобен: я пришлю. На то и даются фельдмаршалу генералы полные, чтобы один из них занялся мелочию, а главнокомандующий тем не замучен был. Что не проронишь, в том я уверена; но, во всяком случае, не унывай и береги свои силы: Бог тебе поможет и не оставит, а Царь тебе друг и подкрепитель...»

Екатерина подбодряла его неустанно, не жалея ни времени, ни бумаги, ни перьев, она писала ему столь же часто, как и своему алтер эго, своему духовному поверенному барону Гримму, распространителю ее славы. И князь мало-помалу стал приходить в себя.

«Я с не малым удовольствием вижу, что ты моим письмам даешь настоящую их цену, — писала она ему, — они есть и будут искренно дружеские, а не иначе. Беспокоит меня твое здоровье: я знаю, как ты заботлив, как ты ревностен, рвяся изо всей силы; для самого Бога, для м е н я имей о себе более прежнего попечение; ничего меня не страшит, опричь твоей болезни. В настоящее время, мой милый друг, ты не просто частный человек, который живет и все делает, как ему угодно: в ы п р и н а д л е ж и т е г о с у д а р с т в у и мне; ты должен, приказываю тебе, беречь свое здоровье; я должна сделать это, ибо благо, защита и слава империи поручены т в о и м з а б о т а м, и нужно быть здоровым и телом и душою, чтобы исполнить дело, которое ты имеешь на

руках. После этого материнского увещания, которое прошу принять с покорностью и послушанием, буду продолжать...»

Но только Потемкин стал было поправляться, как новая беда обрушилась на него: Черноморская эскадра под командою Войновича, которой было предписано искать и разбить турецкий флот в Черном море, была разметана жестокой бурей, а один фрегат без руля и без ветрил занесло в Константинополь, где он был пленен.

«Матушка-Государыня,— причитал князь,— я стал несчастлив при всех мерах возможных, мною предприемлемых, все идет на-выворот. Флот севастопольский разбит бурей... Корабли и большие фрегаты пропали. Бог бьет, а не турки. Я при моей болезни поражен до крайности, нет ни ума, ни духу. Я просил о поручении начальства другому... Ей, я почти мертв, я все милости и имение, которые получил от щедрот Ваших, повергаю к стопам Вашим и хочу в уединении и неизвестности кончить жизнь, которая, думаю, и не продлится. Теперь пишу к графу Петру Александровичу Румянцеву, чтоб он вступил в начальство... Я все с себя слагаю и остаюсь простым человеком; но то, что я был Вам предан, тому свидетель Бог».

Крик и стон... Неужто совсем сломлен? Сильный человек, сильный духом, сильный характером, сильный мужеством — прошел войну с турком, достаточно ожесточенную, с честью, как подобает воину. И вдруг полная растерянность и слабость.

И Екатерина опешила. Предмет был деликатный, она ни с кем не делилась, не могла делиться. Ведь их связывали стношения более чем близкие: тайное супружество перед лицом Господа. И было дитя, воспитанное в тайности ото всех, даже от самых доверенных...

Нет, она должна стать сильней, решительней, вытащить его из этой пучины безволия, растерянности. Никакого послабления! Она на миг представила себе, как этот огромный, великой, можно сказать, мужской стати и энергии человек пал в трясину и не в силах оттуда выбраться,— и ужаснулась!

«Вытащить, вытащить, вытащить! Во что бы то ни стало! Не давать послабления! Хотя понять его можно»,— думала она, перечитав скорбные строки его письма:

«Правда, Матушка, что рана сия глубоко вошла в мое сердце. Сколько я преодолевал препятствий и труда понес в построении флота, который бы через год предписывал законы Царюграду! Преждевременное открытие войны принудило меня предпринять атаковать отдельный флот турецкий с чем можно было. Но Бог не благословил...»

Надобен спокойный увещательный тон. Обстоятельства бывают сильней. Бог не благословил, но ведь и не отвернулся. Стоит взять себя в руки, как все волшебным образом переменится. С

великой верою во благость Всевышнего. И тогда он осенит своим невидимым покровом российское воинство и подвигнет на одоление супостата.

Она торопилась вложить в него взамен упавшего духа дух уверенности:

«Известия, конечно, не радостные, но, однако, ничего не пропало: сколько буря была вредна нам, авось либо столько же была вредна и неприятелю; ни уже что ветер дул лишь на нас; как ни ты, ни я сему не причиною, то о сем уже более и говорить не стану... сожалею всекрайне, что ты в таком крайнем состоянии... что хочешь сдать команду, сие мне более всего печально. В письмах твоих... ты упоминаешь о том, что вывести войска с полуострова: если сие исполнишь, то родится вопрос, что же будет и куда девать флот севастопольский?..»

«Потерял разум, потерял соображение, — уже с некоторым раздражением думала Екатерина. — Слишком многое ему прощалось, слишком высоко вознесся, решил, что все дозволено, даже упадок. Нет уж, коли наделен ты великой доверенностью, то должен ее всеминутно чувствовать! Опомнись!» — мысленно призывала она, решив, что столь сильный посыл и ее великая воля преодолеют пространства и досягнут до ее князя.

Опомнися! Досягнула! Увещания дошли, и Потемкин обрел потерянный было дух. Не мог же, в самом деле, ураган сокрушить одни лишь российские суда. Смешно! Князь в который раз поражался и восхищался рассудительной трезвостью своей государыни. Помилуй Бог, он вел себя как малое дитя, смалодушничал. Было не то что неловко — стыдно. Да, стыдно!

А Екатерина продолжала наставлять его:

«Я думаю, что всего лутче было, естли бы можно сделать предприятие на Очаков либо на Бендеры, чтобы оборону обратить в наступление. Прошу ободриться и подумать, что бодрый дух и неудачу поправить может. Все сие пишу тебе, как лутшему другу, воспитаннику моему и ученику, который иногда и более имеет расположения, нежели я сама; но на сей случай я бодрее тебя, понеже ты болен, а я здорова. Ты нетерпелив, как пятилетнее дитя, тогда как дела, на тебя возложенные теперь, требуют терпения невозмутимого».

Да, Очаков, прежде всего Очаков — он есть нож в самое сердце! С Очакова он и начнет. Обложит его со всех сторон, принудит пашу к сдаче. Не мытьем, так катанием — не пойдет на капитуляцию, возьмем штурмом.

Однако время для наступательных операций было упущено: задул суровый boreй, близились зимние холода, надлежало готовиться к ним и справить людям винтер-квартиры.

Жаль, конечно, что не дошло до решительных действий, но зато можно было залатать многие обнаружившиеся дыры, заго-

товить провиант в достатке, что равносильно заготовлению пороха и ядер — голодный воин плох, конь без фуража падет.

Начертал светлейший план будущей кампании. Первым делом — Очаков. Правой рукою — Суворов. Строптив, своеволен, но редкого проницания и мужества военачальник. Осадою Очакова будет руководить он, Потемкин. Достанет Екатеринославской армии — 80 000 под ружьем да сверх 180 пушек разного калибра.

Он постепенно приходил в себя. Господи, сколь великую снисходительность явила государыня к нему, оказавшему в самый решительный момент не то чтобы слабость, а полную неспособность руководить войсками. Ничего себе генерал-фельдмаршал и президент военной коллегии! Не главнокомандующий, а говно-командующий!

«Стыдно, стыдно, Григорий, — говорил он себе, — кабы не высокое великодушие государыни, прогнать бы тебя со службы и лишить всех званий и чинов».

Василий Степанович Попов, правитель канцелярии, хитрец многоярусный, время от времени приступал к нему с тихим увещанием:

— Ваша светлость, перемогитесь. Экая натура богатейшая, нету в окружении государыни вам подобной! Перемелется, мука будет! Ей-богу, перемелется.

Перемололось. Но не без урону. Если прежде он не ведал сомнений в том, что воздвигнет крест на Святой Софии, что сам Господь всеблагий благословил его на сей подвиг, то нынче дух победоносный в нем ослаб и как-то разжижился. А ведь это, возвращение Царьграду титула столицы восточного христианства, было его главной идеей. Он считал, что должен положить жизнь свою на осуществление этого подвига.

Приведя в движение весь свой штаб и всех генералов, явив свою распорядительность, чьей главной целью должны стать осада Очакова и благополучное зимование войск, он стал искать духовной разрядки и отдохновения. Он нашел их в музыке.

Композитор и капельмейстер Джузеппе Сарти, обратившийся на русской почве в Иосифа Ивановича, еще короче — в Осипа, пребывал при Потемкине вместе со своим музыкальным воинством безотлучно. Воинства сего было преизрядно: более трехсот душ — певцы, музыканты разнообразные, симфонический и роговой оркестры.

Потемкин потребовал его к себе.

— Маэстро, утешь меня в моих сомнениях.

— Готов служить, ваша светлость, — воодушевленно отвечал Сарти.

— К завтраму представь мне сочинение твое «Господи, воззвах к Тебе!». Мне утешение, а народцу твоему занятие. Сколь долго он без дела топчет землю?

- Не призывали близ месяца.
- То-то, что не призывал. Война ведь идет, кровь льется.
- Понимаю, ваша светлость. Завтра и представим.
- Чтоб весь состав был. Оркестры, оба хора. Дабы душу всколыхнуло до самых до глубин.
- Приложу всемерное старание.
- Да, да, старайся!

Дворцовая зала была мала для такого действия. Решено было устроить его на площади пред ним. Благо стояли, все еще держась, короткие дни бабьего лета, солнце усиленно старалось не остудить землю и украсило ее багрецом еще трепетной листвы.

Для светлейшего, его адъютантов и неизменных племянниц поставили кресла за балюстрадой, ограждавшей парадный вход. Исполнители разместились полукругом: два хора, симфонический оркестр и оркестр рожечников.

Сарти суетился, расставляя людей, бегал, покрикивал, его помощники-распорядители бегали за ним.

— Скажи Осипу, пусть поправит парик — съехал набок, — буркнул князь, и ближний адъютант Бауэр, он же Боур, бросился исполнять. Вскоре Сарти сам предстал перед князем, все еще возбужденный — бант на его груди трепетал как живой.

— Ваша светлость, все готово, дозволейте начать.

— Репетировал ли?

— Как же. Вчерашний день и сегодня утром.

— Начинай.

Мелкими шажками, дабы умерить в себе возбужденность, Сарти приблизился к помосту, взошел на него, воздел руки в кружевных манжетах, призывая ко вниманию, и долго держал их так. Наконец взмахнул ими, и оба оркестра грянули вступление.

Потемкин откинулся в кресле и закрыл глаза. Музыка имела над ним необыкновенную власть, в особенности духовная музыка. Он весь растворялся в ней, душа воспаряла, он мягчел и уносился к престолу Всевышнего, отринувши все мирское.

Но вот вступил первый хор.

«Господи, воззвах к Тебе! — звучал псалом. — Твердыня моя! Не будь безмолвен для меня...»

Губы князя беззвучно шевелились. Казалось, он повторяет вместе с певцами величественные слова псалма:

«Услышь голос молений моих... Не погуби меня с нечестивыми... Воздай им по делам их, по злым поступкам их; по делам рук их воздай...»

Теперь уже гремели оба хора:

«Господь — крепость моя и щит мой; на Него уповало сердце мое, и Он помог мне, и возрадовалось сердце мое; и прославлю Его песнею моею!»

Мощный призыв возносился к небу, казалось заставляя трепетать листья деревьев парка. Другие, медленно кружась, осыпались на землю. Сама природа внимала музыке, и музыка стала ее частью.

«Господь — крепость народа своего,— звучал грозный распев баритонов и басов.— Он спасение и защита помазанника своего».

«И я, я спасение и защита помазанницы Господней,— пронеслось в голове князя,— таков мой престол, и я, ничуть не колеблясь, должен утвердиться на нем. Боже правый, что это было со мною? Стыд, стыд!.. Изгладить, стереть, забыть... Но можно ли забыть столь постыдное малодушие. И как его забыть?.. Как?»

Досада, ярость, гнев на самого себя душили его. Он казнил, что бывало редчайше. И все это — музыка, музыка, которая может все.

Он уже плохо слышал последние аккорды оратории — слезы, очистительные слезы подступили к горлу.

«Спаси народ Твой и благослови... Бла-го-слови!»

Сарти в последний раз воздел руки с растопыренными пальцами, потряс ими, и мощное форте прогремело и унеслось ввысь.

Плечи князя тряслись. Но он тотчас взял себя в руки. Желание действовать, и действовать немедленно, вливалось в него. Как все переплелось — покаянная слабость и энергическая сила; одно с другим, а лучше сказать, одно через другое, в другом.

Сарти шел к нему теми же мелкими шажками, которыми он всходил на капельмейстерский помост. Князь встал и обнял его.

— Ты меня очистил, маэстро,— сказал он ему по-французски.— Благодарю тебя. А ты поблагодари от моего имени всю свою команду. Прикажу Попову выдать каждому по рублю денег. Сегодня для меня знаменательный день — день очищения и покаяния, покаяния и очищения. Музыка — голос небес.— И, повернувшись к своему адъютанту, неожиданно произнес: — Карлуша, вели закладывать — едем.

Адъютант привык к странностям своего начальника и уже ничему не удивлялся. Он тотчас сорвался с места: закладывать так закладывать. Избави Бог задавать вопросы: куда, зачем?

Когда экипаж был подан, Бауэр все-таки осмелился спросить, не рискуя вызвать гнев князя:

— Куда, ваша светлость?

Ответ был неожидан:

— Под Очаков!

Потемкин обыкновенно ездил шестерней, но на этот раз приказал припрячь пару резервных лошадей. Из чего можно было заключить, что путь предстоял неблизкий.

По обыкновению, началась бешеная скачка. Взяли на Николаев, с тем чтобы там переправиться через лиман, а оттуда берегом к Очакову.

Спустя восемь часов они уж были в виду Очаковской крепости. Не доезжая версты, Потемкин приказал остановиться.

— Пусть покормят лошадей, а мы с тобой, Карлуша, взявши по паре пистолетов да зрительную трубку, отправимся на рекогносцировку.

— А казаки? — удивился Бауэр. Он имел в виду казачью полусотню эскорта.

— А ну их, — отмахнулся Потемкин. — Турки завидят, начнут палить. А так нас всего двое, им и в голову не придет опасаться.

Они шли неторопливо, поглядывая по сторонам, время от времени останавливаясь, запоминая особенности местности, все эти горки, лощины, заросли кустарника и рощицы уже почти облетевших деревьев.

— Вот здесь заложим ретраншемент, — заметил он, когда они были уже в каких-нибудь пяти десятках саженей от крепостных стен.

Часовые их заметили, когда они вышли из колючих зарослей ежевики. Грохнули выстрелы, и пули просвистели над самыми головами.

— Уходим, ваша светлость, — торопливо вскричал адъютант.

— Погодь. Эвон, какая ягода спелая, — невозмутимо отвечал Потемкин, осторожно, цепкими пальцами срывая ежевику. — Кабы не колючки, цены бы ей не было.

— Ваша светлость, прогнитесь! — Бауэр был в отчаянии. — Вы весь на виду.

Огромный Потемкин действительно представлял собою хорошую мишень.

— Нехристи стрелять не горазды, — бурчал Потемкин, отправляя в рот ягоду за ягодой, — им бы только стрелы пускать. Однако стены, похоже, крепкие. Как ты находишь, Карлуша?

— Да, ядра их не возьмут, — торопливо отвечал адъютант и смело потянул князя за рукав. — Надо уходить, ваша светлость. Я вас умоляю. Они вот-вот пристреляются.

Пули и в самом деле стали ложиться все ближе и ближе.

— Ну да ладно, — наконец согласился Потемкин, — больно колюча эта ежевика. Ты, однако, набросай планчик местности.

Пригнувшись, они углубились в заросли. Над крепостной стеною вихрились белые дымки. Выйдя к небольшому болотцу, князь приставил к зрячему глазу трубку и зачал водить ею, рассматривая укрепления.

— Да, Карлуша, тут придется попотеть, — наконец заключил он. — Нехристь изрядно укрепился. Однако Очаков должно взять непременно, иначе он будет долбить нас в спину.

Задержавшись в своем любимом Николаеве, Потемкин послал оттуда ордер Суворову:

«В настоящем положении считаю я излишним покушение на Очаков без совершенного обнадеживания об успехе; и потеря людей, и ободрение неприятеля могут быть следствием дерзновенного предприятия».

СКВОЗЬ МАГИЧЕСКИЙ КРИСТАЛЛ...

В е т в ь д в а д ц а т ь п я т а я: май 1453 года

Итак, начался последний понедельник мая.

Солнце выкатилось на голубой небосклон и, не затененное облаками, щедро заливало землю своими по-летнему жаркими лучами.

Великий город и его защитники замерли в томительном ожидании. Молчание царило и в лагере турок: необъяснимое странное молчание.

Между тем солнце взбиралось все выше и выше. Вот оно достигло зенита и, помедлив, покатилося на закат. Его лучи стали слепить глаза воинов, оборонявших западную стену.

И тут турецкий лагерь вдруг пришел в движение. Грохот барабанов, завывание труб, истошные крики сотрясли воздух. Солдаты двинулись к стенам, таща за собой пушки, стенобитные орудия, возы с камнями и землей для засыпки рва.

Началось! Защитники города приготовились к отражению штурма. А между тем с востока стали наползать тучи. Они мало-помалу сгущались, словно бы сама природа решилась помочь осажденному городу. И вот огненные стрелы молний пронизали небо, раскаты грома заглушили крики турок, призывавших Аллаха, и пушечную пальбу. И с неба обрушился ливень.

Но он не остановил наступавших. Султан Мехмед воодушевлял их, скача на своем арабском скакуне. Турки подступили к самым стенам, волоча за собой деревянные лестницы. И осажденные поняли: пробил решительный час.

Тревожный колокольный звон полетел над городом. Старики, женщины и дети укрылись за стенами храмов, веря, что предводитель небесного воинства архангел Михаил пошлет своих ангелов и те прикроют их своими небесными щитами. Все, кто был способен носить оружие, равно и те, кто мог оказать посильную помощь защитникам на стенах, поспешили к ним, неся кто кувшин с водой, кто сосуды с кипятком...

Священники в храмах старались воодушевить свою паству. Они призывали возносить горячие молитвы Христу Спасителю, Николаю Угоднику, Богоматери Влахернской, святым Константину и Елене.

— Господь не оставит молящихся, он защитит их, и огненные мечи небесного воинства поразят врагов Христова имени, — убежденно возглашали священнослужители. И надежда на чудо не покидала всех.

Гром битвы проникал сквозь стены храмов, украшенные зеленью и цветами. А она разгоралась все ярче, несмотря на опустившуюся темноту, несмотря на неутихающий дождь. Султан решил взять защитников города измором, зная об их малочисленности и скудном запасе припасов. Он приказал пустить вперед башибузуков.

Это был всякий сброд, приставший к туркам в поисках наживы: среди них находилось множество христиан из стран, покоренных турками. Они прибрели в турецкий стан со своим оружием — кто с ятаганом, кто с луком, кто с копьем, словом, кто с чем. Их не жалели, и потому они приняли на себя первый удар.

За ними стояли султанские каратели с плетями и палками. Ежели бы отступающие башибузуки смяли карателей, на этот случай их ждали султанские гвардейцы. Им приказано было беспощадно рубить отступавших.

Башибузуки бросались на стены со своими лестницами, в пылу атаки сшибаясь друг с другом. Они были отличной мишенью для оборонявшихся. Камни, рушившиеся со стен, поражали сразу нескольких. После двух часов непрерывной и бестолковой атаки султан приказал отступить.

Глава двадцать пятая

ХРАБРОЙ И СМЕЛОЙ ВИТЯЗЬ АХРИДЕИЧ

...Повсюду похвалы гремели ей, в речах, в сочинениях и даже в представляемых балетах на театре... Не меньше Иван Перфильевич Елагин употреблял стараний приватно и принародно ей льстить. Быв директор Театру, разные сочинения в честь ея слагаемы были, балеты танцами возвышали ея дела, иногда слова возвещали пришествие Российского флота в Морею, иногда бой Чесменский был похваляем, иногда войска с Россиею плясали.

Князь Щербатов

Г о л о с а

Я старался дать театру античный вид, согласуя его в то же время с современными требованиями... Этот театр был построен для частного, домашнего обихода Ея Величества и двора. Он достаточно просторен для того, чтобы в нем можно было давать самые великолепные спектакли, и при том он нисколько не уступает наиболее известным театрам... На полукруглой форме амфитеатра я остановился по двум причинам. Во-первых, она наиболее удобна в зрительном отношении, а во-вторых, каждый зритель со своего места может видеть всех окружающих... Я старался дать архитектуре театра благородный и строгий характер... Колонны и стены сделаны из фальшивого мрамора. Вместо завитков я поместил в коринфских капителях сценические маски... Я поместил в десяти нишах зрительного зала и просцениума фигуры Аполлона и девяти Муз, а в квадратах над нишами бюсты и медальоны великих современных деятелей театра...

Архитектор Джакомо Кваренги — Екатерине

Имея сведения, что турецкие войска предполагают напасть на лежащие по Бугу наши селения и через Польшу на Овидиополь, вашему превосходительству предписываю о усугублении бдения вашего, имея повсюду военные предосторожности; пограничным постами подтвердить о примечании на турецкую сторону, и по малейшим войск неприятельских движениям быть готову на ополчение.

Потемкин — генерал-майору Голенищеву-Кутузову

После дела, бывшего у флота турецкого с фрегатом и ботом нашим, ничего еще не происходило, но как у них было положено сделать покушение на Кинбурн и Глубокую, то сего теперь и

ождается. Еще у них намерение от Балты через Польшу впасть в границы Екатеринославского наместничества, в преграду чего я полки, входящие ко мне от вашего сиятельства, туда и обращаю...

Я стараюсь всячески закрыть здешнюю землю от Буга... Бежавшие из Очакова на нашу сторону, объявили, что после бывшего сражения с нашими одно их судно, пришед обратное к Очакову, потонуло с пушками, но люди спаслись...

О себе вашему сиятельству имею честь доложить, что я от болезни несколько облегчаюсь, но слаб чрезвычайно.

Потемкин — Румянцеву-Задунайскому

Я не нахожу слов изъяснить, сколь я чувствую и почитаю Вашу важную службу, Александр Васильевич. Я так молю Бога о твоём здоровье, что желаю за тебя сам лутче терпеть, нежели бы ты занемог. Уверьте всех, что я воздам каждому... Я всем то сделаю, что ты захочешь. Прошу тебя для Бога, не щади оказавших себя недостойными...

Потемкин — Суворову

Эрмитажный театр с Божией помощью был окончен. Строили его с прилежанием без малого пять лет. Поторапливались навести последний глянец к возвращению ее императорского величества из достопамятного шествия в южные пределы России.

Государыня осталась довольна. Сверх сметы ничего не издержано. Мягкой своею походкой прошла в свою ложу, заглянула в залу. Огромная люстра пылала сотнями свечей: подымалась и опускалась на невидимых блоках. Все было видно, все было слышно.

Ее величество сопровождал архитектор Кваренги. Говорил, когда спрашивали, был почтителен и скромн.

— За награждением дело не станет,— протянула государыня несколько в нос своим густым низким, словно бы слегка простуженным, голосом.— Просите и воздано будет.

Маэстро пожал плечами.

— Какова будет ваша милостивая воля,— наконец нашелся он.

— У меня все просят,— сказала Екатерина так же в нос,— все просят без стеснения. Есть во всей империи только один человек, который отказался от милостей,— генерал Суворов. Когда я вознамерилась его наградить, он ответил отказом. Когда же я стала настаивать, он попросил три рубля с четвертаком в уплату за квартиру. Вы второй. Ну да ладно, я сама решу. Орденов вам, чаю, не надобно, а вот денег — их вечно не хватает. Я распоряжусь.

Распорядилась. Выдали из казны десять тысяч рублей да золотую табакерку с портретом императрицы, усыпанным мелкими брильянтиками. Кваренги благодарил покорнейше.

Решено было поставить для открытия сочинение ее величества под названием «Храброй и смелой витязь Ахридеич». Барон Эрнест Ванжура, носивший звание придворного музыканта, сочинил музыку. Александр Васильич Храповицкий потел, сочиняя стихи. В своем потаенном дневнике записал: «Делал и подавал арии для оперы «Ив.Царь» — «Иван Царевич» — таково было первоначальное название комедии,— «приписал арий и хоры для пятого акта и не спал всю ночь... много моей тут работы».

Бедняга, для него не спать всю ночь — подвиг великий: более всего он берег и холил свой сон, о чем государыня, впрочем, была известна и над чем добродушно трунила.

Государыня поручила ему наблюдать за придворной труппой, дабы все было добронравно и пристойно. Он же продолжал диву даваться ее приверженности к сочинению пьес в столь многотрудную пору, когда идет война с турком и все государство пришло в движение. И не удержался — спросил в минуту ее расположения.

— Во-первых, сочинительство доставляет мне удовольствие,— отвечала она,— во-вторых, потому, что я желаю этим поднять отечественный театр и побудить драматических писателей к действию, ибо, несмотря на наличие новых пьес, он все еще в пренебрежении. Наконец, в-третьих, есть надобность поубавить спеси всем этим духовидцам, мистикам, обольщенным шарлатаном графом Калиостром.

Александр Васильевич время от времени имел смелость допытываться — полагал, что его участие в драматических упражнениях государыни давало ему на это право.

Она отвечала откровенно и разумно:

— Всех осуждаем, всех пересмеваем и злословим, а того не видим, что и смеха и осуждения сами достойны. Когда предубеждения заступают в нас место здравого рассудка, тогда сокрыты от нас собственные пороки, а явны только погрешности чужие. Видим мы сучок в глазу ближнего, а в своем и бревна не видим.

Он мысленно повторял ее слова, дабы затвердить их в памяти, а потом занести в дневник. Он чувствовал себя летописцем, свидетелем великих событий в царствование великой государыни, а потому свою ответственность перед историей. И в этом он не ошибался.

Репетиции шли своим чередом. Танцмейстер француз Роллен безжалостно муштровал послушливых девиц. Запах пота мешался с запахом пудры.

— Вивман! — надсаживался он.— Жи-вей! Не-карашо.

И, теряя терпение, вскакивал на сцену эдаким петушком и выделывал ногами витиеватые антраша.

— Надо понимайт: данс есть патьянс — тир-пенье. Репете, репете — повторяйт тишу раз...

Бедные девицы покорно повторяли раз за разом движения танца. Пот лился градом, пудра пластами обваливалась.

— Репете, репете, репете!

«Ах ты Боже мой, сколь долго может длиться эта пытка?!» — сострадал им Храповицкий, однако не вмешиваясь. Хотя ему казалось, что француз злоупотребляет своей властью и что танцевальный дивертисмент вполне удался и без этих бесконечных повторений.

Машинист и декоратор Бергонци расположился сбоку с набором кистей и красок. Он изображал на холсте обиталище Бабы Яги, куда должен вторгнуться храбрый и смелый рыцарь Ахридеич.

Танцорки, казалось, не мешали ему. Время от времени он подымал голову и сочувственно подмигивал то одной, то другой. Лишь однажды он выругался, когда одна из танцорок едва не опрокинула его подрамник.

— О, дьябло! Порка мадонна! Гляди, как ходишь! — И погрозил пальцем. Он был добродушен и терпелив. Его ценили все, и более всего инспектор придворной труппы, знаменитый актер, не небрегавший и сочинительством, Иван Афанасьевич Дмитревский.

Как раз в этом году исполнилось тридцатипятилетие службы Дмитревского на российской сцене, и государыня со своей обычной благосклонностью повелела устроить бенефис, что переводится как «хороший конец», именитому деятелю театра. Сам он перешагнул полувековой рубеж, что, по тогдашним установлениям, почиталось концом карьеры. В ознаменование заслуг бенефицианта, служившего, по словам государыни, с отменным достоинством и усердием, ему было повелено назначить пенсию в размере полного оклада — то есть двух тысяч рублей в год с казенной квартирой и дровами.

Александру Васильевичу Храповицкому, входившему в императорскую театральную дирекцию, было поручено надзирание за постановкою и надлежащим устройством бенефиса. Вот он и разрывался меж кабинетом государыни и театром. Зала еще пропахла клеем, краскою и отдававшим последние соки деревом. Приказано было прыскать духами. Но все равно строительный дух не выветривался.

Императрица Екатерина преуспевала на драматическом поприще. Более двадцати пьес вышло из-под ее пера: преимущественно комедий, были, однако ж, и драмы, были и переложения, как, например, «Вот каково иметь корзину и белье». Эта комедия в пяти действиях была подражанием «Виндзорским проказницам».

Государыня издала ее под названием «Вольное, но слабое переложение из Шекспира...» еще в минувшем, 1786 году. Вообще тот год был ознаменован ее необычайной драматургической активностью: «Обольщенный», «Передняя знатного боярина», «Новгородский богатырь Боеславич», «Февей», «Шаман Сибирской»...

Иные были поставлены в новопостроенном Большом каменном театре. Иные так и остались в рукописи — ее величество посчитала их недостойными сценического воплощения как по слабости сочиненного, так и иным соображениям, о которых она однажды высказалась так:

«Комедия представляет дурные нравы и осмехает то, что смеха достойно, а отнюдь лично не вредит никого. Поэтому, если бы я заметила в ней себя саму представленной и узнала чрез то, что смешное во мне есть, то я б старалась исправиться и победить мои пороки. Не сердилась бы я за это, но, напротив того, почитала бы себя обязанной. Впрочем,— оговаривалась она,— если вздумается кому представить на театре бесчестного дурака, кто тогда станет в этом зеркале находить себя?»

Написав это, она имела в виду свою комедию «За мухой с обухом», в которой добродушно осмеивалась княгиня Екатерина Романовна Дашкова, президент Академии наук, бывшая ее соратница и единомышленница, почти что подруга, с которой она, однако, разошлась.

Музыку для ее комических опер писали и испанец Висенте Мартин-и-Солер, переселившийся в Россию, носивший ряд пышных имен — Атанасио-Мартин-Игнасио-Висенте-Тадео-Франсиско-Пелегрин, и свои — Василий Пашкевич, Евстигней Фомин и другие.

А в остальном она не ревновала к славе своих современников, охотно признавая, что они более талантливы. И даже порою покровительствовала им — Фонвизину, Хемницеру, Хераскову, даже Княжнину, рассердившему ее своей трагедией «Вадим Новгородский». Их творения ставились на придворной сцене, и государыня изволила им рукоплескать, а в особо смешных местах хохотала от души.

И сейчас, когда шли репетиции «Храброго и смелого рыцаря Ахридеича», она время от времени наведывалась в свою ложу, стараясь оставаться незамеченной, и передавала через Храповицкого свои пожелания:

— Тут можно в пантомиме представить разные карикатуры в костюме русском: женщин — иную набеленную, как мертвеца, иную выкрашенную румянами во всю щеку колесом. Они переходят сцену, встречаемые дураком, которая иную ласкает, с иным дерется, дружка отталкивает. После третьего акта девицы толкуют об обмороке невесты, после четвертого камердинер ведет счет деньгам, которые он сможет выручить после пира за бутылки.

Потом прибегают поварники: иной в камзоле без кафтана, иной в кафтане без камзола, иной в сапоге на одной ноге, а на другой башмак. Ребятишки просят у него сапогов и одежды. Он сердится, их прогоняет и сам уходит. Музыка перестает. Кажись, так смешно будет, а?

— Смешно, ваше величество, — соглашается Храповицкий. — Передам Ивану Афанасьичу.

У Дмитревского свое на уме. Кое-что он принимает, иное же отбрасывает. Магия замечаний государыни его не трогает. Его на драматическое поприще сама императрица Елизавет Петровна благословила. Более того, самолично, своею белою державной рукою гримировала для представления драмы Сумарокова «Хорев». И сценическое имя изволила ему дать: Дмитревский, находя его похожим на некоего князя Дмитревского, а ведь природная его фамилия была Нарыков. И в Париж к знаменитому Лекену на обучение драматическому искусству послала, а оттуда в Лондон к не менее знаменитому Гаррику — с обоими состоял в дружестве.

С той поры он всех на театре превзошел. И сам стал учительствовать: из крепостных парней и девиц актеров и актерок воспитывать в школе драматического искусства, коей покровительствовала государыня.

Хоть и бенефис, и щедрая пенсия, и императрицын подарок — золотая табакерка с брильянтами и ликом ее величества, а бросать сцену он вовсе не был намерен. Чувствовал в себе силы продолжать служение музе Мельпомене и Талии — музе комедии. Обе эти музы в равной мере были угодны ее величеству. И она не чуралась являться в Большой каменный театр на окраине Петербурга — в Коломне, который был открыт четыре года тому назад. Посередине зала — царская ложа, устроенная так, по словам архитектора Деденева, что все перспективные линии в оной смыкались, отчего разнообразные представления наиболее пленяли.

Немного позднее, правда, для государыни и великокняжеской четы были устроены две ложи в бельэтаже по бокам сцены. Театр был велик и просторен. Над главным входом возвышалась статуя Минервы с копьем-громоотводом. Именно Минервы, а не драматических муз: Северной Минервою всесветно именовали императрицу, как окрестил ее в свое время великий ее почитатель Вольтер.

В театре было три яруса лож, балкон, амфитеатр, кресла, паркет, как тогда называли партер, и партер — стоячие места позади лож. Каждая ложа украшалась ее нанимателем по своему вкусу занавесками и обоями. Тотчас по его постройке он был взят в казну, как и Деревянный театр Книппера. Во всех этих театрах подвизался Дмитревский, ибо не было таланта и авторитета, равного ему.

Он же был и храброй и смелой рыцарь Ахридеич. В этой веселой опере-сказке государыня желала более всего насмешить. А потому Дмитревский, умевший изобразить рыцаря с комической серьезностью, был, как всегда, на месте среди леших, морских чудовищ и Бабы Яги.

В день премьеры зала Эрмитажного театра была заполнена. Хватило места всем придворным разных чинов и степеней, равно и сановникам из департаментов, Сената и министерств.

Александр Андреевич Безбородко вышел на авансцену и возгласил:

— Господа, ее императорскому величеству благоугодно было представить в день открытия сего великолепного театра, возведенного по указу несравненной нашей покровительницы муз, нашей мудрой Минервы и одновременно служительницы Талии, собственное ее творение. Сочинительница, актеры и актерки, музыканты — словом, все создатели сего комического действия представляют его на ваш суд и просят не строгости, но справедливости и благожелательности, ежели оно покажется вам не столь совершенным, как того бы хотелось.

Сказав это, он величаво поклонился и занял свое место, сопровождаемый умеренными рукоплесканиями. Императрица в своей ложе тоже похлопала.

Представление началось. Ахридеич-Дмитревский начал свои подвиги с того, что обхитрил двух леших и завладел шапкой-невидимкой, сапогами-самоходами и скатертью-самобранкой.

— Готов сразиться с кем угодно. Мне теперь уж не страшны ни чудище, ни зверь, — объявил речитативом рыцарь.

Никто, впрочем, в зале в этом не сомневался; под покровом шапки-невидимки да в сапогах-самоходах каждый из зрителей готов был сразиться с кем угодно.

На сцене веселились напропалую. Даже все чудовища отнеслись к Ахридеичу с благосклонностью и дали ему дельный совет: «Свое здоровье беречи».

Всех он одолевает, лишь змей двенадцатиглавый представил затруднение по причине множества голов. Но и тут он управился.

— Всех я чудовищ победил! — радовался Ахридеич. — Девицу-Царь освободил, теперь пришла пора жениться, за пир, за свадебку садиться!

Безмятежное веселье царило в зале. Взоры всех обратились к ложе императрицы. Она улыбалась и, воздев белые пухлые руки, хлопала. Эти хлопки, эти знаки высочайшего одобрения относились конечно же к тем, кто представил оперу.

Дмитревский выходил на сцену, увлекая за собою остальных, и все они сгибались до полу. Поклон следовал за поклоном.

Все на свете забылось. Война была Бог знает в какой дальней дали и ничуть не тревожила столицу.

А между тем война шла. Пока еще лениво, кое-как разворачиваясь, словно бы еще не веря в серьезность намерений противных армий и их предводителей, не решаясь сделать первый шаг.

Храповицкий был рад театральной паузе, более соответствовавшей его пристрастиям, нежели его прямые обязанности в кабинете императрицы. Однако пришлось к ним возвратиться.

— Садись-ка за стол, Александр Васильевич, — встретила его появление государыня. — И пиши письмо адмиралу Грейгу. С тем, что я ему сообщаю вести черноморские и что курьер с сим едет и везет трофеи. А что было в точности еще, не знаю. А происходило сражение в виду стана генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического, — с каким-то особым удовольствием произнесла она титулование князя, — под Очаковым, где пятый день как траншеи уже отрыты. Также напиши, что Пушкин и Михельсон начали шведов щелкать в Финляндии. И что, надеюсь, Бог нас повсюду не оставит.

Подписала не читая. «Е» было выписано как вензель, с каким-то щегольством.

— Скажи графу Александру Андреичу Безбородко, чтобы принял потребные меры по поводу разных лжей о наших делах с турком, в берлинских газетах, Герцбергом печатаемых. Да и о нашем путешествии в Тавриду.

На бюро лежал лист, исписанный бегущим почерком Екатерины. Она взяла его, вздела очки и сказала:

— Вот послушай, что я сочинила по поводу путешествия. Не напечатать ли сие в «Ведомостях»? — И своим ровным, грудным с легкою хрипотцой голосом стала читать: — «Города Москва и Петербург, а еще более иностранные газеты, много сочиняли во время нашего путешествия; теперь наша очередь: кто издалека приехал, тому врать легко. Вот перечень того, что я буду рассказывать; считаю нужным сообщить его моим спутникам по путешествию, не только для получения их одобрения, но чтобы предложить им сообщить мне их мысли.

Сперва я видела, я, говорящая с вами, как Таврические горы тяжелыми шагами шли навстречу нам и с томным видом отвесили нам поклон. Кто не поверит этому, пусть поедет взглянуть на новыя дороги, которые там провели: он увидит, что всюду крутыя места обращены в удобныя спуски. Однако в рассказе тяжелые шаги и поклоны горы звучат лучше».

— Ну что? Как ты находишь? Впрочем, вижу, вижу.

Храповицкий смеялся от души. Отсмеявшись, он сказал:

— Надо печатать, ваше величество. Это проймет недругов.

— Хорошо бы, — отозвалась Екатерина. — А особливо этого саксонского вряля барона Гельбига. Он в своей «Минерве» напечатал кучу лжей. Будто князь Потемкин намалевал на досках

дворцы и целые города и деревни, коих в натуре не было, дабы всех обмануть и представить свою деятельность в лучшем виде. Скажи-ка по чести, видел ли что-нибудь подобное?

— Нет же, нет. Видел арки с надписями приветственными, видел ворота, от земств сооружаемые... Но чтоб целые города и селения? Ничего подобного не было.

— Ну вот,— удовлетворенно протянула Екатерина.— Я и других спрашивала, и главных насмешников — принца де Линя и графа Сегюра. И они ничего подобного не видели тому, что сей паршивец Гельбиг порасписывал. А я-то еще его милостиво принимала и долгих бесед достаивала. Поди разгадай пасквилянта. А еще барон. Более ноги его в империи не будет.

Меж тем как в Эрмитажном театре переменяли декорации и готовили к постановке новую комедию государыни в пяти же действиях под названием «Обольщенный», она полностью обратилась к государственным делам, не оставляя, впрочем, замыслов драматургических.

К графам Орловым — Алексею и Федору — обратилась собственноручно, в дружеском тоне. Выражала надежду, что они будущей весной примут команду над флотом в Архипелаге, ибо одно их имя наверняка устроит турок и придаст вес и меру нашим действиям на море.

Храповицкий, вернувшись к себе, торопливо записывал:

«Читана с удовольствием парижская депеша, из коей познается сближение Двора Французского с нашим, приготавливаемое мщение королю Прусскому за Голландию и описание его высокомерия, связь его с Англиею и последование секте духов. Приметно недоброжелательство к нам Англии, помыслы короля шведского на Данию и склонение обстоятельств ко всеобщей войне в Европе». Да, конфиденты из русской партии и в самом Стокгольме, и в особенности в Финляндии доносили: король Густав весьма оживился с объявлением войны турком. Он вынашивает воинственные планы в отношении России. И русско-турецкая война ему на руку. Правда, оппозиция все еще сильна, особенно среди офицеров. С тех пор как военные приготовления усилились и стало ясно, что дело идет к войне, большая часть офицерского корпуса — а это все выходцы из дворянства — стала лелеять мысль о заговоре с целью свержения короля.

Мысль не такая уж бредовая: пятнадцать лет тому назад сам Густав произвел государственный переворот. Тогда его правой рукой был барон Спренгпортен. А нынче партию его противников в Финляндии возглавляет сводный брат того Спренгпортена — Еран Магнус Спренгпортен. Эта партия желает оторвать Финляндию от Швеции, опираясь на поддержку императрицы Екатерины.

Будто бы король Густав уже составил план нападения на Россию, который изложил кучке своих единомышленников. Он надеется неожиданным ударом разбить русский флот в Балтийском море, а затем двинуть сухопутную армию на Петербург. Россия-де не выдержит войны на два фронта. И ей придется вернуть Лифляндию и Курляндию — то, что отхватил у Швеции царь Петр.

Императрица отнеслась к этим планам шведского короля как к бреду полупомешанного. Она лишь посетовала: в свое время принимала его со всеми полагающимися почестями и даже удостоила его награждением кавалериею святого Андрея Первозванного — высшей в иерархии российских орденов.

— Поди знай, что у этого сумасброда на уме, — развела она руками, когда Храповицкий, а потом и Безбородко читали ей донесения, пересылаемые с капитанами торговых кораблей и часто писанные цифирью. — Полагала его добрым соседом, а он затаенный пакостник и враг. Ну да ничего, мы его сумеем проучить.

При всем при том — вот что примечательно — беды коронованных особ принимала близко к сердцу, почти как свои. Тотчас насторожилась, когда во Франции началось народное брожение. Настаивала на сближении дворов. Когда начались кабинетные перетасовки, предрекала близкие неприятности королю Людовику — она их не одобрила. Сказала о том Сегюру. Он развел руками — Версаль-де нередко бывает близорук.

И пришла в совершенное расстройство, когда пришла весть о том, что карета королевы Антуанетты, следовавшая в парижскую оперу, была закидана грязью, а чернь вопила: «Проклятая австриячка!» Королева принуждена была воротиться.

— Я потрясена, потрясена, — повторяла Екатерина дрожащим голосом, — это не укладывается у меня в голове. Можно ли столь унижить свою королеву?!

— Ах, ваше величество, — отвечивал Храповицкий, — чернь везде одинакова, для нее не существует святынь.

— Но вот ты был свидетель моего путешествия через многие области империи. Иные из них, как Таврида, населены по большей части недоброжелательными народами. Но хоть кто-нибудь из татар либо ногаев осмелился ли на таковую дерзость? Они все чувствовали свою государыню. Я видела вокруг себя одни проявления преданности и любви.

— Да, так оно и было, — подтвердил Храповицкий. — У нашего народа неиспорченные сердца...

— Да, да, ты прав. А эти французы... — Голос ее прервался, в глазах стояли слезы.

По правде сказать, Храповицкий был обескуражен. Вечером он, по обыкновению, открыл свой дневник и записал: «Позвав, с удивлением прочли для меня из немецких газет известие, что Бриенн сделан первейшим министром и королевские министры

Кастри и Сегюр взяли отставку...» И о реакции государыни на казнь королевы Антуанетты: «Плакали».

Меж тем зима медленно, но верно подступала к обеим противостоящим армиям. Она дохнула хладом и заморозила не только реки, поля и растения, но и военные действия. Обе стороны собирались с силами, подвозили и копили потребное.

Реляции от светлейшего князя приходили все реже — ничего экстраординарного не предпринималось. И Екатерина снова обратилась к свету лицом.

Покамест в Эрмитажном театре приготавливали очередной спектакль, государыня затеяла устроить придворный маскарад. Он должен был отличаться от обычных забав. И ей пришло в голову расписать весь церемониал, дабы маскарад этот надолго запечатлелся.

Фантазии было не занимать. И утром толстяк Храповицкий, несколько опухший после вчерашних возлияний, получил собственноручное расписание государыни.

Вот что в нем было написано:

«Мне пришла в голову забавная мысль. Нужно устроить в Эрмитаже бал, как вчерашний, но чтобы общество было меньше и более избранное; для этого мне нужны списки тех, кто был в четверг. Дамам нужно приказать быть в домашних платьях, без фижм и без большого убора на головах. Начнут бал, как вчера. После нескольких танцев, гофмаршал возьмет за руку великую княгиню, скрипач пойдет перед ними, и он пройдет по всем комнатам до той, которая находится перед театром. В этой зале все занавеси на окнах будут спущены, в особенности те, которые выходят в переднюю, чтоб не видали там происходящего. В зале этой будут с одной стороны четыре лавки маскарадных одежд: с одной стороны для мужчин, с другой — для дам. Французские актеры будут изображать торговцев и торговок; они в долг отпустят мужчинам женское, а дамам мужское платье. На лавках с мужским платьем нужно приделать наверху вывеску: «Лавка дамского платья», а на лавках с дамским платьем нужно наверху приделать вывеску: «Лавка мужского платья». Перед залой поместите объявление: «Здесь даровой маскарад, и маскарадные одежды в кредит: по правую руку для дам, по левую — для мужчин».

— Ступай распорядись, чтоб все было, как расписано. Вот уж повеселимся всласть. Как думаешь?

— Вестимо, ваше величество, — кивнул Храповицкий. — Вот будет потеха. — И он торопливо выскользнул из кабинета — исполнять.

Печи дышали жаром, благодное тепло разливалось по всем анфиладам дворца, меж тем как за окнами тяжело нависло свинцовое снежное небо. Оно исторгало снег пополам с дождем. Война замерзла. Она уступила место маскараду.

СКВОЗЬ МАГИЧЕСКИЙ КРИСТАЛЛ...

Ветвь двадцать шестая: май 1453 года

Итак, яростная, но бестолковая атака башибузуков была отбита.

— Нас испытывают, — предположил Джустиниани, — бодрствуем ли мы ночью. Ночь — не лучшее время для штурма.

В самом деле, наступила короткая передышка. И защитники города вздохнули с облегчением, решив, что турки утомонились. Греки принялись заделывать бреши в стене бочками с землей и бревнами.

Как вдруг снова взревели трубы, забили барабаны, раздались истошные крики: «Алла, алла!» И новая волна турок полезла на стену.

На этот раз то были анатолийцы, отборное войско Исхак-паши, отлично вооруженное и экипированное. Они избрали для атаки участок стены, примыкавший к воротам Святого Романа. Он казался наиболее уязвимым, так как чаще других подвергался пушечному обстрелу и был изрядно поврежден.

Наступающие карабкались друг на друга, стараясь первыми взобраться на стену. Они были упорны: лезли и лезли, несмотря на потери. Некоторым удавалось достигнуть края стены и даже на миг взобраться на нее. Но они тут же летели вниз, пораженные ударами мечей, падали, сшибая своих. Но снизу лезли все новые и новые толпы с лестницами наперевес, с чадающими факелами в руках. Сверху летели на них камни, лилась кипящая смола, но ничто не унимало их ярости.

И тут рывкнули турецкие пушки — султан приказал бомбардировать стены. Мраморные ядра с грохотом разбивались о прочную преграду, дробя ее и высекая дождь осколков. Но ущерб, наносимый ими, был не слишком велик. На востоке зарозовела слабая полоса пробуждающегося утра.

Атака начала захлебываться, ярость наступавших слабела.

Как вдруг бабахнула громадная пушка Урбана, и тяжелое ядро с грохотом угодило в самый центр заграждения, подняв облако пыли. Ввысь взлетели доски и бревна, целая туча землищи, и часть заграждения обрушилась вниз.

Анатолийцы с победными криками тотчас ринулись в пролом. Они решили, что им удастся первыми ворваться в город. Но натолкнулись на столь же яростный отпор. Воины Константина во главе с самим императором окружили, смяли и перекололи их. Уцелевшие были отброшены в ров.

И эта атака захлебнулась. Воодушевленные успехом греки принялись энергично заделывать пролом. Женщины и старцы помогали воинам кто чем мог.

И на других участках битвы туркам не удалось добиться сколько-нибудь ощутимого перевеса. Хотя тот же Исхак, фаворит султана, возлагавшего на его воинство большие надежды, бросил на штурм свои отборные части.

Неудача ждала турок и на Мраморном море. Хамзе-бею удалось высадить с кораблей несколько десантных групп. Но они были сброшены в море отрядами монахов и принцем Орханом с подчиненными ему воинами.

Принц Орхан находился в почетном плену в Константинополе. Он был одним из претендентов на османский престол, а потому из султанской казны регулярно выплачивались деньги на его содержание. Мехмед при своем восшествии подтвердил послам Константинополя это обязательство. Но сам Орхан уже более прилежал грекам, нежели туркам.

И принц почел своим долгом оборонять великий город наравне с греками. Так же поступили и турки из его окружения.

Глава двадцать шестая

СТРАДАНИЯ ПРИ ОЧАКОВЕ

Хотя при поздних летах ея возрасту, хотя седины покрывают уже ея голову и время нерушимыми чертами означило старость на челе ея, но еще не уменьшается в ней любострастие. Уже чувствует она, что тех приятностей, каковыя младость имеет, любовники в ней находить не могут и что ни награждения, ни сила, ни корысть не может заменить в них того действия, которое младость может над любовником произвести.

Князь Щербатов

Г о л о с а

Кому более Очаков на сердце, как мне? Несказанные заботы от сей стороны на меня все обращаются... Схватить его никак нельзя, а формальная осада по позднему времени быть не может и к ней столь много приуготовлений! Теперь еще в Херсоне учат минеров, как делать мины и протчему. До ста тысяч потребно фашин и много надобно габионов (корзина без дна, наполненная землей или камнями для защиты от пуль). Вам известно, что лесу нет поблизости. Я уже наделал в лесах моих польских, оттоль повезут к месту. Очаков нам нужно, конечно, взять, и для сего должны мы употребить все способы, верные для достижения сего предмета. Сей город не был разорен в прошлую войну; в мирное время укрепляем он был непрерывно. Вы изволите помнить, что я в плане моем наступательном, по таковой их тут готовности, не полагал его брать прежде других мест, где они слабее. Естли бы следовало мне только жертвовать собою, то будьте уверены, что я не помешкаю ни минуты; но сохранение людей, столь драгоценных, обязывает итти верными шагами и не делать сомнительной попытки, где может случиться, что потеря несколько тысяч пойдет не взявши, и расстроимся так, что, уменьшив старых солдат, будем слабей на будущую кампанию. Притом, не разбив неприятеля в поле, как приступить к городам? Полевое дело с турком можно назвать игрушкой; но в городах и местах таковых дела с ними кровопролитны.

Потемкин — Екатерине

Батюшка князь Григорий Александрович! Простите мне в штиле, право, силы нет, ходил на батарею и озяб... Флот наш, Светлейший Князь, из Глубокой вдалеке виден уже здесь. О! коли б он, как баталия была, в ту же ночь показался, дешева б была разделка... с такими еще я не дирался: летят больше на холодное

ружье. Нас особенно жестоко и почти на полувыстреле бомбами, ядрами, а паче картечами били; мне лицо все засыпало песком, и под сердцем рана картечная ж...а как уже турки убрались на узкий язык мыса, то их заехавшие суда стреляли вдоль на нас по косе еще больнее. У нас урон по пропорции мал, лишь для нас велик, много умирает от тяжелых ран, то ж у них, и пули были двойные, в том числе у моего обер-аудитора Манеева вырезана такая пуля из шеи...

Суворов — Потемкину

Читал донесение графа Румянцева-Задунайского. Тут он замечает, что турки стараются исправить погрешности первой кампании в войну прошедшую и занимают все переправы на Днестре.

Из Дневника Храповицкого

Крепость, она и есть крепость. Кре-пость. Креп-ость.

Крепость кажется неприступной. Крепость видится неприступной. Особенно не очень искушенному, а то и робкому военачальнику. Он испытывает ее всяко. И так и этак. И на испуг, и на измор.

Эх, кабы турок в поле вышел! Тут ему и капут!

Но он хитер, его в поле не выманишь. Знает, нехристь, чем поле пахнет. Схоронился за стенами, как зверь в норе, как птица в гнезде, и выглядывает из амбразур. Ку-ку! Не достанешь.

Светлейший князь Григорий Александрович Потемкин был обстрелян, в минувшей кампании отличился, но крепостей брать не приходилось. Суворова, горячую голову, дабы на рожон не лез, предостерегал: «В настоящем положении считаю я излишним покушение на Очаков без совершенного оснащения об успехе...» Знал, однако: коли дать Александру Васильевичу простор — положит успех к ногам ее императорского величества.

Меж тем ее императорское величество пришла в великое затруднение, чем наградить Суворова за Кинбурн. Писала Потемкину: «Ему же самому думаю дать либо деньги тысяч десяток, либо вещь, буде ты чего лутче не придумаешь... Пришло мне на ум, не послать ли Суворову ленту Андреевскую, но тут паки консидерация (соображение) та, что старше его князь Юрий Долгоруков, Каменский, Миллер и другие не имеют; Егорья Большого — еще более консидерации меня удерживают послать, и так никак не могу ни на что решиться, а пишу к тебе и прошу твоего дружеского совета...»

Потемкин знал, чего стоит Суворов. Какие тут могут быть колебания — разумеется, «За веру и верность», разумеется, Андрея Первозванного. И, посылая ему знаки этого высшего ордена России — высшего и первого, учрежденного еще Петром, писал: «За

Богом молитва, а за государем служба не пропадает. Поздравляю Вас, мой друг сердешной, в числе Андреевских кавалеров... Я все сделал, что от меня зависело; прошу для меня о употреблении всех возможных способов об збережении людей».

Все о том же — о сбережении людей пекся светлейший. Посему изворачивался меж молота и наковальни. Желал славы — увенчать себя, яко покоритель Очакова. И пробовал его и так и сяк.

Людей изначально следовало беречь от зимы с непогодою и от болезней. Зима была слякотная и с морозами. Ничего, кое-как перезимовали, встретили новый, 1788 год — кто как и кто чем мог. Одни шампанским с фрикассе, другие с водкой и каше́, то бишь кашею.

За зимой весна настала, турок будто не бывало.

В самом деле, все ждали тепла: зима войну заморозила. Ждали, когда сойдет снег, когда взломает лед на Днестре и в лимане, и ледовый караван, тая и изнемогая, став хилым и немощным, впадет в море и там сгинет без следа.

Долго ждали. Очаков тем временем укреплялся. Его подкрепила сильная турецкая эскадра под командою капудан-паши Хасана. Он был надеждою турецкого флота. И поклялся истребить флот черноморский, стоявший на якоре возле Кинбурнской косы.

Слава Богу, нерешительного Мордвинова отозвали. Его сменил адмирал Нассау-Зиген. Принц Карл Генрих Нассау-Зиген, перешедший в русскую службу с благословения императора Иосифа, был настроен решительно. И таким же решительным был его правая рука Пол Джонс — недавний герой войны за независимость Соединенных Штатов.

Оба они жаждали решительных действий. И как только представилась возможность, вышли в море навстречу турецкой эскадре.

Завязалось упорное сражение. Линейный корабль турок загорелся и стал тонуть. Это был счастливый миг, переломный миг. Юркие гребные суда облепили флагманский корабль капудан-паши. А сам он еле успел спастись. Остальные суда турецкой флотилии поспешно ретировались к Очакову.

Морской бог греков Посейдон приметно невлюбил турок, хоть и русских не жаловал, но не в такой же мере. Хасан-паша решил спасти остатки своей флотилии и увести ее от грозных берегов. Под покровом ночи турецкие суда подняли паруса и стали крейсировать в открытое море. Но не тут-то было.

Молчавший берег озарился вспышками пушечных выстрелов. Канониры били прицельно. Раскаленные ядра вызвали пожары и взрывы. Горящие суда стали подобны гигантским факелам. В их свете довершался разгром. Уцелевшие турецкие корабли попытались поспешно удрать. Но тот же коварный бог посадил их на мель. Русские окружили их и после многочасового боя довер-

шили полную победу. Турок при этом пало близ шести тысяч, а в плен попало сверх тысячи семисот.

— Нет, я вовсе не напрасно повелел издать мусульманскую священную книгу Коран,— сказал князь правителю канцелярии Василию Степановичу Попову.— Их Аллах, как видно, стал ко мне почтителен, коли он допустил такой разгром их эскадры. Сколь кальонджу — ихних морских пехотинцев — мы перебили и полонили, ровно на суше бились!

Вот послушай, что провозглашает пророк Магомет в священной книге: «О вы, которые уверовали! Не берите иудеев и христиан друзьями: они друзья один другому. А если кто из вас берет их себе в друзья, тот и сам из них. Поистине Аллах не ведет людей неправедных». Ну, что ты о сем думаешь?

— А то думаю, что крест и полумесяц никогда не сойдутся в дружестве, коли их пророк так поучает. И война будет длиться до полного одоления.

— Но ведь пророк истины Христа признает,— задумчиво проговорил Потемкин.— Всякая религия проповедует милосердие, сколь мне известно. И нету такой, которая бы призывала убивать иноверцев. А гляди, что пророк провозглашает: «Сражайтесь с теми, кто не верует в Аллаха!» Как это понимать? Такого в Библии нету.

— Нету,— подтвердил Попов, ловивший настроения и мысли своего патрона и всегда соглашавшийся с ним.— Нету и не может быть никогда.

Потемкин погрозил ему пальцем:

— Ты, Василий, лукав. Поддакиваешь мне. А я вот усомнился. Иудейский бог ведь тоже нетерпим, бог Яхве, который вел Моисея по пустыне. Но не в такой же степени, как Пророк. Вот еще: «Поистине, неверующие для вас явные враги». Или вот такое: «Сражайтесь с ними, пока не будет больше искушения, а вся религия будет принадлежать Аллаху».

— Не будет промеж нас мира,— убежденно сказал Попов,— при том, чему учит их священная книга.

— А я вот думаю, что нонешний урок, преподанный морскими силами, подвигнет очаковского пашу к капитуляции. Предпишу ему ультиматум, дабы не занапрасно лилась кровь. Чего ради бросать людей на штурм? Сколь много их поляжет. Давай-ка, Василий, сочиним.

Ультиматум вышел милосердный. Сдай, паша, крепость добром, и мы тебя выпустим со всем гарнизоном и со всем добром, а жители мирные могут остаться при своих домах и имуществе, и им не будет причинено никакого зла.

— А куда деваться их гарнизону? — усомнился Попов.— Перебежчики доносят: у них там сейчас сверх двадцати тыщ под ружьем.

— Не наше дело. Эвон сколь у них земли за Южным Бугом. Впрочем, недолго ей быть под турком. Нынешняя кампания все решит.

Ультиматум был отослан. Потемкин не сомневался, что паша примет его условия. Попов его охлаживал.

— Вы, ваша светлость, запомнили, какая участь ожидает пашу, коли он сдаст крепость,— говорил он, блестя хищными татарскими глазами.— Что полон пред нею! Отрубят ему голову, вот что. И выставят ее на обозрение.

— Ну-ну, погодим, время есть,— бурчал князь.

Ждать пришлось долго. Ответ пришел высокомерный: Очаков есть оплот ислама среди диких степей, над ним — щит Аллаха, и он поразит неверных, которые осмелятся покуситься на его стены.

Князь был удивлен, но не обескуражен.

— Вот когда обложим Очаков со всех сторон, тогда этот чертов паша заговорит по-другому. Я заставлю его на коленях просить прощенья.

Однако с обложением светлейший медлил. Он все еще надеялся, что паша одумается и, уstraшенный российской силою, сдаст крепость.

Лишь в июле — в июле! — потеряв наконец терпение, Потемкин обложил Очаков со всех сторон. Правым сухопутным крылом командовал генерал-аншеф Меллер, центром — князь Репнин, левым крылом — Суворов, морской блокадой — принц Нассау-Зиген.

Потемкин все еще надеялся, что поляки примут его помощь в формировании двенадцатитысячного корпуса под командою графа Браницкого, супруга его любимой племянницы. Но сколь он ни давил на короля Станислава чрез государыню, интриганы из пруссаков и англичан оказались сильнее. Корпус не был сформирован, и граф единолично явился в ставку Потемкина.

— Интриги сильнее нас, князь Григорий,— объявил он, целуясь с Потемкиным по-родственному.— Интриганство всюду и везде, и нет с ним сладу. Пруссия и Англия — вот наши враги вместе с турками.

— Недоброжелатели, ежели быть точными. Равно как и Франция. Очаков укрепляли французские инженеры. Трудились, ровно у себя. Мои шпионы доложили: все подступы к крепости минировали французы. Сами турки опасаются теперь выйти за стены.

Меж тем Суворов сговорился с принцем Нассау, и они вместе составили свой план овладения Очаковом. По нему корабли черноморской эскадры с их огневой мощью должны были сокрушить крепостные стены со стороны Кинбурна и открыть дорогу удар-

ному десанту. Десант этот из егерей и гренадер расчистит путь в Очаков остальному войску.

Этот план стал известен Потемкину. Он обеспокоился и написал Суворову: «Я на всякую пользу руки тебе развязываю, но касательно Очакова попытка неудачная, тем паче может быть вредна, что уже теперь начинается общих сил действие... Очаков непременно взять должно. Я все употреблю, надеюсь на Бога, чтобы достался он дешево. Потом мой Александр Васильевич с отборным отрядом пустится предо мной к Измаилу, куда поведем и флотилию, и для того подожди до тех пор, пока я приду к городу. Верь мне, что нахожу свою славу в твоей... все тебе подам способы. Но, если бы прежде случилось дело авантажное, то можно пользоваться средствами».

После великолепной морской виктории князь расчувствовался. Он выразил себя Суворову в следующих строках: «Мой друг сердешный, любезный друг! Лодки бьют корабли, и пушки загорают течение рек. Христос посреди нас. Боже, дай мне найти тебя в Очакове. Попытайся с ними переговорить, обещаю моим именем цельность имения, и жен, и детей... Прости, друг сердешный, я без ума от радости. Всем благодарность, и солдатам скажите...»

Была, была тайная надежда у светлейшего: у Суворова сложились приятные отношения с очаковским пашой, и суворовские офицеры то и дело наведывались в Очаков по всякой нужде еще до открытия военных действий.

Но то было до войны. Теперь Очаков закрылся, и Хусейн-паша оставался непреклонен. Попробовал Суворов, основываясь на прежней приязни, через парламентаров заговаривать о капитуляции, да не тут-то было.

И армия генерал-фельдмаршала Потемкина, обложившая Очаков, стала по-кротовьи зарываться в землю. Осада так осада. Сколько она продлится, не ведал никто, даже сам главнокомандующий. Он, по обыкновению, хандрил, кусал ногти и требовал музыки.

Неизменный Сартри со всем своим музыкальным воинством был при князе. Был при нем и племянник Потемкина Энгельгардт, был и принц де Линь, представлявший императора Иосифа, равно и другие вельможи и служащие.

Потемкин был большим любителем шахмат и коротал время за шахматной доской. Он все надеялся взять Очаков измором, не прибегая к штурму. Он был обложен и с суши, и с моря и, по расчетам князя, не мог долго продержаться.

Князь выигрывал партию за партией. В шахматы. А свою главную партию против Очакова — проигрывал. Злился. Хандрил. Устраивал пиры с истинно потемкинским размахом, когда снесь везли из Москвы и Астрахани, вина же были французские. Порой

князь заговаривал, что жаждет сразиться с турком в поле. Пока же полем его сражений был роскошный шатер, а в неизменных противницах — прекрасные женщины.

Так продолжалось месяц, два, три...

Первыми не выдержали турки, отсиживавшиеся за стенами. Они сочли нерешительность русских за слабость. Они решили сделать вылазку и сокрушить русский лагерь.

...Нежнейшая музыка звучала под пологом шатра: пели струнные, солировала виола да гамба. Потемкин развалился в кресле, глаза его были закрыты. За ним расположились вперемешку генералы и придворные — у светлейшего был свой двор, — женщины и мужчины, именитые и не очень.

Вдруг музыку перебила ружейная трескотня и гортанные крики турок. Потемкин вздохнул и открыл глаза, Сартти застыл с воздетыми руками.

В шатер ворвался Бауэр.

— Ваша светлость, турки вырвались за гласис конницею и пехотой. Они атакуют.

— Эх, чертовы нехристи, испортили музыку, — проворчал Потемкин, вскакивая. — Кто принял команду?

— Суворов, ваша светлость.

— Ну, тогда я спокоен. Передай ему: пусть только не зарывается и помнит мой наказ: прежде всего — бережение людей. — С этими словами он снова опустился в кресло. — Господа, соблюдайте спокойствие. А ты, маэстро, возобнови музыку.

Сартти был бледен. Широко раскрытыми глазами он уставился на Потемкина, губы его дрожали. Наконец он вытолкнул:

— Музыканты не могут играть, ваша светлость. Руки им не повинуются.

— Не впервой им бывать под пулями, — усмехнулся Потемкин, — так чего ж заробели. Там генерал Суворов, а где Суворов, там виктория.

Он повернулся к столику, стоявшему за его спиной, взял серебряный кубок, наполнил его шампанским из большой бутылки темного стекла и провозгласил:

— Выпьем за здравие генерал-аншефа Александра Васильича Суворова, сего любимца Марса и Беллоны!

— Я готов, — отозвался принц де Линь, сиятельный соглядатай от императора Иосифа, — однако ж уместно ли это будет: пир во время битвы? Судя по звукам, которые доносятся до нас, там идет настоящая битва. Ваше хладнокровие, князь, выше всяких похвал.

— Благодарю. — И Потемкин шутливо поклонился.

— Пошлите хотя бы узнать, что там происходит, — не унимался принц.

— Осушите свой бокал! — сердито рявкнул Потемкин. — И запомните: я в наставниках не нуждаюсь. Всё, что мне нужно знать, будет доложено.

Принц побледнел и прикусил язык. Ему вовсе не хотелось ссориться с Потемкиным, тем паче что меж них установились весьма приятные отношения. Принц был языкат, но князь, умевший ценить изящество слога и удачные «мо» — острословие, обычно отвечал ему тем же.

Неожиданно полог шатра откинулся, и Бауэр вытянулся у порога.

— Ваша светлость, турки предприняли вылазку числом сверх двух тысяч пехоты и конницы. Команда генерал-аншефа Суворова приняла бой. Генерал Суворов ранен в шею и сдал команду генерал-поручику Бибикову...

— Опасна ли рана Александра Васильича? — с изменившимся лицом спросил Потемкин.

— По словам доктора Меласа, серьезна, но не опасна.

— Я хочу знать подробности, — резко произнес князь. — Опрокинуты ль турки?

— Гренадеры взяли в штыки, но затем принуждены были отступить под превосходящим натиском неприятеля.

— Скачи туда и возвратись с подробным рапортом.

Потемкин был приметно взволнован. Голос недалекого боя то начинал приближаться, то удалялся. Менялась частота и громкость, и, судя по всему, дело завязалось серьезное.

— Прошу желающих со мною, — наконец не выдержал князь.

Желающих оказалось мало. Ординарец подвел коня, но Потемкин отмахнулся:

— На сей раз обойдусь. — И широко зашагал туда, где частила перестрелка. Подскакал распаренный Бауэр.

— Ваша светлость, турки сбили бутцев, но фанагорийцы навалились и погнали нехристей аж до самого гласиса. Наша берет.

— Что она там берет? — буркнул Потемкин. — Ничего не берет, а занапрасно жизни отдает. Я велю остановить атаку. Пущай не зарываются. Прикажи от моего имени Бибикову отводить людей.

— Генерал Суворов благословил атаку... Развить успех...

— И генералу Суворову достанется на орехи за самовольство.

— Под ним убило лошадь, ваша светлость.

— Надеюсь, он не выскочил от доктора с перевязкой?

— Нет, он сейчас у себя в палатке.

— Немедля отвести людей! Немедля! Мы здесь для серьезного дела, а не для мелких стычек, — рычал Потемкин. Во гневе он был страшен, и Бауэр пришпорил коня.

Бибиков был неповоротлив. Пока рассылал ординарцев да адъютантов, пока гренадеры, разгоряченные преследователем,

наконец остановились и стали укрываться, прошло немало времени.

Потери оказались велики: 154 убитых да 211 раненых.

— И чего добились? — гремел Потемкин. — Людей занапрасно положили.

— Генерал Суворов имел намерение на плечах отступающих турок ворваться в крепость и наделать там переполоху, — бормотал Бибииков.

— Нам не переполох надобен, а крепость без изъятия! — продолжал греметь князь. — Взять же ее можем всеми силами, одного флангу тут недостаточно! Генерал Суворов на военном совете высказался за правильную осаду. Чего ж он полез без приказу в пекло?! Такими наскоками крепость не взять, только людей терять. Выговор всем вам!

Бой затих. Потемкин возвратился в свой шатер, ни на кого не глядя, уселся за стол и стал писать с неослабной яростью, так, что перья поминутно ломались под его пальцами.

«Солдаты не так дешевы, чтобы ими жертвовать по пустякам, — писал он Суворову. — К тому же мне странно, что Вы в присутствии моем делаете движения без моего приказания пехотою и конницею. Ни за что потеряно бесценных людей столько, что их бы довольно было и для всего Очакова. Извольте меня уведомить, что у Вас происходить будет, а не так, что даже не прислали мне сказать о движении вперед».

На следующий день Александр Васильевич прислал письменное оправдание. Четырежды посылал-де порученцев, но гренадеры и казаки с такою яростью сражались, что удержать их было решительно невозможно. После того как под ним была убита лошадь, а затем и сам он был ранен в шею, вынужден был покинуть поле боя, оставив солдат в лучшем действии, однако приказал ретироваться.

Потемкин продолжал негодовать: «Будучи в неведении о причинах и предмете вчерашнего происшествия, желаю я знать, с каким предположением Ваше Высокопревосходительство поступили на оное, не донеся мне ни о чем во все продолжение дела, не сообщая намерений Ваших прилежащим к Вам начальникам и устремясь без артиллерии противу неприятеля, пользующегося всеми местными выгодами. Я требую, чтоб Ваше Высокопревосходительство немедленно меня о сем уведомили и изъяснили бы мне обстоятельно все подробности сего дела».

Тихая гроза нависла над русским лагерем. Любимец светлейшего попал в опалу. Суворов, пользовавшийся полным благорасположением Потемкина, теперь призван к барьеру. Потемкин отчитал его при всех и требовал нового письменного объяснения.

— Я не могу оставить сего происшествия без строжайшего расследования, — рокотал он. — Погублено столь много людей без какого-то серьезного повода! Нет, нет, словами здесь не отделаться. Я намерен дать отчет ее величеству.

Бедный Александр Васильевич! Он чувствовал свою вину и, главное, быть может, потерю благорасположения светлейшего князя. В своем следующем рапорте он оправдывался:

«Причина вчерашнего происшествия была предметом защиты бугских казаков... так как неверные, вошед в пункты наши, стремились сбить пикеты к дальнему своему усилению: артиллерия тут не была по одним видам малого отряда и подкрепления. О начале, как и о продолжении дела, чрез пикетных казаков Вашу Светлость уведомлено было; начальник, прилежащий к здешней стороне, сам здесь при происшествии дела находился. Обстоятельства Вашей Светлости я донес сего же числа, и произошло медление в нескором доставлении онаго по слабости здоровья моего».

27 и 28 июля лагерь лихорадило. Хоронили убитых, оперировали и перевязывали раненых. Потемкин продолжал устраивать разносы. Бибилов, виновник неудачного отступления гренадер, был отправлен на Кинбурнскую косу. Суворов, чувствительно переживавший все происшествие, стал проситься в отпуск для излечения раны. Потемкин его не удерживал.

Он мало-помалу остывал. Надлежало донести государыне о происшествии 27 июля.

О своеволии Суворова — ни слова: «Генерал-аншеф Суворов легко ранен в шею». Зато: «...гренадеры поступали с жаром и неустрашимостью, которым редко можно найти примера».

Гренадеры суворовские. Спустя полторы недели Потемкин пишет вполне миролюбиво: «Милостивый Государь мой Александр Васильевич! Болен бых и посетисте мя. Евангелие и долг военного начальника побуждают пещись о сохранении людей...»

А спустя еще две недели светлейший, узнав от Попова о том, что Суворов занедужил, сострадает: «Из письма Вашего к Б.С. Попову я видел, сколько Вас тяготят обстоятельства местных болезней. Мой друг сердешной, ты своею персоной больше десяти тысяч. Я так тебя почитаю и, ей-ей, говорю чистосердечно. От злых же Бог избавляет: Он мне был всегда помощник. Надежда моя не ослабевает, но стечение разных хлопот теснит мою душу, и скажу Вам правду, что сердце мое столь угнетено, что одна только помощь Божия меня утешает...»

Осада складывалась с великими препонами. Сильный турецкий флот крейсировал у Очакова. Гарнизон повседневно укреплялся — не только припасами, но и людьми, артиллерией, порохом. Все движения в крепости не оставались тайною для Потем-

кина: за стенами ее были свои агенты. При таковых обстоятельствах штурм представлялся делом весьма рискованным.

Меж тем принц де Линь выставлял князю на вид, что он сплеховал тогда, 27 июля. Будто бы в тот день открылась возможность ворваться в крепость на плечах отступающих турок. Князь-де ее упустил. Он то и дело подзадоривал Потемкина, испытывал его терпение.

Светлейший, однако, понимал: задача принца была политична. Австрийцы терпели от турок поражение за поражением. Сам император Иосиф, предводительствовавший войском, едва не попал в полон и вынужден был бежать сломя голову. Очаков стал бы громоотводом, решился князь приступить к штурму — он оттянул бы силы турок на себя.

Светлейший все понимал. Он помнил предупреждение государыни: «Сего утра Линь получил от цесаря повеление ехать к Вам. Он думал иметь команду, взять Белград, вместо этого его шпионом определяют. Естли он Вам будет в тягость, что, чаю, его отправить можно в Вену с условием о будущей или нынешней кампании».

Шпион был изящен и красноречив. Потемкин видел в нем весьма занимательного собеседника и шахматного партнера. Видел, ценил, но шутливо отвращал его выпады. Ему и самому хотелось поскорей взять Очаков, но вернейшим способом. Он мало-помалу придвигал кольцо батарей к стенам крепости и всс ждал и ждал сложения благих примет и обстоятельств. Увы, ничего покамест не благоприятствовало ему.

А меж тем Петр Александрович Румянцев-Задунайский взял Хотин — изрядную крепость на Днестре. Впрочем, турки не шибко им дорожили: он стоял на отшибе, далеко на севере. И в конечном счете был обречен.

Но весть о взятии Хотина пала камнем на самолюбие князя. Принц его подзуживал:

— На вас почиет взор ее императорского величества. Государыня надеется на скорое взятие Очакова. Она не одобряет вашего бездействия.

— Зато, принц, вы храбро действуете языком, — добродушно отшучивался князь, — и таким образом с легкостью возьмете любую крепость. Особенно женскую. Вот ежели вы выиграете у меня партию шахмат, тогда я, пожалуй, решусь...

Принц проиграл.

— Ну вот, голубчик, Господь не способствует, сами видите. Не могу же я переть на рожон?!

Однако время неумолимо шло. Оно было против князя. Осень явилась рано, стала на пороге, погрозила пальцем: опасайся! И завыли меж оголявшихся деревьев холодные ветры, и принесли с

собою столь же холодные дожди. И по утрам запорхали снежные мухи.

Солдаты зябли в своих земляных норах, число больных умножалось, лазарет был переполнен.

Минул четвертый месяц осады. Надо было решаться: потери и без штурма умножались. Шпионы князя за стенами крепости сообщали: французские офицеры заложили минные галереи. На тот случай, если русские пойдут на штурм. Взрыв разметет штурмовые колонны.

Потемкин предложил немалые деньги за план этих самых галерей. Он не жалел денег на конфиденентов и шпионов. В первый год войны тайная канцелярия израсходовала на эти цели 705 рублей, а уж на следующий год по этой статье было выдано 6035 рублей 62 с тремя полушками копейки. Он знал: много денег прилипает к рукам чиновников, но пресечь сего не мог.

План был получен. Накануне казаки Головатого взяли с налету остров Березань в десяти верстах западней Очакова. Он был стражем Очакова с моря и угрозой российскому флоту.

Пора, пора! — трубила холодная осень. Пора, чего он медлит? — трубили недоброжелатели князя в Петербурге и в самой армии. Все было против — летом несносные жары, осенью холодные дожди, зимою немилосердные морозы: на дворе стоял декабрь.

Кончено, нельзя медлить!

Штурм! 6 декабря яростной лавиною с лестницами наперевес ринулись на стены, уже обрушенные пушечным шквалом.

В штыки, в сабли, в ножи! Ожесточение заждавшихся, засидевшихся, замороженных солдат было столь велико, что они вцеплялись голыми руками в горло врагов. Кровь лилась — она тотчас замерзала.

Штурм длился час с четвертью. Он унес 1823 жизней. Осада длилась четыре с лишним месяца и стоила многих тысяч жизней. Впрочем, очаковский гарнизон потерял 8270 убитыми.

Слабое утешение. Потемкин хмуро принимал поздравления. Екатерина ликовала. Повелела приготовить триумфатору золотое блюдо с надписью: «Командующему Екатеринославской сухопутной и морской силой, яко строителю военных судов». На блюдо положить богато украшенную шпагу с лаврами и надписью: «Командующему Екатеринославской сухопутной и морской силой, успехами увенчанному».

Заказ исполнялся придворными ювелирами. Храповицкому велела:

— Скажи Степану Федоровичу (Стрекалову, управляющему кабинетом и сенатору), чтоб он не услал в армию шпагу, как золотую, так и с брильянтами, такожде и блюдо золотое для князя Потемкина, не показав прежде мне самой.

Тем временем победители подсчитывали трофеи. Пушек было в крепости 310, знамен зеленых 180, пленных сверх 4000. Доложили государыне. Она звала князя в Петербург. Написала:

«За ушки взяв обеими руками, мысленно целую тебя, друг мой сердешной... Всем ты рты закрыл, и сим благополучным случаем доставляется тебе еще раз случай оказать великодушие ложно и ветрено тебя осуждающим».

Князь выехал в Петербург вместе с Суворовым. Кампания замерзла. Но жила другая: король Густав воевал Россию.

СКВОЗЬ МАГИЧЕСКИЙ КРИСТАЛЛ...

В е т в ь д в а д ц а т ь с е д ь м а я: май 1453 года

И разгневался падишах, он же султан, он же калиф, повелитель правоверных, что все атаки его доблестного воинства были отбиты жалкой кучкой христиан. И повелел ввести в бой отборное войско, его надежду и оплот — янычар.

Он не сомневался: янычары ворвутся в город. И перед тем, как повести их на штурм — ибо он собственной персоной стал во главе колонн,— Мехмед посулил им великие богатства, а первому, кто ворвется, личный дар его султанского величества и особое отличие.

Маршу янычар предшествовала ожесточенная канонада. Ядра, бомбы, пули, стрелы обрушились на защитников. Их свист и завывания были оглушительны. Казалось, само небо рушится на греков и венецианцев.

Они поняли: наступил решительный час. Но они держались стойко, отражая натиск турок. Это была стойкость перед лицом Вседержителя, вдохновленная Святой Девой. Защитники верили: Господь не попустит, он даст им силы отразить натиск Христа и креста.

И вот показались янычары. Их сдвоенная колонна неумолимо подвигалась вперед под звуки оглушительной музыки. Она гремела столь яростно, что была слышна во всех концах Константинополя.

Мехмед вел их своею особою. Дойдя до рва, он напутствовал их громкими словами. Над ними — благословение Аллаха и его пророка Мухаммеда, с ними небесные силы, им уготовано место в райском саду и десять тысяч гурий.

Янычары перебрались через ров и бросились на штурм стен. Они были прекрасно вооружены и защищены доспехами. Вдобавок они действовали слаженно, наступали волна за волной, давая место свежим силам. Янычары старались разрушить временные заграждения: взамен обрушенных лестниц тотчас водружали новые. Измотанным в непрерывных атаках защитникам противостояли отборные части, превосходившие их числом во много раз.

Город ободрял своих воинов непрерывным звоном колоколов, все, кто мог, помогали им, поднося камни, катя бочки, насыпая их землей. Кто не мог — возносил молитвы в храмах, чьи двери не закрывались ни днем, ни ночью.

Яростная рукопашная схватка завязалась вдоль временного заграждения. Натиск янычар был столь силен, что они в конце

концов преодолели их. Однако защитники дрались с бешенством отчаяния.

Но неумолимый рок сулил им иное. В неприступной стене враг отыскал слабое место. Это была Керкопорта — дверца для вылазок в тыл врага. Осажденные несколько раз успешно воспользовались ею. Но в пылу битвы кто-то забыл запереть ее...

Глава двадцать седьмая

ВИКТОРИИ И ТРИУМФЫ

Не можно сказать, чтобы Императрица была прихотлива в кушанье, но можно сказать, что еще слишком умеренна: но бывший ее любовник, а оставшись всемогущим ее другом Кн. Гр. Ал. Потемкин, не токмо прихотлив в еде, но даже и обжорлив: неосторожность Обер-Гоф Маршала Кн. Ник. Мих. Голицына приготовить ему какого-то любимого блюда — повергла его подлому ругательству от Потемкина и принудила идти в отставку...

Князь Щербатов

Г о л о с а

Сенат хотя определял воевод, но числа городов в империи не знал. Когда я требовала реестра городам, то признались в неведении оных: также карту всей империи Сенат от основания своего не имел. Я, быв в Сенате, послала пять рублей в Академию Наук от Сената чрез реку, и купили Кириловского печатного атласа, которого в тот же час подарила правительствующему Сенату.

Екатерина — из записок

...капитан Качкачев... отправлен был в Каир (от царя Ираклия) для свидания с родственниками, там вошел в короткое знакомство с беями большей частью из грузин, старшие беи Ибрагим и Мурад открылись об желании иго Порты низвергнуть... Не благоугодно ли будет отправить его не только в Каир, но и в Абиссинию, государь которой исполнен усердия и доброжелательства к престолу Вашего Императорского Величества и который, конечно, отверзнет порты свои в Черном море...

Потемкин — Екатерине

...Баба наказала по-бабьи, что турки собираются к Рашкову. О Фокшанском деле я получил, так сказать, глухую исповедь и не знаю, что писать ко двору. Синаксари Александра Васильевича (Суворова) очень коротки... Я уже известил Вас, что вся армия идет к Днестру. Я сам еду на флот и флотилиею идем в море, а войски пойдут от Очакова к Хаджибею (будущая Одесса)... В письме вашем к Кобурху (главнокомандующий австрийской армией) вы некоторым образом весь успех ему отдаете. Разве так было? А иначе не нужно их так подымать. И без того они довольно горды... Не бывши в Галацком деле... умели в газетах написать, что с содействием их мы получили успех.

Потемкин — князю Репнину, командующему главным корпусом

Из копии при письме графа Александра Андреевича (Безбородко)... извольте усмотреть плоды ваших благотворений Александру Васильевичу Суворову, графское достоинство исходатайствовавших. Многие здесь... завидуют ему, считая успехи Александра Васильевича происшедшими от счастья, а не от распоряжений его; но государыня уважила об нем рекомендацию Вашей Светлости столько же, сколько службу его...

Гарновский, управляющий именьями, — Потемкину

Капитан-паша много пострадал в последней битве: наши пушки стреляли чудесно; после обеда он спустил свой большой четырехугольный флаг... чрез полчаса и все флаги турецкого флота опустились в один момент. Поль Джонс важное приобретение для русского флота...

Дерибас — Потемкину

Российский только Марс, Потемкин,
Не ужасается зимы:
По развевающим знаменам
Полков, водимых им, орел
Над древним царством Митридата
Летает и темнит луну...

Огонь, в волнах не угасимый,
Очаковские стены жрет,
Пред ними росс непобедимый
И в мраз зелены лавры жнет...

Мужайся, твердый росс и верный,
Еще победой возблистать!
Ты не наемник — сын усердный;
Твоя Екатерина мать,
Потемкин вождь, Бог — покровитель...
Честь мзда твоя, Вселенна — зритель...

Громокипящими строфами первого поэта России Гавриила Державина, иллюминированной дорогой от Петербурга до Царского Села, горевшей в ожидании сокрушителя Очакова целую неделю, всеобщим ликованием, впрочем подогревавшимся особонаятыми людьми, был встречен светлейший князь генерал-фельдмаршал Григорий Александрович Потемкин. Триумфатор въехал в столицу в один из первых дней февраля 1789 года и был помещен в любимом детище Екатерины — Эрмитаже.

Подобострастный шум с торжествами и балами на время заглушил в князе томившие его укоры совести. Очаков достался ему чрезмерной ценой, ему, непрестанно пекшемуся о сбережении

солдат. Мысль о жертвах, понесенных при осаде и штурме, время от времени возвращалась и грызла его. Да, замедление было смерти подобно, хотя обстоятельства складывались против летнего штурма. Однако потери от холода, сырости и болезней едва ли не превышали число павших при штурме.

Государыня была в большом упоении. Повелела выбить памятную медаль с профилем князя, собственноручно возложила алую ленту ордена святого Александра Невского и орденскую звезду с крестом: высший в орденском ряду вместе с Андреем Первозванным не имевший степеней. Кроме того, светлейший, поиздержавшийся за время очаковской осады, получил на мелкие расходы сто тысяч рублей — непомерную по тем временам денежную дачу.

Несмотря ни на что, Екатерина была убеждена, что Потемкин оправдывает ее сокровенные надежды и к концу нынешнего года поднесет ей ключи от Царьграда.

Меж тем с севера столице грозил авантюрный король Швеции Густав III. Он заключил союз с Турцией и потому полагал, что Россия, атакованная с двух сторон, падет на колена. И ему достанутся балтийские провинции России — Курляндия, Эстландия и Лифляндия с вожденной Ригой.

Поэтому еще летом шведский флот под командою брата короля герцога Карла Зюдерманландского взял курс на Кронштадт. Он был уверен, что легко овладеет этой крепостью, а уж Петербург не за горами.

Однако русская эскадра, предводительствуемая адмиралом Грейгом, весьма потрепала шведов при Готланде, и герцог спасся в Свеаборг, под прикрытие крепостных батарей, и был там заперт с уцелевшими кораблями.

Тридцативосьмитысячной шведской армии во главе с самим королем тоже не шибко везло. Он было возмечтал разбить союзную России Данию, но прежде двинулся на финляндские города Фридрихсгам, Вильманstrand и Нейшлот, отшедшие к России еще по Абовскому миру более сорока лет назад. Король полагал, что легко захватит их, а там уж и Петербург недалече.

Была легкость в мыслях, однако ж трудность в их материализации. Вzbунтовались шведские офицеры и стали бить Екатерине челом: мы-де за независимость Финляндии и против короля.

Густаву пришлось разбираться с бунтовщиками, сколотившими так называемый Аньяльский союз, и в конце концов удалось их арестовать. Но королю на первых порах пришлось ретироваться от Фридрихсгама и Нейшлота.

Столь великие разочарования при начале войны не подорвали, однако, воинственный дух короля. Он был готов помереть или победить, лучше, конечно, победить.

Екатерине это было хорошо известно. Но она отчего-то не печалилась. Близость армии Густава и угрозы его флота представлялись ей огорчительными, но отнюдь не опасными. Она уповала на своих генералов и своих флотоводцев. А со своей стороны сочинила комедию на Густава под названием «Горе-богатырь Косометович» — то бишь косо мечущий, мимо цели. Заканчивалась она таким куплетом:

Синица поднялась:
Вспорхнула, полетела
И море зажигать хотела,
Но моря не зажгла,
А шуму зделала довольно.

Шуму в самом деле было сверх всякой меры. Густав ярился, но не отступал, хоть и Дания стала против него, верная союзническому договору.

Обласкав князя, государыня понудила его ехать к армии: на носу было лето и, стало быть, открытие военных действий против турок.

— Ты моя надежда, князь Григорий,— объявила она ему,— верю в тебя и в твою звезду. У тебя на лбу написано: Царьград будет твой. Эвон, буква Цы начертана.— И она легко провела рукою по лбу, где поперечные морщины и в самом деле образовывали нечто вроде буквы «Ц».

— Лестно мне, матушка, что ты на меня столь уповаешь.— Улыбка его была отчего-то грустной.— Из кожи вон вылезу, гибели не побоюсь, дабы достичь того, о чем мы давно возмечтали и ради чего труждаемся. Но боюсь, боюсь...

— Чего ж ты, богатырь мой, боишься? И пристало ли тебе бояться?

— Боюсь, владычица моя, что слишком еще далек наш Царьград. В одиночку не дойти, а цесарцы ненадежны. Сил у нас маловато, а впереди еще великий везир с главною армией. Разобьем его, бессомненно разобьем, а ведь и сами изрядно потратимся. Для взятия же Царьграда понадобится сильнейший флот и свежая армия во главе с Суворовым. Да, на таковой марш годен токмо он.

— Так что же, Гриша, главное-то наше дело, выходит, отлагается? — разочарованно протянула Екатерина.

— Выходит, так. Будем собирать силы, изнурять турка, елико возможно, а потом, напружившись, ударим всею мощью на самый Царьград. И ежели Господь сподобит, стану во главе.

— Сподобит, непременно сподобит. Вера моя в тебя безмерна.

— А ты, матушка, ужо распорядись тут, дабы шведа скорейше побить: он воинскую силу от главного дела отбирает.

— Позабочусь. Думаю Мусина-Пушкина отозвать, медлен он, а Салтыкова назначить. На море Чичагов покамест не худо действует, да еще возлагаю надежду на гребной галерный флот под командою принца Нассау-Зигена. Он проворен, да и Зиген — победитель. Бог шельму метит.— И она рассмеялась.

— Победитель — Зигер,— хмуро проговорил Потемкин.— У турка под ружьем сверх двухсот тыщ, а у нас едва половина сего.

— Ну и что ж,— с вызовом произнесла Екатерина,— зато он на нас идет походом.

— Ты, матушка, забываешь, что он вроде как по своей земле на нас идет, его подневольные народы продовольствуют, валахи там, греки, сербы, молдаване, болгары. А мы все из России везем.

— Вижу, скис ты, Гриша. Не таков ты мне надобен...

— Нет, благотворительница моя, не скис я вовсе, а трудности обступают, и я их проницаю. Кому ж, как не тебе, должен я о них сказать? Я пред тобою одной откровенен.

— Я тебя своими заботами не оставлю,— помягчевшим голосом произнесла Екатерина,— и ты всегда помни об этом.

— Помню во всех моих перипетиях.

Екатерина поднялась и перекрестила князя.

— Будь благополучен. С нами Бог и крестная сила. Вознесем же молитву заступнице нашей — Пресвятой Богородице.

У парадного входа Потемкина ждала карета и конный конвой. Все, прощай Петербург с его балами, ассамблеями, фейерверками. Отныне в нем долгонько не придется бывать. Открывается военная страда.

Князь скакал на юг, загоня лошадей и изнуряя людей. В его голове бились три слова: Бендеры, Измаил, Аккерман. Три навязчивых слова! Три сильнейшие турецкие крепости, которые надлежало во что бы то ни стало сокрушить. Так ли это?

Был среди его окружения один умник. Сей умник нашептал ему, что вовсе не обязательно брать сии крепости, а обязательно нужно разбить главную армию великого везира Юсуф-паши. И уж затем соединенными силами армии и флота двигаться на Царьград.

Этот его прожект ненадолго смутил Потемкина. Может, прав искуситель? Ежели сокрушить главные турецкие силы, то таким образом откроется верная дорога на Константинополь. По сухому пути будет она нелегкой, морская же — пряма и проста. Лишь бы море не забушевало. Он велел счесть, сколь верст по сухопутью от Очакова до Царьграда. Ему доложили: близ девятьсот верст. Дорога-то не пряма, придется петлять.

А как же крепости? Оставить их в тылу? Это тысяч с полсотни, а то и более вооруженного народу. А ну как соединятся и ударят сзади?

Эти размышления одолевали его в дороге. Но три слова по-прежнему не давали покоя: Бендеры, Измаил, Аккерман. Были

крепости поменее, такие, как Килия, Хаджибей, Тулча, однако они в счет не шли.

Он начал с Очакова... Решено: продолжит Бендерами. Сказано: сильная крепость на Днестре, река судоходна, по ней скатиться вниз по течению и взять Аккерман. А там и Хаджибей рядом — все ближе и ближе к Царьграду. Оттоль выйти на Дунай и сразиться с Юсуф-пашой...

Все выходило складно. Оставалось двинуть кор-д-арме, главный корпус, на Бендеры. Он его самолично поведет и обложит Бендеры со всех сторон. Помнится, там отсиживался драчливый шведский король Карл XII, драпавший из-под Полтавы. Великий Петр отчего-то тогда, в семьсот девятом годе, Бендерами пренебрег. Сомневался, видно, что достанет беглеца Карла с изменником Мазепой. А может, у него войска не доставало на таковой бросок. Скорей всего, не желал с турками связываться. Завязалась бы война... Впрочем, она и так завязалась два года спустя, не без науськивания Карла, который жаждал реванша за Полтаву, за столь позорное поражение. Он все думал, что турки дадут ему командовать их войском. Он бы тогда показал, что есть настоящий военачальник... Боже, как люди заблуждаются насчет собственной персоны!

Он, Потемкин, тоже склонен заблуждаться — думал о себе в редкие минуты трезвости. Увы, его плотно окружали угодники, далекие от святости. Оттого являвшаяся трезвость постепенно затуманивалась, потом и вовсе растворялась в речах угодников и откровенном угодничестве. А он внимал и проникался верою в собственную значительность и непогрешимость.

Да, так бывало. Порою он встряхивался, и его глазам представлялась истина в натуральном виде, то есть без липовых одежд. Но такое случалось все реже и реже.

Убедительность была в планах и речах Александра Васильевича Суворова. Но меж них пробежала кошка. Князь втайне жалел о сем. Но дурацкий гонор, все чаще туманивший голову, а не гордость, мешал показниться. Понимал он и свою полководческую заурядность. Но Боже упаси признаться в этом!

Слава Господу, он хорошо разбирался, кто есть кто и точнехонько отводил каждому овощу свое место и свое время. Федору Федоровичу Ушакову свое, а Мордвинову свое, Петру Александровичу Румянцеву опять же свое, а Николаю Репнину свое... Отличал орла от коршуна и по клетоту и по полету. Ряженных разоблачал и ставил на свое место.

Но... Конь о четырех ногах, и тот спотыкается. Спотыкался и светлейший. И на дворцовом паркете, и на дорогах войны. Чертыхался, давал себе слово более не спотыкаться, видел, на чем оскользнулся, старался чаще глядеть под ноги, но гордыня мешала: задирала голову. Вот ведь в июне семьдесят четвертого

отряд генерала Заборского перешел же через Балканы и разбил войско тезки нынешнего великого везира Юсуф-паши. Перешел же! Государыня о том часто вспоминала. С намеком, без ли, но вспоминала.

Он же почитал это предприятие неисполнимым в нынешних обстоятельствах. И мысль о нем отталкивал, и уши затыкал, и глаза смежал. Совет собирал все реже.

Императрица подчинила ему обе армии — Украинскую и Екатеринославскую. Самолюбие графа Румянцева-Задунайского было уязвлено. Он подал прошение об отставке и милостиво получил ее. И Потемкин стал российским великим везиром, единственным предводителем войска.

Он разделил его на трое. Одною частью, сосредотачиваемой под Ольвиополем, быть под его командой. Другою, что в Молдавии, — князя Николая Васильевича Репнина. Суворов получил деликатнейшее поручение — подкрепить австрийцев, изрядно потрепанных турками. То был слабейший фланг кампании, Потемкин это видел и предвидел, а потому там должно быть Суворову.

Все таким образом определилось. Дивизии и полки пришли в движение. Весна казала свои капризы, пробуждалась медленно, норовя захватить и лето. Пчелы, шмели, кузнечики и другая мелкая летающая и скачущая живность то вылезала на свет Божий, то снова скрывалась до тепла. Ветры несли по степи шары перека-ти-поля: казалось, то несется бесчисленное стадо одушевленных тварей. Армейским колоннам пришлось преодолевать это сопротивление природы, движение их замедлилось, и князь осерчал.

Он прибыл к Ольвиополю прежде корпуса. Там настигла его весть о перемене направления в Константинополе. Султан Абдул-Хамид переселился в турецкий рай с его розами и гуриями. Его место занял принц Селим — третий под этим именем. О нем было известно, что он предприимчив и полон реформаторских идей, что уже начал формировать свое войско — «низам-и-джедит» — по европейскому образцу и на европейский манер и что в нем бурлит воинственный пыл. Французы — первые помощники его.

— Ну, это мы посмотрим, — сказал светлейший. — Все едино били мы турка и будем бить, хоть старое, хоть новое войско их. Покамест пусть полки маршируют к морю, дабы все удобные места для высадки десанта занять. Прежде замок Хаджибей. Гляжу на карту и вижу: знатная бухта для устройства порта. Оттоль и начнем движение на Бендеры по Днестру. Займем Паланку, Аккерман, что там еще?

— Там Бендеры, ваша светлость, — отозвался Попов. — Прибился к штабу мелкопоместный боярин молдавский, великий знаток сих местностей, чин имеет портаря. Он уж много нам помог с охотою и радением. Языки знает, турецкий как природный

турок, все местные тож, российский, рассказывает, и французский, яко сходный с ихним молдавским. Словом, может быть преполезен.

— Ну-ка, ну-ка,— с любопытством воззрился светлейший — зрячий глаз его сверкнул.— Представь-ка его ко мне.

— Сей момент, ваша светлость.

Человек вошел, поклонился и стал у порога. Видом он был чистый турок — черен с головы до ног, бородат. Глаз не прятал — глядел открыто. Эта манера князю понравилась.

— А ну перекрестись! — неожиданно выпалил он.

Человек степенно перекрестился.

— Свой,— удовлетворенно протянул светлейший.— Сказывай про себя все, без утайки.

— При его высокопревосходительстве генерал-аншефе Александре Васильевиче Суворове оказывал услуги по сношению с пашой как толмач и подал прошение о зачислении меня в российскую службу, дабы чин портаря с меня снять, а российский дать. Его высокопревосходительство принял во мне участие и своею властью выдал патент на чин поручика, что соответствует моему боярскому.

— Славу Богу,— сказал князь и неожиданно перекрестился.— Ты, чай, православный?

— Так что греко-российской веры.

— Славно, а то у нас все больше немцы, лютерского исповедания, либо вовсе католики. А что, правду Попов рассказывал, будто ты по-турецки свободно изъясняешься?

— С молодых лет воспитан был в исламе, пока родитель мой вызволил меня и не отдал в пансион в Яссах. Там и европейским языкам выучился. А турецкий — вроде как природный. Турки меня за своего считают. И их закон я превзошел в медресе — турецкой школе.

— Имя-то у тебя небось православное?

— Марком крестили. Марк Ивана сын.

— Апостольское имя,— удовлетворенно протянул князь.— Ну вот что, любезный, будешь ты при мне для особых поручений состоять. И чином я тебя повышу сразу — в секунд-майоры, дабы соответствовал месту. Хорошо ты знаешь Поднестрие?

— В каждой тамошней крепости есть у меня люди.

Князь оторопело глянул на него, от неожиданности губа у него отвисла.

— Ну-ка повтори, что ты сказал.

— Я сказал, ваша светлость, что в каждой тамошней крепости есть у меня свои люди среди турок. Ну и среди молдаван, конечно. Есть в Хаджибее, есть в Паланке, есть в Аккермане, в Бендерах. Вплоть до Сорок. Впрочем, есть и в Хотине.

С неожиданной легкостью Потемкин выскользнул из-за стола и обрушил тяжелые руки на плечи новоиспеченного секунд-майора. Он тряс его, вперив зрячий глаз, и требовал:

— Правду ли ты молвил?!

— Как на духу, ваша светлость, — бормотал растеряннo Марк. — Да и смел бы я лгать столь высокой особе? Дозвольте пояснить.

Потемкин отпустил его, вернулся в свое кресло и кивнул.

— Дитятею, как сказывал, воспитывался я среди таких же турецких младенцев из знатных семей в мусульманской школе. Ныне же все они в чинах и при крепостных гарнизонах. Дружество меж нас осталось. В юных летах служил я для сообщений двора господаря в Яссах с турецкими пашами и ссраскерами, так что в каждой крепости есть у меня однокашники.

— А далее что было? Как ты к Суворову-то попал?

— Как началась война, турки стали чинить разорение христианской райе — по-ихнему стаду. Все мы-де изменники и всех нас, как стадо, надо прирезать. Я и утек к своему брату в Херсон.

— Ну вот что: ты для меня человек особой ценности, и милостью своей я тебя не оставлю. Старайся. Будешь ты и премьер-майором, и подполковником, и полковником. Но и служба твоя будет нелегкой. Наперед крепости разведывать станешь. Где переговорщиком, а где шпионом. Мой долг перед отечеством и государыней — беречь солдата. И посему штурму я предпочитаю капитуляцию. Там, где тебе удастся выговорить капитуляцию убеждением ли, подкупом, будешь ты довольно награжден. Понял?

— Как не понять, ваша светлость. Буду прилагать все старания для бескровной сдачи.

— Ступай. Да скажи Попову — пусть зайдет.

Попов не заставил себя ждать. И, глянув на князя, тотчас понял: потрафил!

— Ну, Василий, грех на тебе. Пошто доселе скрывал ты сего портария, сего Марка? Он человек для нас бесценный, право слово, бесценный. Пока пусть пребывает в секунд-майорском чине: выдай ему патент и зачисли в штат при канцелярии моей.

— Виноват, ваша светлость, да не раз порывался его представить, ан недосужно вам было. Тут курьеры от Суворова с рапортами.

— Чти, Василий, что-то глаз мой зрячий ослаб.

— От Фокшан кратко доносит: «Мы здесь одержали победу!»

— Ох уж эти синаксари Александра Васильича! Предписать ему, дабы доносил в подробностях: сколь было турка, сколь побито и велики ль потери, каковы трофеи.

Донесение о Фокшанах пришло поздней. Пять тысяч русских и двенадцать тысяч австрийцев по диспозиции Суворова взяли штурмом турецкое укрепление и наголову разбили 30-тысячный корпус сераскера Мустафы-паши. Русские потеряли 400 человек

убитыми и 67 ранеными, австрийцы — поболее. Турки же — более 1500 тысяч только убитыми, двенадцать пушек и шестнадцать знамен.

— Каков Суворов-то! — ликовал Потемкин. — Сколько умело действовал и людей сберег! Честь и слава ему! То ли еще будет. Кабы не он, австрийцы драпали бы с полными штанами.

Потемкин был провидцем. Очередной рапорт Суворова был, как всегда, краток, но исчерпывающ:

«Речка Рымник, место баталии. 11 сентября 1789 году.

По жестоком сражении чрез целый день союзными войсками побит Везир! 5000 на месте, несколько сот пленных, взят обоз, множество военной амуниции, щетных 78 пушек и мотир. Наш урон мал. Варвары были вчетверо сильнее».

Вскоре стали известны подробности. Турецкая армия под командою самого великого везира простиралась до 90 тысяч. У Суворова было 8 тысяч, австрийцев — вдвое больше. Турецкая армия была полностью разгромлена. Ее предводитель не выдержал позора — его хватил удар, и Аллах принял его душу.

Потемкин прослезился.

— Суворова надобно вознести!

Екатерина была щедра. Суворову было пожаловано графское достоинство с поименованием Рымникского, бриллиантовые знаки ордена святого Андрея Первозванного, бриллиантовая же шпага с начертанием: «Победителю Везира», бриллиантовый эполет, таковой же перстень, наконец, кавалерии ордена святого Георгия 1-й степени.

Отвечая на послание Потемкина, Екатерина писала: «Хотя целая телега с брильянтами уже наложена, однако кавалерии Егория Большого Креста посылаю по твоей прозьбе, он того достоин...»

Почтил Суворова и император Иосиф, пожаловав его титулом графа Священной Римской империи и разного рода драгоценными подношениями.

— А мы-то все топчемся и топчемся, — сердился князь. Он признавал в душе, что из него вышел худой стратег, что если бы главные силы русской армии соединились с австрийскими на Дунае и предприняли бы ударный марш за Балканы, а соединенный флот — на Босфор, то Турция была бы повержена, а заветный Царьград пал. И все это могло стать плодом победы Суворова над везиром с его главной силой.

Обмыслив все это, он впал в расстройство и хандру. Самолюбие не позволяло умалять себя, а ведь все могло сложиться по-другому, будь он менее самовит. Все ведь видел, все проникал. Ан не до края. Был увлечен частностями, а охватить все в целом, вплоть до конечной виктории, не смог.

Успокаивал себя: воюем-то на все стороны, с юга турки, с севера шведы, может ли достать силы на всех!

Беспокойство причиняла Франция. Там стряслась революция, король и королева были под арестом, аристократы бежали кто куда, а разбушевавшаяся чернь казнила оставшихся самым свирепым образом. Все это казалось непостижимым и было опасно. Екатерина наставляла его: «Буде из французов попадет кто в полон, то прошу прямо отправить к Кошкину (пермскому и тобольскому генерал-губернатору) в Сибирь в Северную, дабы у них отбить охоту ездить и наставлять турок».

Но были и другие французы, беглецы волею революции, оказавшиеся в России, желавшие ей служить и ее наставлять: маркизы, графы, виконты, случалось, даже герцоги. Потемкин принимал их без особой охоты: аристократический гонор не оставлял их. Несколько утешало его одно: язык, которым владели все без исключения русские аристократы, дворяне. Притом владели иной раз куда лучше, чем своим родным.

«Бог не выдаст, свинья не съест,— часто повторял он, размышляя над всеми обстоятельствами действительности. Лишь бы над нами пребывала Божья благодать».

Пока что он чувствовал слабое, но благоприятство. На капитуляцию сдался замок Хаджибей, за ним — Паланка. При всем этом оказал великое пособие портарь, произведенный им в секунд-майоры, Марк Иванович Гаюс. Этот молдавский портарь был со всеми пашами чуть ли не на дружеской ноге. Пробравшись в турецкое укрепление, он убеждал сераскера сдать его русским. В противном-де случае они превратят его в развалины, ибо их армия во много раз сильней. Заодно рассказывал он им о печальной участи главной турецкой армии и о смерти великого везира, не перенесшего позора поражения.

— Впрочем, он бы и так лишился головы,— заканчивал Марк. Действовало! Почти безотказно.

Но вот подошли к Аккерману. На широко разлившееся устье Днестра как бы презрительно глядела с высоты грозная крепость, щурясь узкими глазами бойниц.

Ни Хаджибей, ни Паланка в зачет не шли: там все было как-то несерьезно. А здесь была натуральная крепость, и вид у нее был неприступный.

Светлейший чесал в затылке: неужто придется штурмовать?

— Василий! — кликнул он Попова.— Доставь мне нашего портаря. Пусть поскорей явится: дело не терпит отлагательства.

Портарий, он же Марк Гаюс, не помедлил.

— Вот что, милейший,— встретил его князь,— будь ты голубком и запорхни в сию крепость. Она приглянулась мне снаружи, желал бы поглядеть на нее и изнутри: так ли хороша. Жаль будет,

ежели наши пушки разворотят сии древние стены. Как ты полагаешь?

— Я с вами совершенно согласен, ваша светлость. И надеюсь, что сераскер тоже согласится и будет сговорчив.

— Бумага тебе надобна, яко в клюве оливковая ветвь. Ультиматум.

— Хороша оливковая ветвь! — усмехнулся Марк. — Я изначала на словах изложу. Бумага — на крайний случай.

— Тебе видней. Условия, как ты знаешь, просты: ключи от крепости — воля, свободный выход с пожитками. Оружие скласть на площади. Ежели воспротивится — пусть пеняет на себя: разнесем в пух и прах. Сколь дать на рассмотрение?

— Трех дней даже много.

— Будь по-твоему — три дня. Один пойдешь?

— Как всегда. Мне провожатые не надобны, толмачи — тож.

— Ну тогда с Богом. — И Потемкин перекрестил его. — Буде сдадут на пароль, ты внакладе не останешься: собственноручно Георгия на шею повешу.

— Не пролилась бы кровь — вот высшая награда, ваша светлость.

— Славно говоришь, — растроганно произнес князь. — Неустанно о сем твержу и всем наказую. За одни таковые слова награды достоин. Ступай же. И да пребудет с тобою Николай Угодник, наш святитель и покровитель.

Почтенный Кудратулла-паша начальствовал над крепостью едва ли не два десятка лет. Он был двухбунчужный и потому несменяемый. Сведущие уверяли, что вся сила паши в его имени. Оно переводилось так: «Тот, через которого проявляется могущество Аллаха». Поэтому-де сераскер пребывает в уверенности, что он находится под высочайшей защитой и покровительством и ничто ему не грозит.

Марка проводили к нему: его, как обычно, приняли за своего. Паша восседал на возвышении, на подносе дымился кальян. Чего прежде не было, так это золоченой клетки, в которой качался на жердочке зеленый попугай.

— С чем ты прибыл ко мне? — Паша был убежден, что перед ним, как бывало прежде, посланец господаря Молдавии.

— Да пребудет над тобой милость Аллаха, о паша, награжденный его бессмертным именем...

— Награжденный и огражденный, — перебил его паша. — Так что привело тебя сюда? В добром ли здравии пребывает твой высокий повелитель, вассал нашего могущественного султана, да продлятся его дни?

— У меня теперь другой повелитель, о любимец Аллаха.

— Как? — Кудратулла округлил глаза. — Неужто твой повелитель, которого я знавал, вызвал гнев падишаха?

— Владыки меняются, народ остается, — уклончиво отвечал Марк.

Сераскер страдал забывчивостью, если не размягченностью мозгов. Мало кто из господарей высиживал на престоле более двух-трех лет. Находился претендент, выкладывавший за княжеский титул больше денег, нежели мог заплатить царствующий господарь: турки продавали княжества тому, кто богаче. Они продавали все доходные должности. Да и сераскер уплачивал регулярную дань в казну султана.

— Не лишился ли ты должности? — подозрительно глянул на него Кудратулла.

— О почтеннейший, ты забыл истину, провозглашенную в Коране: не сокрушайся, потеряв; потерянное вознаграждается по соизволению Аллаха.

— Верно, — качнул головой сераскер, и при этом движении чалма съехала набок. Он заботливо водворил ее на место. — Так кому ты теперь служишь? Не хотел бы ты быть у меня главою сборщиков налогов? Нынешний бестолков и слишком много прилипает к его рукам.

— Ты оказываешь мне несравненную честь, о любимец султана. — И Марк приложил руку к сердцу. — Но я с сокрушенным сердцем вынужден отклонить ее. Мне предложил место главный русский генерал.

Кудратулла остолбенело глядел на него, губы его шевелились, но не могли вытолкнуть ни единого звука.

— Шутки твои неуместны, — наконец пробормотал он.

— Можно ли мне шутить пред твоей высокой персоной? И пусть меня покарает Аллах, если я говорю неправду. Огромное русское войско обложило крепость со всех сторон, и ты знаешь об этом. Твой гарнизон невелик, как я успел заметить, и продержится от силы неделю. Главный русский генерал предлагает тебе почетный выход из крепости с музыкой и с одним знаменем. Остальные знамена и оружие ты должен будешь сложить на площади. Тебе будут предоставлены повозки с лошадьми и волами в достаточном количестве, равно и шебеки для плавания. Ты волен будешь избрать себе новое пристанище. Подумай.

Кудратулла потерянно молчал, как видно, не в силах осмыслить услышанное. Наконец слова Марка проникли в его сознание, и он коснеющим языком произнес:

— Дашь ли ты мне время на размышление? Это очень важное решение, и я не могу сразу дать тебе ответ, — он начинал набирать силу, — у меня есть советники, аги и белюк-баши...

— Само собою, почтенный паша, само собою. Через три дня я приду за ответом. В твоих интересах избежать жестокого кровопролития.

Дело было сделано. Паша оказался сговорчив и здравомыслящ: он выполнил все условия капитуляции и получил все обещанное для ретирады.

Потемкин обнял своего портария, своего секунд-майора, умевшего столь красноречиво и убедительно разговаривать с турецкими пашами. Он возложил на его грудь Георгия на ленте.

Крепость опустела. Князь взошел на минарет, торчавший, словно огромный палец, посреди площади. На ней возлежала груда ружей, ятаганов и другой амуниции. Знамена были сложены отдельно.

Потемкин приложил к глазу зрительную трубу. Лиман открывался весь, вплоть до моря. Оно казалось серым и пустынным. Он повернулся в другую сторону, туда, откуда притекал Днестр. Там были грозные Бендеры. Или отсюда они казались грозными?

— Кабы с Бендерами-то так,— сказал он Попову.

— Сладим. На то Божия воля,— бодро отозвался он.

СКВОЗЬ МАГИЧЕСКИЙ КРИСТАЛЛ...

В е т в ь д в а д ц а т ь в о с ь м а я: май 1453 года

И это была роковая оплошность.

Увидя открытой дверцу, турки повалили в нее. Все ожесточенней становились схватки на внутренней стене. Враг был куда многочисленней, свежее. А защитники были измотаны: они бились всю ночь и весь день.

Уж солнце, немой свидетель героической обороны, стало опускаться к западу, и все еще было не ясно, чья берет, когда предводитель генуэзцев Джустиниани зашатался и упал: пуля пробила доспех на груди, и кровь хлынула из раны. Коснеющим языком он попросил вынести его из битвы. Его оруженосец бросился к императору за ключом от малых ворот внутренней стены. Константин стал умолять Джустиниани остаться. Но у того уже не было сил.

Ворота были открыты, и Джустиниани унесли. Его солдаты, не видя своего предводителя, подумали, что турки прорвались. И, решив, что битва проиграна, кинулись в открытые ворота.

Смятение не укрылось от турок. «Город взят!» — завопили они и с еще большим ожесточением кинулись в атаку. Любимец султана, турок исполинского роста по имени Хасан, возглавил ее. Он уже был на стене и разил ятаганомседавших греков. Вслед за ним на стену забрались три десятка янычар.

Камень из катапульты сбил Хасана с ног, а один из телохранителей императора добил его мечом.

Защитники дрались из последних сил, и казалось, что им удастся отбить и эту атаку. Но их становилось все меньше, а врагов все больше и больше.

Наконец греки принуждены были отступить. Они все еще дрались с упорством отчаяния, как вдруг кто-то воскликнул: «Турецкий флаг на башне Керкопорты!»

Поднялся переполох. Напрасно император и его окружение пытались собрать уцелевших и остановить турок, хлынувших в открытые ворота.

Константин спешил, а за ним его кузен Феофил Палеолог, испанский рыцарь дон Франсиско и грек Иоанн Далматос. Вчетвером они рубились мечами, окружив себя баррикадой из поверженных тел.

— Все кончено! — обреченно воскликнул Константин и сбросил с себя знаки императорской власти. — Империя погибла, и я должен погибнуть вместе с ней! — С этими словами он кинулся

в кучу битвы, увлекая за собой товарищей. Вскоре все они пали, окруженные полчищами турок.

Зеленые турецкие байраки с полумесяцем и звездой развевались уже на многих башнях. Турки, прорвавшиеся внутрь города, тотчас разбежались, с тем чтобы открыть как можно больше ворот для своих.

Греки, сражавшиеся на стенах, были окружены и перебиты. Многие попали в плен, в частности родственник императора Димитрий Кантакузин.

Принц Орхан со своими турками сражался до последнего, зная, что ему не будет пощады.

Когда весть о том, что город взят, достигла турецкого флота, его матросы, боясь, что останутся без добычи, покинули свои корабли и бросились в город через открытые ворота.

Это спасло многих генуэзцев и венецианцев. Они кинулись к своим кораблям в Золотом Роге и подняли паруса. До двух десятков судов, подбирая спасавшихся защитников города, крейсировали в заливе, а затем вышли в открытое море.

А в городе шла жестокая резня. Победители не щадили никого. Потоки крови лились по улицам вниз, окрашивая алым цветом прибрежные воды.

29 мая 1453 года великий город пал. А с ним и Византия.

Глава двадцать восьмая

...ТАКОВ БЫЛ ВЕК СУРОВЫЙ

Все царствование сей Самодержицы означено деяниями, относящимися к ея славолобию. Множество учиненных ею заведений... в самом деле несут, как токмо знаки ея славолобия... Таковое необузданное славолобие также побуждает стремиться к созиданию неисчетного числа и повсюду великих зданий, земледельцы многою работою стали от их земли корыстию отвлекаемы... Разделили Польшу, а тем усилили Австрийский и Бранденбургский дома и потеряли у России сильное действие ея над Польшею... Совесть моя свидетельствует мне, что все коль ни есть черны мои повестии, но они суть непристрастны и единая истина и разврат, в который впали все отечества моего подданные, от коего оно стонет, принудило меня оныя на бумагу положить...

Князь Щербатов

Г о л о с а

Я Вам говорю дерзновенно и как должно обязанному Вам всем, что теперь следует действовать смело в политике, иначе не усядутся враги наши и мы не вылезем из грязи.

Потемкин — Екатерине

За Днестр ли Гассан-паша пойдет, у меня готово, чем его встретить; к вам ли, то, помолясь, извольте бить. О цесарских отзовах немудрено угадать. Они хотят нас затянуть для облегчения своей армии левого фланга. О прочем, до движения войск моих касающемся, вы уже должны быть известны, что генерал-поручик Потемкин (кузен светлейшего) с двумя егерскими корпусами, десятью эскадронами конницы идет к Кишиневу и уже уповаательно на Днестре.

Потемкин — Репнину

Революция во Франции свершилась, и королевская власть уничтожена. Восстание города Парижа... продолжало разрастаться... Это восстание сопровождалось убийствами, вызывающими содрогание... Жестокость и зверство французского народа проявились при всех этих событиях в тех же чертах, как и в Варфоломеевскую ночь, о которой мы еще с ужасом читаем...

Все поражены при виде того, как в течение тридцати шести часов французская монархия была уничтожена...

Посол Симолин — Безбородко

Я утверждаю, что стоит завладеть только двумя или тремя ничтожными крепостями во Франции, и все остальные падут сами собой... Я уверена, как дважды два четыре, что две крепости, взятые открытой силой кем угодно, заставят всех этих баранов прыгать через палку... Двадцати тысяч казаков было бы слишком много, чтобы расчистить дорогу от Страсбурга в Париж...

Екатерина — Гримму

Ее величество (королева Мария-Антуанетта) приняла меня в своей спальне, и после того, как сама заперла наружную дверь на задвижку, она сказала мне, что не в силах выразить те чувства признательности к Вашему Императорскому Величеству, которыми она и король проникнуты за вашу дружбу и благородный и великодушный образ действий... Она почтила меня рассказом о бегстве из Тюильри,— по ее мнению, они (королевская чета) были преданы одной из камеристок... Были моменты во время этого рассказа, когда глаза королевы помимо ее воли наполнялись слезами. После часовой беседы вошел король... он подтвердил все то, что мне ранее сказала королева... Королева сказала в присутствии короля, что Ваше Императорское Величество счастливы во всех своих начинаниях во время своего славного царствования и что она питает в душе уверенность, что Вы будете так же счастливы в великодушной защите дела всех государей. Король одобрил ее слова и дал мне понять, что вся их надежда на Вас...

Симолин — Екатерине

Давно запрещено наших отпускать в землю, толь развращенными началами управляемую, и дано приказание г. Симолину всех оттуда выслать... Идет дело между нами, Венским, Берлинским, Стокгольмским, Туринским, Неапольским и Мадридским двором о принятии мер прекратить зло во Франции и законное правление монарха восстановить... думать не смею, чтобы вы хотя бы малейше заразились духом разврата французского.

Безбородко — племяннику Виктору Кочубею

Постарайся, мой друг, сделать полезный мир с турками... Помоги тебе Господь Бог сам взять Бендеры... Александру Васильевичу Суворову посылаю орден, звезду, эполет и шпагу бриллиантовую, весьма богатую... хотя целая телега с брильянтами уже наложена, однако кавалерии Егорья большого креста посылаю по твоей просьбе...

Екатерина — Потемкину

Наскучили уже турецкие байки. Их министры и нас и своих обманывали. Тянули столько, и вдруг теперь выдумали медиацию

прусскую... Мои инструкции — или мир, или война. Вы им изъясните, что коли мириться, то скорее, иначе буду их бить.

Потемкин — Лашкареву, дипломатическому агенту России

Да, век был суров, если не жесток. Для доброты не находилось места.

Светлейший был туча тучей.

— Накатывает, — с некоторой опаской произнес Попов. — Дай Бог, не затянулось бы.

Накатывало. Наваливалась вечная хандра. То бишь то состояние Потемкина, которое именовалось хандрой. А в существе своем было недовольством. Прежде всего — собою. Об этом никто не ведал, никто: могло ли такое быть?!

Любимец фортуны и, более того, ее императорского величества, не ведавший пределов своей власти и могущества, увенчанный, казалось, всеми земными знаками отличия, предводитель армий, наконец, любимец женщин — чего же еще! И вдруг недовольство?

Немыт, небрит, нечесан возлежал на смятой постели в старом залоснившемся атласном халате и, уставившись в потолок, по обыкновению, грыз ногти.

Думал.

Тяжко было на душе. То ли делал, туда ли шел? Нешто кто понимает, сколь тяжек груз власти? Нестерпимо тяжек!

Все на нем. Все уставились на него. Ждут. Ждут откровений, действий победительных.

Ждут по-тем-кинской победительности! А все не то, не то, не то! Туда ли пошел, туда ли зашел? Того ли добивался?

Ну, возьмет он Бендеры... Будут трубы и лиры, торжества и славословия, курьеры со всех сторон, вы-сочайшее поздравление, еще и еще...

Ну а далее-то что?! Что далее?

Главная цель, всею жизнью завладевшая, — Царьград, — отдалась и продолжает отдаляться. Помимо него. Не причинен в том. Некая сила уводит и уводит его, как бы противясь его воле.

Наваждение? Околдован? Да нет — все сам. В ложной цели, как в тенетах запутан.

Сам, все сам. Военный совет поддакнул: верно-де, мудро-де, ваша светлость...

Но можно ли было оставить в тылу столь сильные турецкие фортеции — Аккерман, Очаков, Хотин, Бендеры да еще Измаил? Эти гнезда вражеские, этот нож в спину? Ежели сложить гарнизоны — сверх ста тысяч войска. Разве в окружении их держать, в блокаде? Так ведь никакой армии не хватит!

Нет, выковырять сии гнезда, выжечь огнем, а уж потом идти на Царьград, ничего не опасаясь. Потом? Достанет ли силы на потом?

Эх, ничего потом не будет! Выдохнемся, иссякнем.

С горечью, с сокрушенным сердцем понял: не создан он для войны! Нету в нем воинского таланта. Всем иным Господь наградил, а этим обидел. Признаться ли в том, сложить ли с себя это бремя?

Было порывался. Государыня урезонила. Выказал слабость и тотчас устыдился. Ему ли, Потемкину, генерал-фельдмаршалу, Военной коллегии президенту, бить отбой?!

Александр Васильевич Суворов — вот истинный военный генерал. Вот кого Господь одарил с неизмеримою щедростью на бранном поприще. По справедливости — ему бы главноначальствовать. Кабы подавить самолюбие... Нет, такое выше его сил.

Разбил великого везира Юсуф-пашу. Разгромил главные силы турок. Под его началом было 28 тысяч — 10 тысяч русских да 18 тысяч австрийцев, а у везира — 100 тысяч. Разбил его Суворов в пух и прах: 20 тысяч убитых, весь лагерь везирский, 80 пушек захватил. Награжден щедро — графское достоинство получил да стал Суворов-Рымникский, а об орденах да брильянтах и говорить нечего.

Вот бы по пятам за обломками главной турецкой армии соединенными силами — да за Балканы. Всею сухопутной силой да флотом под предводительством Федора Федоровича Ушакова напрямиком на Царьград!

Куда там! Увязли мы тут, в Бессарабии. Да и поздно: осень на пятках. Пора о винтер-квартирах позаботиться.

Вот ежели бы с самого начала, с весною открыть кампанию. Да Суворова вперед с Ушаковым... Эх, проклятая самовитость!

Казнился светлейший, грыз ногти, думал горькую думу: «Нету во мне этой воинской победительности, нету. Могу рассудить по справедливости, верно, а того особого дара, сложения натуры, всего естества, как должно полководцу, каким награжден Суворов, — нету.

Как с точностью угадать тот миг, когда надобно двинуть полки для верного разбития врага? Как узреть восходящую зарю виктории?

Распоряжаюсь разумно: «... не всегда сражениями побеждают неприятеля, и часто благоразумные распоряжения более сделают ему вреда, нежели храброе нападение» — таково написал в ордере не без резона. Про себя, себя утвердить. Дескать, благоразумные распоряжения — мой конек.

А кто скажет, что Александр-то Васильевич неблагоприятно распоряжается, когда ведет полки в сражение?! Бог войны Марс истинно нашептывает ему в уши, он с ним с малых лет спознался».

Дверь приоткрылась, осторожно просунулась голова Попова.

— Ну?

— Просятся...

— В задницу! — рывкнул князь.

Дверь мгновенно затворилась.

Горькие мысли продолжали свой бег, свой набег:

«Который год воюю, а главная, а заветная цель отнюдь не придвигается. Более того — отдаляется! Государыня верит, надеется...

Ненавистники неймутся...

Старый хрыч Салтыков двинул своо офицерику. Против мово ферзя. А ферзь-то мой, Сашка Мамонов, доносит Грановский, под ударом, в блядки ударился с девицею Щербатовой, государыня о том известилась. И тут худо дело — скинут с доски Сашку, офицерику этого, Платошку Зубова, в ферзи проведут. Экой переплет! Салтыкова-партия возмечтала мне шах и мат поставить, покамест я тут увяз...— Князь скрипнул зубами.— Нешто сорваться, нагрянуть в Петербург да разметать козни?!»

Живо представил переполох, смятение в противной партии, слезы государыни — сколь много раз доводил ее до слез, мстительно подумал он...

А далее-то что?

Сашка, вестимо, выбыл из игры, надобна ему замена из гвардейских, как прежде подбирал. Нашел бы и сейчас пригожего да смышленного, преданного да послушливого молодца... А Зуб этот выдернул бы с корнем, хоть крепок этот старый Салтыков-корень...

В другое время так бы, не отлагая, наскочил, погромил бы. А ныне никак нельзя. Эвон они, Бендеры. И Россия в его сторону глядит.

Ждет.

Каково себя окажет после Фокшан да Рымника главный пестун войска российского.

Бендеры жирными красками обрисованы. Мощная-де крепость, двадцать тыщ гарнизону, пушек, сказывают, три сотни. Не оплошать бы, как с Очаковым, не досидеть бы до морозов. Там четыре месяца топтался, людей будто жалеючи. Жгло его это воспоминание, хотелось забыть, да не забывалось.

Сильно обнадеживался услугою благоприобретенного от Суворова портаря молдавского Марка Гаюса. Ловок же, бестия: все языки превзошел — турецкий и молдавский, болгарский и греческий, свой человек во вражьем стане. Княжество Молдавское ему дом родной, и, как можно понять, турки его за своего почитают, ибо он по-ихнему как природный турок изъясняется.

Сказал, что воспитывался среди турок с малых ногтей, в духовной школе — медресе, и весь их закон мусульманский превзошел. Экая находка!

Бескровной сдаче Аккермана он таки поспешествовал — уговорил сераскера. Может, и с Бендерами повезет...

Мысль эта согрела князя. Да и ногти были изрядно измусолены. Он тяжело поднялся, запахнул халат и, шаркая пантофлями, пошел к киоту. Торопливо клал поклоны перед образами, губы складывали невнятицу, то была не молитва, а просьба:

— Помогите, Господи, рабу вашему, и ты, Николае Угодниче, и ты, Пречистая Матерь, в замышлениях моих. И да не прольется ноне кровь христолюбивого воинства.

Свет лампад дробился в стеклах. И казалось, святые лики согласно подмигивают ему. Благодетельность мало-помалу входила в душу, горечь воспоминаний и размышлений оседала на дно.

Он позвонил. Попов был тут как тут.

— Кого там давеча нанесло?

— Портарь молдавский желает доложить.

— Вот-вот, в самый раз, — непритворно обрадовался светлейший. — Видение мне было, будто он коменданта крепости уговорить может.

— По моему понятию, он с нехристями на дружеской ноге, — подтвердил Попов.

— Впусти, стало быть.

И к вошедшему:

— Ладно, не кланяйся, ступай ближе. Что это у тебя?

— Прощение, ваша светлость.

— О чем просишь?

— Как чин мой портарский себя изжил в нынешних обстоятельствах и на службе вашей светлости, то прошу его снять и выдать мне по всей форме патент на чин майорский.

— Хорошо, я прикажу, — нетерпеливо махнул рукой князь. — А ты мне лучше вот что скажи: сераскера видел ли?

— Горд он нестерпимо — трехбунчужный ведь. Это по российской мерке полный генерал. Да еще и хаджи.

— Это что за фрукт такой?

— Святой человек. Совершил хадж — паломничество в Мекку, ко гробу пророка Мухаммеда, лобызал священный камень Каабу. Посему весьма почитаем меж единоверцев. Да и имя у него протяженное: Измаил-Кейсерли-Заран-оглу Ахмед-паша трехбунчужный. Столь длинное имя есть свидетельство знатности. Меня не принял. Знакомый турок заверил, что торг с ним бесполезен. Еще, чего доброго, прикажет голову снести. С повеления вашего сочиню ультиматум по-турецки...

— Да, да, непременно. С Поповым вместе. А сколь за стенами народу?

— Шестнадцать тысяч при трехстах пушках гарнизонных да еще тысяч тридцать разного сброду — из Аккермана, Хаджибея, Каушан.

— Худо. А с припасом как, сведал ли?

— Всего запасено в достатке. Осаду выдержат.

— Ах, топи их в нужнике! Ступай-ка сочини ультиматум.

— Сначала по-французски, да вам представить?

— Давай по-французски. Совсем мы все офранцузились, будто у нас и своего языка нету,— сердито буркнул Потемкин.— Черт знает, что такое! И государыня пример подает. Попов пусть зайдет.

Попов не замедлил.

— Кто еще просится? Так и быть — приму.

— Как есть, в халате? — усомнился Попов.

— А что там за вельможа такой, что халат мой ему не по нутру?

— Курьер от государыни, и с ним младший братец нового баловня — Зубов Валериан.

— Хм... Каков он?

— Мальчишечка.

— Все едино — соглядатая прислали,— сердито проговорил князь.— Ужо матушка наша под его дудку заплясала, под Платошкину. Пора бы ей уgomониться: годы не для утех, а для мудрования.

— Душа не приемлет старости.

— Душа, брат, у всех одинакова: молода до последнего вздоха. И у меня вон душа не уминается, а вместе с нею и тело. Господь к грехам снисходит. Государыня наша на десять лет меня старше, шесть десяточков ей даве стукнуло. А все нейметя. Я не в осуждение, нет, сам в свои полсотни многогрешен. Да ведь всему предел должен быть.

— Ах, ваша светлость, до пределу ли такому, как вы, мужу богатырскому, коли сладкая бабеночка поманит!

— Многогрешен еси,— ухмыльнулся Потемкин и погрозил ему пальцем.— Никак не перебешусь. У нашего брата мужика это долго. Ну да ладно: впусти по первости курьера, а за ним — Зубчика.

С курьером — коротко: с поклоном вручил пакет «В собственные руки», взамен получил почти такой же, и тоже «В собственные руки Ее Императорскому Величеству...», и тотчас удалился.

Взошел Валериан Зубов, несколько напыженный, раскрыл было рот для представления, но Потемкин прервал его коротким: «Знаю», сломал печати и вытянул собственноручное послание государыни и письмецо ее нового фаворита. Не глядя на его братца, ткнул пальцем в кресло, буркнув: «Сиди, покуда честь буду». И углубился в бумаги.

Екатерина просила оказать «поболе участия сему славному мальчику», причислив его в адъютанты и снисходя к его возрасту. «Вы тем покажете услугу мне лично», — прибавляла она. Затем шли уверения в неизменном расположении, ожидание побед над врагами рода человеческого. Одна фраза его насторожила: «Господин Платон Зубов весьма успешно помогает мне в государственном правлении, особливо по иностранной части, оказывая при том немалую способность к оному...» Пробежал глазом послание фаворита, содержащее пустопорожние уверения в совершенном почтении.

«Неужто проиграл я партию, — невесело подумал князь, — и этот ничтожный пащенок, кобелек этот со молодыми яйцами, стал в глазах великой старухи государственным мужем?! Совсем потеряла разум матушка-государыня», — стал было ожесточаться он.

Но тотчас охолодил себя: предстоит трудная борьба за нее, за то, чтобы привести ее в чувство. Не должно ей забывать, что она прежде всего царица, императрица, а ноне в последнюю очередь баба. Да и баба ли? Ста-руха, великая старуха.

Поднял голову, вперил зрячий глаз в юного Зубова, просверлив его насквозь. Валерьян вскочил, покрасневшись под этим взглядом, но тотчас постарался придать своему лицу независимое выражение.

— Ну вот, — с напускным добродушием произнес светлейший, — теперича я знаю, зачем ты ко мне приставлен. Всякой приставке надобна оправка. Прикажу зачислить тебя в адъютанты, однако поскобливши прежде, дабы знал свои обязанности и был выучен без баловства придворного. А теперь ступай, Василий Степанович Попов определит тебя к месту и укажет воспитателя.

— Одеваться! — приказал Потемкин заглянувшему на звонок Попову. — Молодца же пусть Бауэр вышколит, да притом безо всякой церемонности. Что там наш портарь? Готов ли ультиматум?

— Старается. Вскорости представит, — отвечал Попов.

— Пусть поторопится: время дорого. Уходит время. Благо еще, Господь погодою не обидел.

Октябрь миновал, хоть и дни сильно укоротились. Под лучами нежаркого солнца плавали, то серебрясь, то золотясь, легкие паутинки — предвестницы бабьего лета.

«Вот и у государыни нашей тож бабье лето, — думал князь, облачаясь в мундир. — Однако запомнила она о мимолетности сей поры. А ведь за нею — хлад, дожди, слякоть, хляби».

Он почувствовал прилив энергии. Письмо Екатерины, явление юного Зубова прищипорили князя. Опасность утери значения и влияния, а с тем и явления дурости в политике обрисовывалась

с неумолимой ясностью. Платон входил в силу, и сила эта становилась государственной слабостью.

Пока что он не мог ничего противопоставить. Лишь взятие Бендер, а затем Измаила могло увенчать кампанию с достоинством. А уж после этого, и только после этого, он сможет наконец отправляться в Петербург и открыть там придворную баталию, дабы с уверенностью выиграть ее и выдернуть наконец ненавидимый саднящий зуб. Зуб, который неминуемо погубит великую государыню и пошатнет империю.

— Где портарь? — нетерпеливо потребовал у Попова. — Подавайте ультиматум — сколь могу ждать!

— Вот я, ваша светлость, — вынырнул из-за двери Марк, держа в руках бумажный лист. — Извольте утвердить.

— Много слов, короче надо, церемонии тут ни к чему — война. Дай-ка перо — лишнее похерю. — С этими словами князь размахнулся и перечеркнул едва ли не половину текста. — Вот теперь ладно, по-военному, по-нашему. Перекладывай на басурманский и без промедления пошлем парламентаря. Выбери которого-нибудь из перебежчиков, понадежней.

Ультиматум стал короток, каким, собственно, и полагалось быть ультиматуму. В нем говорилось о желании фельдмаршала и светлейшего князя, предводителя российского войска, избежать напрасного кровопролития и предполагался свободный выход всем без изъятия с тремя главными штандартами, но без оружия.

Вскоре парламентар в сопровождении двух ассистентов, размахивавших белыми флагами, выступил к главным крепостным воротам. Они подвигались боязливymi неспешными мелкими шажками. И Потемкин, приставивший к глазу черную зрительную трубку, сердито буркнул:

— Ползут словно раки!

Неожиданно над серыми зубцами крепостной стены вспыхнули и тотчас погасли тусклые огоньки, застланные клубами белого дыма, и все три фигурки, словно игрушечные солдатики, попадали на землю.

— Ах, проклятые! — выдохнул князь, выронив трубу. — Разнести к чертовой матери! Никакой пощады!

Он долго и неистово ругался — был ругатель и матерщинник весьма изобретательный. Наконец, излившись, приказал:

— Подобрать и похоронить как должно, хоть они и не нашего закону. Завтра начнем бомбардирование.

Гудович открыл капониры на левом берегу, прямо против крепостного фаса. Сорок пушек ощерили свои жерла, готовые извергать ядра и каркасы. На правом же берегу перед крепостным укреплением на три фаса с десятью бастионами, перед грозной

цитаделью, перед форштатом, обнесенными земляным валом, дугою расположились русские войска.

Кольцо осады протянулось на десять с лишком верст, замкнув крепость. Восемьдесят два полевых и шесть осадных орудий были нацелены на нее. Генералы Самойлов, Долгоруков, принц Ангальт и их подначальные заняли свои места.

— Как думаешь, Маркуша, дошли до паши наши требования?

— Несомненно дошли, ваша светлость. Хоть до самого паши меня не допустили, но я все его каймакаму — заместителю — весьма доходчиво изложил. И что крепость обложена со всех сторон и выхода нет и не будет, и что сила превосходящая...

— Эх, майор, не сдействовала на сей раз твоя дипломатия. Знать, разумные речи до здешнего паши не доходят. Заговорим на понятном ему языке — языке пушек. Авось уши-то ему прочистят.

Заутра, второго ноября восемьдесят девятого года, пушки заговорили все разом. Каркасы с устрашающим воем обрушивались за крепостные стены, за земляные валы. Вскоре над левым форштатом поднялись клубы черного дыма, языки пламени лизали участки стены.

— Ага, теперь должны восчувствовать, — злорадно бормотал князь, не отрывая от глаза зрительной трубки. — Приползут непременно пардону просить.

Канонада продолжалась с неослабевающей силой. Вот уже от удара массивного ядра участок стены обрушился, вздымая облако пыли вперемешку с осколками. Вот запылал и правый форштат...

Неожиданно створки боковых ворот разошлись, и в них показался янычар, отчаянно размахивающий белой тряпицей.

Потемкин злорадно вскричал:

— Вошли-таки в разум! Скачите к Гудовичу, пусть помолчит несколько времени, пока не визнаем, чего хотят. А Кутузов пускай отрядит полковника Скаржинского, он по-турецки понимает, и ведет сюда этого переговорщика.

Скоро орта-баши — начальник орты, то есть роты, — предстал перед Потемкиным.

— Спроси-ка его, с чем пришел, — обратился князь к Марку. — Пусть отвечает коротко: сдают крепость? Да или нет?

Турок, то и дело кланяясь, забормотал долгую речь. Марк терпеливо переводил:

— Он просит двенадцать дней для совета с духовными. Коран-де запрещает...

Потемкин взорвался:

— Двенадцать каленых шомполов ему и сераскери ихнему в задницу! Скажи ему: тут не базар, чтоб торговаться. Ежели не хотят сдать тотчас же, разнесем по камешку.

— Он говорит, что доложит паше. Пока же пусть большой русский начальник прикажет не открывать огня.

— Черта с два! — рыкнул князь. — Отведите-ка его назад. И как только закроют ворота, прикажу открыть огонь.

Снова загрохотали пушки, раздалбывая стену с неослабным упорством. Бреша в стене становилась все шире, а в одном месте образовался провал.

Вскоре ворота опять приоткрылись и показался новый парламентар. То был янычарский начальник. Он кланялся как заведенный и перемежал свою речь похвалами Потемкину. Они-де знают, сколь великодушен великий русский везир, ибо в крепости есть люди, вышедшие из Очакова, Аккермана и Хаджибея, паша и муллы надеются на его милость. Они просили двенадцать дней на размышление, а теперь готовы ограничиться шестью днями.

— Надоели мне их турецкие байки! — непреклонно произнес князь. — Знаю, зачем нужна оттяжка: надеются на поход везирской армии. Так вот, скажи им, что их армию наголову разбил Суворов, они его Топал-пашою окрестили, а везир Юсуф-паша бежал и от стыда и огорчения помер.

Когда Марк Гаюс перевел это известие, янычарский ага вначале оторопел, потом всплеснул руками и забормотал часто-часто. Его смуглое лицо стало каким-то серым.

— Он говорит, что такого не может быть, что армия Пророка велика и неодолима. Что им, в крепости, нужно получить подтверждение, что это на самом деле так.

— Подтверждение? — ехидно переспросил Потемкин. — Что ж, у бугцев, сказывают, есть пленные, бежавшие аж из-под Рымника. Отдать их всех паше и муллам, пусть послушают.

Узнав, что русские готовы выдать им свидетелей разгрома везирской армии, турок и вовсе сник.

— Попридержите его, да пусть тотчас же приведут пленных, дабы шли в обнимку к паше.

Спустя час с небольшим, испуганно вращая глазами, перед князем предстали трое турок. Казаки, пригнавшие их, держали пленников под прицелом, и те, видимо, решили, что им пришел конец.

— Вот они все в доподлинности паше и доложат. Запустите их в крепость.

Остаток дня и следующий день прошли в напряженном ожидании. Крепость словно вымерла. Лишь на стенах обнаруживалось некое шевеление, впрочем осторожное. Время от времени байрактары в сопровождении почетной стражи проносили священный зеленый санджак: полотнище мело серую стену, порою ветер игриво навивал его на копья сейменов.

— Ободряют воинство свое, — усмехнулся Потемкин. — Обнесут-де округ и оградят сим способом твердыню Пророка от неверных. Да черта с два!

Кликнул Попова:

— Василь, воротился ли наш Еруслан Лазаревич из столицы?

— Ждем, — односложно отвечал Попов.

Ерусланом Лазаревичем в ставке светлейшего кликали Сергея Лазаревича Лашкарева, статского советника, ловкого дипломата, владевшего свободно турецким, персидским, татарским, арабским, грузинским (родным), армянским, греческим, французским, итальянским, латынью. Он был при Потемкине в дни штурма Очакова, и светлейший поручил ему препроводить пленного очаковского пашу в Петербург, как некий живой почетный трофей.

Лашкарев был персоной незаурядной. И Потемкин, ценивший и привечавший такого рода людей, прилепил его к себе, время от времени давая ему поручения деликатнейшего свойства.

Впрочем, эти качества Сергея Лазаревича углядел еще князь Репнин, будучи в ранге чрезвычайного и полномочного министра при Порте Оттоманской. Князь покровительствовал своему даровитому молодому сотруднику. И более того, стал посаженным отцом на его свадьбе. А церемония эта была столь пышной и занимательной, что сам султан Абдул-Хамид со свитою выехал на нее поглядеть.

Но то — дела минувших дней. Ныне Лашкарев был окунут в самую гущу войны и ее политики. Последнее извещение о нем прислал управляющий имениями светлейшего в Петербурге полковник Гарновский: «Паша Очаковский отправился уже со своею свитою через Москву в Харьков, а вслед за ним и г. Лашкарев... Прочие турки посланы в Новгородскую губернию».

Стало быть, вот-вот явится. Ежели, упаси Господь, придется брать штурмом Бендерскую крепость, то Еруслану Лазаревичу, более никому, выпадет на долю сопровождать еще одного трехбунчужного пашу в Петербург аки трофей. Для паши он станет усладительным и утешительным собеседником — лучше не придумать.

Ерусланом прозвали его словно бы в насмешку, из-за отчества только. Ибо сам он был росточка малого, сухопар и с виду немощен. Выдавался разве нос да острые, огнем горящие черные глаза, которые, впрочем, умели притаиваться и гасить свой блеск.

Сейчас Лашкарев был нужен Потемкину для деликатнейшей миссии — переговоров с новым везиром. В турецком лагере у него было немало знакомцев еще со времени царьградского сидения. Он возрос, и они тоже стали важными везирскими начальниками. Лашкарев мог поговорить с ними по-свойски: на-

добно-де закругляться. Слышно, и самому везиру не вмоготу, боится голову потерять. Хоть султан Селим и молод и только что воссел на престол, но и он не поступится обычаем: потерпевшему поражение — голову с плеч.

Пока же надо не помедлить с Бендерами — они козырный туз в войне. И светлейший приказал наутро устроить громоносную оперу силами егерского корпуса генерала Голенищева-Кутузова, конной бригады принца Вюртембергского и легких войск.

— Дабы натурально устрашились упрямые нехристи, — добавил он. — А ежели и тогда не подадут движений на сдачу, то уж придется штурмовать взаправду. Пушу вслед всю массу войска.

Поутру туман одел серой пеленою стены и башни. Ждали, когда ветер и солнце совлекут его. Когда серая громада открылась наконец словно бы огромный лежащий зверь, то ли задремавший, то ли изготовавшийся к прыжку, она оставалась угрюмо молчаливой и не подавала никаких знаков.

— Бог им судья, — бормотнул князь и махнул платком.

Тотчас загрохотали пушки, завывали каркасы, снова производя огневые опустошения внутри крепости. Поле на всем пространстве перед крепостью вздыбилось. Позади огневой завесы бежали егеря, катя перед собой осадные туры...

В крепости дрогнули. Атака произвела впечатление. Главные ворота растворились, и оттуда в диковинном танце высыпали корчащиеся фигурки с белыми тряпицами на пиках. Приплясывая, они размахивали ими с отчаянностью обреченных.

— Как караси на сковородке, — резюмировал Потемкин, приставя к глазу зрительную трубу. — Довольно с них, пушай трубят отбой.

— Портарь, ступай к ним с приличною свитой да переговори условия сдачи. Ежели опять захотят протянуть, разнесем по камешку, напомни паше.

Вскоре дежурный генерал Энгельгардт, племянник светлейшего, вступил в крепость во главе Екатеринбургского гренадерского полка. Крепостные ворота оставались отперты, мосты опущены, возле них поставлен гренадерский караул.

Сдача совершалась в поспешности. Оружие складывалось в кучи на главной площади. Кучи росли вместе с разным припасом. Одновременно шел великий исход турок. Почти сорок тысяч военного и гражданского народа, таща свой нехитрый скарб, кто пешком, кто верхом, кто в каруце, истекали из всех ворот в угрюмом молчании. Им никто не препятствовал. Гренадеры и егеря зоркими глазами оглядывали каждого, иной же раз приходилось ощупывать.

Гордый сераскер хаджи Измаил-Кейсерли Заран-оглу трехбунчужный Ахмед-паша предстал перед Потемкиным. Светлейший глядел на него с усмешкой.

— Спроси-ка у него: могу ль чем-нибудь услужить?

Сераскер, не подымая головы, забормотал просительно.

— Просит у вашей светлости несколько повозок для обозу. Добро вывезти.

Морщины на лбу у светлейшего сошлись.

— Скажи ему: я покамест не решил, отпущу ль его с муллами с миром. Тянули они из нас жилы, сего так просто, без наказания, оставить нельзя. Пусть несколько посидит на сундуках своих, место для сидения мы отведем. Да подумает над собою. Торопиться ему некуда, разве что в ихний рай. Своей голову отрубят либо на кол посадят за то, что крепость сдал.

Марк перевел с некоторым злорадством. Паша неожиданно взъерепенился:

— Он говорит, что защищал крепость сколько мог, Аллах свидетель.

— Ха-ха-ха! — развеселился князь. — Языком разве защищал. Таковой защиты Аллах ему не простит, а султан и подавно. Говнюк он — переведи в точности. Черт с ним — дам ему телег. Но пусть ответит по чести, куда путь держать станет.

— Нет надежней пристанища, чем Измаил, — обрадованно отвечал паша.

— Вот-вот, — отчего-то развеселился Потемкин, — это и мне с руки. Скажи ему: теперь пришел черед Измаила. Пусть тамошнему паше передаст мое почтение и пожелание, дабы готовил крепость к сдаче. Подобру-поздорову. Ты ему на бумаге напиши.

Паша вдруг набылчился и стал бормотать. Лицо его покоричневело.

— Он говорит, что Измаил — твердыня Пророка, и скорей небо упадет на землю, чем Измаил перейдет в руки неверных.

— Ишь как вскинулся, — сердито молвил князь. — Все едино будет по-моему, по-нашему, по-русски.

Стоило выкатиться из Бендер обезоруженному турецкому войнству, как осень, словно спохватившись, заволокла небо густыми, жавшимися к земле тучами, а листва как-то сразу пожелтела и стала облетать под упругими струями дождя.

Премьер-майор Марк Гаюс, он же портарь молдавский, занялся вторым своим главным делом: устройством винтер-квартир в самой крепости, строительством землянок, кладкой печей, переоборудованием обывательских домов под солдатское жилье. Интенданты сочли трофейные богатства. Оказалось среди них 22 тысячи пудов сухарей и 24 тысячи четвертей хлеба. Слава Аллаху, можно было перезимовать, пока сплавят по Днестру добавочный припас и провиант.

Мечеть была упразднена, и в ней устроена церковь.

— Богу — Богово, — хмыкнул Потемкин. — Посвятим сей храм Георгию Победоносцу, покровителю христолюбивого воинства.

Он нам Бендеры до морозов отдал. Войну беспрерывно поскорей окончить надобно — израсходовались мы. Царьград от нас не уйдет, все едино будет наш,— убежденно закончил он.

Курьеры скакали в столицу с победными реляциями. Оттуда шли высочайшие поздравления. «Вы очаровательны,— писала Екатерина князю,— за то, что взяли Бендеры без потери одного человека». И вслед за этим: «Друг мой сердечный, князь Григорий Александрович, Попов приехал с Бендерскими ключами... От всего сердца теперь желаю, чтоб Христос помог тебе заключить честный и полезный мир, сей нам нужнее всего, к чему, кажется, теперь и есть надежда».

Полковник Гарновский доносил князю: «Подношу при сем сочиненные в Англии квартеты в честь победителя Бендер и Очакова....Имя Вашей светлости прославляется повсеместно и от Вас всего ожидают...» И деловито прибавлял: «Лент Андреевских нет и пол-аршина...»

К вящему удовлетворению князя, явился наконец и незаменимый Лашкарев.

— Долгонько же ты пропадал, Сергей Лазарич, я уж тут было собрался доверить тебе еще одного пашу — Бендерского, дабы ты представил его государыне. Да есть для тебя дела поважней. Эвон ее величество пишет мне: «...честный и полезный мир, сей нам нужнее всего...» На нас с тобою уповает в мирной неготиции.

— Я готов, ваша светлость, послужить со всем тщанием сему благородному делу.— Лашкарев наклонил голову.— Притом некоторые обстоятельства благоприятствуют.

— Какие же? — вскинулся князь.

— А вот какие. В Петербурге, сказывают, по вашему повелению отпечатан Коран. Это весьма кстати. Прикажете срочно доставить сюда некоторое количество сих священных книг, дабы я смог бы захватить их с собою в ставку великого везира. Это, знаете ли, важный козырь в нашей игре.

— Не помедлю. Вот при тебе и прикажу послать людей с курьерской скоростью за Кораном. И, не отлагая, письмо собственноручно государыне на сей счет пишу:

«Всеподданнейше прошу Ваше Императорское Величество повелеть прислать ко мне несколько экземпляров печатанного у нас Алкорана. При сношении ныне с турками может он с пользою быть употреблен».

— Понял: всеподданнейше прошу? Замедления, стало быть, не будет. Как только получим, отъедешь к везиру. Он ныне где обретается?

— Сколь мне известно — в Шумле.

— Ну вот. Ныне время весьма подходящее для дипломатии.

Коран был прислан с истинно курьерской скоростью, и Лашкарев тотчас отправился в Шумлу в составе небольшого посольства, где был и Марк Гаюс, бывший портарь молдавский.

Великий везир и его советники поддавались туго. Они все еще уповали на своих союзников: Пруссию, Англию, Голландию, в меньшей степени на Францию, которую, похоже, бунтовщики-якобинцы вывели из игры. Была надежда и на Швецию, на скакивавшую на Россию с севера и уже грозившую Петербургу.

«Ехать вам с поспешностью к везиру, отдать мое письмо, — напутствовал светлейший Лашкарева. — Ежели станут торговаться, то наотрез сказать, что подтверждение старых трактатов... последняя черта моих требований...»

«Стоят на своем, — отписывал князю Сергей Лазаревич, — как деревянные чурки. Норовлю мелкими шажками продвигаться вперед».

Шажки были и в самом деле мелки, и он тратил все свое красноречие, дабы они становились чуть шире.

Но вот от Потемкина пришла ударная депеша, которая тотчас сдвинула дело:

«Во-первых, даю вам знать, — писал князь, — что со Швецией подписан вечный мир... с нашей стороны через генерал-поручика и кавалера Игельстрома, а от шведской стороны через первого обер-камер-юнкера барона Армфелта, безо всякого примешивания Порты. Везир говорил вам о перемирии. На что оно, когда мы мир сделать готовы? Кондиции, которые я предложил, суть крайние и маловажные: ежели ответ замешкается, то долго не ожидайте, ибо я терпеть не буду!»

Екатерина написала Потемкину: «Велел Бог одну лапу вывободить из вязкого места».

Дело оставалось за другой лапой. Но тут князь был настроен решительно и уступать туркам не собирался.

«Мое дело — мир или война, — писал он Лашкареву. — Скажите им с твердым уверением, что всяк их хитрости со мною бесполезны. Я сие вам повеление нарочно приказал написать по-турецки, чтоб вы им могли показать».

Хитрости, однако, продолжались. До той самой поры, пока под ударом Суворова не пал Измаил — твердыня Пророка. Хватка везира тотчас ослабла. Он стал задумываться. И молодой султан стал задумываться.

Чутье Потемкина не подвело. Он понял, что надобно оставить на время турецкую головку в оной задумчивости. Дозреют сами по себе.

Чутье подсказывало ему и другое: ему надо быть в Петербурге. Там из-под его ног уходила почва. Там входил в силу Зубов. Его следовало выдрать. Во многих смыслах этого слова. Сопляк, пар-

шивец, ничтожество, шаркун паркетный, он взял верх над старухой.

Князь написал Екатерине: «Еду».

В ответ получил утвердительное письмо:

«Касательно до твоего приезда сюда, я тебе скажу, что лично я всегда рада тебя видеть, как сам довольно ведаешь... Но дело иначе, в том, в сих смутных обстоятельствах, чтоб не проронить важные минуты, которыми воспользоваться ты можешь, быв там, скорее, нежели здесь, для восстановления мира с турками по нашему желанию, итак, почитаю за необходимо нужное, чтобы тамо ожидал вестей о импрессии, кою сделает в Цареграде взятие Измаила; ежели они таковы, и сам усмотришь, что твой приезд сюда дела не испортит, мирные договоры не отдалит, либо раннее открытие кампании тем не остановится, тогда дозволяю тебе приехать с нами беседовать; но буде турки окажутся тебе к миру склонны, как легко быть может, паче же когда увидят, что, стараясь всячески набрать ныне войска, оные никак не идут и идти не хотят, либо раннее открытие кампании приездом сюда остановишь, тогда нахожусь в необходимости усердно тебя просить предпочитать пользу дел и не отлучаться».

Сомнений более не оставалось: он в проигрыше. Писано под диктовку Зубова, яко опальному слуге, худо смыслящему в обстоятельствах и могущему впасть в ошибку.

Смириться? Стерпеть? Махнуть рукой? Но это значило бы бросить кормило государственного корабля на паркетного шаркуна, у коего нету за душой ничего, кроме молодости и смазливости, на пустопорожного кобелька и в такую пору, когда буря рвет снасти, когда надобна твердая, уверенная рука опытного кормчего. Что еще натворит потерявшая голову старуха в любовном чаду?

Метался, не находя себе места. Готов был разметать господарские апартаменты в Яссах, где обосновался после Бендер. Тесно ему было — тесно в стенах, тесно в душе. Казалось, рушится все, что напряжением воли, ума, чувств созидал годы и десятилетия.

Старуха?! Эта мысль пронзила его тысячью игл. Она была внезапной, как обвал. Старуха, жертвующая своим достоинством, своею высотой ради суетной надежды омолодить одряхлевшее тело, свои увядшие прелести.

Прежде, еще совсем недавно, он не мог, не осмеливался и помыслить о владычице своего сердца как о старухе — она оставалась в нем юной царицей тех давних лет; не женщиной, но ц а р и ц е й, Божией милостью владычицей, поднятой над всеми, Семирамидой, Минервой, самой Венус.

И вот — старуха! Все в нем закаменело от этой страшной мысли, прошедшей через все естество, пронизавшей не только

плоть, но и душу. И осталось неутихающей болью. Отныне и, казалось, навсегда, навсегда...

Однако надобно ехать. Воззвать к благоразумию, вяло подумал он. Дело ведь идет о благе империи, России. Через такое нельзя перешагнуть...

Он стал собираться. Оставил напутствие князю Репнину:

«Отъезжая на кратчайшее время в Санкт-Петербург, препоручаю здесь командование всех войск Вашему Сиятельству, а потому и предписываю, сколь возможно, остаться до времени без движений, ради упокоения войска, разве бы нужно было подкреплять которые части. Флот гребной исправить вскорости. Как крепости Измаил, Килия и Аккерман должны быть уничтожены, то взять на то меры, употребляя жителей оных на помянутую работу. Против неприятеля иметь всю должную предосторожность... Ежели бы турки вызвались на переговоры, предложили бы перемирие, не принимать иначе как разве утвердят прелиминарно объявленный от меня им ультимат, состоящий в том, чтобы утверждено было все постановленное в кайнарджинском трактате и потом бывшие постановления: границу новую на Днестр и возвращение Молдавии и Валахии на кондициях, выгодных для помянутых княжеств... Работами судов на Пруте и Днестре поспешить прикажите и почаству наблюдать. Я в полной надежде, что Ваше Сиятельство все устроите к лучшему. Меня же уведомляйте через курьеров каждую неделю».

Кортеж светлейшего неся со всею мыслимою скоростью. Князь был мрачен. Одна мысль билась неотвязно: старуха, старуха. Это было сродни болезни, душевной, но и телесной. Ибо с некоторых пор князь чувствовал внутри некую тягость, угнездившуюся в пояснице и уже не отпускавшую. Медикусов он не любил, в их зелья не верил, а потому перемогался молча, полагая, что могучая природа все превозможет.

И было все, как предвидел: трубы и литавры, огненные потехи и драгоценный венок, осыпанный брильянтами, золотые медали с изображением Крыма, Очакова и Бендер и профилем светлейшего и сто тысяч серебром, балы в Таврическом и Зимнем...

Суета сует и всяческая суета, поминал он из Екклезиаста, и томление духа. В сердце государыни был Зубов. Он решительно перевесил. Прошлое ушло, оно было невозвратимо. Старуха, старуха... тщила из последних сил вернуть молодость.

Пустое!

Петербург ему опостылел. С той же яростью он гнал свой поезд назад, в Яссы. Репнин тем временем преуспел: с тридцатью тысячами разбил 80-тысячную турецкую армию при Мачине, а Ушаков разгромил турецкий флот при Калиакрии, о победах рапортовали Кутузов и Гудович.

Война подвигалась к концу. Князь Николай Васильевич Репнин взял на себя смелость, не уведомив о том светлейшего, подписать в Галаце перемирие. Весть о нем застигла светлейшего еще в Петербурге. Он взбеленился: это было дерзкое самовольство.

Он успел излить свой гнев перед государыней. Но она одобрила Репнина, объявив ему свое монаршее благоволение.

То была последняя капля. В Галаце ему доставили послание великого везира. В нем он как бы извинялся: перемирие-де — акт временный, дабы избежать напрасного кровопролития, надобно совместно стараться о мире.

Лашкарев докладывал из везирской ставки: «Сего утра я был у везира и у кегай-бея, говоря долгое время. Я теперь их нашел весьма умильными... Везир мне сказал, что он вашею дружбою и чистосердечием весьма доволен и сего дня назначит полномочных, и так сей час и назначил... пополудни в 4 часа на Гаки-эфенди и Ибрагим Исмета везир надел собольи шубы и поздравлены полномочными, кои в шубах мимоходом зашли и ко мне... Как скоро на полномочных одели шубы, то весь лагерь был в великой радости, а моим червонным беда: хотя я и был при церемонии, но со всем тем приходили меня навестить...»

Покатился! Мир покатился. Не там и не тогда, как мечталось, как виделось с высоты своей мысли, воспарившей прежде сроков. Но с его одобрения, его людьми. И в угоду ей — старухе.

Меньше всего, впрочем, князь думал об угождении ей. Великая немочь сковала его могучее тело. Он пытался всяко отогнать ее, сбросить эту непривычную тягость. Был призван Сартти со всею своею музыкой — почти четыре сотни певцов и оркестрантов.

Над узкими улочками Ясс, над позеленелыми черепичными крышами, над строем куполов и колоколен летели, достигая небесных сфер, мощные звуки оратории «Тебе Бога славим», сочиненной в ознаменование взятия Бендер и Килии. Вперемежку с гимном святого Амвросия звучали положенные на музыку громокипящие державинские строки:

Мужайся, твердый росс и верный,
Еще победой возблистать!
Ты не наемник,— сын усердный;
Твоя Екатерина мать,
Потемкин вождь, Бог — покровитель;
Твоя геройска грудь твой щит,
Честь мзда твоя, Вселенна — зритель,
Потомство плесками гремит.

Слабая беспомощная улыбка тронула губы светлейшего. Потомство? Оно надругается над его могилой. Имя его изгладится из памяти, как только Господь приберет его к себе. Так пусть

же хоть сейчас оно гремит и славится в устах певцов, в трезвоне яских колоколен и пушечной пальбе, аккомпанирующей музыке.

Он сделал все, что было в силах человеческих. Нет, не успел... Теперь уж видно — не успел. И не успеет. Главное — там, впереди, недостижимое... За морем, за океаном...

Слабость, непривычная, незнаемая, не отпускала. Музыка словно бы отпугивала ее, душа облегчалась, тревожные мысли уходили. Но потом все возвращалось. Все!

«Нет более сил. Никто не способен воротить их. Пресвятой Николай, Чудотворец еси, облегчи мои страдания!.. Нет, видно, не достигли мои мольбы,— скорбно думал князь.— Кому повем печаль мою?»

Приподнялся в кресле, позвякал в колоколец.

— Я, ваша светлость,— не помедлил Попов.

— Садись-ка, пиши государыне, ее императорскому величеству. Пальцы перо не держат, должен был бы сам сие известить. Пиши: «Нет сил более переносить мои мучения: одно спасение остается — оставить сей город, и я велел везти себя к Николаеву...» Дай подпишу.

И вывел неверною рукой: «Григорий Потемкин». А рядом поставил дату: «4 октября 1791 года».

— Все!

Голоса судьбы СКВОЗЬ МАГИЧЕСКИЙ КРИСТАЛЛ...

Георгий Франдзис, из «Большой хроники»:

И тех, кто умолял о пощаде, турки подвергали ограблению и брали в плен, а тех, кто сопротивлялся и противостоял им, убивали; в некоторых местах вследствие множества трупов вовсе не было видно земли. И можно было видеть необыкновенное зрелище: стенание и плач, и обращение в рабство бесчисленных благородных и знатных женщин, девушек и посвященных Богу монахинь, несмотря на их вопли, влекомых турками из церквей за косы и кудри, крик и плач детей и ограбленные священные и свыше хранимые храмы... В жилищах плач и сетования, на перекрестках вопли, в храмах слезы, везде стоны мужчин и рыдания женщин: турки хватают и тащат в рабство, разлучают и насильничают... Ни одно место не осталось не обысканным и не ограбленным...

Дука, из «Византийской истории»:

Турки, разбегаясь во все стороны, убивая и беря в плен, пришли наконец к храму Святой Софии... и, увидя, что ворота заперты, разломали их топорами не мешкая. Когда же они, вооруженные мечами, ворвались внутрь и увидели бесчисленную толпу, каждый стал вязать своего невольника... Кто расскажет о плаче и крике детей, о вопле и слезах матерей, о рыданиях отцов — кто расскажет?... Тогда рабыню вязали с госпожой, господина с невольником, архимандрита с привратником, нежных юношей с девами... Насильничали грабители, эти изверги дьяволов, и всех можно было видеть в один час связанными: мужчин веревками, а женщин — их платками... В одну минуту порубили святые иконы, похитив с них украшения, ожерелья, жемчуга, а также одежды святой трапезы... Драгоценные и священные сосуды... золотые и серебряные и из другого ценного вещества приготовленные, в один момент все унесли, покинув храм пустынным и ограбленным и ничего не оставив.

А по улицам лились реки христианской крови...

Безбородко — графу Завадовскому:

...По обычаю своему растворяя ночью окна, не воздерживался в пище и не принимал лекарства. Еще в Гуши (Хуше) дошел было он до крайности, исповедывался и причащался. Натура преодолела болезнь; но, приехав в Чердак близ Ясс, съел он целого гуся и впал в рецидиву... Тут еще более отрекся он от лекарств, и когда одолевал его внутренний жар, то не только питьем холодного, но, растворяя окна по ночам и имея при себе готовых людей, велел лить себе одеколон на голову, опрыскивал себя

кропил с холодною водою и тем, мешая всякой транспирации, концентрировал весь жар во внутренности своей. Находили на него минуты, когда он серьезно предвидел смерть... Маллет, один из докторов его, решительно сказал, что надобно быть чуду, когда он выздоровеет; что поездка ускорит его смерть, которая, однако, уже неизбежна. В таком состоянии... при сильном обмороке, где он был бездыханен и без пульса несколько часов, решился он ехать. Сам столько имел еще крепости, что, доехав до ст. Резина, с помощью одного корнета вышел из кареты, вошел в дом, сидел и лежал спокойно, но ночью почувствовал жар и тоску. Медики, пришед, увидели большие признаки конвульсий. Имея ж, однако, поминутно облегчение, пожелал на рассвете ехать и, лишь версты две отдалился, велел перенести себя в большую постельную коляску. Верст пять проехав при конвульсиях уже, остановил всех и требовал, чтобы вынули его из коляски и положили на землю, говоря, что он умирает и чтоб ему не дали в коляске жизнь кончить. На увещание, чтоб был спокоен, отвечал, что уже померк в его глазах свет, он никого не видит, а разбирает только голоса, и весь сей разговор сопровождается стоном. Примолвил, когда его положили на тюфяк в поле, не доезжая лесов больших с версту: теперь чем его лечить станут? Доктор Санковский отвечал ему, чтоб он, кроме Бога, ни на кого не надеялся, и подал ему образ, с которым он всегда ездил. Имел он еще столько крепости, что поцеловал сам образ и, вынув потом руку, которую племянница его держала, мгновенно испустил дух.

По вскрытии тела его найдено было необычайное разлитие желчи, даже, что части ее, прильнув к неким внутренностям, затвердели...

Наследники его будут много хлопотать, они уже изрядный опыт сребролюбия своего доказали, когда при приготовлениях к погребению жаловались Браницкая и Эндельгардт, что много издержано понапрасну... Сегодня распечатывают пожитки и станут делать опись.

Из о п и с и наследства Потемкина:

Имущества по смерти оставил движимого и недвижимого в Великороссии — на 3 453 434 руб., в Белоруссии и Новороссии — на 3 236 393, драгоценных камней и вещей на 1 174 817 руб. Да 311 картин. Долгов по нем оказалось на 2 125 405 руб., которые на основании законов простирались на все имение... По уплате долгов наследникам осталось 1 210 029 руб., кроме бриллиантов да дорогих вещей, да особо племянницам недвижимое имение в 10 тыс. душ.

По прошению наследников приняты в казну: 1) Дом, именуемый конногвардейский — Таврический дворец со всем, что в нем находилось, за 935 288 руб. 26 1/2 коп. 2) Дом каменный на Выборгской стороне, что противу конногвардейского, за

21 117 руб. 60 коп. 3) Картины и разные вещи, принадлежавшие Потемкину и находившиеся в Зимнем дворце, за 169 211 руб. 15 коп. 4) Стекланный завод с людьми, инструментами и стеклами за 250 000 руб. 5) Алмазы и другие драгоценные вещи за 1 174 817 руб. 6) Крестьян мужеска — 709, женска пола — 60 душ за 60 710 руб., а всего за 2 611 144 руб. и полторы копейки.

Ф. Ростопчин — С. Воронцову:

Грядущие поколения не благословят его память. Он в высшей степени обладал искусством из добра делать зло и внушать к себе ненависть.

Екатерина — Нассау-Зигену:

Он делал добро своим недоброжелателям и этим их обезоруживал.

Принц де Линь — из воспоминаний:

Гений Потемкина парил над всеми частями русской политики.

Из мирного договора, подписанного 29 декабря 1791 года в Яссах:

Во имя Господа Всемогущего Ея Императорское Величество Всепресветлейшая и Державнейшая Великая Государыня и самодержица Всероссийская и Его Величество Всепресветлейший и Державнейший Великий Государь Император Оттоманский, имея искреннее взаимное намерение, дабы продолжающаяся настоящая меж обоюдными государствами война прекращена была, рассудили за благо сие доброе и спасительное дело препоручить старанию и руководству уполномоченных к тому, и именно... сиятельнейшего графа Александра Андреевича Безбородко... и высокопревосходительного господина великого везира Блистательной Порты Оттоманской Юсуф-пашу... которые, собравшись в городе Яссах, постановили и заключили для вечного мира между обеими империями нижеследующие статьи:

Ст. I... Отныне и навсегда да пресекутся и уничтожатся всякие неприязненные действия и вражда, и да предадутся оные вечному забвению...

Ст. III... Между империей Всероссийской и Портой Оттоманской пребудет границею река Днестр...

Иван Симолин, посол в Париже, — Екатерине:

Только Провидение может предугадать, когда Франция сможет снова занять свое место среди держав Европы. Если судить по сложившейся обстановке, то, конечно, это не произойдет в настоящем столетии, если бы даже контрреволюция, кажущаяся невозможной при существующем положении дел, перевернула все, что совершено за это время. Все в этом королевстве дезор-

ганизовано, извращено, и расстройство финансов сулит банкротство фактическое, если даже о нем не будет объявлено.

Обер-шталмейстер С. И. Муханов:

Однажды Павел Петрович (будущий император Павел) читал газеты в кабинете императрицы и выходил из себя:

— Что они все там толкуют (во Франции)! — воскликнул он. — Я тотчас бы все прекратил пушками.

Екатерина ответила сыну: «Ты жестокая тварь, или ты не понимаешь, что пушки не могут воевать с идеями? Если ты так будешь царствовать, то не долго продлится твое царствование».

Екатерина — Симолину:

Я прочла в газетах и в просмотренных мною письмах, будто г. Сегюр отправляется с поручением в Берлин, и мне пришло в голову, как бы не прислали его сюда. Но так как он один из тех и даже один из первых, которые отреклись от дворянства, то его не надо принимать. Первый способ, каким его можно было бы отправить обратно, — объявить ему в Риге, что якобы есть распоряжение не пропускать его, второй способ — это позволить ему приехать и сказать затем, что буржуа не представляются ко двору, если же он привез товары, то пусть торгует, но в качестве посланника короля-пленника я не хочу и не могу его принять.

Император Иосиф умер 20 февраля 1790 года (р. 1741).

Император Леопольд II, его брат, умер 1 марта 1792 года (р. 1747).

Король Швеции Густав III убит капитаном Анкарстремом 29 марта 1792 года в Стокгольме (р. 1746).

Александр Павлович (будущий император Александр I) — Виктору Кочубею:

Придворная жизнь не для меня создана. Я всякий раз страдаю, когда должен являться на придворную сцену, и кровь портится во мне при виде низостей, совершаемых другими на каждом шагу для получения внешних отличий, не стоящих в моих глазах медного гроша. Я чувствую себя несчастным в обществе таких людей, которых не желал бы иметь у себя и лакеями, а между тем они занимают здесь высшие места, как, например, Зубов, Пассек, Барятинский, оба Салтыкова, Мятлев и множество других, которых не стоит даже называть и которые, будучи надменны с низкими, пресмыкаются перед тем, кого боятся. Одним словом, мой любезный друг, я сознаю, что не рожден для того высокого сана, который ношу теперь, и еще менее для предназначенного мне в будущем, от которого я дал себе клятву отказаться тем или

другим образом... В наших делах господствует неимоверный беспорядок: со всех сторон; все части управляются дурно; порядок, кажется, изгнан отовсюду, а империя, несмотря на то, стремится к расширению своих пределов. При таком ходе вещей возможно ли одному человеку управлять государством, а тем более исправить укоренившиеся в нем злоупотребления? Это выше сил не только человека, одаренного, подобно мне, обыкновенными способностями, но даже и гения, а я постоянно держался правила, что лучше совсем не браться за дело, чем исполнять его дурно...

Екатерина — собственноручно писанная заметка о тиранах:

Неудивительно, что в России было среди государей много тиранов. Народ от природы беспокоен, неблагодарен и полон доносчиков и людей, которые, под предлогом усердия, ищут лишь, как бы обратить в свою пользу все для них подходящее; надо быть хорошо воспитану и очень просвещену, чтобы отличить истинное усердие от ложного, отличить намерения от слов и эти последние от дел. Человек, не имеющий воспитания, в подобном случае будет или слабым, или тираном, по мере его ума; лишь воспитание и знание людей могут указать настоящую середину.

Екатерина — собственноручно писанное завещание:

Буде я умру в Царском Селе, то положите мне на Софиенской городской кладбище.

Буде — городе Святого Петра — в Невском монастыре в соборной или погребальной церкви.

Буде — на Москве — в Донской монастырь...

Положить тело мое в белой одежде, на голове венец золотой, на котором означить имя мое...

По погребении разрешить венчание, — брак и музыку.

Библиотеку мою со всеми манускриптами и что в моих бумагах найдется моей рукою писано, отдаю внуку моему, любезному Александру Павловичу, также резные мои камни, и благословляю его моим умом и сердцем. Копию с сего для лучаго исполнения положится и положено в таком верном месте, что через долго или коротко нанесет стыд и посрамление неисполнителям сей моей воли.

Мое намерение есть возвести Константина на Престол греческой восточной Империи...

Императрица Екатерина скончалась от удара 6 ноября 1796 года (р. 21 апреля 1729 года). Покоится в Петропавловском соборе в Петербурге.

Ворота в Византию не отворялись...

КОММЕНТАРИИ

ГОРДИН РУФИН РУФИНОВИЧ — современный российский писатель-прозаик, член СП РСФСР, член Международной ассоциации писателей баталистов и маринистов, член СП Молдовы. Автор исторических романов «Колокола опалы» и «Свирель любви» (1984) о судьбе полудержавного властелина А. Д. Меншикова, «Под звездой Кутузова» (1985), «Под Пушкинской звездой» (1989), «Жестокая конфузия Петра» — о Прутском походе Петра I и др.

По признанию самого автора, он строго следует историческим реалиям, помня крылатое выражение Цицерона: «История — учительница жизни».

«Шествие императрицы, или Ворота в Византию» — новый исторический роман писателя. Публикуется впервые.

Стр. 7. *Мехмед II* (1432 — 1481) — турецкий султан в 1444 и 1451 — 1481 гг. В 1453 г. завоевал Константинополь и сделал его столицей Османской империи.

Эдирне-Адрианополь, новую столицу султанов. — Эдирне (Адрианополь) в XIV в. завоеван турками, до 1453 г. столица Османской империи.

Стр. 10. *Потемкин Григорий Александрович* (1739 — 1791) — генерал-фельдмаршал, организатор дворцового переворота 1762 г. Главнокомандующий русской армией в русско-турецкой войне 1787 — 1791 гг.

Стр. 12. *Генерал-прокурор князь Вяземский Александр Алексеевич* (1727 — 1793) — доверенное лицо Екатерины II. С 1764 г. генерал-прокурор Сената.

Стр. 13. *Десятилетний Александр* (1777 — 1825) — будущий император Александр I (с 1801 г.). Старший сын Павла I.

Восьмилетний Константин, Павлович (1779 — 1834) — великий князь, второй сын Павла I.

Стр. 14. *Сын и наследник Павел и его супруга.*— Павел I (1754 — 1801), российский император с 1796 г., сын Петра III и Екатерины II. Убит заговорщиками. Его супруга — София-Доротея Вюртембургская (1759 — 1828), племянница прусского короля Фридриха II. По венчании (1776) приняла православие и стала именоваться Марией Федоровной.

Стр. 17. *Князь Дмитрий Кантемир* (1673 — 1723) — молдавский ученый и политический деятель. С 1711 г. в России, советник Петра I, участник Персидского похода 1722 — 1723 гг.

Стр. 18. *Петр Александрович Румянцев.*— Румянцев-Задунайский (1725 — 1796), граф, русский полководец.

...где 35-тысячное войско русских на голову разбило 230-тысячную армию великого везира Халил-паши.— В ходе русско-турецкой войны 1768 — 1774 гг. В июле 1770 г. Румянцев одержал победу при р. Кагул, где разгромил численно превосходящее турецкое войско Халил-бея-паши.

Стр. 19. *Император Иосиф, ваш конфидент...* — Иосиф II (1741 — 1790) — австрийский эрцгерцог с 1780 г., соправитель своей матери Марии-Терезии в 1765 — 1780 гг., император Священной Римской империи с 1765 г.

Порта Оттоманская (Высокая Порта, Блистательная Порта) — принятое в европейских документах и литературе название правительства Оттоманской империи.

Король французский Людовик восстанет... А с ним и король прусский...— Людовик XVI (1754 — 1793) — французский король в 1774 — 1792 гг. Во время Великой французской революции осужден Конвентом и казнен. Король прусский — Фридрих Вильгельм II (1744 — 1797), король с 1786 г.

Стр. 20. *...посоветоваться с Гришей* — т. е. с Григорием Потемкиным.

Стр. 21. *Безбородко* Александр Андреевич (1747 — 1799) — государственный деятель, дипломат. С 1775 г. секретарь Екатерины II, с 1783 г. — фактический руководитель российской внешней политики.

Стр. 22. *Принц де Линь первый оценил эти черты ее характера.*— Шарль Жозеф де Линь (1735 — 1814) — принц, происходил из очень старинной бельгийской фамилии. Молодым тайно оставил родину и поступил во французские войска, но в 1752 г. перешел в австрийскую службу и участвовал в Семилетней войне. В 1782 г. был отправлен с важным поручением к Екатерине II, заслужил ее благосклонность и находился в ее свите во время путешествия по России. Участвовал в осаде Очакова, затем, при взятии австрийцами Белграда, командовал корпусом. Сочинения де Линя замечательны по характеристикам современных ему лиц и событий и по мыслям о военном искусстве.

Стр. 28. *...язык Дидро, обласканного ею...*— Дени Дидро (1713 — 1784) — французский философ-материалист. В 1773 г. посетил Россию, тщетно пытаясь убедить Екатерину II провести прогрессивные реформы. Был избран почетным членом Петербургской Академии наук.

Стр. 29. *Начну с короля...*— далее речь идет о французском короле Людовике XVI.

Граф Шуазель (1752 — 1817) — французский дипломат и архитектор, изучал культуру античного мира. Около 1784 г. был назначен посланником

в Константинополь, исследовал Трою, места, воспетые Гомером. В России император Павел I поручил ему управление Академией художеств. Коллекция собранных им античных памятников находится в Лувре.

Стр. 30. *Северная Минерва* — т. е. Екатерина II. В римской мифологии Минерва — покровительница ремесел и искусств.

Стр. 34. *Яков Александрович Брюс* (1732 — 1791) — генерал-адъютант (1770). Отличился во время русско-турецкой войны 1768 — 1774 гг. В 1784 — 1791 гг. — генерал-губернатор Петербурга. С 1751 г. женат на сестре П. А. Румянцева Прасковье Александровне, подруге и статс-даме (с 1773 г.) Екатерины II (в 1779 г. удалена от двора).

Стр. 41. *Шахин-Гирей, последний хан Улуса Джучи*. — Улус Джучи — наследственное владение монгольских ханов из рода Джучи (с 1224 г.) в западной части Монгольской империи. С 1240 г. — Золотая Орда.

Стр. 43. *Князь Долгоруков Василий Михайлович* (1722 — 1782) — военачальник, генерал-аншеф. С начала русско-турецкой войны 1768 — 1774 гг. Командовал войсками, охранявшими границы с Крымом. Успехи Долгорукова способствовали возведению на Крымский ханский престол Саиб-Гирея, сторонника России. В 1775 г. получил почетный титул Крымский. Обидевшись, что ему не дали чина генерал-фельдмаршала, вышел в отставку. С 1780 г. — главнокомандующий в Москве.

Стр. 60. *Сарти обижается*. — Джузеппе Сарти (1729 — 1802) — итальянский композитор, дирижер. С 1784 г. — в России, где написал ряд опер, патетических гимнов и т. д.

Стр. 61. *Спиридонов Григорий Андреевич* (1713 — 1790) — русский флотоводец, адмирал. Во время русско-турецкой войны 1768 — 1774 гг. командовал эскадрой в Средиземном море, одержал победу в Чесменском бою (1770).

Ушаков Федор Федорович (1744 — 1817) — русский флотоводец, адмирал, один из создателей Черноморского флота и с 1790 г. его командующий.

Мордвинов Николай Семенович (1754 — 1845) — граф, государственный деятель, адмирал. В 1802 г. морской министр. В 1826 г. единственный из членов Верховного уголовного суда отказался подписать смертный приговор декабристам.

Дерибас Осип Михайлович (Хосе де Рибас) (1749 — 1800) — русский адмирал. Испанец. С 1772 г. на русской службе. Участник русско-турецкой войны 1787 — 1791 гг. и штурма Измаила. Руководил строительством порта и города Одесса.

Стр. 67. *...купцов, торговавших с Левантом...* — Левант — общее название стран, прилегающих к восточной части Средиземного моря, в узком смысле — Сирии и Ливана.

Стр. 68. *Янош Хуньяди, регент Венгрии*. — Янош Хуньяди (1407 — 1456), в 1446 — 1452 гг. регент Венгерского королевства. В 1441 — 1443 гг. провел успешные походы против османских завоевателей.

Стр. 92. *Булгаков Яков Иванович* (1743 — 1809) — русский посланник в Константинополе (1781 — 1789). Добился признания Турцией присоединения к России Крыма, Тамани и земель по р. Кубань.

Кочубей Виктор Павлович (1768 — 1834) — князь, государственный деятель и дипломат.

Стр. 98. *Король Станислав*.— Станислав Август Понятовский (1732 — 1798), последний польский король (1764 — 1795), сын Мазовецкого воеводы, занял трон при поддержке польской знати — Чарторыжских, родственников по материнской линии, и с помощью России. После восстания Костюшко 1794 г. и раздела Польши, по требованию России отрекся от престола. Умер в Петербурге.

Стр. 112. *Кауниц* Венцель Антон (1711 — 1794) — австрийский государственный канцлер в 1753 — 1792 гг., руководитель австрийской политики при Марии-Терезии, был сторонником сближения Австрии с Турцией и Россией. В 1756 г. добился подписания направленного против Пруссии австро-французского договора, который явился важным моментом к подготовке Семилетней войны 1756 — 1763 гг.

Стр. 115. *Императрица Мария-Терезия* (1717 — 1780) — австрийская эрцгерцогиня с 1740 г. В войне за австрийское наследство утвердила свои права на владения Габсбургов.

Стр. 116. *...поделили Польшу...*— После подавления Барской конфедерации (см. ниже) в 1772 г. в Петербурге была подписана конвенция о разделе Речи Посполитой между Пруссией, Австрией и Россией. В 1793 и 1795 гг. последовали второй и третий разделы Польши.

Стр. 130. *Екатерина посадила именитого польского шляхтича на престол* — т. е. Станислава Понятовского.

Конфедерация в Баре — вооруженный съезд польской шляхты в 1768 — 1772 гг. Против Станислава Понятовского и России. Образовалась в г. Баре. Подавление ее королевскими войсками создало почву для первого (1772) раздела Польши.

Стр. 147. *Старов* Иван Егорович (1745 — 1808) — русский архитектор. Таврический дворец (1783 — 1789), Троицкий собор Александро-Невской лавры (1778 — 1790) в Петербурге.

Стр. 155. *Так было и в войне за австрийское наследство...*— Война за австрийское наследство (1740 — 1748) — коалиция Франции, Пруссии, Баварии, Саксонии и других, оспаривавших наследственные права Марии-Терезии на владения австрийской короны, против Австрии, поддержанной Англией, Голландией и Россией. По Ахенскому миру Мария-Терезия сохранила большую часть своих владений, но почти вся Силезия перешла к Пруссии.

«Макьявелли в юбке» — Макиавелли Никколо (1469 — 1527) — итальянский политический мыслитель, историк, писатель. Видел главную причину бедствий Италии в ее политической раздробленности, преодолеть которую способна лишь сильная государственная власть. Ради упрочения государства считал допустимыми любые средства.

Стр. 192. *...финансовые волки, как Тюрго и Неккер...*— Тюрго Анн-Робер-Жак (1727 — 1781) — философ-просветитель, экономист, контролер финансов при Людовике XVI... Выступал за свободную торговлю и развитие промышленности, но встретил сопротивление двора. С 1776 г. в опале, его реформы отменены. Неккер Жак (1732 — 1804) — министр финансов в 1777 — 1781, 1788 — 1790 гг. Частичными реформами пытался спасти государство от финансового краха.

Стр. 328. *Синап* (1489 — 1578/88) — турецкий архитектор и инженер. Возводил дворцы, мечети в Стамбуле и Эдирне.

Стр. 333. *«Ты этого хотел, Жорж Данден»* — слова из комедии Мольера *«Жорж Данден»* (1688).

Стр. 356. ...*Княжнину, рассердившему ее своей трагедией «Вадим Новгородский»*.— Княжнин Яков Борисович (1742 — 1791) — русский драматург, поэт. В основе трагедии *«Вадим Новгородский»* борьба республиканца Вадима против правителя Новгорода монарха Рюрика. Образ Вадима, предпочитающего смерть жизни под властью тирана, придавал трагедии антимонархический характер. Напуганная французской революцией Екатерина II приказала сжечь книгу. Существует версия, что сам поэт умер от пыток в тайной канцелярии.

Стр. 357. ...*в Париж к знаменитому Лекену... в Лондон... к Гаррику*.— Лекен Анри Луи (1729 — 1778) — французский актер. Представитель просветительского классицизма, реформатор сценической игры, театрального костюма. Гарри Дейвид (1717 — 1779) — английский актер. Прославился в пьесах Шекспира (25 ролей, в т. ч. роль Гамлета).

СОДЕРЖАНИЕ

Руфин Гордин. ШЕСТВИЕ ИМПЕРАТРИЦЫ, ИЛИ ВОРОТА В ВИЗАНТИЮ. Роман о предначертанном, но не сбывшемся 5

Комментарии 421

К ЧИТАТЕЛЯМ!

*Издательство просит отзывы об этой книге и
Ваши предложения по серии «Россия. История в романах»
присылать по адресу:
125499, Москва, Кронштадтский бульвар, 37б
Издательство АРМАДА*

Гордин Р. Р.

Г 68 Шествие императрицы, или Ворота в Византию: Роман / Коммент. Е. А. Тучниной; Оформл. В. И. Харламова. — М.: АРМАДА, 1998. — 426 с. — (Россия. История в романах).

ISBN 5-7632-0674-6

Роман известного современного писателя Руфина Гордина рассказывает о путешествии Екатерины II в новоприобретенные области южной России, особенно в Тавриду — Крым, мыслившийся Потемкиным как плацдарм для отвоевания Царьграда — Константинополя.

УДК 82-311.6(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-44я5

РЕДАКЦИЯ
ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Литературно-художественное издание

Россия. История в романах

РУФИН РУФИНОВИЧ ГОРДИН
ШЕСТВИЕ ИМПЕРАТРИЦЫ,
ИЛИ ВОРОТА В ВИЗАНТИЮ

Заведующая редакцией
Е. В. Леонова

Ответственный редактор
Н. А. Рыльникова

Художественный редактор
В. В. Голубева

Технический редактор
А. А. Ершова

Компьютерная верстка
И. В. Поддубный

Изд. лицензия ЛР № 040627 от 12.05.93. Формат 84×108 ¹/₃₂.
Бум. кн.-журн. Гарнитура «Ньютон». Печать высокая.
Усл. печ. л. 22,47. Тираж 12 000 экз. Изд. № 1291.
Заказ № 333

Издательство АРМАДА
125499, Москва, Кронштадтский бульвар, 376

Издательско-полиграфическое предприятие «Правда Севера»
163002, Архангельск, пр. Новгородский, 32

Н. Задорнов

ХЭДА

РУССКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ В ЯПОНИЮ

Роман «Хэда» завершает трилогию Н. Задорнова о судьбе участников экспедиции адмирала Путятина в Японию.

Разрушительное цунами разбило российский корабль. Оказавшись на чужой территории, вдали от родины, потерпевшие бедствие моряки приступают к постройке нового корабля для обратного плавания. При этом в полной мере раскрывается талант их военачальника не только как тонкого дипломата, но и как умелого организатора и опытного кораблестроителя.

Книга повествует о жизни наших моряков на чужбине, об изнурительном обратном плавании и мужестве, проявленном ими при возвращении на Родину во время Крымской войны 1855 года.

К. Симонов

ЖИВЫЕ И МЕРТВЫЕ

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

(Роман в трех книгах)

- **ЖИВЫЕ И МЕРТВЫЕ**
- **СОЛДАТАМИ НЕ РОЖДАЮТСЯ**
- **ПОСЛЕДНЕЕ ЛЕТО**

Эпическая трилогия К. Симонова «Живые и мертвые» стала первым монументальным произведением о Великой Отечественной войне и была воспринята современниками как настоящая сенсация. Родившаяся на основе фронтовых записей, сделанных Симоновым – военным корреспондентом «Красной звезды» – во время переездов или коротких передышек между сражениями, книга ярко и беспристрастно передает читателю горькую правду о том, какой ценой досталась народу великая победа, сколько было в этой войне страданий и несправедливости, сколько напрасных жертв.

Вместе с героями эпопеи читатель пройдет путь от первых дней отступления до разгрома немецкой армии под Москвой («Живые и мертвые»), узнает неприукрашенную правду жизни и войны, находясь у стен Сталинграда («Солдатами не рождаются»), станет очевидцем воплощения грандиозной наступательной операции «Багратион» («Последнее лето»), явившейся прологом великой победы.

И з д а т е л ь с т в о

АРМАДА представляет

НОВУЮ СЕРИЮ ИЗДАТЕЛЬСКОГО ПРОЕКТА «РОССИЯ»

РОССИЯ

ИСТОРИЧЕСКИЕ РАССЛЕДОВАНИЯ

В основу новой серии издательского проекта «РОССИЯ» – на этот раз серии документальной прозы – легли новейшие труды профессиональных историков, расследующих самые таинственные, самые сокровенные эпизоды из прошлого нашего Отечества.

Как известно, история пишется и переписывается, и порой открытие новых фактов, преданных в свое время забвению или скрытых завесой секретности, может послужить основанием для серьезной переоценки событий далекого и недавнего прошлого. Впрочем, по словам известного литературоведа и историка Ю.Тынянова, и «документы врут, как очевидцы». Поэтому восстановление истины требует от кабинетного ученого не только абсолютной беспристрастности, но и таланта азартного сыщика, и кропотливости судебного эксперта.

Темы для исторических исследований, таящиеся в глубинах прошлого нашей Родины, неисчерпаемы, и читателей ждет немало интереснейших открытий.

ПРОЕКТ «РОССИЯ»: ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВА В СОБЫТИЯХ И СУДЬБАХ

Уважаемые читатели!

Вы можете оформить подписку на книги серии «РОССИЯ. Исторические расследования», отправив заявку по адресу: 125499, Москва, Кронштадтский бул., д.37 б, издательство АРМАДА, с пометкой "Книга – почтой" на конверте.

РАЗВЕДКА БЫЛА ВСЕГДА...

В. Плугин, А. Богданов, В. Шеремет

В любом государстве с тысячелетней историей всегда существовали тайные службы, которые никогда не знали мира и бдительно готовились к вероятной войне. Одна из таких служб – внешняя разведка; и есть факты, свидетельствующие, что на Руси она существовала со времен проложения пути из варяг в греки. Едва ли не с первыми купеческими караванами и Киев и Новгород посылали разведчиков в чужие земли. Документы, свидетельствующие об их деятельности, крайне скудны и противоречивы. Однако усилия авторов этой книги не пропали даром. По крупицам восстанавливая реальную картину тех далеких времен, они называют имена и рассказывают о деяниях первых героев невидимого фронта, верой и правдой послуживших родному Отечеству.

В ТЕНИ ВЕЛИКОГО ПЕТРА

А. Богданов

Автор книги Андрей Богданов – архивист и литератор, доктор исторических наук – снимает многовековую завесу тайны с жизни и деятельности царя Федора Алексеевича Романова, крупнейшего реформатора до Петра I.

Краткое царствование Федора Алексеевича (1676 – 1682) воспринималось современниками как золотой век народного благоденствия. Подлинные документы того времени свидетельствуют о расцвете России во всех основных областях: экономике, законодательстве, государственном и военном строительстве, культуре и науке. В книге также представлены драматические события жизни, явная и тайная государственная деятельность царевны Софьи Алексеевны.

В 1689 г. потерпела крах попытка мудрого и справедливого правления Россией. Вместе с царевной Софьей покинули государственную арену политики, дипломаты и полководцы, утверждавшие за своей страной статус великой державы. На смену «торжества вольности народной» шло, по словам одного из просвещенных современников, «мздоимство великое и кража государственная, которые доньше продолжают со умножением».

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

**К вашим услугам книготорговые организации,
в которых можно приобрести книги издательства АРМАДА
мелким оптом и в розницу:**

ВОЛГОГРАД:	"Эзоп"	(8442)	37-25-19
КАЗАНЬ:	"Сериал"	(8432)	35-63-34
КАЛУГА:	"Аэлита"	(08422)	4-42-45
ЛЮБЕРЦЫ:	"Фома"	(095)	963-82-24
МИНСК:	магазин "Книгочей"	(0172)	36-66-45
ТУЛА:	книжный магазин	просп. Ленина, д.20	
УССУРИЙСК:	ИЧП "Матвеев"	(42341)	2-34-56

**Оптовые партии книг по ценам издательства
вам предлагают наши региональные представители:**

МОСКВА:	"Рест"	(095)	150-07-82
	"Колокол"	(095)	261-93-05
	"Стрела"	(095)	755-91-66
	"Тригон"	(095)	251-49-11
С.-ПЕТЕРБУРГ:	"Русский Север"	(812)	530-05-36
	"БИМ+"	(812)	262-44-87
ВОРОНЕЖ:	"Амиталь"	(0732)	23-00-02
ЕКАТЕРИНБУРГ:	"Полибук"	(3432)	53-87-54
КИЕВ:	"Олса"	(044)	435-52-59
Н.НОВГОРОД:	"Логос"	(8312)	36-25-80
НОВОСИБИРСК:	"Топ-книга"	(3832)	39-63-63
ОМСК:	"Сибинформ"	(3812)	65-36-64
ПЕРМЬ:	"Тигр"	(3422)	44-73-54
РОСТОВ-на-ДОНУ:	"Эмис"	(8632)	32-87-71
САМАРА:	"Реал +"	(8462)	41-87-30
ЧЕЛЯБИНСК:	"Корвет"	(3512)	36-75-10
	"РИФ-2"	(3512)	61-25-80

«КНИГА – ПОЧТОЙ»!

Если вы хотите подписаться на интересующую вас серию или заказать отдельные книги, пришлите заявку по адресу: **125499, Москва, Кронштадтский бул., д.376, издательство АРМАДА, с пометкой "Книга – почтой" на конверте.**

Адрес издательства в INTERNET: <http://www.armada.ru>

Оформить подписку можно также по любому из адресов (г.Москва):

ул. Красная Пресня, д.14, магазин «Пресня» тел. 252-28-65

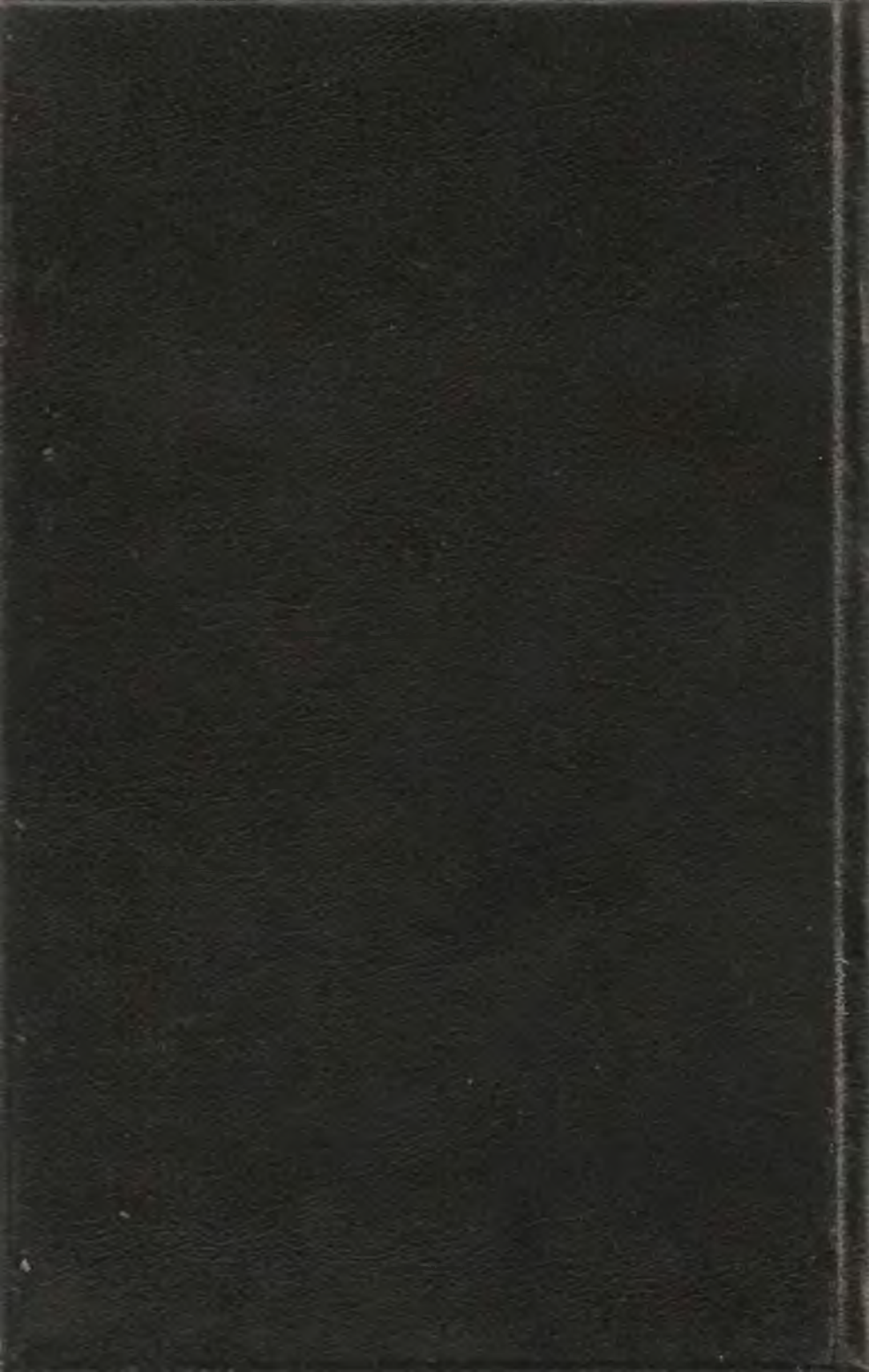
Дмитровское ш., д.25, библиотека №84 тел. 976-75-09

ул. Абельмановская, д.17а (кинотеатр «Победа»), магазин «Книги» тел. 270-20-32

проспект Мира, д.41, строение 1, помещение Художественного салона тел. 280-24-06

РОССИЯ

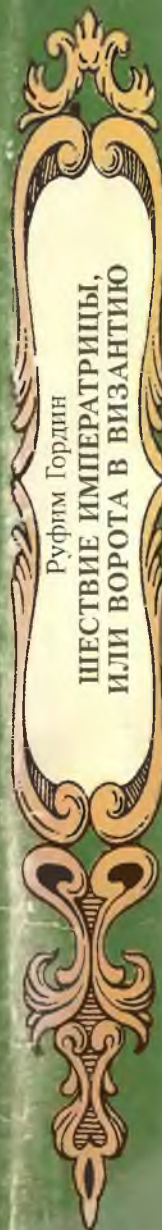
ИСТОРИЯ В РОМАНАХ

XVIII в.

РОССИЯ

ИСТОРИЯ
В РОМАНАХ

Руфим Гордин
ШЕСТВИЕ ИМПЕРАТРИЦЫ,
ИЛИ ВОРОТА В ВИЗАНТИЮ

РОССИЯ

ИСТОРИЯ В РОМАНАХ

ВРЕМЯ ПРАВЛЕНИЯ ЕКАТЕРИНЫ II

Руфим Гордин
ШЕСТВИЕ ИМПЕРАТРИЦЫ,
ИЛИ ВОРОТА В
ВИЗАНТИЮ

Константинополь, столица Византийской империи, колыбель православия, нареченный в России не иначе как Царьград, был захвачен турками-османами более пятисот лет назад, в 1453 году. Начиная с Петра Великого, мысль о возрождении Византии, об освобождении Царьграда не давала в России покоя ни ее царям, ни политикам. Наиболее яркое воплощение получила она в «Греческом проекте», рожденном неутомимой мыслью Григория Потемкина и подхваченном Екатериной II. Если бы не ранняя смерть Потемкина, а за ним Екатерины, «Греческий проект» мог бы осуществиться...

АРМАДА

ISBN 5-7632-0674-6

9 785763 206746